ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ДЕВУШКА ИЗ ПИСЬМА

ЭМИЛИ ГУНИС

Annotation

1956 год. Забеременевшая от любовника Айви Дженкинс оказывается в одном из монастырских приютов для незамужних матерей, печально известных в Великобритании и Ирландии. Здесь молодых женщин истязают и унижают, морят голодом и тяжелой работой, а их детей отнимают и продают на усыновление богатым бездетным парам…

Наши дни. Молодая амбициозная журналистка Саманта Харпер мечтает о материале, который стал бы прорывом в ее карьере, – и случайно натыкается на письмо, подписанное некой Айви. В этом письме несчастная умоляет вызволить ее из адского «приюта», пока не поздно.

Что же произошло? Удалось ли Айви спастись?

Саманта начинает расследование этой трагической истории – и вдруг замечает необычайное количество странных смертей, постигших людей, связанных с «приютом».

Что это – зачистка свидетелей? Или месть за прошлые грехи?

Саманта понимает, что ей и ее близким тоже может грозить опасность…

- Эмили Гунис
  -
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14

- Глава 15
- Глава 16
- Глава 17
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Эпилог
- Послесловие автора
- Автор выражает свою признательность

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17

Эмили Гунис
Девушка из письма

Emily Gunnis
THE GIRL IN THE LETTER
First published in the English language by Headline Publishing Group Limited.

© Emily Gunnis, 2018
© Перевод. И.Л. Моничев, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

*** * ***

Посвящается моей маме

Я тоскую по нашим прогулкам, по беседам с тобой, по твоему жизнелюбию. Но ты всегда говорила: «Чем плакать, лучше делай записи». Поэтому – обещаю попробовать…

«Свечу свою я с двух сторон палю,
Мне до утра ее не хватит, нет.
Но и друзей и недругов молю:
Всмотритесь в этот дивный свет».

Из стихотворения Эдны Сент-Винсент Миллей «Первая смоква». (Перевод И. Моничева)

Пролог

13 февраля 1959 года, пятница

Моя дорогая Эльвира!

Даже не знаю, с чего начать.

Ты всего лишь маленькая девочка, и очень трудно объяснить, почему я решила покончить с собой и оставить тебя одну. Ты – моя дочь, если не по крови, то в сердце, и оно разрывается при мысли, что мой поступок только добавит страданий к тем поистине чудовищным мукам, которые тебе уже пришлось вытерпеть за восемь лет твоей пока такой короткой жизни.

Айви сделала паузу, чтобы собраться с силами и заставить авторучку не так сильно дрожать в пальцах и позволить ей писать дальше. Она огляделась в просторной сушильной комнате, где спряталась ото всех. К потолку здесь были прикреплены громадные вешалки с плотными гроздьями простыней и полотенец, тщательно выстиранных натруженными и распухшими руками беременных девушек из прачечной приюта Святой Маргариты. Белье затем попадало в гладильню и следовало дальше, в равнодушно ожидавший его внешний мир. Она снова посмотрела на мятый лист бумаги, лежавший перед ней на полу.

Если бы не ты, Эльвира, я бы бросила все попытки бороться за свое существование на этом свете гораздо раньше. С тех пор как у меня отняли Роуз, я не способна обрести какой-либо радости в жизни. Мать не может забыть свое дитя точно так же, как ребенок не способен забыть маму. А я могу заверить, что будь твоя мама жива, она думала бы о тебе каждый день, каждую минуту.

Когда ты сбежишь отсюда – а ты непременно сделаешь это, моя милая, – ты должна начать разыскивать ее. Ищи ее в заревах закатов, в цветах и во всем, что вызывает на твоем лице улыбку, эту твою неподражаемо красивую улыбку. Ибо сущность матери пропитала сам воздух, которым ты дышишь, наполняя твои легкие, давая твоему телу все, что потребно ему, чтобы выдержать все, вырасти сильной и прожить свою жизнь достойно. Ты была любима, Эльви, каждую минуту

каждого дня, пока находилась в животике своей мамочки. Ты должна верить в это, проникнуться этой мыслью и нести ее с собой.

Айви вся сжалась и сразу же замерла, как только услышала звук шагов у себя над головой. Почувствовала, как вместе с сердцебиением участилось дыхание, а под коричневым балахоном ощутила проступивший по всему телу пот. Она знала, что осталось совсем мало времени до возвращения сестры Анджелики, которая безжалостно лишит ее этих кратких мгновений дня, когда за ней никто не наблюдал. Посмотрела на неровные строки своего письма, и красивое личико Эльвиры промелькнуло в ее мыслях. Ей с трудом удалось сдержать слезы, когда она представила себе, как девочка будет читать письмо, ее темно-карие глаза округлятся, а бледные пальчики задрожат, пока она будет с трудом вникать в смысл слов.

К этому моменту у тебя уже будет ключ, который я приложу к письму. Это ключ к подземным коридорам и к твоей свободе. Я отвлеку сестру Фейт насколько возможно, но тебе придется поспешить. Как только в доме прозвучит сигнал тревоги, сестра Фейт покинет гладильню, и ты должна будешь уходить. Немедленно. Отопри дверь в туннель в самом дальнем углу комнаты, спустись по ступеням, поверни направо и окажешься на погосте. Беги к пристройке во дворе и не оглядывайся.

Она подчеркнула фразу с таким нажимом, что перо ручки прорвало бумагу.

Мне очень жаль, что я не смогла сказать тебе все лично, но меня сдержал страх. Я опасалась, что твое огорчение станет заметно другим и выдаст им наши замыслы. Когда я пришла к тебе прошлым вечером, то еще думала, что они разрешат мне уйти домой, но не тут-то было. У них на меня другие планы, а потому я воспользуюсь своими крыльями, чтобы покинуть Святую Маргариту иным путем, и это даст тебе шанс сбежать отсюда. Тебе придется спрятаться до утра воскресенья, то есть до послезавтра, а потому постарайся прихватить с собой одеяло. Затаись ото всех, не попадайся никому на глаза.

Айви зубами впилась себе в губу, почувствовав во рту металлический привкус крови. Воспоминание о том, как она тайно проникла на рассвете в кабинет матери-настоятельницы Карлин, оставалось слишком свежим, как и шок, который она испытала, когда нетерпеливо пыталась найти там

личное дело своего ребенка, но все оказалось напрасно – не было никаких указаний на то, где теперь находилась Роуз. В папке не было вообще ничего, кроме шести писем. Одно поступило из местной психиатрической больницы со штампом «копия» в верхнем углу, где рекомендовалось поместить Айви туда незамедлительно. Остальные пять написала сама Айви, умоляя Алистера приехать в Святую Маргариту, чтобы забрать отсюда ее и их ребенка. Эти письма плотно скрепляла резинка, и на каждом почерком Алистера было выведено: «Вернуть отправителю».

Она тогда подошла к единственному крошечному окну в темной жуткой комнате, где ей пришлось вытерпеть столько страданий, и полюбовалась восходом солнца, зная, что он станет для нее последним. Потом сунула письма к Алистеру в пустой конверт, взяв его со стола настоятельницы Карлин, написала на нем адрес своей матери и спрятала среди другой почты на подносе, прежде чем прокрасться обратно вниз по лестнице и лечь в постель.

Без малейшей надежды обрести свободу или найти Роуз я не в состоянии больше выносить все это. Но ты, Эльвира, сможешь выжить. Из твоего личного дела я выяснила, что у тебя есть сестра-близняшка Китти, которая, возможно, даже не подозревает о твоем существовании, а твоя фамилия – Кэннон. Семья живет в Престоне, а потому каждое воскресенье они должны посещать здешнюю церковь. Дождись в пристройке момента, когда церковные колокола начнут созывать прихожан к службе, а потом переберись на кладбище и прячься среди могил до появления своей сестры. Ты наверняка узнаешь ее, хотя она будет одета иначе, чем ты. Попытайся привлечь к себе ее внимание так, чтобы никто другой не заметил этого. Она поможет тебе.

Не бойся совершить побег и начать жизнь, преисполненную новых надежд. Ищи только хорошее в каждом человеке, Эльвира, и будь добра ко всем.

Я люблю тебя и буду присматривать за тобой, постоянно незримо держа твою руку. А теперь беги, моя дорогая. БЕГИ.

Айви xxx[1]

Айви вздрогнула, когда замок сушильни, где они с Эльвирой провели столько часов вместе, внезапно щелкнул, и в дверь ворвалась сестра Анджелика. Она уставилась на Айви своими проницательными глазами, спрятанными за очками в проволочной оправе, сидевшими поверх ее

крупного и широкого носа. Айви поспешно поднялась с пола и сунула письмо в карман своего балахона. Взгляд ее устремился вниз, чтобы избежать встречи с взглядом монахини.

– Ты еще не закончила? – резким тоном спросила сестра Анджелика.

– Да, закончила, – ответила Айви. – Сестра Фейт сказала, что я могу получить немного антисептической мази.

Она сунула свои дрожащие руки глубже в карманы.

– Для чего?

Она чувствовала, как взгляд сестры Анджелики буквально прожигает ее насквозь.

– У некоторых детей образовались язвы во рту, и им стало трудно принимать пищу.

– Проблемы этих детей тебя не касаются, – злобно заявила сестра Анджелика. – Им повезло вообще иметь хоть какую-то крышу над головой.

Айви представила себе малышей, рядами лежавших в своих кроватках, бессмысленно глядевших в пустоту и уже давно выплакавших все слезы.

Сестра Анджелика продолжала:

– Чтобы принести мазь, мне придется идти до самой кладовки, а еще не убран поднос, оставшийся после ужина в спальне матери Карлин. Тебе не кажется, что у меня дел и без того хватает?

Айви помедлила.

– Я всего лишь хотела немного помочь им, сестра. Разве так не будет лучше для всех?

Сестра Анджелика смерила ее презрительным взглядом. Ее лицо украшала крупная бородавка, и росшие из нее волоски как будто слегка шевелились.

– Тяжело же тебе придется там, куда тебя отправят.

Айви ощутила прилив адреналина, когда сестра Анджелика повернулась к выходу из комнаты и начала доставать ключи, чтобы запереть за собой дверь. Высвободив все еще дрожавшие руки, Айви глубоко вдохнула и бросилась вперед, ухватив монахиню за рясу и потянув что было сил.

Сестра Анджелика охнула, потеряла равновесие и с шумом повалилась на пол. Айви насела на нее, прикрыв ей рот ладонью, а другой рукой постаралась снять с пояса связку ключей, что скоро ей удалось сделать. Когда же сестра Анджелика уже собиралась издать истошный крик, она нанесла ей настолько крепкий удар по лицу, что повергла в изумленное молчание.

Тяжело дыша, с болью в сердце от страха и волнения, Айви вскочила

на ноги, подбежала к двери и захлопнула ее с противоположной стороны. Пальцы тряслись так, что она с трудом нашла нужный ключ, но затем, уже более уверенно, сунула его в замочную скважину и успела повернуть как раз в тот момент, когда сестра Анджелика ухватилась за ручку, пытаясь открыть дверь.

Айви постояла немного, стараясь восстановить сбившееся дыхание. Затем сняла со связки большой медный ключ, необходимый Эльвире для проникновения в подземный коридор, и обернула вокруг него свое письмо. Открыла тяжелый люк, прикрывавший трубу для спуска вещей в прачечную, и поцеловала письмо, прежде чем бросить вниз Эльвире, а затем нажала на кнопку звонка, чтобы дать знать о прибытии нового груза. Представила себе маленькую девочку, терпеливо дожидавшуюся поступления высушенного белья, как делала каждый день. Волна эмоций захлестнула Айви, и у нее даже чуть подкосились ноги. Наклонившись вперед, она оповестила Эльвиру еще и криком.

Сестра Анджелика уже начала орать и отчаянно барабанить в запертую дверь. Айви развернулась, окинув взглядом коридор, который вел в гладильню, а потом бросилась бежать. Она миновала тяжелую дубовую входную дверь. Теперь у нее имелся ключ и от нее тоже, но она выходила только лишь во внутренний двор, окруженный высокой стеной с колючей проволокой поверху, которую Айви никак не смогла бы преодолеть.

Нахлынули воспоминания о ее прибытии сюда, теперь уже много месяцев назад. Она увидела саму себя, звонящей в тяжелый колокол у ворот. Огромный живот мешал ей тащить свой чемодан за встретившей ее сестрой Мэри Фрэнсис. Айви вспомнила и все свои сомнения на пороге приюта имени Святой Маргариты. Торопливо взбираясь по скрипучей лестнице, перемахивая через две ступени одновременно, она добралась до самого верха, оглянулась и представила, что кричит той девушке, какой она когда-то была, срочно бежать отсюда и никогда больше не возвращаться.

Осторожно пробираясь вдоль лестничной площадки, Айви услышала позади какие-то еле различимые голоса и снова пустилась бегом, направляясь к двери у подножия другой лестницы, ведущей к спальням. Во всем доме царила почти полная тишина, поскольку остальные девушки в это время как раз ужинали в молчании. Любые разговоры за едой настрого запрещались. Только плач младенцев в детской время от времени эхом раздавался под сводом потолка. Однако уже скоро мать Карлин узнает, что Айви ушла без разрешения, и тогда сигнал тревоги раздастся по всему зданию.

Она открыла дверь спальни и пробежала между рядами кроватей,

когда пронзительный сигнал разнесся повсюду. Стоило ей добежать до окна, как сестра Фейт появилась в противоположном конце комнаты. Несмотря на страх, она улыбнулась сама себе. Если сестра Фейт находилась здесь, ее не могло быть рядом с Эльвирой. Снизу донесся крик матери Карлин:

– Остановите ее, сестра! Быстро!

Айви проворно взобралась на подоконник и пустила в ход очередной ключ из связки сестры Анджелики, чтобы открыть запор на окне. Она вообразила, как Эльвира бежит сейчас по подземным коридорам и выбирается на свободу, исчезая во мраке наступающей ночи. А затем, когда сестре Фейт уже почти удалось ухватить ее за подол балахона, она раскинула руки в стороны и прыгнула навстречу смерти.

Глава 1

4 февраля 2017 года, суббота

– Ты уже смогла зайти туда?

Сэм поставила свой изрядно побитый «воксхолл-нова» на ручной тормоз, от всей души желая увидеть когда-нибудь петлю на шее начальника – редактора отдела новостей.

– Нет еще. Я только что прибыла на место. Разве ты забыл? Мне пришлось тащиться сюда аж из Кента.

– Кто еще уже успел приехать? – пролаял Маррей в трубку.

Сэм вытянула шею, оглядев привычный набор персонажей, стоявших под моросящим дождем напротив ряда симпатичных коттеджей, расположенных чуть в стороне и окруженных безупречно ухоженными садами.

– Гм-м… Здесь Джонси, Кинг… А Джим как раз начал ломиться в дверь. Какого черта я нужна, если задание уже поручено Джиму? – Она могла наблюдать, как один из наиболее опытных и пронырливых репортеров Южного информационного агентства пытается сунуть ботинок в щель приоткрывшейся двери одного из домов. – Он еще посчитает, будто я хочу спутать его планы.

– Я просто подумал, что в этом деле может быть полезен чисто женский подход, – объяснил Маррей.

Сэм посмотрела на часы: 16:00. Уже очень скоро все общенациональные газеты начнут печатать очередные тиражи. Она легко могла представить, какая атмосфера царит сейчас в редакции. Маррей не слезает с телефона, раздавая всем властные распоряжения и одновременно без стеснения любуясь своим отражением в стеклах рамочек на стенах, в которых красуются наиболее выдающиеся публикации Южного информационного агентства. Куп стучит по клавиатуре, беспокойно ероша неопрятные волосы, а на его рабочем столе бесчисленные чашки остывшего кофе и успевшие засохнуть сэндвичи. Джен жует никотиновую жвачку и лихорадочно обзванивает информаторов, стараясь заполнить пробелы в своей статье. Как только Маррей закончит разговор с Сэм, он свяжется с «Миррор» или «Сан» и примется беспардонно лгать, что у его репортера есть почти готовая тема, ради которой стоит придержать

свободное место на газетной полосе.

– На самом деле я совсем не уверена, что гожусь для этой работы, – сказала она, изучая собственное отражение в зеркале заднего вида. Ее взгляд остановился на букете цветов для бабушки к ее дню рождения, лежащем сзади на пассажирском сиденье.

– Что поделаешь, если лучшие из лучших уже отправились на ежегодную церемонию вручения наград для журналистов. Она проводится как раз сегодня вечером.

– Превосходно. Приятно слышать, что меня причисляют к отбросам среди сотрудников агентства, – чуть слышно пробормотала Сэм.

– Позвони мне, когда добудешь хоть что-нибудь. – Маррей положил трубку.

– Кретин! – Сэм швырнула старенький мобильник на сиденье рядом с собой.

Она всегда пребывала в несокрушимой уверенности, что долгие рабочие дни за мизерную зарплату, какую она получала, превращали ее почти в рабыню, а теперь ей предстояло еще и справиться с почти невыполнимой задачей. Причем срочно.

Она прижала кончики пальцев к глазам и сделала легкий массаж век. А ей-то казалось, что она знала все об усталости еще до того, как стать матерью. Люди врали молодым родителям, обещая, что ребенок перестанет плакать по ночам после шести недель (наглая ложь!). Затем срок переносился к моменту окончания кормления грудью, потом до года. Эмме исполнилось четыре, но все еще казалось чудом, если она безмятежно спала ночь напролет. Прежде Сэм могла бы пожаловаться на утомление, если вместо нормальных восьми часов ей удавалось поспать хотя бы шесть, приползая на службу в тумане от похмелья после бесшабашной гулянки по барам и ночным клубам. Теперь, несмотря на свои двадцать пять лет, она ощущала себя пожилой дамой. Четыре года постоянного недосыпания повлияли буквально на каждую мышцу ее тела, а главное – на ее разум. Случались дни, когда она с трудом могла написать грамотно хотя бы одну фразу. Когда Бен мог взять к себе Эмму, Сэм хотя бы удавалось вставать не раньше семи часов. Но теперь он свел время, проводимое с ребенком, к двум дням в неделю под предлогом необходимости больше заниматься поисками работы, и ей приходилось почти каждое утро подниматься в шесть, будить дочь и торопливо вести в ясли, чтобы везде успеть.

Она вздохнула, заметив, как отвергнутый хозяйкой Джим вернулся по неровно выложенной каменной дорожке от дома и присоединился к остальным репортерам, укрывшись под зонтом для гольфа. Ей были

известны правила игры. Многочасовые наблюдения у порогов чужих домов являлись не только неизбежным профессиональным злом, но и наиболее унизительной миссией для любого, кто считал себя настоящим журналистом. И хотя она питала личную симпатию почти к каждому из группы обреченных неудачников, топтавшихся сейчас рядом с коттеджем этой несчастной женщины, все же они невольно напоминали ей стаю стервятников, круживших над покалеченным животным.

Она снова повернула зеркало к себе, достала из сумки косметичку и попыталась прикинуть, что можно сделать, чтобы привести себя в божеский вид. Ей понадобится толстый слой крем-пудры, чтобы скрыть морщину на лбу, появившуюся после отвратительной ссоры с Беном. И пока она замазывала ее, прикрыла глаза, вспоминая детали перепалки, случившейся прошлым вечером. Между ними всегда возникала взаимная напряженная неприязнь, когда она забирала Эмму из квартиры Бена, но оба всегда старались не выяснять отношения в присутствии дочери, а вот вчера все пошло наперекосяк. Сэм понимала, что сами по себе ссоры не несли ничего хорошего, но в этот раз они совсем слетели с катушек и начали громко орать друг на друга с такой яростью, что довели Эмму до слез. Сэм ненавидела себя за попытку использовать дочь как аргумент в споре, но еще больше злилась на Бена, даже не попытавшегося скрыть свое презрение к бывшей жене.

Содрогнувшись при виде взлохмаченных волос, она вынула из сумки портативные щипцы для завивки и расческу. По утрам, одевая Эмму и одновременно занимаясь приготовлением завтрака для себя и дочери, она не успевала как следует уложить волосы. У нее обычно оставалось не больше пяти минут, чтобы убрать феном густые рыжие кудри с лица. Она постоянно носила туфли на высоких каблуках, а с учетом скудных заработков «еБэй» стал ее любимым сайтом в интернете. День не мог сложиться удачно без новой пары Лубутен или Диор, чтобы помочь ей самоутвердиться в мире, где господствовали мужчины. Ей часто приходилось ощущать на себе их изумленные взгляды, когда она пробиралась на убийственно тонких шпильках через грязные поля или вышагивала по залитым дождевой водой улицам пригородов.

– Привет, Сэм! – окликнул ее Фред, повернувшись и заметив девушку.

Он отошел от общей группы и так поспешил к ней, что споткнулся о край каменной плитки, смущенно посмеялся над собственной неловкостью, отбросил со лба непослушную челку и придал лицу томно-влюбленное выражение, которое обычно приберегал для нее.

– И тебе привет! Давно торчишь здесь?

Сэм пришлось подвинуть соседнее кресло вперед, чтобы взять с заднего сидения плащ, сумку и предназначавшийся для Наны букет.

– Не слишком. Сегодня у меня выходной, и я с утра поехал позаниматься альпинизмом на скалах в Танбридж-Уэллсе. Прибыл всего несколько минут назад.

И действительно, на Фреде была туристская куртка из вощеной ткани, придававшая ему, как показалось Сэм, вид охотника на фазанов. Она сама сразу же плотно закуталась в свой черный макинтош.

– Почему Маррей вызвал тебя на работу в выходной? Это несправедливо, – сказала она, на ходу проверяя свой телефон.

– Знаю. Меня это слегка разозлило. К тому же я в некотором смысле не совсем здоров, – с улыбкой признался Фред.

– Так ты болен? Этого только не хватало! – Сэм слегка отстранилась от него.

– Я не заразен. Все в порядке, – смутился Фред.

– Любая болезнь опасна, если у тебя четырехлетний ребенок. А остальные? Они здесь давно? – спросила Сэм, когда они приблизились к группе репортеров, по-прежнему теснившихся на тротуаре.

– Уже несколько часов. С ней невозможно договориться. Мы все уже пытались. Парни из «Гардиан» и «Индепендент» тоже приезжали, но потом бросили эту затею. Не думаю, что и ты чего-то добьешься, Саманта, – сказал Фред со своим провинциальным акцентом, полученным в государственной школе, из-за которого его безжалостно дразнили все кому не лень в Южном агентстве.

Сэм невольно улыбнулась. Фред был всего на два года моложе ее, но не был обременен семейными узами, рьяно стремился к успеху, переполненный вздорными героическими идеями, и, казалось, принадлежал к совершенно другому поколению. В агентстве прекрасно знали, что он по уши влюблен в Сэм. Но, несмотря на его высокий рост, привлекательную внешность, зачастую неожиданное остроумие, а также модные синие замшевые ботинки и яркие солнцезащитные очки, которые очень шли ему, Саманте все же трудно было воспринимать его всерьез. Он был одержим альпинизмом и, насколько она знала, проводил все выходные, карабкаясь по скалам, чтобы потом вдрызг напиться в компании друзей. Сэм понятия не имела, чем настолько привлекла его. Себе она казалась безумно утомленной, безрадостной мегерой, чьей единственной мечтой было беспробудно поспать хотя бы восемь часов.

Они подошли сзади к группе репортеров.

– Не понимаю, зачем Маррей прислал тебя, – бросил ей через плечо

Джим.

Она ответила вежливой улыбкой ветерану Южного агентства, который не скрывал мнения, что ей следует тихо сидеть в редакции и заваривать чай для таких, как он, и не совать нос в серьезную журналистику.

– Мне это тоже непонятно, Джим. Как я выгляжу? – спросила она, обращаясь уже к Фреду.

Фред чуть заметно смутился:

– Ты выглядишь прекрасно. Но будь осторожна со старой ведьмой из соседнего коттеджа, – поспешно добавил он, чтобы сменить тему. – Мне показалось, что она готова переубивать нас всех своими медицинскими ходунками.

Коллеги внимательно наблюдали за Сэм, когда она пошла по дорожке, прижимая к груди букет и напоминая робкую невесту. Уже у самой двери она действительно заметила старуху, которая таращилась на нее из окна соседнего дома. Бабуля широко раздвинула тюль и пристально следила за девушкой. Фред был прав. В самом деле похожа на ведьму. Глаза горят диковатым огнем, волосы, седые и длинные, до самых плеч, распущены, а костлявые пальцы побелели от силы, с которой она вцепилась в занавески. Сэм вдохнула поглубже и нажала на кнопку звонка.

Прошло не меньше двух минут, прежде чем Джейн Коннорс открыла дверь и показала свое лицо, которое, как заметила Сэм, было бледнее пепла.

– Мне очень жаль, что приходится беспокоить вас в столь тяжелое для вас время. – Сэм прямо смотрела в покрасневшие глаза женщины. – Меня зовут Саманта, и я представляю Южное информационное агентство. Прежде всего мы хотели бы принести вам свои самые искренние соболезнования…

– Почему вы никак не можете оставить нас в покое? – резко оборвала ее хозяйка. – Нам и без вас невыносимо. Просто уходите отсюда – вы все уходите!

– Я крайне сочувствую вашей невосполнимой утрате, миссис Коннорс.

– Никому вы не сочувствуете! Если бы сочувствовали, не стали бы делать этого… В самый ужасный день в нашей жизни. – Ее голос дрогнул. – Мы просто хотим остаться одни. А вам всем следует стыдиться себя.

Сэм напрасно искала необходимые в таких случаях слова, а потому лишь опустила голову. Женщина была права. Ей следовало стыдиться себя, и она действительно стыдилась.

– Миссис Коннорс, я ненавижу эту часть своей работы. Если бы я

могла, то отказалась бы выполнять ее. Но я знаю по опыту, что иногда люди сами хотят отдать последнюю дань памяти своим умершим близким, стремятся поговорить с кем-то, кому под силу правдиво поведать миру их историю, описать их горе. Вот и вы могли бы, например, рассказать о том, какой героизм проявил ваш муж, пытаясь спасти сына.

Слезы брызнули из глаз женщины, когда она сделала движение, чтобы закрыть дверь.

– Не говорите о них так, будто знали их. Вы о них не знаете ничего.

– Верно, не знаю, но, к несчастью, мне крайне необходимо получить информацию. У всех репортеров, собравшихся здесь, включая меня, есть суровое и бессердечное начальство, которое не позволит нам вернуться домой к своим семьям, пока вы не побеседуете хотя бы с одним из нас.

– А если я откажусь? – Миссис Коннорс смотрела на нее сквозь щель уже почти закрывшейся двери.

– Они поговорят с другими членами вашей семьи или с местными лавочниками или же вообще напишут репортажи на основе непроверенных данных, полученных у ваших соседей. Безусловно, доброжелательных, но незнающих, как все случилось на самом деле. – Сэм сделала паузу. – И тогда все это останется в памяти читателей на долгие годы, что наверняка только еще сильнее опечалит вас.

Теперь женщина сама опустила взгляд, плечи ее поникли. Она была сломлена. Сэм ненавидела себя.

– Это для вас. – Она положила букет цветов на порог. – Хотя на самом деле я купила их для своей бабушки, у которой сегодня день рождения, но, уверена, она сама пожелала бы, чтобы цветы я отдала именно вам. Пожалуйста, еще раз примите мои искренние извинения за попытку вторжения. Та белая «нова» – это моя машина, а вот моя визитная карточка. Я подожду еще полчаса, а потом уеду. Больше я вас не побеспокою. – И она начала спускаться вниз по дорожке, осторожно, стараясь не упасть на своих высоченных каблуках, чтобы не позабавить тем самым заскучавшую толпу репортеров.

– Я смогу сначала проверить, что именно вы напишите? – чуть слышно спросила миссис Коннорс.

Сэм резко развернулась.

– Разумеется. Вы сможете прочитать каждое слово, прежде чем я отправлю материал в печать. – И она мягко улыбнулась женщине, разглядывавшей зажатый в кулаке мокрый от слез носовой платок.

В то же время Сэм заметила, что старуха из соседнего дома стояла теперь в проеме своей входной двери, по-прежнему пристально глядя на

нее. Ей, вероятно, уже перевалило за девяносто. Каково это, дожить до столь преклонных лет, стать настолько дряхлой? Она действительно опиралась на медицинские ходунки всем телом, сильно перегнувшись вперед. Старческие пятна, покрывавшие руки, издали казались синяками. Ее лицо, по форме напоминавшее сердце, целиком покрывала мертвенная бледность, если не считать пятна темно-красной помады на губах.

– В таком случае вам лучше будет зайти, – сказала миссис Коннорс, приоткрывая свою дверь шире.

Сэм обернулась в сторону остальных газетчиков, потом посмотрела на престарелую леди, наблюдавшую за ней своими бледно-голубыми глазами. Соседи часто вмешивались, когда пресса досаждала им слишком назойливо, и, как правило, это сопровождалось самой отборной руганью. Она улыбнулась старушке, но безответно. Однако, когда Сэм уже закрывала за собой дверь, она снова посмотрела на соседку, и их взгляды встретились.

Глава 2

4 февраля 2017 года, суббота

Китти Кэннон смотрела на Кенсингтон Хай-стрит со здания «Руф гарденз»[2], высотой семьдесят футов. Разглядывая пешеходов, которые торопились по домам в этот пронизывающе холодный февральский вечер, она перегнулась через ограждение балкона, глубоко вздохнула и представила, как прыгает вниз. Она будет лететь, слыша свист ветра в ушах, раскинув руки в стороны и прижав подбородок к груди, поначалу невесомая, легкая и неприкасаемая, но становясь все тяжелее, оказавшись во власти необратимо засасывающего земного притяжения. А когда упадет, каждая косточка ее тела будет сломана. Несколько секунд она пролежит, корчась от боли, а вокруг начнет собираться толпа зевак, охающих и ахающих, шокированных происходящим.

Насколько же плохо должно быть человеку, станут думать они про себя, чтобы он сотворил с собой такое? Столь жуткое и трагическое.

Китти представила себя лежащей на тротуаре со струйками крови, стекающими по лицу, и с улыбкой, в последний момент застывшей на ее губах, от мысли, что она стала наконец свободной.

– Китти?

Она сделала шаг назад и повернулась к своей молодой помощнице Рейчел, которая стояла в двух футах от нее. Ее аккуратно уложенные светлые волосы обрамляли лицо и подчеркивали выражение чуть заметной тревоги в зеленых глазах. Она была одета во все черное, если не считать туфель с неоново-розовыми каблуками и тонкого пояска в тон к ним. Узкая юбка и жакет до такой степени стягивали ее тонкую фигуру, что казались статичными, когда она двигалась. В руках она держала подставку с зажимом для бумаг, которую ее длинные пальцы сжимали с такой силой, что стали почти прозрачными.

– Они ждут вас, – сказала Рейчел, поворачиваясь к лестнице, ведущей вниз, в банкетный зал. Китти знала, что там собралась ее собственная телевизионная группа вместе с многочисленными звездами театра и кино, все те, у кого она брала интервью за двадцать лет существования ее популярного шоу. Она представила себе акустику в помещении, где каждому приходилось предельно повышать голос, чтобы быть

услышанным сквозь стук ножей и вилок, мелодичный звон бокалов. Но все голоса смолкнут, когда она войдет.

– Нам пора идти, Китти, – нервно сказала Рейчел, стоя наверху лестницы. – Уже скоро подадут ужин, а вы хотели что-то сказать всем перед его началом.

– Я не хочу ничего говорить, но должна, – возразила Китти, перенося вес тела с одной ноги на другую, чтобы немного облегчить нарастающую боль в ступнях.

– Ты выглядишь потрясающе, как всегда, дорогая, – донесся сзади баритон, и обе женщины повернулись к Максу Хестону, неизменному генеральному продюсеру всех шоу с Китти в роли ведущей. Высокий и стройный, он облачился в превосходно сидящий на нем синий костюм и розовую сорочку. Его гладко выбритое лицо не потеряло мужской привлекательности. Мужчины совсем не стареют, подумала Китти, когда он ослепительно улыбнулся ей. Он оставался почти таким же, каким она увидела его при первой встрече более двадцати лет назад. Если честно, его внешность даже изменилась к лучшему. Пока Макс приближался к ним, Китти наблюдала за Рейчел. Молодая женщина чуть покраснела, немного кокетливо склонила голову, а затем подняла руку и провела ею по самому краю своей прически, проверяя, ровно ли лежат волосы. Макс всегда умел мгновенно превратить Рейчел в застенчивую школьницу, и это невыносимо раздражало Китти.

– Все в порядке? – спросил он тем тоном, к которому прибегал, когда Китти необходимо было выходить в студию.

Он прекрасно знал, насколько сильно она нуждается в поддержке, и умело отпускал комплименты, похвалы, помогая ей расслабиться, избавиться от чувства неловкости, великолепно умел подготовить свою звезду к каждой программе.

Вот только нынешним вечером ничего подобного не происходило. Он не только не подбадривал ее, а ужасно злил, не уделяя должного внимания. После окончания последнего шоу предыдущего сезона его привычная лояльность и преданность, несомненно, куда-то пропали. Он в последний момент сообщил, что не сможет пообедать с ней в назначенное время, не ответил на несколько ее телефонных звонков, а потом не прислал ни букета цветов, ни хотя бы открытки, когда распространили новость об окончании ее карьеры. Она заранее почувствовала, что руководство Би-би-си начало терять интерес к ее шоу. А потом никто не стал, несмотря на сложившуюся традицию, обсуждать с ней дату начала нового сезона, хотя ее агент специально обзвонил нескольких начальников. Она не без оснований

подозревала, что вскоре, за очередным обедом, ее поставят в известность: следующий сезон станет для нее последним. Именно это и подтолкнуло Китти к решению самой объявить о добровольном уходе. Ей, а не Максу определять наиболее подходящее время для того, чтобы завершить свою карьеру и освободить место для молоденьких красавиц, уже давно наступавших ей на пятки. Она даже предполагала, что он может не явиться и на этот ужин, но Макс, хоть и с опозданием, позвонил и объявил, что принимает приглашение. Скорее всего, после того, как он узнал, сколько знаменитостей и влиятельных людей соберет на свой прощальный вечер Китти.

– Кажется, у меня снова разыгралась мигрень. Напомни еще раз, где я должна сидеть, – попросила Китти свою ассистентку, а потом, крепко вцепившись в перила, стала осторожно спускаться в туфлях Диор, ощущая, как фирменная этикетка нового шифонового платья натирает шею. Поймав свое отражение в большом зеркале на стене у лестницы, она содрогнулась от отвращения. Остановиться на розовом ее уломала юная продавщица в бутике «Дженни Пекэм». Сама она прекрасно понимала, что уже стара для него, но позволила девице пустить в ход столь необходимую ей сейчас лесть и совсем потеряла голову. По контрасту с ней Рейчел выглядела демонстративно элегантной. Шествуя сейчас рядом с помощницей, Китти ощущала себя неуклюжей провинциальной тетушкой на чужой свадьбе.

– За столиком номер один. Как вы и просили, с вами будут сидеть Джон Питрес из рекламного отдела Би-би-си и Сара Хестон – глава департамента развития компании «Уорнер бразерс», – ответила Рейчел, стараясь не отставать от нее.

– Не помню, чтобы просила посадить меня рядом с Джоном. Он невыносимый зануда, – резко заметила Китти, заставив Рейчел нервно рыться в своих записях.

Зал был залит теплым светом от китайских фонариков и свечей. На белых льняных скатертях были расставлены многочисленные композиции из любимых цветов Китти – розовых пионов.

– А ты где сидишь, Рейчел? – спросил Макс, обратившись к девушке.

Щеки Рейчел вновь порозовели, когда она оторвала взгляд от плана рассадки гостей.

– Я? Даже не уверена, что мне вообще удастся поесть. По-моему, мне необходимо все время исполнять роль распорядительницы торжества, – ответила она, улыбнувшись Китти, которая даже не взглянула на нее.

– Чепуха. Наверняка для тебя найдется место за нашим столиком. Я мог бы представить тебя некоторым важным персонам, – заверил ее Макс.

Рейчел вновь принялась застенчиво играть со своей прической, когда по залу разнеслись звуки первых аплодисментов, постепенно перераставшие в оглушительную овацию. Здесь присутствовали все, кто помог Китти добиться признанного успеха: актеры, редакторы, продюсеры, агенты, журналисты, звезды спорта. Да, все пришли сегодня, но уже скоро они исчезнут из ее жизни, как и Макс, потеряв интерес к ней, как только она престанет быть для них полезна. Те же люди, которые прежде охотно пересекали залы ресторанов из одного конца в другой ради привилегии поговорить с ней, будут делать вид, что не замечают ее во время светских приемов. Или же возьмут за правило поспешно обрывать беседу с ней, чтобы привлечь к себе внимание новой, гораздо более молодой женщины, которая придет на смену Китти. Но при этом каждый будет считать себя порядочным человеком, поскольку вообще стал разговаривать с таким полным ничтожеством, чья слава безвозвратно канула в прошлое.

Китти улыбнулась и теперь сама обратилась к Рейчел:

– Не могла бы ты поехать ко мне домой и привезти темно-синее платье из бутика «Джагер» и туфли той же фирмы? Я хочу переодеться после окончания ужина.

Рейчел, заметно расстроившись, бросила мимолетный взгляд на Макса, а затем повернулась и направилась вдоль рядов столиков к выходу. Теперь ее щеки пылали от уязвленного самолюбия. Когда аплодисменты наконец стихли, Китти тихо откашлялась, прочищая горло.

– Спасибо всем, кто пришел сюда этим вечером. Но хочу выразить особую благодарность моей многострадальной команде за то, что терпели меня в течение пятнадцати последних сезонов: красавице и бесценной помощнице Рейчел, без которой я никак не смогла бы обойтись, и, конечно же, исполнительному продюсеру Максу Хестону, работавшему со мной буквально с первого дня.

Макс ответил ей на эти слова широченной улыбкой:

– Поосторожней с воспоминаниями, Кит. Я ведь все еще не забыл наши споры по поводу подкладок под плечи жакетов, которые ты так хотела заиметь, посмотрев «Династию».

Китти рассмеялась:

– Спасибо, что повеселил нас этим забавным моментом из прошлого, но главное – за устроенный тобой столь чудесный и совершенно не заслуженный мною ужин. Как знает почти каждый из вас, я никогда не стремилась оказаться в центре внимания, предпочитая оставаться всего лишь той, кто задает вопросы. Но могу сделать одно важное признание. С того момента, когда я увидела Джона Фримана, бравшего интервью у

Гилберта Хардинга в программе «Лицом к лицу» 1960 года, я крепко попалась на крючок. Я наблюдала, как этот поистине великий человек, один из немногих комиков, способных заставить рассмеяться даже моего отца своей игрой в фильме «Что я могу сказать?», был доведен до слез. Его истинная сущность, которую он пытался прятать под маской всю его жизнь, стала видна всем. Мне едва исполнилось десять, но уже тогда я остро ощущала, как меня против воли заставляют играть несвойственную моему характеру роль. И вот в тот день, сидя перед черно-белым телевизором в гостиной родительского дома, я поняла, что такая проблема не только у меня, и это стало для меня истинным откровением.

Она посмотрела в зал, где все взгляды были устремлены на нее.

– Скрытые стороны человеческой натуры с тех пор всегда вызывали во мне жгучий интерес. Поскольку то, что мы видим на поверхности, очень редко совпадает с тем, что происходит у человека внутри, в глубине души. И потому я всегда старалась использовать телевидение, чтобы докопаться до правды. Немногие из нас сумели добиться «Оскара» или выиграть золотую олимпийскую медаль, но большинство, в той или иной степени, прошли через ту же борьбу, преодолели те же препятствия, как и наши кумиры. Настолько глубокие страдания, тяжелые препятствия, что они зажгли огонь в их сердцах, заставили сражаться в полном одиночестве, но добиться успеха.

Она взяла бокал шампанского с подноса стоявшего рядом официанта, который доброжелательно ей улыбнулся.

– Я хотела бы поднять этот бокал за всех, кто оказался достаточно смел, чтобы снять с себя маску и поделиться со всеми своей болью. Я бесконечно горда за всех гостей своего шоу, которые показали себя с новой стороны и сумели задеть зрителей за живое, – напомню, что некоторые из вас помогли Би-би-си добиться самых высоких рейтингов в истории телекомпании. Я, конечно же, опечалена тем, что вынуждена сама сойти со столь высокого пьедестала, но поняла: так будет лучше, чем дожидаться момента, когда меня заставят это сделать.

– Этого бы не произошло никогда! – донесся выкрик откуда-то из глубины зала, и Китти вновь чуть заметно улыбнулась.

– Дочь полицейского, выросшая в окрестностях Брайтона, я, разумеется, и не мечтала оказаться однажды в обществе столь потрясающих людей, как вы. Спасибо еще раз, что пришли. А теперь, пожалуйста, ешьте, пейте и совершайте самые сумасбродные поступки.

Когда стихла новая волна аплодисментов, Китти повернулась, чтобы пройти к своему столику, но задержалась, услышав, как кто-то постучал

ножом по бокалу. Это был Макс, поднимаясь и одаривая аудиторию своей самой обаятельной и теплой улыбкой.

– Я познакомился с Китти, когда был еще относительным новичком в телевизионном бизнесе, только что получившим повышение на должность продюсера Би-би-си, молодым и чертовски привлекательным парнем, если память мне не изменяет.

– Можно подумать, ты даже не догадывался о своих мужских достоинствах! – откликнулась на это Китти, вынудив Макса слегка нахмуриться.

– Сейчас мне не дадут соврать все те, кто хорошо знает Китти: она всегда обладала непостижимой и совершенно обезоруживавшей способностью убедить тебя, что любое ее желание полностью совпадает с твоими личными интересами. Помню, в 1985 году один из моих коллег в отделе развлекательных программ спросил, не хотел бы я взять на работу в качестве своей помощницы девушку, писавшую ему письма каждый день и почти сводившую его этим с ума.

Смех пробежал по залу, прежде чем Макс продолжил:

– Мне в то время как раз была нужна журналистка для сбора фактов к шоу «Паркинсон», и я согласился. На следующий день на студии появилась эта темноволосая и темноглазая, невероятно умная девица и сразу активно взялась за дело.

Он улыбнулся в сторону Китти, а она в ответ подняла свой бокал.

– За несколько лет Китти Кэннон стремительно поднялась по карьерной лестнице, в результате добившись права вести свою собственную передачу. Так родилось то, что негласно получило название «пушечное ядро»[3]. Тем из вас, кто не слышал этого термина, поясню – он имеет отношение к изумительному таланту Китти заставить собеседника расслабиться, а затем неожиданно взорвать заранее подготовленный и совершенно уникальный снаряд. Гранату, если угодно. Я считал, что знаю все о репортерских расследованиях, пока не встретил Китти. Она знала о своих гостях то, о чем не догадывались даже их мужья или жены. В считаные дни она превратилась для нас в сокровище национального масштаба, и я несказанно горд, что стал участником этого увлекательного аттракциона, порой напоминавшего американские горки, на протяжении многих лет. Китти! Ты добра и великодушна. Тебя не забудут. А я счастлив, что вправе называть себя твоим другом.

Когда подали ужин, Китти обошла все столики один за другим, приветствуя гостей, отпуская комплименты их внешности, напоминая им об их собственных, пусть и не столь выдающихся достижениях, – она

умела это делать, как никто другой.

Усевшись затем на свое место, она ощутила в кармане вибрацию своего мобильного телефона. Рейчел прислала сообщение, что она уже через пять минут сможет привезти нужное платье. Китти поспешила набрать ответ.

«Не беспокойся больше о платье, дорогая моя. Я прекрасно обойдусь без него. Ты, должно быть, смертельно устала. Отправляйся домой. Спокойной ночи!»

Глава 3

4 февраля 2017 года, суббота

Лифт снова сломался. Сэм пришлось пешком подняться по лестнице жилого дома, носившего название «Уайтхок эстейт», чтобы войти в квартиру Наны. Там они с Эммой поселились после того, как буквально сбежали от Бена два месяца назад, после особенно бурной ссоры с ним.

– Нана? – прошептала она, с трудом восстанавливая дыхание после долгого подъема по ступеням.

Ответа не последовало. Она тихо прошла по коричневой растрепанной ковровой дорожке в гостиную, где в газовом камине горел огонь. Нана спала в кресле-качалке, а Эмма свернулась калачиком под одеялом на диване. В тусклом освещении Сэм услышала знакомый запах чего-то испеченного на кухне и сразу почувствовала, что наконец оказалась дома. Фотографии в рамках покрывали чуть ли не каждый дюйм стен, плотным рядом стояли на подоконнике. Там были снимки, сделанные во время многочисленных походов Наны и дедушки с ночевками в палатке, один из которых закончился аж в Гретна-Грин[4], куда они попали благодаря своей эксцентричности. Также были фото голенькой крошки Эммы на пляжах, где она строила замки из песка, но Сэм больше всего смущали ее собственные изображения. Совсем еще юная, она напоминала на них неуклюжего и беззубого Мика Хакнелла[5].

Пока она осторожно пробиралась мимо стопки сборников кроссвордов и газет, чашек с недопитым чаем, цветных карандашей и остатков пирожных, ее взгляд упал на написанное от руки письмо на нескольких листах, валявшееся на полу рядом с Наной, словно она заснула, читая его.

Уже выцветшие строки, наклон почерка и старая розовая бумага моментально привлекли ее внимание, но стоило ей попытаться нагнуться, чтобы взять письмо, Нана открыла глаза и улыбнулась. Сэм улыбнулась в ответ, изумленно заметив, что одна пара очков оставалась сидеть на кончике носа бабушки, а вторую она подняла вверх, к спутанным седым волосам.

– Привет, милая, как ты? – сонным голосом спросила Нана, и морщины в уголках ее светлых голубых глаз проявились сильнее.

Сэм охватила волна нежности при виде двух своих самых любимых

девочек. Нана, как обычно, выглядела потрясающе красивой, в лиловом платье и в белом свитере на пуговицах, который связала сама за просмотром бесконечных повторов сериала «Пуаро». Она безуспешно попыталась собрать волосы в пучок, и, хотя в февральский день здесь было холодновато, ее морщинистое лицо не казалось бледным. Сияющая улыбка Наны скрывала не слишком приятное для Сэм обстоятельство: старушке пришлось под ледяным дождем, преодолевая боль в бедре, привести из яслей четырехлетнюю правнучку. Затем накормить ее и развлекать, пока малышке не захотелось спать. Сэм внезапно почувствовала приступ злобы на Бена.

– О, Нана, ты должна была сказать мне, что лифт опять не работает. Тогда я бы сама купила продукты и принесла их домой.

Она поцеловала в лоб и бабушку и дочь.

– Все прекрасно, милая. Мы отлично провели время. Эмма помогла мне взобраться по лестнице. Она такая славная девочка, Сэмми. Вы с Беном превосходно ее воспитываете. Честное слово.

– Мне жаль, что Бен не смог сам привести ее к тебе. Я очень сердита на него.

– У него было назначено очередное собеседование, – сказала Нана, с любовью глядя на Эмму.

– Это в субботу-то? – Сэм нахмурилась.

Нана пожала плечами.

– Он рассказывал, что открылась вакансия в одном из ресторанов известной фирмы. Тебе следовало бы порадоваться за него.

Сэм покачала головой.

– Я уже совершенно не понимаю, что происходит между нами в последнее время… Чайник на плите? – Нана кивнула, и Сэм зашла в кухню. – Эмма заснула спокойно?

– Да, хотя, боюсь, слишком поздно. Хотела непременно дождаться тебя. Я старалась убедить ее лечь в постель, но она задремала здесь на диване. Ты, должно быть, очень устала, дорогая моя?

Сэм вернулась с двумя кружками, которые поставила на журнальный столик.

– Я сумела написать эксклюзивный материал для общенациональных газет, так что не жалею о потраченном времени.

Она тяжело навалилась на диван рядом с Эммой, положив ладонь на спину дочке, и рука стала ритмично подниматься и опускаться в такт безмятежному дыханию ребенка.

– Какая же ты умница! Значит ли это, что твое имя наконец-то

напечатают крупным шрифтом?

Нана сменила позу в кресле.

– Нет. Только штатные сотрудники крупных изданий могут подписывать свои статьи, но это пойдет на пользу моей репутации и пополнит портфолио моих лучших работ на будущее. Но у меня такое впечатление, что ты все равно не пропустила ни одного написанного мной слова, верно?

Сэм оглядела кипы газет, лежавшие по всей комнате.

– Само собой, – ответила Нана. – Я очень горжусь твоими успехами, милая.

– Радует, что хотя бы один человек горд за меня. Бен относится ко мне с таким презрением, что вообще даже не смотрит в мою сторону.

Она отхлебнула немного чая.

– У тебя все сложится хорошо. Конечно, девушке твоего возраста трудно справиться со всем сразу. Мне кажется, что на ваше поколение навалилось слишком много. И, похоже, тебе приходится разгребать кучу всякого дерьма.

Сэм разразилась звонким смехом, который прежде так нравился Бену, но тут же прикрыла род ладонью, чтобы не разбудить Эмму.

– Но к черту мои дела… – Она открыла сумку и подала Нане небольшой сверток и огромную коробку шоколадных конфет. – С днем рождения, Нана!

– Ах ты, несносная девчонка! Что ты тут для меня припасла? – игриво спросила Нана, доставая из свертка серебряный браслет с подвесками в виде цифры 60 и инициалов букв С, А и Э, маленького чайничка и бабочки. У старушки на глаза навернулись слезы. – Все мои самые любимые символы. – Она послала внучке воздушный поцелуй. – Очень красиво, милая. Спасибо.

– Я только жалею, что не провела с тобой весь твой первый день рождения без дедули. Но я непременно отведу тебя куда-нибудь поужинать на следующей неделе. Обещаю.

– Не говори глупостей. Ты же сейчас со мной, и рядом была Эмма. Да и дух дедушки незримо присутствовал тоже. Знаешь, что я обнаружила сегодня?

– Что? – Сэм протянула руку и взяла ломтик свежеиспеченного кекса с изюмом.

– Эмма уронила игрушку под нашу старую кровать, и когда я ее доставала, увидела вмятину в стене.

Сэм наморщила лоб.

– Ты считаешь, мне важно знать, откуда взялась вмятина в стене рядом с вашей с дедушкой постелью?

Нана хихикнула.

– Твой дед любил слушать радио в соседней комнате. Но включал его так громко, что мне приходилось стучать тростью в стену спальни, чтобы он сделал потише. – Ей пришлось взять паузу и унять эмоции, прежде чем продолжить. – А после его кончины я сама стала включать радио на всю катушку, чтобы создать иллюзию того, что он по-прежнему дома. Людям кажется, что они скучают только по самым лучшим чертам характера своих умерших близких, но на самом деле тебе не хватает всего сразу.

Сэм улыбнулась Нане и послала ей воздушный поцелуй. Дедушка умер в возрасте семидесяти пяти лет. Он был на пятнадцать лет старше Наны. Но судьба сложилась так, что одним дождливым воскресным днем осенью 1980 года она случайно забрела в его антикварный магазин, и они влюбились друг в друга с первого взгляда. Он буквально вскружил ей голову, они стали неразлучны и уже через год поженились в мэрии Брайтона. Дед стал для Наны твердой опорой в жизни, особенно после того, когда им позвонили однажды из отдела соцобеспечения. Им сообщили, что Кристина – единственная дочь Наны, которая жила тогда отдельно от матери, – умерла, оставив после себя двенадцатилетнюю внучку, с которой Нана никогда прежде не виделась. Дед принял Сэм как родную, и они счастливо прожили уже втроем еще тринадцать лет, пока врачи неожиданно не поставили диагноз – у дедушки был неоперабельный рак легких.

Нана промокнула глаза носовым платком, прежде принадлежавшим ее покойному мужу.

– А это что такое? – спросила Сэм и указала на письмо, так и лежавшее на полу. – Ты, кажется, читала его перед тем, как я вернулась домой.

Нана тоже посмотрела вниз. Она немного помедлила, прежде чем подобрать листки с пола.

– Ты же видишь, это обычное письмо.

– От кого?

– Не уверена, что знаю. Обнаружила его среди прочих бумаг твоего деда.

Она поднялась из кресла.

– Выглядит интригующе. Могу я прочитать его? – спросила Сэм.

Нана колебалась недолго, разглядывая листы в своей руке, но потом подала внучке.

– Как ты себя чувствуешь, Нана?

– Хорошо, милая. Просто немного устала, – ответила она, выходя из комнаты. – Чувствую естественный зов природы. Вернусь через минуту.

Сэм тщательно разгладила две тонкие и слегка пожелтевшие странички. Обе были покрыты хорошо читаемыми, ровными и аккуратными строчками, выведенными черными чернилами. В верхнем углу была указана дата: 12 сентября 1956 года.

Любовь моя!

Меня пугает отсутствие новостей от тебя. Все мои опасения оказались не напрасными и подтвердились. Я на третьем месяце беременности. Слишком поздно что-либо предпринимать. Значит, на то воля Божья, чтобы наш ребенок появился на свет.

– Думаю, что теперь уже лягу в постель, дорогая, – сказала Нана, снова войдя в гостиную и вернув мысли Сэм в настоящее. – Кажется, Эмме так уютно на диване. Не лучше ли нам будет оставить ее здесь?

Сэм посмотрела на спящую дочь, а потом на письмо.

– Это послание от молодой женщины к возлюбленному с сообщением о своей беременности. Складывается впечатление, что ей было по-настоящему страшно.

Нана принялась хлопотать, приводя квартиру в порядок.

– Зачем дедушке понадобилось хранить у себя такое письмо?

– Этого я не знаю, Сэм. Вполне возможно, оно завалялось в одном из ящиков антикварной мебели в его магазине.

Сэм осторожно взялась за второй листок и прочитала подпись в конце.

– А ты не знаешь, есть ли там еще письма от этой девушки, Айви? – спросила она.

Нана помолчала с минуту, а затем отвернулась.

– Не могу с точностью сказать. Вероятно, есть.

Она вышла в кухню, и Сэм услышала звяканье посуды в раковине.

Сэм продолжила читать.

– Похоже, семья несчастной девушки разозлилась на нее. Они планировали отправить ее рожать куда-то подальше от себя. В место под названием Святая Маргарита. Я даже не подозревала, что нечто подобное могло происходить здесь. А ты? Я думала, такие обычаи существуют только в Ирландии. Она пишет, как человек с разбитым сердцем. Умоляет этого мужчину, кто бы он ни был, вернуться и жениться на ней.

– Да уж, в пятидесятые годы матерям-одиночкам приходилось

несладко, – отозвалась Нана, тяжело вздохнув. – А теперь мне пора в постель, милая. Извини.

– А ты не думаешь, что письмо было адресовано именно деду? Судя по всему, он получил его задолго до знакомства с тобой. Не пойми меня неверно.

Нана пристально посмотрела на нее недобрым взглядом.

– Нет, Саманта, я так не думаю. И не надо меня расспрашивать обо всем этом именно сейчас.

Сэм почувствовала, как ее щеки покраснели.

– Прости меня. Мне не следовало начинать этот разговор и обижать тебя. Я просто слишком много работала сегодня. Искренне прошу у тебя прощения, Нана.

– Ничего страшного, милая. Я и сама переутомилась. Дедушка владел своим антикварным магазином на протяжении почти всей своей жизни и постоянно обнаруживал записки и письма, оставленные другими людьми, забытыми в дальних уголках письменных столов или туалетных столиков. Они казались нам фрагментами судеб этих людей, и мы порой зачитывались ими часами напролет. Я же сегодня так тосковала по нему, что принялась рыться в его вещах и в архиве.

– Конечно. Мне очень жаль, что пришлось снова работать допоздна, заставить тебя присматривать за Эммой, пропустить твой день рождения. Сожалею, что приходится жить у тебя… И вообще, если разобраться, мне стоит сожалеть о самом факте своего рождения и существования.

– А вот я нисколько ни о чем не жалею. Без вас я осталась бы совсем одна, и моя жизнь была бы бессмысленна, – Нана поцеловала Сэм и Эмму, а потом скрылась в глубине коридора.

Сэм взяла Эмму на руки и отнесла в ее комнату. Положила дочь в узенькую кроватку и выключила ночник.

– Я люблю тебя, – прошептала она, стараясь выйти как можно тише.

Вернувшись в гостиную, Сэм взяла свой ноутбук, открыла поисковик и ввела слова: «Детский приют Святой Маргариты в Сассексе». На экране открылась черно-белая фотография особняка в стиле викторианской готики. Некоторое время она изучала снимок, обратив внимание на фигуры двух монахинь в полном традиционном облачении, стоявших перед зданием. Внизу была подпись: «Монашеский приют имени Святой Маргариты для незамужних матерей, Престон, январь 1969 года».

Читая об этой богадельне, об историях женщин, которые на протяжении многих лет старались найти следы своих детей, вынужденно отданных в свое время на усыновление или удочерение, Сэм пережила

невероятное потрясение, почти шок. Как выяснилось, бесплодным супружеским парам почти некуда было больше обращаться, пока не изобрели искусственное оплодотворение, и они с готовностью платили большие деньги за приемного младенца. Это продолжалось вплоть до середины семидесятых годов, когда приют Святой Маргариты навсегда закрыл свои двери.

Она подумала об Эмме, мирно спавшей в соседней комнате. Сама по себе мысль, что ее ребенка могли силой отнять у нее, казалась невыносимой. Но теперь, вчитываясь в письмо Айви и узнавая истории десятков других таких же женщин, она постепенно начала понимать: если бы она забеременела, не будучи замужем в 1956 году, ее семья могла бы безжалостно выгнать ее из дома на улицу, и тогда приют Святой Маргариты стал бы для нее единственным спасением.

Сэм продолжала перебирать открытые вкладки поисковика и заметила, как несколько раз повторяется один и тот же заголовок. Она не могла не обратить на него особое внимание. «ОСТАНКИ ПРОПАВШЕГО БЕЗ ВЕСТИ СВЯЩЕННИКА ОБНАРУЖЕНЫ СРЕДИ РУИН БЫВШЕГО ПРИЮТА». Она вчиталась в содержание статьи, опубликованной в «Таймс» на прошлой неделе. «Выводы следствия по поводу смерти отца Бенджамина, останки которого были найдены в заброшенном приюте для матерей-одиночек».

Окончательно заинтригованная, она снова вернулась к письму Айви.

Доктор Джейкобсон собирается обсудить с отцом Бенджамином в воскресенье, во время встречи в церкви, мой скорый отъезд отсюда. Думаю, решение будет ими принято в считаные дни. Даже не знаю, что мне думать, как поступить. Умоляю, дорогой мой. Я могу сделать тебя счастливым, и мы создадим хорошую семью. Только приезжай за мной как можно скорее. Будущее невероятно страшит меня.

– Отец Бенджамин, – произнесла Сэм вслух, снова бросая взгляд на дисплей ноутбука со статьей из газеты.

Она отметила фамилию автора и взяла мобильный телефон.

– Привет, Карл! Это Сэм. Ты сегодня работаешь во вторую смену? – Она слышала в трубке голоса других журналистов, трудившихся в тот день допоздна, как и крики Маррея где-то вдали, по-прежнему раздававшего всем указания. Никто не мог расслабиться, пока национальные газеты не закончат оформление своих последних выпусков или пока Маррей не охрипнет окончательно. Только невозможно было предсказать, что

произойдет раньше.

– Ты, случайно, не знаешь, кто освещал в конце прошлого года расследование смерти священника из Престона в Сассексе, которого звали отец Бенджамин? Он исчез в 2000 году, а в 2016-м его останки обнаружили, когда начали строительство на месте старых развалин.

Она налила себе еще чая и уселась поудобнее, подогнув под себя ноги.

Карлу пришлось почти кричать, чтобы его было слышно на фоне громких голосов и стука швабр уборщиц, которые пришли наводить порядок в редакции.

– Дай мне минутку, и я все найду. Отец Бенджамин… Что-то очень знакомое. Отлично, вот то, что нам нужно. Кевин занимался этой историей, и она попала во все крупные издания. Священник был найден мертвым среди руин заброшенного женского дома-приюта Святой Маргариты. Заключение следствия: смерть в результате несчастного случая. Фирма «Слейд хоумз» начала сносить развалины, чтобы построить на их месте квартал дорогих жилых домов, но расследование сильно замедлило работы. Руководство «Слейд», должно быть, вне себя от злости, поскольку среди местных новостей мне попалась заметка, что они и так потратили более десяти лет, чтобы добиться от властей разрешения перенести старое кладбище и утвердить проект.

– Интересно, как отец Бенджамин оказался там. И что именно с ним произошло, – сказала Сэм.

– Понятия не имею. Помню только, как внимание Кевина гораздо больше привлек тот факт, что во время следствия была задействована сама Китти Кэннон.

– Кто? – Сэм едва различала теперь его слова на фоне шума громко гудевших пылесосов.

– Ты ее прекрасно знаешь. Китти Кэннон – известная ведущая телевизионного шоу.

– Не может быть! Ты меня разыгрываешь? – Сэм резко выпрямилась.

– Нисколько. Она явно была сильно расстроена. Тихо удалилась перед самым оглашением вердикта.

– Какого черта Китти Кэннон занесло на заседание следственной комиссии по делу о смерти престарелого священника из Престона?

Сэм встала и подошла к окну, где сигнал мобильной связи всегда был лучше. У нее участилось сердцебиение. Если бы ей удалось накопать эксклюзивный материал о такой знаменитости, как Китти Кэннон, этого было бы достаточно, чтобы получить место репортера в одной из лучших национальных газет. Она уже засиделась во второсортном Южном

информационном агентстве. После рождения Эммы Сэм больше не могла уделять работе слишком много времени, а потому Маррей явно не собирался повышать ее, предпочитая держать скорее в роли подручной для других журналистов. Сэм продолжала успешно справляться с любым, даже самым трудным заданием, как, например, сегодня одна сумела взять интервью у Джейн Коннорс, но по-прежнему не получала продвижения по карьерной лестнице. Однако ей крайне необходимо было начать наконец зарабатывать гораздо больше. Как ни любила она Нану, им с Эммой требовалось собственное жилье. Она заранее знала, что Маррей уже заготовил для нее на завтра десяток скучнейших поручений, но ее рабочий день начинался только в десять, а значит, подумала Сэм, у нее хватит времени, чтобы самостоятельно покопаться в таинственной связи Китти Кэннон с приютом Святой Маргариты.

– Мне об этом ничего не известно, – ответил на ее последний вопрос Карл. – Кевин обсуждал тему с Марреем. Ему казалось, что это может стать сенсацией. Но вот только фотографии Китти на следствии заполучить не удалось, а пресс-секретарь Кэннон заявил, что они обознались: Китти там даже близко не было. На том все и закончилось.

– То есть Маррей не счел нужным уделить такой интригующей истории должного внимания. Странно. Она была знакома с этим отцом Бенджамином? – Сэм достала из сумки блокнот и принялась делать в нем записи.

– Ничего не знаю об этом. Было решено, что продолжать копаться в этом деле не в интересах общества, Сэм. Китти ведь не совершила ничего противозаконного, здесь нет оснований для проведения настоящего журналистского расследования.

– Да, но… Кстати, Кевин сейчас еще в редакции? Я могу поговорить с ним?

– Нет. Он отработал в первую смену. Извини, но Маррей что-то кричит, глядя на меня. Мне пора идти.

– Хорошо, спасибо, – произнесла Сэм, но на другом конце трубку уже положили.

Она снова всмотрелась в статью на экране ноутбука, затем перевернула страницу блокнота и вывела «*Отец Бенджамин*» на самой верхней строчке.

После чего взяла письмо и начала перечитывать его.

Глава 4

12 сентября 1956 года, среда

Айви Дженкинс сидела на краю своей кровати, впившись ногтями в колени, а снизу, сквозь доски пола, доносился голос дяди Фрэнка. Она слышала, как пришел доктор Джейкобсон – звонок во входную дверь пронизал страхом все ее тело. Она приоткрыла дверь своей спальни ровно настолько, чтобы увидеть, как ее мать бросилась по выцветшей ковровой дорожке, чтобы приветствовать гостя. Напрягла слух, стараясь уловить смысл их разговора. Мать говорила визгливо и взволнованно, почти сбив дыхание, когда нервно обращалась к доктору:

– Добрый вечер, доктор. Спасибо, что пришли к нам.

Айви не слышала, чтобы мать произнесла хотя бы слово с тех пор, как они вместе побывали у доктора Джейкобсона в начале недели. Она сидела тогда, пристально глядя на врача, наблюдая, как шевелились его губы, а произнесенные им фразы разносились по комнате словно пули, выпущенные из пистолета. Ей больше всего хотелось, чтобы время обернулось вспять, и она не лишилась в свои восемнадцать лет невинности, после чего, как она отчетливо понимала, мир для нее изменился навсегда.

– Что ж, Айви, – сказал он, осмотрев ее и велев сесть в кресло в углу, подальше от своего рабочего стола. – Причина твоего плохого самочувствия заключается в том, что у тебя будет ребенок.

Мать охнула и прижала ладонь, затянутую в перчатку, ко рту. В этот момент нескрываемого шока Айви захотелось взять ее за другую руку, прижать к своему сердцу, но мама резко отдернула ее.

Затем она общалась уже исключительно с доктором Джейкобсоном, спрашивая, что им теперь делать. Соседи начнут судачить, это точно. Знает ли он, что Айви не замужем? Доктор Джейкобсон отвечал рассудительно и невозмутимо. Если отец ребенка Айви не готов жениться на ней, то, по его мнению, существовал лишь один выход из положения. Предупредил, что ему придется обстоятельно побеседовать с ними, для чего он придет к ним домой в среду вечером. После этого, во время долгого возвращения домой на автобусе и в течение следующих трех дней, мать больше не выдавила из себя ни единого слова.

Дядя Фрэнк будто не замечал необычной молчаливости матери. Он

продолжал изливать поток своих обычных жалоб о плохо приготовленном ужине, о сквозняке из задней двери, о слишком шумных соседских детях. Но Айви все видела. Плечи матери поникли ниже, чем когда-либо прежде, глаза как будто остекленели, не выражая больше никаких эмоций.

С самого начала, когда она узнала, что беременна от Алистера, Айви отчаянно искала с ним встречи. Она ведь рассказала ему о прекратившихся месячных, и хотя он лишь улыбнулся ей, велев ни о чем не беспокоиться, в его голосе сразу появились холодные ноты.

Он не пришел в субботу, чтобы как обычно прогуляться с ней за город, хотя она ждала этого все утро. Айви просидела в гостиной, одетая в новую светло-синюю трикотажную юбку и в белую блузку, слушая, как дядя Фрэнк крикливо комментирует репортаж о скачках по радио, но скоро поняла, что возлюбленный на этот раз не заедет за ней.

На следующий вечер она в отчаянии, тайком от всех, отправилась в «Престон армз» – паб, где обычно любил пить пиво Алистер. Она прошла через окутанный табачным дымом зал, опасливо кутаясь в плащ, и разыскала подружку игрока из его футбольной команды. Набралась смелости и попросила передать Алистеру, что ей необходимо срочно встретиться с ним. Девушка с улыбкой пообещала ей помочь, но как только Айви отвернулась от них, то услышала смех ее приятеля за спиной.

– Похоже, Эл[6] подцепил еще одну девчонку, заставил сохнуть по себе, а теперь бросил.

– Не язви, – попыталась одернуть его девушка. – Многие из нас побывали в таком же положении. Знаем, каково это.

Но когда Айви повернулась, то заметила, что оба посмеиваются над ней, и поспешила поскорее выбраться из паба на тихую улочку.

Теперь же голос дяди Фрэнка буквально грохотал внизу, заставив ее вернуться в настоящее.

– Дайте мне только добраться до этой дрянной девчонки!

– Уймись, Фрэнк! – Айви услышала, как мать пытается успокоить его. Затем почти неразборчиво прозвучали слова доктора Джейкобсона, смысл которых она все же сумела уловить.

Не зная, как ей еще отвлечься, как унять страх, она села за свой столик, достала лист бумаги и начала писать.

12 сентября 1956 года

Любовь моя!

Меня пугает отсутствие новостей от тебя. Все мои опасения оказались не напрасными и подтвердились. Я на третьем месяце

беременности. Слишком поздно что-либо предпринимать. Значит, на то воля Божья, чтобы наш ребенок появился на свет.

С тех пор как доктор Джейкобсон сказал об этом, я слышу, как мама плачет в своей спальне. Я принесла ей в вазе букет цветов и поставила рядом с кроватью, но она только отвернулась. Как это возможно? Перестать любить плоть от плоти своей всего лишь за один день? Мы неизменно поддерживали друг друга и были неразлучны с того дня, как погиб папа. Дядя Фрэнк считает, что мама любит его, но я-то хорошо знаю: это не так. Я помню родителей танцующими в гостиной, когда они думали, что я уже сплю. Помню, как мама улыбалась отцу, когда он кружил ее по комнате. Так вот – она ни разу не улыбнулась так же дяде Фрэнку. Более того, она вообще никогда не улыбается ему. Только приносит еду на подносе из кухни. А он даже не благодарит ее за это.

С тех пор как здесь поселился дядя Фрэнк, нам настрого запрещено любое упоминание о папе, но я знаю, что мама прячет его фотографию в картонной коробке под лестницей, о чем Фрэнк и не подозревает. Я и сама часто прячусь под лестницей, когда он особенно зол на что-то, стараюсь не попадаться ему на глаза, и всегда беру с собой фонарик, а как только становится тихо, достаю снимок, чтобы взглянуть на него.

Там папа в своем мундире, и он очень красив. Его волосы аккуратно зачесаны назад под фуражкой. Он смотрит куда-то вдаль, словно кто-то, очень важный для него, стоит у самого горизонта.

Перед уходом на войну папа усадил меня к себе на колени, а я умоляла его никуда не уезжать. Он же крепко обнял меня и сказал: «Если станешь слишком сильно скучать по мне, посмотри на небо и найди самую большую, самую яркую звезду, и я тоже буду смотреть на нее каждый вечер». Мы оба будем знать, что смотрим на одну и ту же звезду, и загадываем наше самое заветное желание – чтобы он скорее вернулся домой. Тогда оно непременно сбудется. Но не сбылось, и я чувствовала себя так, словно сама умерла вместе с папой. Но все изменилось, когда я встретила тебя.

О, почему же мне теперь так страшно и так тошно на душе? И где же ты? Разве ты больше не любишь меня?

– Айви! А ну-ка, спускайся сюда сейчас же! – прорычал из гостиной дядя Фрэнк.

Айви медленно убрала листок в ящик стола, положила на место ручку и попыталась унять болезненную тяжесть, возникшую где-то внизу живота. Она вышла из спальни, дрожа всем телом, и спустилась по лестнице в

гостиную.

– Ну, где же она? Айви! – заорал дядя Фрэнк как раз в тот момент, когда она показалась в дверном проеме.

– Она уже здесь, – тихо сказала мать, видя, как Айви с трудом заставляет себя войти в комнату, где все собрались и сидели, сверля ее суровыми взглядами. В воздухе густо висел табачный дым. Дядя Фрэнк и доктор Джейкобсон сидели на потертом диване с сигаретами, а мать неловко пристроилась на стуле в углу.

– Вы меня звали, дядя? – спросила Айви.

– Не пытайся подлизываться, ты, маленькая шлюшка!

– Прошу тебя, Фрэнк, не надо! У нас же в доме гость. – Мать Айви, волнуясь, заламывала руки.

– А ты не лезь защищать ее, Мод. Ясно, что ты не сумела приучить дочь к дисциплине. Позволь теперь мне заняться этим самому. Ну, ты можешь что-то сказать в свое оправдание?

Айви стояла молча, опустив голову. Слезы обжигали ей глаза, и она почувствовала удушье, от которого круглые узоры на оранжево-коричневом ковре начинали кружиться, словно она была готова упасть в обморок.

– Отец ребенка собирается жениться на тебе? – резко спросил дядя Фрэнк.

– Я пока не знаю, дядя, – прошептала она.

– Ты хотя бы разговаривала с ним?

Айви заморгала, и слезы ручьем полились по ее щекам. Она подняла ладонь и постаралась утереть их.

– Отвечай как следует, или ощутишь на себе всю тяжесть моих кулаков.

– Я пока не могу разыскать его, – сказала Айви.

В комнате воцарилась тишина, а потом стены сотряс оглушительный хохот дяди Фрэнка.

– Понятное дело, не можешь.

Он встал и подошел к буфету, где налил себе большую порцию виски.

– Не могу взять в толк, почему ты вбила себе в башку, что такой парень заинтересуется тобой всерьез. Ему только и надо было завалить тебя на спину разок-другой. Попомни мои слова: ты больше ничего от него не добьешься.

– Перестань мучить ее, Фрэнк! – снова попробовала вмешаться мать Айви.

Фрэнк приблизился к Айви и встал перед ней. Она не смела пошевелиться под его угрюмым взглядом, видя его багровое от ярости

лицо. Напрягла каждую мышцу своего тела, ожидая, что он сейчас ударит ее.

– Видит бог, я старался заменить тебе отца и делал все для твоего воспитания, но, как теперь понимаю, потерпел неудачу. Тебя так и подмывало опозорить не только себя. Ты бросила тень на репутацию всей нашей семьи.

Айви посмотрела на мать, которая разразилась рыданиями.

Фрэнк продолжал:

– Если бы не доктор Джейкобсон, который благосклонно согласился поговорить с отцом Бенджамином о месте для тебя и младенца в приюте Святой Маргариты, ты оказалась бы просто выброшенной на улицу. У меня ты вызываешь только отвращение, Айви. Никогда в жизни я не испытывал такого разочарования и отвращения. Остается надеяться, что тебя заберут отсюда быстро, пока беременность не стала заметна посторонним.

– Боюсь, вам придется еще и заплатить им, Фрэнк, – заявил доктор Джейкобсон. – Они не примут ее бесплатно.

– Сколько? – спросил Фрэнк.

– Узнаю точно у отца Бенджамина в воскресенье, но примерно сто фунтов.

– Но у нас нет таких денег! – снова завопил Фрэнк.

– В таком случае ей придется задержаться там после того, как для ребенка найдут приемных родителей, и отработать долг.

– Надолго? – Айви умоляюще посмотрела на мать, побелевшую как полотно.

– Насколько мне известно, на три года, – равнодушно ответил доктор Джейкобсон, словно обсуждал погоду за окном, а не описывал то, что было равносильно тюремному заключению.

Айви ахнула и бросилась к матери, хватая ее за руки, которыми она мяла мокрый носовой платок.

– Мамочка, умоляю, не отправляй меня туда.

Дядя Фрэнк сразу же подошел, ухватил Айви сзади и оттащил дочь от матери.

– Не вмешивай в это дело свою мать. Тебе не кажется, что она уже пережила достаточно горя?

– А вы только рады случившемуся. Теперь у вас появился предлог избавиться от меня. – Айви высвободилась из крепких рук дяди Фрэнка.

– Не городи чепухи, Айви.

Мать отстранилась и отвела в сторону опухшие и покрасневшие от слез глаза.

Айви стояла, низко склонив голову, глядя, как плещется виски в стакане дяди Фрэнка, который с силой сжимал его в пальцах. Внезапно он швырнул стакан в стену, разбив его вдребезги.

– Иди прочь с глаз моих! – заорал он. – Твой отец сейчас, должно быть, вертится в своем гробу от стыда.

Айви выбежала из комнаты, поднялась к себе в спальню, на ходу лихорадочно вытирая слезы, достала из стола листок и снова принялась писать.

Дядя Фрэнк утверждает, что единственный способ избежать позора для семьи, виновницей которого я стала, – это поскорее отправить меня отсюда подальше, чтобы беременность не стала видна всем и соседи ни о чем не узнали. Место, куда меня отправят, называется монашеским приютом Святой Маргариты в Престоне, там рожают детишек такие девушки, как я.

Я знаю, мама не хочет отпускать меня, но она говорит, что мы живем в доме дяди Фрэнка и нам вообще повезло иметь крышу над головой, потому что папа не оставил нам ни гроша. Я ненавижу, когда она говорит так о моем любимом папе. Ведь не его вина в том, что его отправили на войну и он погиб.

По словам доктора Джейкобсона, мне придется пробыть в приюте достаточно долго – быть может, целых три года, – чтобы отработать мое содержание там, поскольку у нас нет ста фунтов на покрытие расходов. Судя по тем роскошным ужинам, что ты устраивал для меня, и по дорогим подаркам, которые ты, по доброте своей, покупал мне, – сто фунтов не окажутся для тебя чрезмерной суммой. Я, конечно, понимаю, почему ты не хотел бы допустить скандальных публикаций в газетах в начале твоего первого сезона в Брайтоне. Но если бы ты заплатил эти сто фунтов и пообещал дяде Фрэнку скоро жениться на мне, я смогла бы выдержать любые страдания и боль, зная, что мы вновь будем вместе после того, как ребенок – наш с тобой ребенок – появится на свет.

Последние несколько месяцев и та блаженная ночь, которую мы провели вместе в отеле «Роуз», стали самыми счастливыми в моей жизни. Я очень скучаю по тебе. Не могу ни есть, ни спать. Мне страшно от того, что может произойти со мной и с младенцем, растущим сейчас в моем животе. По ночам я лежу в постели, поглаживая его и надеясь, что вынашиваю мальчика, такого же сильного и красивого, как его отец.

Дядя Фрэнк считает наивностью с моей стороны верить, что ты мог по-настоящему полюбить меня. После того как ты добился от меня

чего хотел, утверждает он, ты больше не пожелаешь даже встретиться со мной.

Пожалуйста, любимый мой, докажи, что он ошибается. Это письмо я сама опущу в твой почтовый ящик, чтобы оно наверняка дошло до тебя.

В воскресенье, во время встречи в церкви, доктор Джейкобсон собирается обсудить с отцом Бенджамином мой скорый отъезд отсюда. Думаю, решение будет ими принято в считаные дни. Даже не знаю, что мне думать, как поступить. Умоляю, дорогой мой. Я могу сделать тебя счастливым, и мы создадим хорошую семью. Только приезжай за мной как можно скорее. Будущее невероятно страшит меня.

С вечной любовью к тебе,

твоя Айви xx.

Она тщательно сложила письмо, сунула в конверт и заклеила. Она дождется, когда мама и дядя Фрэнк заснут, а потом тихо выберется из дома, чтобы лично доставить его.

Она знала то место, куда они собирались отправить ее, – приют Святой Маргариты в Престоне. Мрачное здание всегда производило на нее гнетущее впечатление, когда каждое воскресенье они проходили мимо него по пути в церковь. Издали оно походило на сожженный хозяйкой имбирный пирог – высокое, удлиненной формы с маленькими башенками, с колоннами, напоминавшими шоколадные палочки, с витражами в окнах. Огромные кресты по углам высились на фоне неба, а по стенам к шиферной крыше взбирался дикий плющ, постепенно все больше разрастаясь.

Разнообразные слухи ходили по школе о двух девочках, отправленных туда рожать незапланированных детей. Одна из них через несколько месяцев вернулась, но напоминала бледную тень себя прежней. А вот другую девочку больше никто и никогда не видел. Айви обязательно уговорит Алистера жениться на ней. Сделает все, что только в ее силах, чтобы не попасть в этот страшный приют. Стоит ей переступить порог Святой Маргариты, понимала она, и все старания сохранить своего ребенка окажутся напрасными.

Глава 5

4 февраля 2017 года, суббота

Двухчасовое чтение жутких статей о том, как в прошлом младенцев насильно забирали у матерей, от чего несчастные женщины зачастую уже никогда не могли оправиться и вернуться к нормальной жизни, окончательно извело Сэм. Девушек заставляли работать в прачечных, управляться с громоздкими стиральными машинами, заниматься самым тяжелым трудом вплоть до последних дней перед родами. Младенцев же отбирали у них сразу после появления на свет, заставляя матерей подписывать заявления с отказом от любых попыток разыскать своих детей.

Мысли об этом заставили Сэм заплакать, она легла рядом с Эммой в белоснежную постель и прижала крошечное мягкое тельце девочки к себе. Ведь это очень мощный женский инстинкт – стремление защитить ребенка. Как же монахиням удалось настолько подчинить себе бедных девушек? Убедить их не только бросить своих детей, но и подписать обязательство, благодаря которому поиск ребенка в будущем становился незаконным. Варварство какое-то. Настоящая дикость.

Она посмотрела на письмо и обвела написанные строки пальцем. Айви не повезло родиться всего лишь на одно поколение раньше. Сама Сэм, ставшая с недавних пор матерью-одиночкой, не могла не испытывать глубокого шока от того факта, что в приюте имени Святой Маргариты, располагавшемся совсем рядом с ее домом, у матерей отбирали младенцев вплоть до середины семидесятых годов.

Она почувствовала острую тягу пойти туда и посмотреть, как жили девушки, где спали младенцы, что за труд выпадал на долю матерей для оплаты своего содержания. Потенциальная связь Китти Кэннон с этим страшным местом интриговала ее, но теперь она представила себя на месте Айви, а потому хотела увидеть все ее глазами.

Из публикаций в интернете Сэм выяснила, что руины старого ветхого приюта планировали окончательно снести во вторник, и у нее оставалось всего два дня, чтобы побывать там, пока его полностью не уничтожат. Сейчас уже начало пятидневной рабочей недели. А значит, времени на посещение того, что еще оставалось от здания, было действительно совсем

мало. Если она хочет попасть туда, ей придется завтра подняться до рассвета, все осмотреть и успеть в редакцию к десяти.

Проваливаясь в долгожданный сон, она вновь мысленно вернулась к лежавшему на прикроватном столике письму, непостижимым образом попавшему в архив ее деда, и к той смертельно испуганной молодой женщине, написавшей его.

Глава 6

5 февраля 2017 года, воскресенье

Китти ждала на пороге особняка Ричарда Стоуна, расположенного в центре Лондона, пока тот отпирал двойной замок и открывал дверь, чтобы жестом пригласить ее войти.

Они не простояли в холле и тридцати секунд, как сработала охранная сигнализация, и Ричарду пришлось срочно набирать на особой панели кодовый номер. Его пальцы, уже скрюченные артритом и покрытые старческими пятнами, слегка дрожали при этом.

– Прошу прощения. С тех пор как умерла жена, я постоянно забываю отключать сигнализацию, когда встаю с постели, как это положено делать.

Китти улыбнулась.

– Я искренне благодарна вам за то, что согласились встретиться со мной, так срочно и не запланированно. Но я не знала, к кому еще могу обратиться.

– Не стоит благодарить меня. Это часть моей работы. Жаль, конечно, что время не самое удобное. Мы с сыном давно договорились пообедать, но мне приходится это откладывать уже не первую неделю.

Ричард повесил ключ на крючок у двери, а потом провел Китти по коридору в кабинет, пол которого был покрыт мягким ковром, а стены увешаны черно-белыми фотографиями двух сыновей хозяина, сделанными во время разнообразных семейных праздников и пикников.

– Вы не будете возражать, если я быстро воспользуюсь вашим туалетом? – спросила Китти.

– Разумеется. И вы ведь прекрасно знаете, куда идти, верно? Я подожду вас здесь, – отозвался Ричард.

Когда Китти вернулась, он пригласил ее присесть в глубокое, обитое коричневой кожей кресло, стоявшее в углу.

– Пожалуйста, располагайтесь поудобнее.

Китти оглядела комнату, которая была ей знакома так же хорошо, как собственная гостиная, и чуть нервно вздохнула. Низкий столик с традиционной коробкой бумажных носовых платков, гравюра, которая ей никогда не нравилась, кремовые жалюзи на окнах, впускавшие в помещение немного света с улицы, чтобы не пугать посетителей с

клаустрофобией. Она приходила к Ричарду уже с незапамятных времен, откровенничала с ним порой на грани кокетства, рассказывала о своей личной жизни, о бессоннице, о подробностях карьеры. По правде говоря, ее уже тошнило от вида его кабинета, от постоянных расспросов по поводу ее прошлого, от нервных срывов, которые так нравятся всем психоаналитикам, и от его предсказуемых реакций на них.

– Не хотите снять пальто? – спросил Ричард с улыбкой, присаживаясь напротив нее.

– Нет, спасибо, я никак не могу пока согреться, – сказала Китти, но, прежде чем сесть, стянула с пальцев свои кашемировые перчатки.

Ричард, положив одну ногу на другую, откинулся на спинку своего кресла. Китти избегала его взгляда, пока укладывала перчатки в сумочку, которую сначала держала на коленях, а потом небрежно, с мягким стуком, бросила на пол рядом с собой. Наконец она посмотрела на него, убедилась, что его голубые глаза пристально устремлены на нее, и снова отвела взгляд в сторону.

– Как поживаете, Китти? Все в порядке?

Она какое-то время поерзала в кресле, пока не нашла для себя подходящей позы, слегка сгорбив плечи. Вслушалась в звук своего тяжелого дыхания. За окном раздался сигнал автомобиля, от которого она вздрогнула.

– Не представляю, как вы можете жить в самом центре города, – сказала она.

Ричард снова нежно ей улыбнулся.

– Это позволяет мне чувствовать себя по-прежнему молодым.

– Удивительно, что, выслушивая нытье и жалобы на жизнь других людей, вы зарабатываете достаточно, чтобы позволить себе такую роскошь.

Ричард сделал глоток воды.

– Я бы не стал называть это нытьем и жалобами. Вы уверены, что вам удобно в пальто?

– Да, уверена. И пожалуйста, оставьте этот ненужный разговор. Я пришла сюда для того, чтобы отдохнуть от постоянно окружающего меня лицемерия.

– Вы полагаете, что, если людей заботит ваш комфорт, они обязательно лицемерят? – спросил Ричард.

Китти по-прежнему разглядывала его ботинки, избегая пытливого взгляда собеседника. Это была пара коричневых кожаных мокасин, достаточно поношенных, но сохранивших блеск и глянец, это доказывало, что хозяин умел ухаживать за своей обувью.

Таким же ухоженным выглядел и сам Ричард, отметила про себя Китти.

Ему уже перевалило за восемьдесят, голова почти совсем облысела, под глазами тяжелые мешки, но его полинявшие джинсы были тщательно выглажены, а шерстяной джемпер явно недавно постирали. И вся обстановка в комнате говорила о том, что даже после недавней смерти жены кто-то приглядывал за ним. Возможно, домработница или те же любящие сыновья.

Китти замечала в характере Ричарда отчетливые черты, присущие человеку, который все планировал заранее. Он и жену выбрал из тех женщин, у которых ничего не пропадало зря, умевших экономить и рассчитывать семейные расходы: «Не надо выбрасывать это кресло, дорогой. Я, возможно, смогу сама покрыть его лаком и использовать вместо стула в детской». Он вспоминал, как они наслаждались отпусками, проведенными в походах по стране, заменявшими дорогие путешествия за границу. Все это помогло им накопить достаточно денег, чтобы купить дом в центре Лондона, когда они были еще молоды. Важное решение. Благодаря этому, он смог обеспечить себя богатой клиентурой, и они оба вели самый комфортный образ жизни до наступления старости.

– Прекрасно выглядите, – сказала Китти таким тоном, словно хотела обидеть его. – Уезжали куда-то, чтобы развеяться?

– Да, – ответил Ричард. – Уезжал на пару дней навестить сына.

Он рассеянно крутил обручальное кольцо большим пальцем левой руки, и Китти живо представила себе его вместе с любимым сыном, сидящими на живописной городской площади. Время от времени они улыбались друг другу и наблюдали за жизнью, протекающей вокруг них. Ричард превосходно воспитал мальчика, и между ними настолько глубокое взаимопонимание, что им не нужно поддерживать постоянный разговор. Быть может, один из них мог бросить случайную реплику о том, как понравилось бы место, где они находились, покойной жене психолога.

– Не хотите рассказать, от чего вы так взволнованы, Китти?

Она погладила ворс своего пальто. Радиатор отопления у нее за спиной излучал такой жар, что на лице быстро выступил пот. Она почувствовала, как краснеет, когда ей все же пришлось расстегнуть пуговицы и распахнуть пальто.

Ричард положил ладони на колени.

– Как прошел ваш прощальный ужин?

Китти чуть сменила позу и вздохнула.

– Отлично. Не считая того, что я чувствовала себя невидимкой.

Она принялась ковырять кожу вокруг ногтей.

– Потому что все те люди, которых я уважаю, смотрели не на меня, а сквозь меня. Хотя прежде не сводили с меня глаз. Прекращали разговоры, чтобы прислушаться к моим словам. Не знаю, когда именно это началось, но вчера определенно было так. Они смотрели на других, более молодых женщин, более привлекательных, у кого еще вся жизнь впереди. И у меня возникло чувство, словно во мне угасает какой-то внутренний огонь, и меня больше не воспринимают так, как раньше.

Она начала пальцем обводить круг на одной из своих брючин. Снова и снова.

Ричард намеренно помолчал немного, дожидаясь от нее продолжения.

– Быть может, так воспринимали ситуацию только вы сами, а остальные по-прежнему видели в вас внутренний огонь, как вы сами это называете.

Китти посмотрела на часы, стрелки которых, казалось, сначала замедлили вращение, а потом и вовсе остановились.

– Когда я уезжала оттуда одна, чувство было такое, словно я побывала на собственных похоронах. Я знала, что никто из них не станет особенно скучать по мне. У вас все иначе, Ричард. Вы заслужили то, что имеете, потому что поступали правильно. Вы по-настоящему любили, вы ставили перед собой важные цели, но превыше всего для вас семейные ценности. Работа для вас вторична.

– Опасно сравнивать себя с другими, Китти. По-настоящему мы можем понимать только то, что происходит в нашей собственной жизни.

– Бросьте. Не надо принижать себя. Находясь в вашем доме, я ощущаю атмосферу счастья и довольства собой. Это чистая правда, а не просто пустые комплименты, и я в самом деле так считаю. Я действительно завидую тому, что у вас есть. У меня же была только работа, и она теперь уходит от меня в черноту небытия.

Ричард откашлялся.

– Вы утверждаете, что у вас была только работа, а между тем вчера собрали вокруг себя людей, которые хотели показать свою любовь к вам, свое восхищение вами.

Китти выразительно посмотрела на него и помотала головой:

– Они пришли туда только ради самих себя.

– Думаю, вы слишком строги к себе. А разве не может все обстоять наоборот, и это вы перестали относиться к ним с интересом и с прежней любовью? Вы злитесь на них, поскольку они не сумели стать теми, кем вы хотели их видеть.

– И все потому, что они любят меня вовсе не за то, за что должны были любить? Это очень банально, вам не кажется? – Она поднялась, наконец сняла пальто и подошла к двери балкона, откуда открывался вид на небольшой, но красиво обустроенный сад.

– Нет, это вовсе не банально, хотеть быть любимой за то, что действительно стоит любви. Но как вы можете ожидать этого от них, если скрываете себя настоящую? Вероятно, именно ваша работа заставляет вас носить маску, которую вы боитесь снять и оказаться отвергнутой. Вы, наверное, безумно устали от постоянного лицемерия. У вас есть кто-нибудь, с кем вы можете поговорить по душам, Китти? Не считая меня, конечно. Подруга? Близкий человек?

– Была когда-то, – ответила Китти, скрещивая на груди руки и отворачиваясь.

– И что же случилось?

– Я потеряла ее, – тихо сказала Китти.

– В каком смысле «потеряли»?

Он слегка повернулся в кресле, заметно морщась при этом: стало ясно, что его мучают боли в спине и суставах.

Китти молчала. Затем вернулась к своему креслу, свернула лежавшее на нем пальто и бросила рядом с сумкой. Потом села и опять тяжело вздохнула.

– Вы правы. Я очень устала. Я не могу нормально выспаться, черт побери! Темазепам, который вы прописали, помогает быстро отключиться, но уже через два или три часа я снова просыпаюсь. От этого можно просто сойти с ума.

– И отчего же вы просыпаетесь? – спросил Ричард.

Китти наблюдала, как черный кот гонялся по лужайке за белкой и загнал ее на верхушку сикомора.

Ричард решил слегка надавить на нее.

– Вам снится один и тот же навязчивый сон? Какой-то повторяющийся кошмар, надо полагать?

Китти сосредоточила внимание на своем браслете, перебирая пальцами и вращая каждую из свисавших с него подвесок.

– Я будто бегу по тому туннелю, через который сбежала она, но никак не могу увидеть свет в конце. Я все бегу и бегу и не могу добраться до выхода. Мне кажется, он все дальше и дальше от меня.

– Вы говорите о своей сестре? О туннеле, через который сбежала ваша сестра? – спросил Ричард.

Китти кивнула.

– Сны зачастую означают так и не решенные вами проблемы, с которыми мозг все еще пытается справиться, пока вы спите. И они будут возвращаться к вам до тех пор, пока вы не поймете, в чем их смысл, какое в них послание.

Он не сводил с Китти пристального взгляда.

– Я не расспрашивала отца, как умерла сестра. Она была еще жива, когда я побежала позвать кого-нибудь на помощь, – едва слышно сказала Китти, ощущая, как пересохло у нее во рту. – Но я знала, что ему солгали, и он тоже лгал нам.

Китти опять впилась в кожу вокруг своих ногтей. С такой силой, что выступила кровь, и она скорчилась от боли.

– Кто именно солгал ему? Как вы считаете, что на самом деле произошло с ней?

– Думаю, они поймали ее и наказали за побег, – ответила Китти, впервые прямо посмотрев ему в глаза.

– За побег откуда? – Ричард плавным движением выпрямил ноги и склонился ближе к ней. – Она находилась в какой-то лечебнице? Вам что-нибудь известно об этом?

Китти ощутила, как напряглась каждая мышца ее тела.

– Она жила в заведении под названием Святая Маргарита. Это был приют для матерей-одиночек в Сассексе.

Ричард теперь смотрел на нее еще более пристально. Его лицо побледнело, а рука, лежавшая у него на колене, побелела от силы, с которой он сжал ее.

– Но они совершили ошибку, – продолжала Китти. – Они не знали, что она нашла меня, когда я вышла из церкви. В тот день я пришла на службу одна, без родителей. Сестра подала мне сигнал из-за могил на погосте. Они уже поняли, что она сбежала, но не подозревали, что она нашла меня, и я побежала за помощью.

Она сделала паузу и посмотрела на Ричарда, который дышал очень медленно и глубоко.

– Сколько лет вам было, когда все это случилось? – спросил он.

– Восемь. Мне тогда было всего восемь лет.

Она не сводила глаз с рук Ричарда, которые начали заметно дрожать.

– Прошу прощения, мне надо отлучиться, – сказал он, медленно поднимаясь из кресла и издав при этом глухой стон.

Пока он шел к двери, его слегка пошатывало.

– С вами все хорошо, Ричард? – спросила Китти.

– Да. Просто очень утомился в дороге. Вернусь через минуту.

Китти снова села на свое место и посмотрела на часы. У нее оставалось еще полчаса.

Прошло не более двух минут, как Ричард вернулся в кабинет со стаканом воды в руке.

– Еще раз прошу прощения, что пришлось оставить вас одну. Обычно я ни на секунду не покидаю своих пациентов. Но последние дни были очень трудными для меня. Вернемся к тому, на чем остановились. Почему вы отправились в церковь одна в то воскресенье?

Китти встала и подошла к книжному шкафу. Взяла снежный шар и потрясла его. Снег взлетел над крышами крошечной деревеньки под стеклом.

– Отец тогда провел весь день в больнице. Я знала, что мама серьезно больна. А я посещала церковь каждое воскресенье всю свою жизнь. Если отец работал, мы с мамой ездили на автобусе. Поэтому я знала номер нужного мне маршрута, понимала, как туда добраться. Торчала дома одна очень долго, места себе не находила, думала о маме в больнице, очень хотелось вырваться куда-нибудь, сделать хоть что-то, чтобы как-то помочь. Я пропустила утреннюю службу, но я знала, что будет вторая, после обеда, мама иногда ходила на нее одна.

Она вернулась к креслу и села, поставив снежный шар на колено. Снежинки успели улечься, и Китти вообразила себя восьмилетней внутри шара. В своем самом лучшем красном пальто она стояла перед церковью.

– Так что я оказалась там почти случайно. И это изменило в дальнейшем всю мою жизнь. А я ведь всего лишь хотела помолиться Господу за здоровье своей мамы. Забыть не могу, какой стоял холод. Снег скрипел у меня под ногами, почти заглушая звон церковных колоколов.

Китти смотрела на Ричарда, а мыслями уже вернулась в прошлое. Вспомнила автобус, который трясся по заснеженным дорогам Восточного Сассекса, чтобы впервые в жизни свести их вместе с сестрой.

Глава 7

15 февраля 1959 года, воскресенье

Китти куталась в свое новое красное пальто из шерсти, пока автобус пытался проехать по извилистой дороге, которая вела к Престону. Обочины покрывала корка льда, а за ней простирались густо усыпанные снегом поля. Она вошла в автобус на своей остановке, заплатила водителю за билет мелочью, которую взяла с прикроватного столика отца, и села у окна. Но вскоре к ней и к другим пассажирам присоединилась пожилая леди, – соседка, знакомая ей в основном по службам в церкви. От дыхания Китти оконное стекло запотело, и она время от времени протирала его своей черной вязаной варежкой. Она то и дело видела в полях фигуры монахинь, которые показывались из-за живых изгородей или бродили у края шоссе, их дыхание на морозном воздухе превращалось в белые облачка.

Она искоса бросила взгляд на свою знакомую попутчицу. Она была модно и нарядно одета, а волосы собраны в аккуратный пучок. Ей, как подумала Китти, наверняка потребовалось несколько попыток, чтобы прическа получилась настолько опрятной и ровной. На свое плотное коричневое пальто, сшитое из какой-то странной ткани, напоминавшей ковер, дама нацепила черную стеклянную брошь. Она тряслась вместе с автобусом, который ехал по неровной дороге, но ее взгляд был неподвижно устремлен вперед. На коленях леди держала свою большую сумку. Китти так и подмывало спросить, что именно могли искать в полях монахини, но старушка даже ни разу не посмотрела на нее с тех пор, как села в автобус, а ее губы были плотно зажаты, что показывало ее нежелание разговаривать.

Китти немного вздрогнула от неожиданности, когда они остановились у перекрестка. На дорожном указателе было написано Престон-лейн. И они свернули в переулок, проехав мимо темного силуэта усадьбы «Престон». Далее направились к Саут-Даунз, где на горизонте показалось здание в викторианском стиле. Сколько она себя помнила, это четырехэтажное здание с двойным фронтоном всегда привлекало ее особое внимание. Издалека оно напоминало девочке никому больше не нужный старый кукольный домик, брошенный кем-то за ненадобностью посреди пыльного чердака. В десяти тусклых окнах, протянувшихся вдоль каждого из четырех этажей, никогда не виднелось и проблеска света. Бежевые на первый взгляд

стены густо заросли плющом. Однако по мере приближения к зданию его цвет невероятным образом менялся, превращаясь в совершенно серый и почти черный по углам. Огромные кресты высились повсюду над крышей, а небольшие башенки напоминали Китти тюрьму, куда заключили Рапунцель из сказки, которую отец читал ей вслух.

Покрытая гравием дорожка к дому была окружена густыми зарослями леса. Медленно проехав по ней, они добрались до своего рода поляны, где снова остановились. Двери автобуса со скрежетом открылись, и из него вышла молодая женщина, она с трудом несла тяжелый на вид чемодан. Ее большой и округлый живот упирался в чемодан, когда она волокла его через проход между сиденьями, и Китти при этом услышала, как пожилая леди осуждающе хмыкнула.

В тени деревьев, облаченный в черное с головы до ног, если не считать белой полоски воротничка, стоял отец Бенджамин. Китти узнала его, он был настоятелем церкви Престона. Она осмотрелась вокруг и заметила нескольких девушек, бродивших вдоль канавы, проходившей по периметру леса у дорожки. На них были коричневые балахоны, а командовали ими две строгие монахини в сутанах. Китти пригляделась к ближайшей из девушек. Ее волосы остригли по-мальчишески коротко, а кожа лица казалась бледнее снега под ее ногами.

Одна из монахинь подала знак, и девушка выбралась из канавы. На самом краю она на мгновение чуть не потеряла равновесие, но затем выпрямилась и прижала руку к пояснице. Стал виден ее огромный живот.

Как только автобус тронулся, девушка подняла взгляд и удивленно посмотрела на Китти своими проницательными угольно-черными глазами. Китти сползла ниже на сиденье, это не помогло ей укрыться от пристального взгляда, но почти сразу монахиня крикнула на девушку, заставив ее двигаться дальше.

Китти беспокойно заерзала на месте и стала нервно грызть кожу вокруг ногтей. Ей отчаянно хотелось выбраться из дома, что-то предпринять, но сейчас она оказалась в этом автобусе одна, впервые без присмотра родителей, и у нее случился приступ паники. Хотя двигатель работал и обогрев салона был включен, она ощутила, как холод проникает сквозь раздвижные двери и через щели в окнах, пытаясь добраться до нее. Когда они наконец доехали до церкви, ее дыхание стало тяжелым и сбивчивым. Из автобуса начали выходить все оставшиеся в нем пассажиры.

Было только три часа дня, но дул ледяной февральский ветер, и уже начинало смеркаться. Стараясь ступать осторожно в своих лучших фирменных туфлях, Китти тоже стала спускаться по автобусным

ступенькам.

– С вами все в порядке, мисс? – спросил водитель, включая передачу и готовясь двигаться в обратный путь.

– Да. Мой папа ждет меня в церкви, – соврала Китти, заранее подготовившись к поездке.

– Вот и хорошо. Только будьте осторожны на льду.

Двери автобуса закрылись у нее за спиной, и она осталась предоставленной самой себе, наблюдая, как паства торопится зайти в тесное помещение церкви. Она пожалела, что отца и в самом деле не было сейчас рядом. Она двигалась вперед, под ногами хрустела тонкая снежная корка, и она представила, что идет вместе с отцом, что делает два или три быстрых шажка, чтобы не отставать от него и поспевать за его широким шагом.

Войдя в ворота и уже минуя занесенные снегом надгробия погоста, она ненадолго задержалась и огляделась вокруг. Прихожане уже скрылись внутри, их болтовня стихла, и единственным звуком, доносившимся теперь до нее, стало карканье ворон, две из которых разглядывали ее, усевшись на голые ветви деревьев, нависавших над дорожкой.

Но внезапно птицы замолкли, и она остро ощутила, что кто-то еще следит за ней.

Пока она стояла у рядов могильных камней, в отдалении ей почудилось какое-то движение. Вороны взмыли в небо, стряхнув снег с ветвей, на которых сидели, прямо на голову Китти и за воротник ее новенького красного пальто.

Она вскрикнула от неожиданности, стала торопливо отряхиваться, а в это время мужчина в длинном черном плаще уже принялся закрывать церковные двери.

– Подождите! – окликнула она его и бросилась под защиту стен церкви, стараясь не поскользнуться на льду. Успела в последний раз оглянуться в сторону кладбища, чувствуя мурашки, пробегавшие по всему телу, а затем вошла внутрь, и двери за ней захлопнулись.

Глава 8

5 февраля 2017 года, воскресенье

Было еще совсем раннее утро, когда Сэм остановилась вблизи бывшего приюта Святой Маргариты. Оставив Нану и Эмму спать в своих теплых постелях еще до рассвета, она тихо выбралась на мороз, туда, где был припаркован ее «воксхолл-нова», чтобы узкими и извилистыми переулками Престона доставить ее на покрытую туманом окраину тихого городка в сельском Сассексе.

Заброшенное здание в готическом стиле, популярном в Викторианскую эпоху, высилось перед ней, оно оказалось значительно больше, чем она представляла – ряды узких сводчатых окон под острой крышей с устремленными вверх над ней крестами. Природа уже взяла верх над домом, покрыв все толстым слоем плесени, а плющ разросся так, что стало трудно определить место, где стены упирались в землю. Особняк стоял одиноко посреди обширного пространства, и в глаза бросались явные следы приготовлений к его окончательному сносу. Повсюду была строительная техника, высились груды песка для засыпки фундамента, а стрела крана, высотой не менее ста футов, склонилась над зданием, и массивное стальное ядро на ее конце, казалось, только и ждет момента, чтобы приступить к своей разрушительной работе.

Плотнее закутавшись в пальто, Сэм остановилась перед металлической оградой, окружавшей это место по всему периметру. Она представила, как много лет назад здесь же стояла одна из тех девушек, положив одну руку на живот, в котором уже шевелился младенец, а в другой держа сумку со скудными пожитками. Девушка, брошенная всеми, кого прежде любила, и понятия не имевшая, какое будущее ожидает ее.

Сэм подергала два крупных замка, надежно запиравших вход за ограду, а потом отошла назад, чтобы прочитать все специально установленные вывески и плакаты с предупреждениями:

> ЗДАНИЕ ПОДЛЕЖИТ СНОСУ. ВНИМАНИЕ: СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА. НЕ ВХОДИТЬ! ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ЗАПРЕЩЕН.

Чуть в стороне на стойке виднелся красочный рекламный рисунок, на котором архитектор изобразил семь заманчиво красивых коттеджей.

> УДОСТОЕННЫЙ ПРИЗА ПРОЕКТ НОВОГО ЖИЛОГО КВАРТАЛА. ФИРМА «СЛЕЙД ХОУМЗ» ОБЪЕДИНЯЕТ ТРАДИЦИОННУЮ ЭЛЕГАНТНОСТЬ КЛАССИКИ ФАСАДОВ С САМОЙ СОВРЕМЕННОЙ ОТДЕЛКОЙ ИНТЕРЬЕРОВ ПОСРЕДИ ЖИВОПИСНОГО ЛАНДШАФТА, РЯДОМ С УЕДИНЕННЫМ ГОРОДКОМ ПРЕСТОН В САМОМ СЕРДЦЕ САССЕКСА.

Крупными красными буквами на приколоченной поверх рисунка дощечке были выведены слова:

ВСЕ ДОМА УЖЕ ПРОДАНЫ БУДУЩИМ ВЛАДЕЛЬЦАМ.

Сэм повернулась и начала обход площадки, проводя рукой в перчатке по сетке ограждения. Сначала она не видела никаких признаков жизни, только откуда-то издали доносился лай собаки, но затем она набрела на сторожку охранника, внутри которой горел свет. Сэм направилась к ней, дважды споткнувшись о ледяные комья грязи носами туфель на высоких каблуках. Когда она подошла к парадному входу здания, появилась немецкая овчарка, она заливалась лаем, но чуть испуганно пятилась от непрошеной гостьи. Сэм инстинктивно остановилась, и хотя заметила, что пса держат на цепи и ее отделяет от него крепкий забор, у нее все равно учащенно забилось сердце.

– Макс! – выкрикнул мужской голос. – Заткнись!

В сторожке было достаточно светло, чтобы разглядеть внутри силуэт мужчины с волосами, собранными сзади в «конский хвост», который шел открывать дверь.

– В чем дело? Кто там?

Он был высокий, с толстой шеей и широкими плечами, как сразу отметила Сэм. Несмотря на холод, на нем была лишь одна сильно помятая футболка. Его черные сапоги мотоциклиста оставались незашнурованными. На одном из пальцев левой руки красовалось кольцо с украшением в виде золотой монеты, он держал в руке жестяную кружку, от которой поднимался пар. Он осмотрелся сначала с порога и только потом спустился по ступеням, чтобы как следует рассмотреть того, кто потревожил его собаку, продолжавшую грозно рычать на Сэм.

Она заранее продумала все возможные варианты событий, которые могут с ней произойти у здания бывшего приюта имени Святой Маргариты. Лучшим из них было бы обнаружить крупную дыру в ограде, чтобы вокруг никого не оказалось, и найти разбитое стекло в одном из окон, через которое легко забраться внутрь. Встреча со скучающим работником строительной фирмы тоже не оказалась бы проблемой, если бы прямо на месте располагался офис продаж. Тогда она могла бы сделать вид, что заинтересована в приобретении одного из новых домов, напроситься на экскурсию, чтобы потом с извинениями уйти. Даже сторожа она сумела бы очаровать. Но вышедший навстречу человек не был похож на обычного сторожа. Этот крупный мужчина скорее походил на управляющего строительством, поселившегося прямо на месте будущих работ со своим питомцем, походившим на прирученного волка-оборотня.

– Доброе утро! – пропела она и приветливо помахала рукой. – Простите. Я вовсе не хотела беспокоить вас и вашу собаку.

Он повернулся к ней, щурясь от солнца, и стала видна его густая козлиная борода. Глаза у него заслезились от дыма сигареты, которую он держал в другой руке. Сэм сумела прочитать надпись на футболке: «Врежь мне по морде. Сделай подарок ко дню рождения». Она притворилась, будто это насмешило ее. Улыбнулась, но от него реакции не последовало. Он разглядывал ее так долго, что Сэм почувствовала себя крайне неуютно под тяжелым взглядом. Пес снова залаял, и мужчина наконец отвел от нее глаза, чтобы ударить собаку ногой, с такой силой, что она взвыла от боли.

Здоровяк довольно ухмыльнулся и снова уставился на Сэм, удивленную и приведенную в смятение подобной жестокостью.

– Чего ради ты тута шляешься, дорогуша? Что разнюхиваешь? – спросил он с отчетливым акцентом кокни[7].

– Я вовсе не шляюсь здесь и ничего не разнюхиваю. Просто увидела свет в окне и захотела узнать, можно ли с кем-то поговорить.

– За каким чертом?

Он глубоко затянулся сигаретой и выпустил струю дыма в ее сторону. Их все еще разделяла крепкая металлическая ограда, но Сэм на мгновение почувствовала охватившую ее волну страха. Тем не менее она нашла в себе достаточно смелости, чтобы снова улыбнуться и опереться на сетку забора.

– Я хочу осмотреть этот дом, прежде чем его снесут. Не угостите сигареткой?

– Многих тянет как магнитом в этот дом с тех пор, как здеся нарыли кости старого святого отца. – Он протянул ей сигарету и дал прикурить от своей зажигалки через отверстие в ограде.

– Верно. Я тоже читала об этом в газетах. Потому и приехала.

Как давно поняла Сэм, чтобы быть убедительной, необходимо лгать как можно проще, апеллируя правдивыми подробностями. Она полезла в сумку и достала письмо Айви, затем показала ему старомодный почерк на пожелтевшей бумаге.

– Мой дед умер совсем недавно, и среди его вещей я нашла вот это. Думаю, письмо написала его мать, а сам он родился здесь. Когда же выяснила вчера, что приют собираются сносить, захотела взглянуть на место, где он провел первые недели своей жизни. Если монахини, присматривавшие за ним, еще живы, хорошо было бы поблагодарить их. – Здесь голос ее слегка дрогнул. Она вовсе не собиралась обсуждать с незнакомцем человека, фактически заменившего ей отца.

Мужчина усмехнулся.

– Поблагодарить? Такого я пока не слыхивал. Забавно.

– Почему для вас это смешно? – спросила Сэм, разглядывая его под скудными лучами зимнего солнца.

– Ты, случайно, сама не из газеты будешь? – Он снова глубоко затянулся табачным дымом.

– С чего вы взяли?

– Они тут долго ошивались, но только теперь следствие закончилось. Разрешение на снос наконец получено, слава те господи. Дом развалят через два дня, и точка. Уже никто не сможет помешать.

– Но они все равно заставляют вас спать здесь каждую ночь? Тяжко вам, должно быть. Такие стоят холода.

– Так оно и есть. Но каждый новый дом потянет на миллион, и они не хочут рисковать. А я жду не дождусь, чтобы поскорее убраться отседова.

– Я вас прекрасно понимаю. Между прочим, меня зовут Сэм. Рада познакомиться с вами. – Она смогла протиснуть сквозь ограду руку, и мужчина, немного помявшись, пожал ее.

– Энди. Стало быть, Сэм, ежели я тебе тут все покажу, ты со мной пойдешь куда-нибудь выпить вечером? – Он делал затяжки одну за другой, не сводя глаз с ее лица.

Сэм выдавила из себя улыбку.

– Вы отмечаете свой день рождения?

Энди опустил глаза на надпись на футболке.

– А что? Пожалуй, что и отмечаю. – Он еще недолго колебался, а потом повернулся лицом к зданию. – Ладно, пошли. Большого вреда не будет.

Когда тяжелая дубовая дверь приюта Святой Маргариты закрылась за

ними, Сэм задержалась в огромном холле, откуда начиналась закруглявшаяся к верху широкая лестница. У самого ее верха пылинки плясали в скудном свете, проникавшем сквозь грязные витражи в окнах. Она заметила сломанную доску с надписью, валявшуюся на черно-белом кафеле пола. Склонилась и стерла с нее пыль.

«Господь всемогущий! Дозволь всем павшим обрести новый путь к Тебе через молитвы и усердный труд. Приют имени Святой Маргариты. Престон. Сестры милосердия».

Сэм представила себе, как сверкал прежде мрамор лестницы, который постоянно и тщательно полировали беременные девушки, под надзором непрестанно следивших за ними монахинь. Именно монахини создавали мрачную атмосферу подобных приютов, оказывая услуги семьям католиков, не желавших знать, что происходит внутри, давая целым общинам уходить от ответственности и ни о чем не заботиться. Сэм все это виделось картинами из жизни, протекавшей столетия назад, невозможными всего лишь для прошлого поколения.

– Глянь-ка сюда, дорогуша.

Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что почти забыла о своем попутчике. Разбитое стекло хрустнуло у нее под ногами, когда она вошла в дверной проем и посмотрела на огромный зал, залитый светом из двух высоких сводчатых окон. Вдоль стен здесь располагались большие керамические раковины для стирки, а не менее крупных размеров машина для отжима лежала на боку посреди потемневшего пола. Она стояла в дверях и представляла фигуры женщин, годами тонувших здесь в облаках пара, утиравших ладонями пот с лиц, стиравших в раковинах грязные простыни и пропускавших скатерти сквозь валики отжимного катка.

На задней стене высилось распятие, а над раковинами висел сильно изъеденный молью гобелен. Мурашки пробежали у Сэм по спине, когда она прочитала четко вышитый на нем текст.

«О, Благословенный Иисус, владыка всех душ. Молю Тебя во имя агонии, пережитой Твоим Священным Сердцем, и печалей Твоей Непорочной Матери: очисти Твоей Кровью всех грешников мира сего, кому суждено умереть в день нынешний.

И если Тебе угодно будет ниспослать мне сегодня страдания ради обретения милости Твоей, это тоже принесет мне блаженство, и возблагодарю я тебя, Добрейший Иисус, Пастырь и Владыка душ наших.

Спасибо Тебе за несказанную радость самой творить благостные дела, путь к которым указал мне Ты своими благодеяниями. Аминь».

– Жуткое место. С ума сойти можно, – сказала Сэм. – Ощущение такое, будто девушки так и остались здесь взаперти.

– Ты все точно уловила, дорогуша. – Энди склонился к ней так близко, что она ощутила запах табачного дыма от его дыхания.

– Так вам известно, жив ли еще кто-то из здешних монахинь? – Она отвернулась от него в сторону.

– Ты так и не ответила на мой вопрос.

– На какой вопрос? – Она пока не понимала, чем был вызван приступ внезапно накатившей тошноты – присутствием Энди или гнетущей атмосферой бывшей прачечной.

– Выпьем вместе сегодня или как?

Она улыбнулась и всмотрелась в дальний конец коридора.

– А там что?

– Столовая. Только в ней ничего не осталось. – Он посмотрел на часы. – Оттуда все вывезли перед сносом. Сомневаюсь, что ты там хоть что-то найдешь.

– А там? – Сэм кивком головы указала на темную деревянную дверь.

Энди промолчал, и тогда она сама пересекла холл, чтобы открыть ее, проскользнув мимо него, в то время как он даже не пошевелился, чтобы пропустить ее. В контрасте с огромным залом прачечной небольшая комната вызывала приступ клаустрофобии, и почерневшие от времени деревянные панели стен почти полностью поглощали скудный свет, попадавший сюда через маленькое окно. Письменный стол из красного дерева был задвинут в самый угол, а на нем стоял большой портрет в позолоченной раме, изображавший монахиню в полном парадном облачении. Вытянутое лицо женщины казалось лишенным всяких эмоций, губы были поджаты, а когда Сэм поставила портрет вертикально, стало казаться, что холодные глаза монахини непрерывно наблюдают за ее передвижениями по комнате. На табличке внизу была надпись: «Мать Карлин, настоятельница с 1945 по 1965 год».

– Вам не известно, она еще жива? – Сэм указала на портрет. – Мать Карлин?

– Знаю только, что пара бывших монахинь отсюдова живут в доме престарелых, он находится дальше вдоль дороги. Но имен не назову. Послушай, дорогуша, нам нельзя долго здесь торчать. В девять заявится шеф строительной фирмы.

– Конечно, простите. Пойдемте. – Она в последний раз окинула комнату взглядом и повернулась к двери.

При этом один из ее каблуков зацепился за нечто вроде ручки, чуть заметно торчавшей из пола. Она резко остановилась.

– А это еще что такое?

Энди пожал плечами, достал из кармана еще одну сигарету и прикурил ее. Сэм присела на корточки, пропустила сквозь ручку пальцы, начав тянуть. Ей пришлось приложить немалые усилия, но после нескольких попыток крышка люка стала постепенно подниматься, издавая громкий скрип, эхом разносившийся по почти пустой комнате. Она сделала шаг назад, чтобы получше рассмотреть открывшейся внизу ров.

– Как вы думаете, для чего использовалась эта яма? – Она бросила взгляд на Энди.

– А сама-то не догадываешься? – Он выпустил табачный дым из ноздрей в сырой воздух комнаты.

Сэм ощутила прилив тошноты, когда поняла, что яма у нее под ногами имела такие размеры, чтобы в ней мог разместиться только один человек – скорее всего, молодая женщина: пять футов высотой и три шириной, оно напоминало вертикально поставленный гроб. Ее внезапно словно парализовало, когда она представила себя запертой на много часов в полной темноте. Ров в полу едва ли позволял шевелиться вообще. У нее было бы достаточно времени на то, чтобы все обдумать и хорошенько усвоить преподанный ей урок. Когда Энди жестом поторопил ее к выходу, она услышала тонкий плач девушки. Она не сразу поняла, что это был ее плач.

У нее возникла острая боль в груди, перехватило дыхание, пока он за руку тащил ее вдоль коридора, затем вновь через помещение прачечной, где ей мерещились неподвижные фигуры девушек, склонившихся над раковинами, и непрерывно наблюдавших за ней. Когда они добрались до выхода, она с трудом преодолела высокий порог и выбралась наружу, отчаянно хватая ртом свежий воздух.

– Ты в порядке, дорогуша? – Энди отпустил ее руку.

– Простите, мне нужна минута, чтобы прийти в себя. Это место действует слишком угнетающе. Вынести такое зрелище трудно. – Она отмахнулась от предложенной им сигареты.

– Об чем я тебе и толковал. Ты понятия не имела, куда суешься. Чем скорее этот дом сровняют с землей, тем лучше. А тебе сейчас нужно поскорее уносить отседа ноги.

Сэм глубоко вздохнула, кивая в ответ. Она до сих пор не могла понять,

почему судьба Айви вызвала в ней столько бурных эмоций, а в тягостной атмосфере приюта она прониклась еще и страданиями, пережитыми другими девушками, когда-то ставшими здесь своего рода заключенными. Если же принять во внимание смерть отца Бенджамина и вероятную связь с ним Китти Кэннон, все ее журналистское нутро просто взывало к ней, принуждая расследовать эту историю до конца, докопаться до истины.

Если мать-настоятельница Карлин еще жива, Сэм обязана разыскать ее. Но сначала ей необходимо выяснить точную причину, по которой Китти Кэннон присутствовала при расследовании обстоятельств смерти отца Бенджамина. Она позвонит в пресс-службу Кэннон, чтобы прощупать почву. И если упоминание о Святой Маргарите вызовет хоть какую-то ответную реакцию, станет ясно: она напала на верный след. Затем останется только заставить одну из выживших монахинь пролить свет на связь Кэннон с приютом, и Сэм получит необходимую информацию для более детального изучения вопроса.

Она посмотрела на свои часы: 7:30 утра. Еще два с половиной часа до того момента, когда ей положено уже сидеть за рабочим столом в редакции. Если поторопиться, ей, возможно, удастся выяснить местонахождение матери Карлин прямо сейчас. Она посмотрела на Энди.

– Я буду рада угостить вас выпивкой сегодня вечером в благодарность за причиненное беспокойство. А если вы еще вспомните адрес и название упомянутого дома престарелых, с меня еще две большие порции виски.

Глава 9

5 февраля 2017 года, воскресенье

Ричард бросил взгляд на настенные часы и отметил про себя, что они потратили только половину времени, отведенного на прием, а затем снова обратил все свое внимание на Китти. Его ладони стали липкими от пота, и он сцепил их вокруг ноги, лежавшей поверх другой.

– Что же произошло, когда вы покинули церковь после завершения службы?

– Я недолго постояла совершенно одна, пока взрослые вокруг общались между собой. Затем уже собралась направиться к автобусной остановке. Как вдруг увидела ее.

Голос Китти дрогнул, и она замолчала.

Ричард глубоко вдохнул.

– Не волнуйтесь, Китти. Вас никто не торопит с рассказом.

Она откашлялась и прикусила губу.

– Сестра пряталась позади одного из надгробий, подавая мне знаки.

Китти поднялась и поставила снежный шар на то же место, откуда прежде взяла его.

– Вы сразу же поняли, что это ваша сестра?

Он говорил, не глядя на нее, устремив неподвижный взгляд в пустое кресло, словно пребывая в шоке.

– Нет. Я заметила только то, что она была примерно моя ровесница, но я понятия не имела, кто она такая. В любой другой день я бы приняла ее сигналы за приглашение поиграть с ней, но тогда я была слишком расстроена из-за мамы, и потому все это тут же насторожило меня. Я почему-то мгновенно почувствовала: здесь происходит что-то крайне необычное, глубоко неправильное. – Она снова сделала паузу. – Я огляделась по сторонам, проверяя, мне ли она машет или кому-то еще. Даже мелькнула мысль, что она мне померещилась, как призрак. Но затем она приложила палец к губам, чтобы я молчала, и позвала к себе.

– И вы пошли на зов? – чуть слышно спросил Ричард.

– Да. На меня никто не обращал внимания. В те годы взрослые уделяли чужим детям значительно меньше внимания, чем сейчас, а моих родителей вообще там не было. – Китти вернулась к балконной двери и

обернулась, посмотрев на Ричарда. Он сидел сгорбившись, и его поза показалась неудобной для него самого. Она снова стала разглядывать сад.

– Что же она сказала, когда вы к ней подошли? – задал очередной вопрос Ричард.

Китти до сих пор живо помнила внешность сестры в тот момент, когда она подошла к ней вплотную. Хотя лицо сестры было испачкано грязью, волосы спутались, а коричневый балахон, который был велик ей на два размера, висел мешком, все равно Китти показалось, что она смотрится в зеркало. Увидев на ногах девочки совершенно открытые сандалии, ее обнаженные по плечи руки, она инстинктивно скинула свое пальто и накинула на нее. Сестра, дрожа всем телом, протянула ей ладонь, и Китти ухватилась за нее.

– Когда я первый раз подошла к ней, она не сказала ничего. Мы побежали к пристройке во дворе и оставались там всю ночь, – она боялась куда-либо выйти оттуда. Она назвала мне свое имя. Эльвира. Объяснила, что сбежала из монашеского приюта Святой Маргариты. Ей пришлось простоять на снегу несколько часов, дожидаясь на погосте моего прихода на утреннюю службу. Я знала, насколько будет обеспокоен отец моим отсутствием, но она не хотела, чтобы я ушла и привела кого-нибудь на помощь. Все время твердила: «Они меня убьют, если поймают. Они убьют меня». – Голос Китти опять сорвался. Она скрестила руки, обхватив себя и глядя в окно. – Она была измученной и голодной. Мне отчаянно хотелось помочь ей, но она не отпускала меня от себя.

– Но потом вы все же отправились за помощью? – спросил Ричард, наконец осмелившись поднять глаза.

– Да. В какой-то момент она разрешила мне уйти, но при одном условии. Я не должна была поднимать шума, сделать все тихо. В противном случае нас бы точно нашли. Показала мне ключ, который использовала для побега. Затем вынула расшатавшийся кирпич из стены пристройки и спрятала ключ за ним. Сказала, что, если я вернусь и не застану ее на прежнем месте, нам с отцом следует воспользоваться ключом, чтобы открыть люк на кладбище, что там мы ее и найдем.

– И вы воспользовались ключом? – все так же тихо спросил Ричард.

Китти повернулась и посмотрела на него. Он в очередной раз не выдержал ее прямого взгляда, отвел глаза в сторону, а его дрожащая рука потянулась за стаканом с водой.

– Отец Бенджамин заявил, что она умерла. Но, быть может, она была еще жива, а священник нам солгал? Я обязана была вернуться, я могла спасти ее.

– С тех пор вы когда-нибудь возвращались в приют Святой Маргариты, Китти? – Плечи Ричарда поникли еще ниже, а слова давались ему с трудом.

Она же медленно помотала головой.

– Вы думаете, ключ по-прежнему спрятан там же? Наверное, считаете, что именно это внушает вам ваш сон?

Китти до сих пор помнила пугающую темноту ночи, посреди которой она тогда оказалась. Черную дыру, поглотившую ее, наполненную криками филинов на деревьях, шуршанием таинственных тварей в траве. Пока она бежала, спотыкаясь и падая во мраке, холод начал представляться ей в образе человека, пытавшегося тащить ее назад, замедляя ее бег, стремясь сделать своей пленницей. Она почти перестала ощущать свое лицо и руки. Она вспомнила отца. Это он закутал ее в пальто, оставшееся теперь на Эльвире, застегнул пуговицы, улыбался, помогая надеть на голову шляпку.

– Мне казалось, я хорошо помнила путь обратно к церкви и к дороге. Надеялась, что отец уже разыскивает меня. Но было так темно. Я почти ничего не могла разглядеть. Мною завладел безумный страх. Мне пришлось долго искать выход к дороге. Голова кружилась. Я то и дело падала. Промерзла, насквозь промокла и испытывала непередаваемый ужас. Мне ведь было всего восемь лет. Я попыталась вернуться к Эльвире, но сбилась с пути. И тогда я сделала то, чего она умоляла меня не делать ни в коем случае. Я стала кричать и звать хоть кого-то на помощь.

Китти посмотрела на свою руку, на палец, где из крошечного заусенца показалась капелька крови. Обводя кончик пальца красным кровавым кружком, она снова слышала звяканье вилок по тарелкам, видела своего отца, стоявшего у окна кухни их маленького и неотапливаемого дома. Она пристально наблюдала за ним, замечая, как он то и дело отдергивает тюль, чтобы посмотреть на заросшую сорняками дорожку, которая вела к входной двери. Она снова ощущала во рту вкус дешевого и слишком жирного мяса. Сердобольная соседка приготовила для них двоих жаркое, чтобы покормить, пока мама все еще лежала в больнице. Китти и саму всего несколько дней назад выписали из клиники после того, как ее полумертвой нашли в придорожной канаве, куда она свалилась в попытке позвать помощь для сестры. Сестры-близняшки, о чьем существовании она даже не подозревала всего двумя неделями раньше.

«Ешь поскорее, Китти, уже поздно». – Отец почти сразу забрал у нее тарелку и вывалил остатки пищи в мусорное ведро. Китти взглянула на часы: без десяти семь. Больше часа до того времени, когда ей обычно положено было ложиться спать.

«Что такое, папа?» – почти испуганным шепотом спросила она.

«Хватит лишних вопросов, Китти, – резко сказал отец. – Тебе пора в постель».

Он почти силком заставил ее подняться в спальню, переодеться в ночную рубашку, затем выключил свет и ушел, даже не поинтересовавшись, не нужно ли ей сначала посетить туалет, расположенный во дворе. Она слышала, как он наводит порядок, звяканье тарелок друг о друга, звон ножей, вилок и ложек, укладываемых в ящик кухонного стола. Внезапно донесся стук во входную дверь дома.

Она сначала села в кровати, затем спустила ноги на холодный дощатый пол и прокралась к скрипучей двери своей спальни. Очень осторожно она приоткрыла дверь так широко, насколько осмелилась, чтобы ей стал виден отец Бенджамин, топтавшийся на выцветшем синем коврике в их прихожей.

«Заходите, святой отец».

Китти успела лишь заметить, как двое мужчин направились в гостиную и скрылись в ней.

– Вы знаете, каким образом ваша сестра угодила в приют Святой Маргариты? – спросил Ричард, возвращая мысли Китти из прошлого в настоящее.

– Моя мама проболела почти всю жизнь, страдая от почечной недостаточности, и, как я предполагаю, отец находил утешение в объятиях другой женщины. Насколько я могу догадываться, мы обе родились в стенах Святой Маргариты, а наша биологическая мать умерла во время родов. – Китти закрыла глаза и сильно потерла веки. – А потом, по неведомой причине, отец забрал из приюта домой только меня одну.

Ричард откашлялся, прочищая горло.

– Вас не злило то, что он предпочел бросить Эльвиру в приюте?

Китти посмотрела на него.

– Сомневаюсь, чтобы мама дала ему возможность поступить иначе, и потому поставила перед жестоким выбором.

Ричард сделал паузу, прежде чем продолжить.

– Возможно, так и было, но мне хочется убедиться, что вы сами сумели разобраться в своих чувствах к своему отцу после того, что произошло. Вы рассказали о его романе на стороне и о том, что та женщина – ваша биологическая мать – вероятно, умерла при родах. Ваш отец забрал домой только вас, но вы при этом, насколько я понимаю, не испытываете к нему неприязни и не склонны винить его в том, как сложилась судьба Эльвиры.

Китти уставилась на него с некоторым недоумением.

– Моя мама была очень больна и слаба. И отец никак не справился бы один с воспитанием близнецов. Он рассчитывал, что Эльвиру удочерят и ее жизнь сложится счастливо.

– Но почему, как вы думаете, он выбрал вас? – спросил Ричард. – Ведь очевидно, что это решение стало трагическим для жизни Эльвиры, хотя и для вас, спустя какое-то время, оно стало во многих отношениях крайне тяжелым. Какое бремя выпало вам нести на протяжении всей жизни! Но ведь это не ваша вина, Китти.

– Потому что во всем виноват мой отец. Это вы подразумеваете.

Она посмотрела в зеркало на свое отражение и протянула руку, чтобы кончиками пальцев мягко прикоснуться к нему. Она по-прежнему могла слышать голос отца, доносившийся сквозь дверь гостиной тогда, много лет назад.

«Но ведь это мой ребенок, святой отец. Я имел право знать, что ее вернули в приют Святой Маргариты».

Рука Китти сильно дрожала, скользя по перилам, пока она на цыпочках спускалась вниз, стараясь не скрипеть старыми досками лестницы, вызвав нежелательный шум. Когда она оказалась в прихожей, ее сердце до боли колотилось в груди. Зато теперь голоса мужчин звучали для нее отчетливо, словно она находилась в одной комнате с ними.

«При всем уважении к вам, Джордж, должен напомнить, что вы отказались от всех прав на Эльвиру сразу после ее рождения».

Отец Бенджамин говорил спокойно и рассудительно, словно читал очередную проповедь в церкви.

«Я полагал, что ее удочерили, что она попала в семью, где ее окружили заботой и любовью».

Отец, напротив, говорил с напряжением, постоянно глубоко вздыхая. Китти представляла, как он расхаживает по комнате, а священник сидит и наблюдает за ним.

«Так все и было на протяжении первых шести лет ее жизни», – подтвердил отец Бенджамин.

«А что же произошло потом?» – Джордж, уже немного сердито, перешел на повышенный тон.

«Подробности мне не известны, но приемной семье пришлось с ней нелегко. Они отзывались о ней как о неуравновешенном и трудно поддающемся воспитанию ребенке».

До Китти донесся кашель отца Бенджамина. Но она все равно представляла его сидевшим в непринужденной позе, забросив ногу на ногу и прихлебывая предложенный хозяином напиток.

«Пусть так, но ведь нельзя вернуть ребенка, как возвращают подарки, которые вам не подошли или не понравились».

Джордж снова принялся мерить комнату шагами. Китти поняла это по изменившемуся тембру его голоса, и доски пола стали чуть заметно подрагивать.

«Сплошь и рядом случается, что супружеские пары, считавшие себя прежде бесплодными, рожают собственного ребенка уже после усыновления. Эльвире оказалось очень сложно привыкнуть к появлению в доме младенца. По словам родителей, они несколько раз ловили ее на попытке причинить малышу вред».

В гостиной воцарилась тишина. Китти испугалась, что они в любой момент могут выйти в прихожую, и бросилась вверх по лестнице.

«Но вы же наверняка попытались найти для Эльвиры новую приемную семью?» – спросил Джордж уже гораздо более спокойно.

«Верно, попытались. Но вот только супружеским парам оказалась не нужна шестилетняя девочка со сложным характером. Для них всегда предпочтительнее младенцы», – объяснил ему отец Бенджамин.

«Но вы могли, по крайней мере, поставить в известность меня. Почему же не сделали этого?»

Китти отчетливо расслышала в голосе отца безнадежную отрешенность.

«Хелена серьезно болела, Джордж, и вы с трудом справлялись с одной только Китти. Я не хотел возлагать на вас еще и это бремя. Должен заметить, что нахожу ваши упреки несправедливыми и даже обидными. Позвольте напомнить: вы сами обратились к нам, с мольбой просили помочь устранить вашу проблему».

Тон священника стал при этом значительно более жестким.

«Я помню об этом, святой отец, и благодарен от всей души. Просто Китти пережила настоящий шок, и мне тоже трудно. Я ищу теперь способ внятно объяснить ей случившееся, назвать причину, почему мы никогда не рассказывали ей о сестре. Доктор Джейкобсон сказал, что мне нужно дать ей время оправиться, но ее каждую ночь преследуют кошмары. Она сама не своя после внезапной и пугающей встречи у церкви. А только что я узнал от вас о смерти бедной девочки. Поневоле я чувствую свою вину. Где ее похоронили?»

Китти затаила дыхание.

«На погосте рядом с приютом Святой Маргариты. Мы достойно проводили ее в последний путь, уверяю вас».

Голос отца Бенджамина снова заметно смягчился.

«Но почему ее не положили в больницу? Вы не можете просто так похоронить ребенка, без общепринятых формальностей», – с надрывом сказал Джордж.

«Доктор Джейкобсон выписал свидетельство о смерти. Все было сделано по правилам, Джордж. Да, случилось большое несчастье, но ведь она сама предпочла сбежать в одну из самых холодных ночей года. Ну-ну, не надо больше терзать себя дурными мыслями. Вам необходимо сосредоточиться на выздоровлении Хелены и помочь Китти благополучно пережить это тяжкое время. Думаю, мне пора идти. Не надо провожать меня».

Китти успела укрыться на верхней площадке лестницы до появления отца Бенджамина в прихожей. Она всю ночь прорыдала в подушку, размышляя о судьбе сестры, которую так и не узнала ближе, сестры столь для нее желанной, но лежавшей теперь в холодной могиле.

– Но мне уже известно, что ее вовсе не похоронили на погосте у приюта Святой Маргариты.

Она посмотрела на часы. Время, отведенное ей для сеанса у доктора, совсем скоро истекало.

Ричард вжался в кресло, его тело окончательно поникло, а руками он с такой силой вцепился в подлокотники, словно только так мог удерживать себя от падения. Выглядел он до предела изможденным.

– Они сносят здание приюта, расчищая место для новостройки, и уже вскрыли все могилы на том погосте, – продолжала она. – Мне удалось раздобыть копию отчета о работах на кладбище.

– Он содержит информацию о том, что было обнаружено в каждом из захоронений? – тихо спросил Ричард.

– Да. В основном это женщины, погребенные вместе с их новорожденными младенцами. Но ни в одной из могил не нашли останков более взрослого ребенка.

– Стало быть, ее похоронили где-то в другом месте?

– Или она попросту все еще жива, – сказала Китти, пристально глядя на него.

– Каким образом она могла остаться в живых?

Глаза Ричарда удивленно округлились.

Китти пожала плечами.

– Быть может, ей все-таки удалось сбежать, и кто-то приютил ее. Если они солгали о том, что произошло с ней, могли легко солгать и про ее похороны. Или же ей удавалось все это время прятаться на территории Святой Маргариты.

Ричард заговорил после некоторого колебания.

– Я думаю, это маловероятно. И вам не кажется, что в таком случае она попыталась бы снова разыскать вас?

– Нет, если винила меня в том, что я в ту ночь бросила ее и не вернулась, – ответила Китти откровенно. – В последние недели я часто и много думала о смерти своего отца. Полицейские разбудили меня тогда в два часа ночи. Мне было десять лет, и я оставалась в доме совершенно одна. Мама находилась в больнице. Отец отправился навестить ее и попал в автомобильную аварию по пути домой.

– Мне очень жаль, Китти. – Ричард сокрушенно помотал головой.

– Помню только, как заверяла их, что папа был прекрасным водителем. Он не мог стать жертвой автокатастрофы. Я хотела спросить их, откуда уверенность, что эта авария – несчастный случай. Отец однажды сказал мне, что если у тебя нет очевидного мотива для убийства, оно может сойти тебе с рук без малейших проблем. Сосед тогда пришел к нам в дом и просидел у меня в спальне до рассвета, вновь и вновь перебирая обстоятельства. Быть может, у кого-то все же существовал этот самый мотив, и это было преднамеренным убийством.

Она сделала паузу и посмотрела на Ричарда, ожидая, что врач попросит ее поделиться остальной информацией. Но его взгляд проскользнул куда-то мимо нее, он старался не встречаться с ней глазами, а потом медленно, но выразительно он указал на часы.

Глава 10

23 января 1961 года, понедельник

Джордж Кэннон сидел на жестком деревянном стуле рядом с больничной койкой жены, наблюдая, как судорожными рывками кровь протекает по трубочкам из катетера, вставленного в вену ее бледной руки, в специальный аппарат. Он уже сотни часов просидел так, держа ее за руку и пытаясь развлечь разговорами на посторонние темы, пока диализ выполнял те функции, на которые уже не были способны ее почки. Но сегодня, глядя на ее исхудалую фигуру, слыша затрудненное дыхание, он понимал: происходит что-то очень плохое. Минуты тянулись и казались часами, а предстоявшая ночь надвигалась на него, как бездонная черная дыра.

Он посмотрел на свои громко тикавшие часы: 22:00. Он не собирался уходить, пока ее не перенесут из процедурного кабинета в палату. Все ее тело было покрыто синяками, не только от постоянных проколов от игл, но и, в чем он не сомневался, от слишком грубого обращения с ней санитаров, когда те переносили ее из одной кровати в другую. Причем синяки проступали везде, никогда не исчезая окончательно. Некоторые из них имели зеленоватый оттенок, другие темно-бурый. Сразу пять почти почерневших пятен отчетливо виднелись на бедре, словно сам дьявол оставил отпечаток пятерни, пытаясь утащить ее в преисподнюю.

Медсестра настаивала, чтобы Джордж уходил, когда заканчивалось время посещения, но он возражал, желая оставаться как можно дольше. В конечном итоге его должность главного инспектора полиции Брайтона помогла ему, и он получил разрешение проводить с женой почти все свое свободное время. Но он добился бы своего в любом случае. Согласие или возражения медсестры не могли ослабить его решимости. Он постепенно терял контроль над всеми остальными сторонами своей жизни, но ни медсестры, ни кто-то другой не заставили бы его сегодня вечером рано покинуть жену. Только не сейчас, когда каждая минута, проведенная без нее, внушала ему мысль о полном жизненном крахе. Потому что уже скоро, очень скоро ее не станет, а он будет ненавидеть себя за то, что не был рядом с ней постоянно, пока она еще оставалась жива.

Цок, цок, цок. Звук каблуков медсестры становился все громче, когда она приближалась по пустому и тихому больничному коридору,

направляясь к ним. Джордж посмотрел на лицо жены, скользнул взглядом по ее запавшим щекам к линии рта, ее губы так потрескались от постоянной сухости, что в уголках проступили капельки крови.

«Она хочет пить. Ей нужно давать больше воды», – резко обратился он к главной медсестре, вошедшей в процедурную.

«Мистер Кэннон, – сказала она со вздохом. – Ей по-прежнему строго прописаны только пять унций жидкости, и я не могу увеличивать дозу».

«В таком случае не могли бы вы отступить от предписания? Она умоляла меня дать ей воды. Неужели это имеет настолько важное значение? Бога ради! Она же умирает…»

Его голос был еле слышен, и он пристально посмотрел в усталые глаза главной медсестры.

«Я знаю, насколько это тяжело, – отозвалась она, проверяя, как работает аппарат для диализа и все его сложные соединения. – Но все еще остается надежда, что мы найдем для вашей жены донора. И тогда ее шансы на выздоровление многократно возрастут. Почему бы вам не пойти домой, мистер Кэннон? Мы позаботимся о ней».

«Домой я не поеду».

Джордж встал со стула.

«Как вам будет угодно, – произнесла главная медсестра недовольным тоном и повернулась, чтобы выйти из кабинета. Когда же у порога она оглянулась, тонкие волоски на ее подбородке оказались отчетливо видны на свету. – Ее процедура заканчивается. Пожалуйста, найдите меня, когда аппарат остановится, и я вернусь к ней».

Он как будто опять переживал все, через что прошел. Отчаяние и чувство безнадежной беспомощности. Организм Хелены отторг почку, пересаженную ей два года назад. До этого он ходил к отцу Бенджамину с просьбой особо помолиться за здоровье жены. Молитвы священника были услышаны, и именно в тот день их жизням суждено было измениться навсегда.

Всего за несколько часов до неизбежной смерти Хелены нашлась почка для пересадки. Он мог бы радоваться и праздновать появившийся у жены шанс выжить, но в тот же вечер пропала их дочь Китти. Ее искали два дня и две ночи и, уже отчаявшись найти, грязную и израненную обнаружили в придорожной канаве всего в паре миль от церкви Престона. И пока жене делали операцию по пересадке почки в одном крыле местной больницы, а дочь лежала в коме в другом, Джордж сгоряча заключил с Богом сделку: если ему придется потерять одну из них, то пусть это будет Хелена, но только не Китти. И вот, как теперь казалось, спустя два года

Господь припомнил ему эту необдуманную просьбу.

Он стоял, вглядываясь в свое отражение в оконном стекле, по которому резко хлестали холодные, как лед, капли дождя. Возникло ощущение, будто пульсирующее давление в голове готовилось взорвать изнутри его череп. Он повернулся и посмотрел на Хелену. Он не мог уехать, но и задерживаться дольше стало невыносимо. Его душа была не на месте, хотелось убежать от самого себя, он был на грани безумия.

Дребезжащий шум работы прибора для диализа и тиканье часов терзали его барабанные перепонки. Он собрал всю волю в кулак, чтобы не разбить и то и другое вдребезги. Он снова сел на стул и опустил воспаленные опухшие веки. Все тело болело, его неумолимо клонило в сон. Он постарался наладить дыхание и успокоиться, но как только немного расслабился, почувствовал, что падает, разваливается на части, рассыпается подобно крупицам в песочных часах. Рывком заставил себя вновь очнуться, но опять стал дышать с огромным трудом, преодолевая с каждым вздохом давление внутри грудной клетки. Взгляд почти невозможно было сфокусировать, пока он блуждал вдоль распростертой фигуры Хелены. Ноги ее распухли настолько, что она лишилась способности самостоятельно поднимать их, и Джорджу причиняли муки воспоминания о времени, когда она еще не испытывала этих неимоверных страданий. В его мыслях мелькали образы жены в первые дни знакомства: как она протягивала ему руки, как вьющиеся светлые волосы спадали ей на лицо, когда она снимала очки и улыбалась. Тогда он тоже не мог отвести от нее взгляд, но полный любви, а не сострадания.

Уже скоро ему предстоит жить без нее. Никто не сможет ее заменить, он ни разу не встречал женщины, похожей на Хелену. Она была настолько сильной, бесстрашной, неутомимой, а потому никто не мог заранее предугадать, что с ее телом, исполненным изящества, может прозойти такое. Когда, менее чем через год после свадьбы, у нее только начались головокружения и приступы чрезмерной усталости, они решили, что она беременна, они мечтали иметь ребенка. Однако уже через неделю они, ошеломленные, сидели в кабинете доктора Джейкобсона, объятые горем и даже неспособные прямо взглянуть в глаза друг другу. Никакого ребенка она не зачала и зачать бы никогда не смогла. В одно мгновение вся их запланированная счастливая семейная жизнь, любые перспективы светлого будущего, каким оно им представлялось, испарились бесследно.

Джордж прошел по кафельному полу коридора, а затем осторожно пробрался через палату, где спали пациенты, к двери кабинета главной медсестры со вставкой из матового стекла. Тихо постучал, после чего

осторожно нажал на ручку. В углу безукоризненно чистого помещения потрескивал радиоприемник, а прочую обстановку здесь составляли вешалка для пальто, шкаф с медицинскими картами больных и деревянный стол, на котором стояла фарфоровая чашка, наполовину наполненная чаем. В кабинете никого не было.

«Эй, где же вы?» – шепотом спросил он.

«Джордж?»

Голос, донесшийся из-за спины, настолько удивил и напугал его, что он всем телом врезался в стол, опрокинув чашку с недопитым чаем на пол и разбив ее. Он обернулся и увидел знакомое лицо доктора Джейкобсона, который уже двадцать лет был их семейным врачом, он снимал с себя запорошенное мокрым снегом пальто, одновременно стряхивая снежинки с седеющей головы.

«С вами все в порядке?»

Он озабоченно оглядел Джорджа сквозь похожие на половинки луны линзы очков. Джордж буквально ощущал холод с улицы, исходящий от лица доктора, видел полопавшиеся мелкие кровеносные сосуды на его носу, ярко выделявшиеся на фоне бледной кожи.

«Да, со мной все хорошо. Вы не встретили где-нибудь по пути сюда медсестру, Эдвард? Процедура Хелены закончилась, и мне нужно теперь вернуться к Китти».

«Пока я с ней еще не сталкивался. Она, вероятно, совершает обход палат».

Джордж снял трубку с телефонного аппарата.

«Напрасно стараетесь, – сказал доктор Джейкобсон. – Почти все телефонные линии повреждены разыгравшейся бурей. Вы уверены, что с вами все в порядке? – Он повесил свое пальто на вешалку. – Я могу заняться Хеленой, если вам нужно идти».

«В самом деле? Вы побудете с ней до моего возвращения?»

«Разумеется. – Врач скрестил на груди руки и чуть понизил голос: – Как дела у Китти, Джордж?»

«Вопреки вашим прогнозам, она пока не возвращается к своему прежнему нормальному состоянию, – ответил Джордж достаточно резко. – Она очень встревожена и расстроена по поводу матери. Просила не оставлять ее дома одну сегодня ночью».

Он знал, насколько легко Китти распознавала и перенимала его собственное настроение, а потому ей не становилось легче. Конечно же, ни виски, который отец пил на рассвете, чтобы наконец забыться во сне, ни пустые обещания доктора Джейкобсона, что они непременно найдут для

Хелены еще одну донорскую почку, не помогали ей восстановиться после того, что она пережила. Его дочь так и не оправилась от душевной травмы, перенесенной ею двумя годами ранее, когда она сама оказалась на грани гибели. Китти часто рассказывала ему о встрече с сестрой-близнецом вечером в день своего исчезновения. Когда она впервые упомянула об этом, выйдя из комы в больнице, Джордж сначала не поверил ей, считая такую встречу невозможной, но затем к его ужасу все оказалось правдой. Приемная семья вернула Эльвиру в приют Святой Маргариты, а потом девочка сбежала из него. А в ее смерти он всегда будет винить себя.

Несмотря на то что он никогда не виделся со своим вторым ребенком, но не мог забыть душераздирающей сцены в кабинете настоятельницы приюта Карлин, куда его привел отец Бенджамин.

«У вас родилась красивая дочь, Джордж, только я, с великим сожалением, должен сообщить, что ее мать не перенесла родов».

Джордж тяжело опустился в кресло.

«Какое горе! Она умирала в тяжелых муках?»

«Нет. Она родила обеих девочек вполне благополучно, но затем у нее открылось сильное внутреннее кровотечение. Все произошло быстро. Мы ничего не успели предпринять». – Это сказала уже Карлин, положив ладонь ему на плечо.

«Обеих? – удивленно переспросил он. – Значит, она родила не одного младенца, а двоих?»

«Она родила близнецов, Джордж, но один из них появился на свет с серьезными осложнениями. Вторая девочка жива, но все еще находится в тяжелом состоянии. Нам необходимо оставить ее у себя и позаботиться о ее здоровье. Как только она достаточно окрепнет, мы подберем для нее наилучшую приемную семью».

«Могу я взглянуть на нее?» – спросил он.

«Нет. Она находится в нашем закрытом лазарете. Но только, пожалуйста, не надо переживать ни о чем, Джордж. У вас появилась красавица дочь, которую вы будете любить и лелеять. И, уверяю вас, при сложившихся обстоятельствах вам едва хватит сил, чтобы вырастить одного ребенка».

В этот момент дверь вечно темного кабинета открылась, и в комнату ворвался яркий луч света. Принесли Китти. Она лежала в плетеной колыбельке с ручкой так спокойно и тихо, что Джордж не сразу понял: внутри находится младенец. Все встало на свои места, как только он заглянул внутрь. Она посмотрела на него снизу вверх своими круглыми карими глазками, а он инстинктивно притронулся пальцами к ее щеке. Она

же протянула ручонку и ухватила его за мизинец. Хотя у нее был крохотный кулачок, она вцепилась в него с неожиданной силой и упорно не хотела отпускать палец отца. Так впервые возникла неразрывная и нерушимая в дальнейшем их тесная взаимная привязанность.

Он теперь очень тосковал по той Китти, какой она была до исчезновения. Ему не хватало ее легкомысленной беззаботности, всегда радостной и счастливой улыбки на лице. Ему не следовало оставлять ее дома одну. Внезапно он почувствовал острую необходимость немедленно отправиться к ней.

«Простите, но мне действительно нужно идти. При всем нежелании уходить от Хелены, меня крайне беспокоит Китти. Когда я уходил от нее, она была очень взволнована. Должен заметить, что состояние ее нервной системы за все время после исчезновения не только не стало лучше, но значительно ухудшилось».

Джейкобсон похлопал его по плечу как раз в тот момент, когда появилась главная медсестра.

«Конечно, Джордж, конечно. Поезжайте к ней».

«Спасибо».

Джордж поспешил к выходу из больницы и спустился по обледеневшим ступеням, тут же попав под обильный снегопад.

На темной стоянке он не сразу нашел свою машину, а потом с трудом открыл замок успевшими замерзнуть пальцами. Дверь со скрипом открылась, он забрался внутрь, вставил ключ в замок зажигания, но ему пришлось повернуть его несколько раз, прежде чем машина наконец завелась.

Мотор ревел, как потревоженное во сне дикое животное, а дворники, сначала безуспешно, боролись с толстым слоем снега, покрывшим лобовое стекло. Он поставил рукоятку переключения передач в положение заднего хода и нажал на педаль газа, но автомобиль не трогался с места, поскольку покрышки примерзли к асфальту, а затем стали буксовать в снегу. Потеряв терпение, он резко вдавил педаль в пол, и машину неожиданно резко швырнуло назад, она врезалась задним бампером в чей-то припаркованный в соседнем ряду лимузин. Времени оценить масштаб нанесенных повреждений у него не было. Им владело безудержное желание скорее добраться до Китти. Он успел только пальцами соскрести наледь с лобового стекла, затем поставил руль прямо, медленно пересек стоянку и выехал на погруженную во мрак дорогу.

Он надеялся, что шоссе не окажется предательски опасным в подобных погодных условиях, но мокрый снег намерз на колеи ранее

проехавших здесь машин и превратил дорожное покрытие в почти сплошной черный лед. Когда он проехал один из крутых поворотов, целый сугроб снега с шумом обрушился с ветвей деревьев на лобовое стекло. Щетки стеклоочистителей работали судорожными рывками, но не сразу справились со своей задачей, и какое-то время Джордж продолжал ехать, почти ничего не видя перед собой. А стоило обзору снова открыться, он вздрогнул от неожиданности, когда чуть не сбил ворону, выклевывавшую внутренности раздавленного зайца, валявшегося посреди шоссе. Птица едва успела взлететь, задев черными крыльями капот машины, но спаслась от столкновения.

У Джорджа в груди бешено колотилось сердце, и он пытался успокоить свое дыхание, когда шоссе перед ним постепенно превратилось в сплошной белый ковер. Никаких признаков жизни. С виду все так безукоризненно и ясно, подумал он, а на самом деле здесь кроется смертельная опасность. Он чуть сильнее нажал на педаль газа, даже в ушах ощущая биение учащенного пульса. «Помедленнее, помедленнее. Тебя занесет. Ты попадешь в аварию. Скорее, скорее. Она ждет тебя, ты ей нужен. Необходимо как можно скорее добраться до дома».

Его хаотичное, но глубокое дыхание, казалось, высосало из воздуха в автомобиле весь кислород. Обогреватель салона нисколько не помогал поднять в нем температуру. Нога Джорджа непроизвольно подрагивала при каждом нажатии на педаль. «Только вернись домой, и вся эта нервозность пропадет. У тебя все под контролем. С ней ничего не случится. Ей десять лет, она устала и сразу заснет. Успокойся. Выпусти пар».

Он вышел из очередного крутого виража и посмотрел на спидометр. Стрелка колебалась у цифры 45 миль в час: слишком высокая скорость даже в ясную летнюю ночь. Если он погибнет, то уже ничем не сможет помочь Китти. Ему нужно ехать медленнее. Еще один поворот, колеса заставили его активно работать рулем, чтобы справиться с управлением. Почему дорога казалась ему бесконечной? Когда же он наконец выберется на главную магистраль?

«Да будь оно все проклято!» – выкрикнул Джордж, он был близок к отчаянию.

Прежде он проделывал этот путь тысячу раз, когда Китти сидела рядом с ним, улыбаясь, болтая без умолку, смеясь, стараясь снять стресс после того, как они навещали Хелену. Как будто умея читать его мысли, она произносила только те фразы, которые ему хотелось в тот момент слышать.

«С ней все будет хорошо, папочка. Тебе не показалось, что сегодня она выглядела лучше, чем обычно? Я прочла в одной газете статью. По

сведениям журналиста, сейчас, как никогда раньше, много людей готовы стать донорами».

Почему же он сегодня оставил дочь одну, зная о том, насколько она встревожена, до какой степени взвинчены ее нервы? Ему следовало взять ее с собой в больницу. Вдруг она наделала глупостей и сама отправилась туда по снегу пешком? Образ маленькой девочки, пробирающейся сквозь холод и сугробы, встал перед ним и терзал все сильнее по мере того, как он слишком медленно, непростительно медленно ехал теперь обратно к ней.

Где же чертова магистраль? Автомобиль снова занесло. Он нажал на педаль тормоза, но это не помогло. Машину развернуло поперек дороги. Если кто-то сейчас выскочит на встречную полосу, то мне конец, подумал он. Это походило на кошмарный сон, на падение в бездонную яму, откуда ему уже никогда не выбраться. Он подвел дочь. Снова подвел. Он не заслуживал такой славной дочери. Никогда не заслуживал.

Когда Хелена согласилась, чтобы он забрал домой свою внебрачную дочь Китти, сердце Джорджа было готово выпрыгнуть из груди от охвативших его эмоций. Она так и не избавилась от чувства, что он предал ее своей изменой, но нашла в себе силы понять и простить. Пока жена постоянно находилась на лечении в больнице, он страдал от одиночества и нуждался в близких отношениях с кем-то. Такие отношения у него сложились с матерью Китти. Он безумно хотел стать отцом, и Хелена нашла способ дать ему ребенка, пусть и не могла родить сама.

Как только ему удалось выровнять машину и снова встать на нужную полосу местного шоссе, он все-таки разглядел далеко впереди огни главной автомобильной артерии штата – долгожданной магистрали. Стоило ему миновать последний поворот дороги, как он увидел ее. И пусть он уже живо представил себе дочь, пробиравшуюся к нему через сугробы, он не понимал, как он мог, так явно, видеть ее образ. Он постарался встряхнуться, избавиться от явной галлюцинации, но она не исчезала: в своем красном пальто Китти шла прямо в его сторону, маленькое тельце наклонено вперед, голова укрыта капюшоном в попытке спрятать лицо от метущего снега. Как могла она сделать нечто подобное? Как оказалась здесь? Это не она, точно не она. Нет, Китти. НЕТ!

Джордж сразу понял, что неизбежно собьет ее. Ладонью нажал на сигнал и до отказа надавил на тормоз, резко вывернув руль, чтобы направить машину подальше от места, где находилась она. По мере того как автомобиль с ревом двигателя приближался к ней, свет фар осветил ее, и она подняла взгляд, щурясь от их яркого света. Всего лишь краткое мгновение они смотрели прямо в глаза друг другу, а когда машина

миновала ее, Джордж протянул к ней руку. Еще секунду он мысленно держал ее в своих объятиях, держал, как было в самый первый день, когда вся ее жизнь зависела от него.

Треск и скрип заполнили салон машины. Это были звуки покрышек, цеплявшихся за дорогу, но у них не получалось, и пока автомобиль крутило и крутило на шоссе, снова и снова, Джордж начал выкрикивать ее имя. «Беги же ко мне, Китти, – в отчаянии безмолвно призывал он. – Будь со мной и возьми меня за руку перед смертью».

Покрытый густым слоем снега окружающий мир проносился мимо окон машины. Он уже не мог ничего поделать. Его крутануло в последний раз, а затем машина на высокой скорости упала вниз. Голова ударилась в лобовое стекло с такой силой, что казалось, кто-то раскроил ему череп топором. Невероятная боль пронзила спину, словно каждый позвонок оторвался от хребта и ушел в свободный полет. Металл разбившейся машины ломал его тело, кабина все теснее сжималась вокруг него. Но почти сразу все закончилось. Он лишился возможности даже пошевелиться.

Воцарилась тишина. Кровь потекла из головы, изо рта, заливая глаза, струясь вниз по шее. Он все же попытался повернуть голову и выкрикнуть имя Китти, но не издал ни звука. Только кровь продолжала вытекать из него неудержимым потоком. Он кашлял и сплевывал, а кровь и слизь постепенно заполняли пространство внизу, где были его сломанные ноги.

Он лежал совершенно беспомощно, плача в болезненных муках. Слезы и рвота смешивались с кровью, а он в отчаянии ждал, когда дочь окажется рядом. «Помоги мне, Китти, помоги! Не оставляй меня умирать в одиночестве».

Глава 11

5 февраля 2017 года, воскресенье

Дом престарелых под названием «Грейсуэлл» оказался ничем не примечательным, двухэтажным зданием из красного кирпича, и располагался в тупике переулка на самой окраине Престона. Сэм прошла по дорожке к входной двери и нажала на кнопку звонка, одновременно посмотрев на часы. По пути сюда она позвонила в редакцию, Фред, изучив информацию о матери Карлин, установил, что бывшая настоятельница Святой Маргариты умерла в «Грейсуэлле» в августе 2006 года. Но поскольку Сэм уже все равно направлялась туда, она посчитала, что заехать будет не лишним. Энди ведь сказал ей, что две монахини были еще живы, и мать Карлин могла оказаться не единственной из персонала Святой Маргариты, кто ушел на покой и поселился в «Грейсуэлле».

– Проклятье! – выругалась Сэм едва слышно, поняв с раздражением, что уже через час ей необходимо быть на своем рабочем месте.

Когда на звонок никто не отозвался, она сквозь сложенные у лица ладони стала всматриваться в стеклянные панели, украшавшие дверь по обе стороны, но сумела разглядеть только пустой холл.

– Ну же, кто-нибудь! – Она снова начала давить на кнопку звонка и звонила до тех пор, пока изнутри наконец не донесся стук каблуков, приближавшихся ко входу.

После беглого взгляда в глазок дверь открыла накрашенная толстым слоем косметики девица лет двадцати пяти. Ее крупный бюст туго обтягивал халат медсестры.

– В чем дело? Что вам нужно? – спросила она, поправляя выбившуюся из прически прядь.

– Добрый день. – Сэм начала с вежливого приветствия, внезапно осознав, что не подготовила вступительной речи. – Я надеюсь, вы сможете мне помочь. Мне нужно разыскать женщину, известную как мать Карлин. – Сэм решила, что лучше будет не говорить о том, что она знает о ее смерти. – Она прежде была настоятельницей приюта Святой Маргариты неподалеку отсюда, в Престоне, мне сообщили, что сейчас она, возможно, проживает в «Грейсуэлле».

– Простите, но мать Карлин умерла много лет назад, насколько мне

известно, а любые расспросы о Святой Маргарите необходимо сначала согласовать с нашим советом попечителей, – сказала девушка.

– Вот как? Понятно. Но мои вопросы практически не связаны с самим приютом, – объяснила Сэм. – Мой дед работал там смотрителем. Мать Карлин ему очень нравилась. Недавно он умер, а среди его вещей я обнаружила ее письма и различного рода документы. Они показались мне важными. Поэтому я надеялась найти ее, либо родственников или друзей, на тот случай, если они захотят забрать эти вещи у меня.

– Гм-м… Вы выбрали не лучшее время. Мы как раз готовим для всех завтрак. – Она оглянулась через плечо.

Сэм выразительно, переминаясь с ноги на ногу, потерла руки.

– Господи, какой холод стоит. Но я могу и подождать.

– Что ж, тогда вам, вероятно, лучше войти, как я полагаю. Но ждать вам, быть может, придется долго.

– Хорошо. Это не проблема.

Девушка впустила ее, заперла дверь, а потом провела гостью по коридору, украшенному портретами сотрудников дома и поблекшими фотографиями из серии «Рассветы в Сассексе», в гостиную, обставленную старомодной мебелью и многочисленными жесткими стульями.

– Я доложу заведующей о вашем приходе. Надеюсь, она сможет принять вас быстрее. Как ей вас представить?

– Меня зовут Саманта Харпер, – ответила Сэм, не видя причин скрывать свое настоящее имя.

Девушка оставила ее одну в комнате, явно предназначенной для послеобеденного отдыха и просмотра бесконечно повторяющегося сериала «Коломбо». Воздух был пропитан запахом отбеливателя и вчерашней пищи. Сэм от этого места начало слегка подташнивать, и она решила отвлечься, высматривая по стенам и по полкам книжных шкафов различные фотографии обитательниц «Грейсуэлла».

– Мисс Харпер. – Девушка просунула голову в приоткрытую дверь. – Боюсь, наша заведующая сейчас слишком занята. Она предлагает вам написать письмо сестре Мэри Фрэнсис, которая очень хорошо знала мать Карлин.

– О, прекрасно. Сестра Мэри Фрэнсис живет здесь? – Сэм выдавила из себя улыбку, когда девушка в ответ кивнула. – Быть может, я могу встретиться с ней сегодня же?

– Извините, но предоставить вам такую возможность мы не можем. Ей уже перевалило за девяносто, и по утрам она спит дольше остальных, поскольку принимает сильные препараты для сердечно-сосудистой

системы, которая уже дает сбои. Неожиданная встреча с вами станет для нее сильным стрессом, и она будет весь день потом волноваться.

– Понимаю, – сказала Сэм. – А может, стоит сказать, что это связано со Святой Маргаритой?

– Не думаю. Скорее эффект станет обратным. К нам иногда приезжают люди, которым нужна информация о детях, рожденных в приюте, они пытаются разыскать их. Обычно они очень взволнованы, и сестру Мэри Фрэнсис их визиты предельно расстраивают. Она теперь наотрез отказывается встречаться с ними, и мы просим их обращаться к ней только через совет попечителей.

– Да, разумеется, я понимаю, насколько неприятны ей подобные посетители, – кивнула Сэм, а девушка посмотрела на часы. – Но я хочу подчеркнуть еще раз: документы, на мой взгляд, очень важные и непосредственно касаются матери Карлин. Мне кажется, что такой близкий с ней прежде человек, как сестра Фрэнсис, возможно захочет ознакомиться с ними. Речь в данном случае не идет о каких-либо попытках разыскать детей.

– И все же, вам придется сделать все в соответствии с принятой у нас процедурой. Уверена, вы понимаете причину.

– Да, понимаю. – Сэм достала из сумки свой мобильный телефон и прочитала имя девушки на карточке, приколотой к нагрудному кармашку халата. – Спасибо за помощь, Джемма. Вот только не могла бы я перед уходом сделать всего один телефонный звонок? Моя бабушка с нетерпением ждет сообщения от меня, удалось ли мне разыскать мать Карлин или кого-то, кто близко знал ее. Для нее это очень важно, поскольку дедушка умер совсем недавно.

– Я не должна оставлять вас здесь одну, а у меня еще очень много дел. Если я не буду успевать, придется задержаться на работе, а мне это совсем не нужно.

– Для вас выдалась, должно быть, трудная неделя. Представляю, до какой степени вы устали!

– Верно. Пришлось всю неделю выходить еще и на ночные дежурства. На ногах с одиннадцати часов позавчерашнего вечера. – Девушка попыталась улыбнуться.

– Послушайте, мне и нужно-то всего две минуты, – сказала Сэм. – Потом, если вы так заняты, я сама найду выход. Загляну в столовую, чтобы дать вам знать, что я ухожу. – Она улыбнулась и начала набирать номер, словно получила согласие, и у Джеммы не осталось другого выбора, кроме как выйти из комнаты.

Как только девушка ушла, Сэм бросила телефон обратно в сумку, еще раз изучила помещение в поисках предметов, способных дать хоть какую-то полезную информацию, а затем проскользнула в коридор. Где располагалась столовая, гадать не приходилось. Оттуда доносился громкий стук вилок по тарелкам и несло подгоревшими тостами. Когда она подошла ближе, мимо, почти на лету, промчалась Джемма с подносом грязной посуды в руках.

– До свидания, и еще раз спасибо! – окликнула ее Сэм.

Джемма рассеянно кивнула в ответ, даже не подняв на нее взгляд, и плечом открыла створку двойной двери, висящей на петлях.

Понимая, насколько у нее мало времени, Сэм хлопнула входной дверью с еще одним громким прощальным возгласом, а потом кинулась к покрытой коричневой ковровой дорожкой лестнице и устремилась вверх, перепрыгивая через две ступеньки. Суета, царившая внизу, сменилась странной, абсолютно полной тишиной на лестничной площадке второго этажа, и когда она посмотрела вдоль длинного коридора с многочисленными спальнями, то отчаялась от казавшейся невыполнимой сейчас задачи, стоявшей перед ней. Даже если бы удалось найти комнату Мэри Фрэнсис, от ее неожиданного появления у старушки могло, чего доброго, не выдержать слабое сердце. Но поскольку она оказалась здесь, отступать и сдаваться не собиралась. Всего через два дня все призраки Святой Маргариты бесследно исчезнут, и связь Китти Кэннон с тем местом, в чем бы она ни заключалась, будет скрыта навечно. Где-то рядом находилась сестра Мэри Фрэнсис, и Сэм была полна решимости при любых обстоятельствах попытаться поговорить с ней.

Она еще раз проверила, не поднимается ли кто-нибудь по лестнице, а потом двинулась вдоль невероятно длинного коридора, изучая каждую дверь и стремясь отыскать любые указания на то, кто мог жить в той или иной комнате. К тому времени, когда она добралась до пожарной лестницы, она так ни в чем и не разобралась. Снизу уже доносились голоса сотрудников, вышедших из столовой в холл, голоса становились все громче, и у Сэм едва не сдали нервы. Она посмотрела на часы: 8:15. Если она уберется отсюда сейчас же, она еще сможет покинуть «Грейсуэлл» незаметно и оказаться в редакции как раз к началу рабочего дня.

Но как только Сэм развернулась, чтобы уйти, она увидела то, что было ей нужно: синяя папка лежала на полке рядом с подвешенным к стене огнетушителем. Она схватила ее и пролистала, обнаружив в самом конце детальную схему здания с приложенным списком всех, кто здесь проживал. Проведя пальцем вниз по странице, она нашла ту, кого искала. Сестра Мэри

Фрэнсис, комната номер 15.

– Есть! – чуть слышно воскликнула она, возвращая папку на место и направляясь вдоль коридора в обратном направлении.

Едва ли за всю свою репортерскую карьеру ей доводилось так вламываться в чужое жилье, но Сэм не дала себе ни секунды на размышления, боясь передумать, поднесла руку к двери с номером 15 и постучала. Тишина. Ее сердце забилось так часто, что отдавало в уши, она постучала снова.

– Сестра Мэри Фрэнсис! Это Джемма. К вам посетитель. Мы можем войти?

Она медленно надавила на дверную ручку, а потом, в последний раз оглядев коридор, вошла в темную комнату, поспешно закрыв за собой дверь и заперев ее на задвижку.

Шторы были плотно задернуты, и Сэм понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к темноте и понять, как устроена комната. Она была разделена на две части. Сэм стояла в той половине, которая напоминала гостиную, здесь располагались большое кресло, телевизор и низкий журнальный столик. Чуть дальше она могла видеть другое окно, которое прикрывали не шторы, а жалюзи. Возле него углубленную в стене нишу с кроватью и очертания фигуры, лежавшей на ней. Сэм приблизилась и с облечением увидела, что тонкие лучи солнца все же пробиваются внутрь, освещая лицо сестры Мэри Фрэнсис.

– Сестра! Вы не спите?

Старушка продолжала лежать совершенно неподвижно, и Сэм после некоторого колебания решилась подойти совсем близко к ее постели.

Несмотря на преклонный возраст, кожа на лице бывшей монахини не была морщинистой, чего можно было ожидать. Складывалось впечатление, что она никогда в жизни не выражала мимикой никаких эмоций. Седые волосы аккуратным веером расстелились по подушке. Ее выпрямленные руки вытянулись вдоль тела, и лишь скрюченные артритом пальцы чуть свешивались с края кровати. Одеяло покрывало ее так ровно, словно она ни разу не пошевелилась за всю ночь. Она казалась бледной как покойница, и если бы не одеяло, которое ритмично поднималось и опускалось при дыхании, Сэм могла бы решить, что старушка умерла.

– Сестра! Вы не спите? – повторила Сэм настолько громко, насколько осмелилась.

Сестра Мэри Фрэнсис зашевелилась, повернула голову слева направо, а потом открыла свои чуть помутневшие голубые глаза. Сэм застыла на месте, опасаясь, что она поднимет крик при виде незнакомки в своей

комнате. Но старушка лишь бегло оглядела ее и снова опустила веки.

– А где же Джемма? – хрипло спросила она и тут же начала кашлять.

– Она готовит для вас завтрак.

Кашель сестры Мэри Фрэнсис усилился. Сэм слышала клокотание мокроты в ее легких, пока приступ кашля не закончился. Через некоторое время старушка сумела шепотом спросить:

– Кто вы такая?

– Меня зовут Саманта. Я попросила у Джеммы разрешения немного побеседовать с вами.

– Джемма прекрасно знает, что я не люблю посетителей, – сказала монахиня, утирая слюну, скопившуюся в уголках рта.

– Прошу прошения, но мне нужно задать всего пару вопросов, а потом я оставлю вас в покое.

Сестра Мэри открыла глаза и пристально посмотрела на Сэм.

– Вопросов о чем, дитя мое?

– Я была задействована во время следствия по делу некоего отца Бенджамина. Насколько мне известно, вы работали вместе с ним в Святой Маргарите.

– Любые вопросы по поводу Святой Маргариты следует направлять в совет попечителей этого дома, – сказала сестра Мэри Фрэнсис, и от ее полусонного состояния вдруг не осталось и следа.

– Мне не нужно обращаться в совет, – возразила Сэм. – Мне необходимо только узнать, знали ли вы девочку по имени Китти Кэннон, когда работали в приюте Святой Маргариты.

Сестра Мэри снова посмотрела на нее с таким выражением лица, словно увидела в своем супе муху, затем очень медленно села и свесила ноги с кровати. Потянула за веревку и открыла жалюзи. От пролившегося в комнату потока яркого солнечного света Сэм зажмурилась и на мгновение отвернулась от окна.

– Кто же вы такая? – еще раз спросила сестра Мэри.

Дверную ручку кто-то стал дергать снаружи. Сэм вздрогнула от неожиданности.

– Я подруга Китти Кэннон. Мы вместе были задействованы во время следствия по делу о смерти отца Бенджамина. И она разыскивала вас. То есть, я хотела сказать, она надеялась на новую встречу с вами.

Сестра Мэри не сводила с гостьи глаз.

– Я абсолютно уверена, что никогда не знала девочку с таким именем.

– Сестра! С вами все в порядке? – выкрикнула из-за двери встревоженная Джемма. Бывшая монахиня посмотрела сначала на дверь, а

потом снова на Сэм. – Мне показалось, что я слышала голоса в вашей комнате. И почему дверь заперта, сестра?

– Ты не могла бы принести ключ от задвижки, Джемма? Я случайно заперлась, а сейчас не могу даже встать с постели, – сказала сестра Мэри, не сводя глаз с лица Сэм.

– Хорошо, сестра. Я вернусь очень скоро! – выкрикнула Джемма. – Потерпите немного.

– А вам лучше уходить, дитя мое. Если вас застанут здесь, вызовут полицию. – Сестра Мэри сидела теперь на самом краю кровати, перебирая пальцами бусины четок.

Сэм бросила на нее строгий взгляд, хотя у самой сердце ушло в пятки.

– Что ж, возможно, нам как раз надо кое-что сообщить полиции о темных делах, творившихся в Святой Маргарите. Мне не хочется портить репутацию сестер милосердия, но, видимо, придется. А вам предстоит провести остаток жизни, отвечая на неприятные вопросы о том, что происходило когда-то в той адской дыре. Наступили другие времена, сестра. Я видела подобие могилы в полу кабинета матери Карлин, а потому, полагаю, вас ждет неожиданное открытие – тех, кто защищал вас много лет или им подобных, больше не существует.

Сестра Мэри с трудом встала на ноги и подошла к Библии, лежавшей на тумбочке у изголовья постели, затем провела пальцем по золотому тиснению в виде креста на обложке.

– Зачем столько лет спустя люди все еще хотят найти виновных?

– Быть может, они до сих пор мучаются от того, что вы с ними сотворили, – высказала предположение Сэм.

Сестра Мэри Фрэнсис улыбнулась.

– Будьте осторожны, дитя мое. Сатана часто маскируется под светлого ангела.

– В таком случае кого же, по вашему мнению, должна винить Китти Кэннон? – спросила Сэм.

– Ей, для начала, стоит признать тот факт, что ее отец был прелюбодеем, – почти прошипела сестра. – Мы дали девочкам крышу над головой. Иначе им пришлось бы жить на улице. Мне известно, как отзываются о нас некоторые работницы этого дома, какого они мнения о покойной матери Карлин. Я слышала крики в ночи, когда наша настоятельница умирала, и никто не пришел ей на помощь. Никому не было дела до того, что произошло с ней той ночью.

– А что же все-таки произошло с ней?

Но сестра Мэри больше не отвечала на ее вопросы. Старуха

повернулась к ней спиной, и Сэм поняла, что отведенное ей время истекло. Она открыла дверь и побежала по коридору в сторону пожарной лестницы. Спустилась по металлическим ступенькам, на ходу, в спешке, набирая номер мобильного телефона Фреда.

– Фред? Это Сэм. Я немного опоздаю. Сможешь как-то прикрыть меня? – Она запрыгнула в свою машину. – И еще. Не мог бы ты просмотреть все газетные вырезки, касающиеся отца Китти? Да, той самой знаменитой телеведущей. Я тебе объясню причину, когда приеду в редакцию.

Закончив разговор с коллегой, она сразу же позвонила, чтобы проверить, все ли в порядке у Наны и Эммы.

– С нами все хорошо, милая. А как твои дела? Ты уехала необычно рано сегодня. – Голос Наны звучал так, словно она только что проснулась.

– У меня тоже все прекрасно. Есть одна просьба к тебе. Не могла бы ты проверить, есть ли в архиве деда другие письма от той девушки, Айви. Ну, ты понимаешь. Как то, которое ты читала прошлым вечером. – В трубке воцарилась тишина. – Нана? Ты слышишь меня?

– Да, слышу, – ответила Нана, а потом Сэм услышала, как из соседней комнаты ее настойчиво зовет к себе Эмма.

– Извини, что напрягаю тебя своей просьбой. Знаю, ты занята, но прошу проверить немедленно. Это очень важно.

Сэм действительно почувствовала вину из-за того, что вынуждала Нану исполнять свои просьбы, одновременно справляясь с капризами Эммы. Но оставалось всего два дня до полного сноса бывшего здания Святой Маргариты, а если по этому материалу можно написать хорошую статью, чтобы ее заметили и оценили, то получалось, что она работала в интересах всех членов своей семьи. Нане было необходимо снова получить квартиру в свое распоряжение. Освободить ее от неудобств и необходимости ухаживать за внучкой и правнучкой Сэм могла, только начав зарабатывать гораздо больше, начав полностью обеспечивать себя и Эмму.

Пока она смотрела на часы, панически опасаясь реакции Маррея, если он заметит ее отсутствие, до нее донесся звук шагов вернувшейся в гостиную и снова взявшей трубку Наны, а затем скрип кресла, в которое та тяжело опустилась.

– Почему тебя так заинтересовали эти письма? – спросила Нана.

– А кого бы они не заинтересовали? Трагедия несчастной девушки.

– Ты же не собираешься использовать их в своей работе, я надеюсь?

Сэм сначала немного растерялась. Никогда прежде ей не приходилось

лгать Нане. Но ведь она в самом деле не собиралась использовать письма в работе напрямую. Она опирается на них в своем расследования, используя для определенных целей.

– Нет. Просто меня заинтересовали обстоятельства ее жизни.

– Чьей жизни?

– Девушки, написавшей письма, – ответила Сэм, а Нана чуть откашлялась и начала читать ей вслух.

Глава 12

16 декабря 1956 года, воскресенье

Айви выждала момент, когда могла быть уверена, что все уснули, а потом достала из-под своей подушки шариковую ручку и сложенный лист бумаги, который сумела незаметно унести вечером из библиотеки, где обычно писались все письма.

Ее собственный блокнот, привезенный с собой, так и остался лежать в чемодане, отобранном матерью Карлин, когда она только приехала, но по воскресеньям им все же давали возможность перед молитвой писать короткие письма домой. Содержание всех писем подвергалось тщательной цензуре, а потом их еще и проверяла сама лично мать Карлин. Далее письма забирала Патришия, чтобы вручить водителю грузовика, который развозил белье, выстиранное и выглаженное в прачечной. Патришия, веснушчатая девушка с волосами мышиного цвета, в столовой сидела рядом с Айви и рассказывала ей, что при упоминании о Святой Маргарите разрешалось лишь описывать доброту монахинь и выражать глубочайшую благодарность им. После долгих уговоров Айви добилась согласия Патришии подсовывать в общую почту ее, не прошедшие проверку, письма. На радостях Айви незаметно пожала ей под столом руку, слушая громкие команды сестры Фейт немедленно покинуть столовую, хотя они почти не успели ничего съесть.

Она смотрела на запертое окно рядом со своей постелью. Была почти полночь, но даже скудного света луны оказалось для нее достаточно. Пока ручка бегала по листу бумаги, она представляла себе лицо Алистера. Прошли уже долгие месяцы с тех пор, как в последний раз его веселые карие глаза наблюдали за каждым ее движением, но она все еще могла слышать его запах, ощущать прикосновения его рук на своей спине, когда они медленно и нежно занимались любовью. Она так скучала по нему, что у нее болело все тело. Но она не знала, как описать завладевшею ею тоску. Лежа на жестком одеяле поверх своей кровати в общей спальне, она представила себе, как протягивает руку и прикасается к белоснежным простыням их номера в отеле. Вспоминала, как она краснела, когда он с улыбкой разглядывал ее, стоя у распахнутой балконной двери. Мурашки пробегали по коже, как будто ее обдувал свежий морской бриз. Ей

необходимо найти нужные слова, чтобы заставить его действовать. Он оставался для нее единственной надеждой на возможность благополучно покинуть этот ужасный приют.

Любовь моя!

Я оказалась в страшном месте, где чувствую себя как никогда прежде беспомощной и одинокой.

Обстановка дома стала совершенно невыносимой. Дядя Фрэнк дошел до такой ярости, что стал почти каждый вечер поднимать на меня руку. Он напивался, а потом приходил в мою спальню и начинал орать. Мол, всем соседям теперь ясно, кто я такая – проститутка, шлюха последняя. Я же сворачивалась клубком на постели, ожидая неизбежной боли и мечтая, чтобы ты сейчас же вошел и одним ударом уложил его на пол. Мама, по мере возможности, старалась защищать меня, вставала между нами, но однажды не успела, и Фрэнк приложился ко мне кулаком с такой силой, что я всерьез испугалась за жизнь нашего будущего ребенка. Дома мне было очень плохо, поэтому, когда доктор Джейкобсон сообщил, что через отца Бенджамина нашел для меня место в приюте Святой Маргариты, я с облегчением поняла: мне есть куда уехать, скрыться от боли, постоянной напряженности и мучений моей матери из-за меня.

Но, оказавшись здесь, я чувствую себя глубоко несчастливой и даже тоскую по дому. Дядя Фрэнк отказался подвезти меня на машине, и мне пришлось добираться автобусом. Мама была настолько расстроена, что даже не попрощалась со мной. Приют Святой Маргариты расположен достаточно далеко: на окраине города Престон, прямо позади церкви.

«Вот твоя остановка, милая», – сказал мне водитель автобуса, хотя я не говорила ему, куда именно еду. Сколько же других девушек он высаживал здесь, невольно подумала я, а они неуклюже выбирались наружу, поскольку живот мешал им нести чемодан. И когда он уехал, оставив меня в одиночестве, я впервые увидела его: огромный дом в викторианском стиле, одиноко стоящий вдали. Его окружала высокая кирпичная стена, украшенная в центре воротами из кованого железа, запертыми на тяжелый навесной замок. Подойдя ближе, я обнаружила стальной колокольчик, свисавший вдоль стены. Немного поколебавшись, я подергала за язычок из стороны в сторону, и колокольчик издал пронзительный звон, спугнувший ворон с веток окрестных деревьев.

Я постояла там некоторое время и уже собиралась позвонить снова, когда в дверях дома показалась монахиня в черной сутане и стала спускаться ко мне по длинной, выложенной каменными плитами дорожке.

Выглядела она очень серьезной, даже надменной. Руки держала, сцепив пальцы перед собой, и пока она молча шла ко мне, связка ключей у нее на поясе громко звякала, как у тюремщика.

Она приблизилась ко мне, и мы несколько секунд стояли, разглядывая друг друга. Затем я сказала: «Меня зовут Айви Дженкинс. Я от доктора Джейкобсона». Я протянула ей листок с направлением, который держала в руке, но она лишь мельком взглянула на него, не взяв у меня, как будто опасалась подцепить от него какую-то заразу. Наконец она отперла замок на воротах и тоже представилась: «Я сестра Мэри Фрэнсис. Следуйте за мной». В ее голосе звучала откровенная враждебность.

Я протиснулась со своим чемоданом в полуоткрытую створку ворот, после чего она с грохотом захлопнула ее и защелкнула дужку замка. Она была чуть ниже меня ростом, худощавая, и двигалась она быстро. Подол ее сутаны волочился по земле. Показалось, что у нее вообще нет ног. Я с трудом тащилась за ней, несколько раз останавливаясь, чтобы поставить чемодан на дорожку. Высаженные перед домом ясени, казалось, смотрели на меня и шелестели, словно перешептывались между собой, выражая свое неодобрение. Постепенно мы добрались до потемневшей деревянной входной двери, скрепленной крест-накрест металлическими полосами, и это напомнило мне темницу. Сестра Мэри Фрэнсис ни разу не обернулась в мою сторону, но когда мне удалось поравняться с ней, я опять услышала звяканье связки ключей. Один из них она сунула в замочную скважину и тяжело провернула им замок. Дверь медленно отворилась.

Одна из самых юных девушек вскрикнула во сне, заставив Айви вздрогнуть. Она накрыла свою постель покрывалом и на цыпочках подошла к девушке. Если дежурная сестра слышала ее крик, неприятности грозили им всем.

«Тс-с. – Она крепко обняла девушку, заливавшуюся слезами, и начала укачивать ее, чтобы успокоить. – Тише. Тебе надо снова заснуть. Тебе это нужно».

Она погладила ее мокрые щеки, а затем прокралась обратно к своей кровати. Перевела дыхание, прежде чем взяться за ручку и продолжить писать.

Когда сестра Мэри Фрэнсис скрылась в конце длинного, выложенного тусклым кафелем коридора, я успела оглядеть высокий сводчатый потолок и широкую лестницу, на самом верху которой висела доска с вырезанной на ней надписью: «Господь всемогущий! Дозволь всем павшим

обрести новый путь к Тебе через молитвы и усердный труд». Я спешила вслед за сестрой Мэри и прошла мимо нескольких девушек – у некоторых были большие животы, у других нет, – они стояли на четвереньках и оттирали и без того безупречно чистый пол. Никто из них не отвлекся и даже не поднял взгляд, чтобы посмотреть на меня. Никто не попытался со мной заговорить.

Затем меня обдало паром. Я мельком заглянула в открытую дверь и поняла: там прачечная. Десятки девушек стояли у раковин, некоторые пропускали постельное белье через машину для отжима, а затем вывешивали на перекладины для сушки. У меня не было времени обдумать все увиденное сразу, но меня поразило, какая и там стояла гробовая тишина. Никто не произносил ни слова. Нарушила молчание только сестра Мэри Фрэнсис, дожидавшаяся меня в самом конце коридора с угрюмым выражением лица. «Поспешите, уж будьте любезны. Мать Карлин не может тратить на вас целый день. Чемодан оставьте пока здесь». Я поставила его на пол у двери и с волнением вошла в кабинет матери-настоятельницы.

Это была темная неуютная комната, всего лишь с одним маленьким окошком. За столом из красного дерева сидела устрашающего вида женщина в полном монашеском облачении. Я молча стояла перед ней, а она неотрывно записывала что-то в небольшой блокнот с черной обложкой. Я знала, что заводить разговор первой не разрешается. Наконец она посмотрела на меня, своим заостренным подбородком, бледным лицом и крючковатым носом она походила на ведьму. Ее портрет висел на стене у нее за спиной. На нем она выглядела значительно привлекательнее, чем в жизни.

Она слегка откашлялась и обратилась ко мне: «Как тебя зовут?» Я назвала ей имя и фамилию, но она тут же перебила меня, сказав, что теперь я не Айви, а буду зваться Мэри, поскольку носить собственные имена в приюте запрещается. Мной овладел приступ панического страха, слезы уже начали обжигать глаза, но я сумела сдержать их. «Все поступающие к нам девушки обязаны исполнять свой долг и проделывать порученную им работу. Вы начнете трудиться в прачечной. Я надеюсь, что вы будете так же трудолюбивы, как все мы, вставая рано и проводя день максимально продуктивно, участвуя в церковных службах и вымаливая у Бога прощение. Это вам понятно?» Мне с трудом удавалось сохранять ясность мысли, но я справилась с собой и ответила, что все поняла. Она велела сестре Мэри Фрэнсис показать мне мое место в спальне.

Когда я вышла из кабинета, моего чемодана не оказалось на месте, а сестра Мэри сказала, что больше он мне не понадобится. Я была близка к истерике. Ведь в нем лежала единственная фотография отца, которую я взяла с собой, и одеяльце, связанное мной заранее для моего будущего младенца. Розовое, потому что я уверена – у меня родится девочка. Я умоляла вернуть мне чемодан и напросилась: из кабинета вышла мать Карлин и жестоко отхлестала меня ремнем, прямо на глазах у всех, кто был в коридоре.

Айви до боли прикусила губу, вспомнив, что у нее отобрали фото отца. У нее словно украли его последнее прикосновение, последние минуты, проведенные с ним, тот воздушный поцелуй, который он послал ей, стоя внизу лестницы, пока она смотрела на него с верхней площадки, стоя в одной ночной сорочке. Сестра Мэри Фрэнсис непостижимым образом отобрала ее воспоминания, как Айви видела все в своем воображении. Однако она знала и то, что ей лучше воздержаться от любых упоминаний об отце в письме. Ей необходимо было заставить Алистера твердо понять: только он мог спасти ее и никакой другой помощи ей не от кого ждать.

Она почувствовала жжение в глазах. Ей был крайне нужен сон и отдых. У нее ныли руки, когда она заставляла себя писать дальше, ломило все тело, но подталкивала необходимость иметь законченное письмо под подушкой к утру. Иначе Патришия не успеет взять его и передать с остальной почтой пареньку, водившему грузовик с бельем из прачечной.

Потом я пошла за сестрой Мэри Фрэнсис по лестнице на второй этаж в свою спальню. По пути мне встретились другие девушки, и снова ни одна из них не взглянула на меня, не улыбнулась, не вымолвила ни слова. Сестра оставила меня в спальне, сказав мне переодеться в рабочий балахон. Комната была холодной и угрюмой. В ней рядами стояли койки, похожие на больничные, раковина умывальника с побитой эмалью располагалась под раздвижным окном. Помимо прочего бросались в глаза выцветшие шторы и колокольчик, висящий на стене. Затем мне показали прачечную. Нам приходится справляться с тяжелыми машинами для отжима и глажки, у всех девушек руки покраснели от постоянного полоскания в холодной воде. После шести часов работы в прачечной мы пообедали жидким супчиком с черствым хлебом. Во время еды нам не разрешается разговаривать. Нам практически постоянно запрещено всякое общение между собой.

Монахини обращаются с нами беспредельно жестоко. Начинают

избивать тростями или всем, что попадется под руку, если мы всего лишь перекинемся парой фраз. Одна из девушек получила страшный ожог от раскаленной, как металл в доменной печи, простыни, только что прошедшей через сушильную машину. Теперь в рану еще и попала инфекция, она загноилась. А сестра Мэри Фрэнсис только и сделала, что однажды подошла к ней, чтобы отругать ее за неспособность работать в полую силу. Нам позволено открывать рты только для молитвы или чтобы униженно произнести: «Жду ваших указаний, сестра». Мы молимся перед завтраком, а после завтрака отправляемся на службу в церковь. И перед тем как лечь в кровати, завершаем день молитвами. А потом для нас наступает черная пустота до звонка колокольчика в спальне, заставляющего нас просыпаться в шесть часов утра. Мы живем по звону колокольчика. Нет часов, нет календарей, нет даже зеркал. Чувство времени в такой обстановке совершенно утрачивается. Мне ничего не говорят о том, что произойдет, когда у меня родится ребенок, но я знаю – в этом доме содержат и младенцев, по ночам я слышу их плач.

Айви поморщилась, ощутив толчок маленькой ножки внутри своей утробы. У нее раздуло мочевой пузырь. Ей очень хотелось в туалет, но им не разрешалось вообще вставать с постели по ночам. Она стала думать о своем малыше, пока находившемся в безопасности и тепле ее живота. У нее не было ни малейшего представления, как именно рождается ребенок. В школе она слышала от девочек, что дети появляются на свет через пупок, но не могла понять, как такое возможно. Она знала только одно: Господь поможет, когда настанет время, им обеим.

Она перевернулась на другой бок, устраиваясь поудобнее. А младенец словно затеял веселую игру внутри нее, не зная, что ему предстоит в будущем. Айви наблюдала за девушками без больших животов, которые в столовой сидели за отдельным длинным столом. На их лицах читалась печаль, причину которой ей вскоре предстояло понять. Ей необходимо выбраться из Святой Маргариты до рождения ребенка. И нужно было ясно донести до Алистера эту мысль.

Я так скучаю по тебе, любовь моя. Мне так не хватает наших с тобой прежних поездок к морю. Я часто вспоминаю приятное ощущение от прикосновения травы к моей спине, когда мы лежали вместе и любовались небом. Здесь мы не можем выходить на свежий воздух. Меня преследует ощущение полной изоляции от всего: от природы, от дома, от тебя, от себя самой. Я мечтаю сбежать отсюда, но монахини не держат

нас под контролем только ночами, а спальни расположены так высоко, что при попытке спуститься вниз из окна наверняка сломаешь себе шею. Но даже если бы мне удалось выбраться, куда я смогла бы пойти? Дядя Фрэнк тут же отвез бы меня обратно в приют, и мама не в силах была бы помешать ему. Я бы направилась к тебе, но не знаю, захочешь ли ты принять меня, хотя даже думать не хочу о том, что ты выставил бы меня на улицу. Не осталось ничего от прежней Айви, какой я была совсем недавно. Мне даже имя изменили. По ночам я ощупываю свой живот, лежа в темноте, и чувствую, как ребенок шевелится внутри меня. Но я уже подвела свое будущее дитя, сама все испортила. Каждую ночь я плачу, пока не забываюсь во сне.

Не знаю, читаешь ли ты мои письма, но для меня невыносимо потерять тебя. Пожалуйста, если ты все еще любишь меня, приезжай и забери отсюда. Никто не узнает, что это твой ребенок. Быть может, ты сможешь оплатить мое пребывание в каком-нибудь пансионе? Я же буду только счастлива при первой возможности найти работу, чтобы вернуть тебе деньги, как только малыш чуть подрастет и я смогу на время оставлять его. Для меня не важно, что придется делать и где жить, и я никогда не поставлю тебя в неловкое положение.

Умоляю, приезжай поскорее, или я сойду с ума в этом страшном месте.

С неизменной и вечной любовью к тебе.

Твоя Айви.

Слеза упала на страницу, и Айви стерла ее, прежде чем аккуратно сложить письмо, поцеловала его и сунула под подушку. После чего она повернулась, накрыла лицо одеялом и тихо, отчаянно зарыдала.

Глава 13

5 февраля 2017 года, воскресенье

Шоссе Престон-лейн оказалось узким и с многочисленными крутыми поворотами, которые Сэм преодолевала со скоростью улитки. Прочитав газетную статью, найденную Фредом, она выяснила, что после того, как Джордж Кэннон миновал церковь Престона, он свернул на роковую для себя дорогу, которая, как она не могла не заметить, вела к приюту Святой Маргариты. Затем, согласно заметке, опубликованной в газете «Сассекс Аргус» 12 марта 1961 года, его машина во время виража попала на обледеневший участок, ее занесло и выбросило в кювет. Водитель погиб почти мгновенно.

Остановившись на специальной аварийной парковке на обочине, Сэм наблюдала за оживленным сейчас движением по ней, но главным образом изучала окружающую местность. Судя по описанию места аварии в газетах, здесь мало что изменилось за прошедшие пятьдесят лет. Дорога по-прежнему оставалась шириной в одну полосу. По обеим сторонам вдоль нее тянулись живые изгороди и глубокие кюветы. День выдался холодным, как, вероятно, и в январе 1961 года, и Сэм могла видеть обледенение на черном асфальте чуть впереди. Она достала из сумки блокнот и вновь прочитала заголовок статьи в «Сассекс Аргус» за 24 января: «Главный инспектор полиции Брайтона погиб в ужасной автокатастрофе». На дороге был очень крутой поворот перед тем местом, где случилась авария, и Сэм пешком направилась к нему, по пути заметив большой дом в георгианском стиле на углу недалеко от дороги. Других домов в округе не было, а потому она решила постучать в дверь дома и попытаться расспросить хозяев, кому принадлежал особняк в тот год, когда произошла катастрофа. Это станет ее последним визитом нынешним утром. После чего придется поспешить на работу.

Она приблизилась к входной двери, увидела каменную табличку с вырезанными на ней словами «Усадьба Престон» и постучала дверным молотком в виде головы льва. Откуда-то изнутри до нее доносились звуки классической музыки. Прошло две минуты, но на ее стук никто не отозвался. Она постучала еще раз и только потом услышала чей-то кашель по другую сторону двери. Ей открыл мужчина лет пятидесяти с

небольшим, с лицом округлой формы, красными щеками и с сильно поредевшей седой шевелюрой. Его достаточно большой живот прикрывал фартук с изображением известной статуи Давида работы Микеланджело, а по налипшим на нем многочисленным обрезкам продуктов становилось понятно, что он занимался кулинарией.

– Здравствуйте! Я хотела узнать, не могли бы вы помочь мне. – Она улыбнулась. – Я выполняю студенческое задание и пытаюсь выяснить обстоятельства аварии, случившейся на повороте дороги рядом с вашим домом.

– У нас тут часто происходят аварии, – сказал мужчина, сразу же прерывая ее. – Это очень опасный поворот. Я едва ли смогу вспомнить какой-то отдельный случай.

– Уточню, – продолжила Сэм. – Меня интересует автокатастрофа, произошедшая очень давно, а именно в 1961 году.

– Тогда тем более, уж простите, но я о ней ничего не помню.

– Вы уже жили тогда в этом доме? – спросила Сэм, не заканчивая разговор.

– Да, уже много поколений моей семьи живут в этом особняке. – Мужчина вытер руки кухонным полотенцем.

– Ваш дом очень красивый. Понятно, почему вы не хотите переезжать из него.

– Спасибо за комплимент, но, извините, мне уже необходимо спасать свое суфле, – сказал он и сделал движение, чтобы закрыть дверь.

– Конечно. Но нет ли в доме кого-то еще, кто жил здесь в то время? Например, вашего отца или матери?

Мужчина вздохнул, а потом указал на калитку по другую сторону дорожки к дому.

– Попытайте удачу с моей матерью. Она живет в бывшей бабушкиной пристройке. Но только должен предупредить: она очень болтлива, – добавил он и захлопнул дверь.

– Спасибо, – сказала Сэм, обращаясь к львиной голове, а затем прошла по тропинке к небольшой хижине, украшенной цветами в подвешенных корзинах и в кашпо на подоконнике. Она нажала на кнопку звонка и подождала, ей открыла дверь низкорослая старушка с курчавыми седыми волосами и с розовыми щеками.

– Чем могу служить? – Женщина держала в одной руке секатор, а в другой большой букет лилий.

– Доброе утро! Я только что разговаривала с вашим сыном. Меня зовут Сэм. Я провожу исследование по истории здешних мест. Меня особенно

заинтересовала автомобильная авария, произошедшая на повороте дороги, неподалеку от вашей усадьбы, в январе 1961 года.

– Понятно. Как мило с его стороны послать совершенно незнакомого человека к двери своей престарелой матери. – Она подмигнула гостье.

– Он был занят кулинарным творчеством на кухне, – с улыбкой сказала Сэм.

– Да уж, когда он занят своим хобби, его не оторвешь. Почему бы вам не сказать конкретнее, что вы хотите узнать, а я напрягу память и попробую вспомнить что-либо полезное для вас? – Она положила букет на столик в прихожей.

– Это было бы замечательно, спасибо вам, миссис…

– Зовите меня просто Розалинда. – Женщина нацепила очки и прикрыла за собой дверь, выйдя наружу.

– Приятно с вами познакомиться, Розалинда.

– Итак, вам известно, кто именно попал в ту аварию? – Она расстелила плотное шерстяное одеяло на скамейке у задней двери и осторожно присела на нее. – Это действительно жуткий поворот. Там уже столько раз водители слетали с дороги. Особенно зимой, когда асфальт покрыт наледью.

– Могу себе представить, – сказала Сэм, доставая из сумки блокнот. – В аварию, которая интересует меня, попал местный полицейский, главный инспектор Джордж Кэннон.

– И насколько серьезно он пострадал?

– Он погиб почти мгновенно, насколько мне известно. Не думаю, что кто-то еще находился тогда на дороге. Он попросту вошел в вираж на слишком высокой скорости и потерял управление. А дальше вылетел в глубокий кювет.

Розалинда какое-то время смотрела в землю, пока Сэм, чтобы согреться, потирала руками в перчатках.

– Кэннон. Фамилия мне кажется знакомой.

– Он был отцом Китти Кэннон. Знаменитой телевизионной звезды. Она родом из этих мест, но не знаю, слышали ли вы о ней.

– Да, верно, – сказала старушка и нахмурилась.

Сэм еще раз оглядела поразительное строение в георгианском стиле, по стенам которого рос цветущий ломонос, стремясь добраться до окон.

– Я подумала, что кто-нибудь из вашей семьи мог случайно что-то увидеть из дома.

Розалинда помотала головой:

– Простите, но нет. Я ничем не могу вам помочь.

– Что ж, спасибо, что уделили мне время. Я оставлю вам номер своего телефона. Вы мне позвоните, если вдруг что-то вспомните?

– Разумеется, милая, – ответила Розалинда, прежде чем по-дружески помахать на прощание.

Только добравшись до редакции и усевшись за стол с чашкой крепкого кофе, Сэм смогла обдумать все события сегодняшнего утра.

– Так что же все-таки происходит? – спросил Фред, глядя на нее поверх очков.

Сэм достала из сумки письмо.

– Моя бабушка нашла вот это, разбирая архив деда. Письмо от молоденькой девушки по имени Айви, написанное в 1956 году. Ее обрюхатил возлюбленный, футболист, который после этого даже встречаться с ней не захотел, как я поняла. – Она вынула из сумки свой ноутбук и включила его. Фотография Эммы открылась на весь экран, когда компьютер загрузился.

– Отличный снимок, – заметил Фред. – Она у тебя красавица.

– Спасибо, что есть, то есть. Все-таки моя дочь, – сказала с улыбкой Сэм, вбивая имя отца Бенджамина в поисковик.

– Кто такая эта Айви? – спросил Фред, бросив взгляд на письмо.

– Понятия не имею, но в письме упоминается отец Бенджамин, священник, чьи останки нашли на территории пустовавшего здания приюта. Кевин освещал это дело на прошлой неделе, – ответила Сэм и развернула дисплей ноутбука в его сторону. – А Китти Кэннон – ведущая популярного шоу на телевидении…

– «Пушечное ядро»? – уточнил Фред.

– Оно самое, – подтвердила Сэм. – Китти, как я установила, была задействована во время следствия по делу о смерти отца Бенджамина.

– Зачем? – спросил Фред, склоняясь к ней ближе.

– Пока не уверена, что знаю причину. Я была в этом доме сегодня утром. – Она вывела на дисплей фотографию здания приюта Святой Маргариты.

– Неужели? Когда?

– До того, как приехать на работу. – Сэм сделала глоток кофе.

– Ты просто маньяк какой-то. Я даже позавтракать еще не успел, – смеясь, сказал Фред.

– Понимаешь, во вторник там все снесут. Уже развернули новую строительную площадку, – сказала Сэм, доставая из верхнего ящика стола контейнер для сэндвичей на застежке в виде пластиковой молнии и открывая ее зубами. – В одной из комнат я обнаружила портрет матери

Карлин, упомянутой во втором письме Айви. Смотритель стройплощадки, который сопровождал меня при осмотре бывшего приюта, предложил мне съездить в расположенный неподалеку дом престарелых, где, как он думал, она могла жить. Однако ты оказал мне услугу, найдя информацию о том, что Карлин умерла много лет назад. Мне удалось пробраться в комнату одной из монахинь, которая в прошлом работала в приюте. Она сказала мне очень странную вещь по поводу настоятельницы Карлин. По ее словам, никому не было дела до того, что произошло с ней той ночью, когда она умирала. Хочешь перекусить? – Она достала второй контейнер и ловко бросила его Фреду.

Он поймал чуть смятый сэндвич и отложил в сторону.

– Кроме того, эта монахиня – сестра Мэри Фрэнсис – определенно знала и Китти, и ее отца Джорджа Кэннона. Его она назвала прелюбодеем, – продолжала Сэм.

– Быть может, Китти – ребенок от внебрачной связи и родилась именно в приюте Святой Маргариты, – сказал Фред и снял очки, чтобы протереть линзы, после чего надел их и опять посмотрел на Сэм. – Боже милостивый! Если это так, твою статью опубликуют все крупные общенациональные газеты. Это станет для тебя блестящей возможностью.

– Наверное. Ты выглядишь куда привлекательнее без очков, – с улыбкой отметила Сэм.

Щеки Фреда переливались всеми оттенками красного, пока он пытался что-то ответить на ее замечание.

– Обычно на занятиях альпинизмом я пользуюсь контактными линзами. И сегодня у меня побаливают глаза, поскольку я ночью совершал восхождение на скалы в Харрисоне.

Он снял очки, затем хотел вновь надеть, но замер в нерешительности.

– Ты карабкаешься по скалам в темноте? – спросила Сэм, открыв свою электронную почту и просматривая сообщения.

– Запросто. У меня к шлему прикреплен специальный фонарик. Но я почти все время вынужден проводить здесь, а потому у меня, если разобраться, нет выбора. Приходится работать в очках.

Он пожал плечами.

– Ты бы карабкался по горам каждый день, будь у тебя такая возможность? – поинтересовалась Сэм, закончив свой завтрак.

– Определенно. Альпинизм для меня – это как своего рода философия, дзен. Когда я в одиночку совершаю особенно трудный подъем, мне наплевать на все проблемы в моей семье, на их общее мнение, что я всех разочаровал. Есть только я и скала. Когда ты один на скале, не имеешь

права на малейшую ошибку. У тебя есть всего лишь один шанс сделать все правильно.

– Удивительно. Значит, когда ты взбираешься на высоченную скалу, подвергаясь опасности упасть и разбиться, это помогает тебе расслабиться? – с улыбкой спросила Сэм.

– Харпер! – заорал Маррей через весь офис. – Подойди-ка ко мне.

Фред показал, как обвязывает себе шею воображаемой веревкой и вешается, когда Сэм поднялась и направилась к своему боссу.

– Почему мне только что звонила пресс-секретарь Китти Кэннон и требовала запретить тебе совать нос в ее дела?

– Гм-м… Я читала в газетах, что ее программу закрывают, а оказывается она сама уходит. Китти выросла в Сассексе, и я обратилась с просьбой взять интервью.

– А каким образом твой запрос касается бывшего приюта для матерей-одиночек имени Святой Маргариты? – раздраженно спросил Маррей.

– Кевин упомянул, что она была задействована в следствии о смерти отца Бенджамина. Я провела небольшое расследование, раскопала кое-какие факты. Думаю, Китти каким-то образом связана с приютом.

– Каким же образом? – Маррей громко откашлялся.

– Пока точно не знаю, но работаю над этим.

– Эту работу должны делать в отделе расследований. Я что, мало загружаю тебя в своем агентстве? – резко задал вопрос Маррей.

– Так и есть. Я собиралась передать им собранный материал. Просто мне первой пришла в голову эта идея, – ответила Сэм, упорно стараясь не смотреть на сросшиеся в одну линию брови начальника, похожие на крупного слизняка.

– Ты получила хоть какие-то весомые доказательства своего расследования? – пролаял Маррей. Сэм помотала головой. – Прекрасно! Тогда давай сосредоточимся на новостях. Я бы не хотел поссориться с пресс-секретарем такой известной личности, не имея на то причин.

Сэм вернулась за свой стол.

– Мне явно удалось задеть их за живое, если пресс-секретарь Китти специально позвонила Маррею по этому поводу, – сказала она.

– Что им известно о твоем расследовании? – спросил Фред.

– Я прямо сказала пресс-секретарю, что располагаю информацией о связи Китти с приютом для матерей-одиночек.

– Посмотри сюда. Это совсем недавно появилось на новостных сайтах. – Теперь уже Фред развернул монитор своего компьютера в ее сторону.

Сэм протерла слегка болевшие глаза. Она встала в пять часов утра, чтобы добраться до Святой Маргариты еще до рассвета, а потому ей казалось, что ее пропитанному кофе мозгу привиделась галлюцинация, когда она читала заметку на компьютере Фреда.

– Боже мой, сегодня пройдут отпевание и похороны отца Бенджамина.

Фред кивнул. Адреналин поднимался в крови Сэм по мере того, как она продолжала читать.

«Родившийся как Бенджамин Кук в Брайтоне в 1926 году и выросший в Престоне, отец Бенджамин, был сыном доктора Фрэнка Кука и домохозяйки Хелен Элизабет Кук.

Он получил образование в начальной школе Всех Святых, а в 1944 году окончил среднюю школу в Брайтоне. Позднее он также прошел курс в Брайтонском колледже искусств и обучился игре на фортепиано.

Отец Бенджамин в дальнейшем стал всеми уважаемым викарием церкви в Престоне и продолжал служить на протяжении более чем тридцати лет. Выйдя на пенсию в возрасте шестидесяти пяти лет, он поселился в доме престарелых «Грейсуэлл» в пригороде Престона. Отец Бенджамин бесследно исчез 31 декабря 1999 года, а в сентябре 2016 года его друзья получили шокирующее известие, что его останки были найдены в подвале заброшенного здания приюта Святой Маргариты. К тому времени у него уже не было оставшихся в живых родственников».

– Фред, ты должен снова как-то прикрыть меня. Мне обязательно нужно присутствовать на церемонии, – сказала Сэм, умоляюще посмотрев на своего несчастного коллегу.

– Что? Но ведь ты будешь отсутствовать несколько часов. Я отпросился на вторую половину дня, чтобы принять участие в чемпионате Великобритании по боулдерингу[8]. – Фред говорил почти шепотом.

– Послушай, если я права относительно Китти Кэннон, это станет невероятно громкой сенсацией. Я вернусь не позже половины второго. В котором часу тебе надо быть на соревнованиях?

– К трем, – ответил Фред. – И я ни в коем случае не могу опоздать.

– Ты не опоздаешь. Пожалуйста, помоги. – Сэм скулила, как потерявшийся щенок.

– Хорошо, согласен, – сказал Фред, бросив взгляд в сторону застекленного кабинета Маррея. – Я должен взять интервью у дочери одной из первых суфражисток прошлого столетия. Скажу, что у меня машина не заводится, и ты поехала вместо меня. Но только успей подготовить этот материал до того, как отправишься на похороны, ладно? Маррей вышел на тропу войны со мной тоже, потому что считает, что мы с

тобой вместе сговорились против него, чтобы совать палки в колеса.

– Разумеется, я все сделаю. О, мне нужна от тебя еще одна услуга, – сказала Сэм, запихивая свои вещи обратно в сумку.

– Неужели тебе понадобилась одна из моих почек?

– Мне крайне важно установить, кому именно писала эти письма Айви. Он был профессиональным футболистом. Она упоминает о его первом сезоне в письме, датированном 12 сентября 1956 года, описывает его красивым мужчиной, которому ни к чему скандал. Может, ты посмотришь по базам данных статьи из газет того времени. Он мне представляется восходящей звездой спорта. Наверное, это не слишком правдоподобная гипотеза, но если примерно в тот же период времени какой-то молодой футболист неожиданно умер, то мы нападем на верный след. Насколько я могу судить, каждого из упомянутых в письмах людей ожидала внезапная и очень печальная участь.

Фред отсалютовал рукой ей в знак согласия.

– Я люблю тебя, – сказала Сэм, схватила сумку с ноутбуком и блокнотом, после чего буквально выбежала из редакционного зала Южного информационного агентства.

Стоило ей завести двигатель своей верной «новы», ожидавшей хозяйку на парковке, как раздался звонок мобильного телефона. Она достала его из сумки. Это был незнакомый местный номер.

– Алло!

– Это Саманта?

Она заткнула пальцем свободное ухо, чтобы лучше слышать.

– Да, а кто это? Представьтесь, пожалуйста.

– Розалинда. Вы приходили ко мне домой сегодня утром, еще не забыли? Мой сын как раз что-то готовил у себя на кухне.

– Конечно же, не забыла, – поспешила ответить Сэм.

– Я звоню вам, поскольку после вашего визита связалась со своим кузеном, и оказалось, что он хорошо помнит ту аварию, которой вы интересуетесь. Тогда ее много обсуждали в его любимом пабе. Главный инспектор Кэннон погиб тогда, так вы мне сказали, верно?

– Да, именно так. – Сэм терпеливо ждала, чтобы старушка продолжила.

– Он был местным полицейским, все ему симпатизировали в наших краях, поэтому для всех стала шоком его трагическая гибель. Кузен не помнит никаких подробностей аварии, кроме того, что с ним ехала его маленькая дочь.

– Его маленькая дочь? Об этом ничего не говорилось в газетах, –

сказала Сэм, доставая свой блокнот.

– И тем не менее. Причем она не пострадала. О ней рассказал один из парней, он выпивал тем вечером в «Гербе Сассекса», а затем, уже поздно ночью, шел пешком домой. Он попал на то место почти сразу после катастрофы и утверждает, что на дороге видел маленькую девочку.

– На дороге? – переспросила Сэм.

– Он был известным пьяницей, тот парень, поэтому, я думаю, полиция не приняла всерьез его показаний. Машина уже оказалась в кювете, а она стояла на дороге рядом с ней и убежала, как только заметила его. Он попытался догнать ее, чтобы убедиться, что она не ранена, но девочка уже скрылась из вида.

– Спасибо, Розалинда, ваша информация крайне полезна для меня, – сказала Сэм, делая пометки в блокноте. – Я очень вам благодарна за звонок.

Она положила трубку, бросила мобильный в сумку, затем пролистала страницы блокнота назад до той, где впервые записала сведения об отце Бенджамине, и прямо под его именем записала другое: *Джордж Кэннон*.

Глава 14

5 февраля 2017 года, воскресенье

Китти ехала в черном лондонском такси, возвращаясь домой после сеанса у Ричарда Стоуна, и включила свой мобильный телефон, чтобы проверить поступившие на него сообщения. Два прислала Рейчел с просьбой перезвонить ей. Она вздохнула и откинулась на спинку сиденья. Она чувствовала полнейший упадок сил.

Когда таксист свернул на набережную Виктории, телефон зазвонил, и имя Рейчел Форд высветилось на дисплее.

– Слушаю тебя, – Китти приняла звонок. – Как раз собиралась позвонить сама.

– Привет, Китти. Извини, что беспокою в воскресенье. У тебя есть минута на разговор? – спросила Рейчел слегка возбужденным тоном.

– Да, есть, а в чем дело? – Китти отозвалась резковато, но плотнее прижала трубку к уху.

– Хотела кое-что проверить. Тебе известно откуда-нибудь имя Саманты Харпер? Она – репортер из Южного информационного агентства и хотела бы взять у тебя интервью.

– Никогда не слышала о ней. Но что в этом необычного?

– Ее интересует твоя вероятная связь с приютом для матерей-одиночек имени Святой Маргариты в Престоне, графство Сассекс.

Китти почувствовала, как кровь приливает к голове. В этот момент велосипедист остановился прямо перед ними, и водителю такси пришлось вывернуть руль, чтобы объехать его, сигналя и громко ругаясь.

– Китти? Алло!

– Я не имею понятия, о чем она. Она говорила еще что-нибудь?

– Больше ничего существенного, насколько я помню. Просто спросила, можно ли взять интервью. Я позвонила некоему Маррею Уайту, главе Южного информационного агентства, но, как выяснилось, он ничего не знал об этом. Сказал, что это ее собственная инициатива, и обещал разобраться.

– Кто такая эта Саманта Харпер? Пришли мне сведения о ней по электронной почте поскорее.

– О’кей. Я догадалась, что ты заинтересуешься, и все уже подготовила.

Отправляю прямо сейчас.

– Превосходно! Оставайся на связи, пока я ознакомлюсь с собранным тобой материалом, – сказала Китти, найдя только что пришедшее электронное письмо и нетерпеливо открывая его.

На дисплее медленно загрузилась фотография Сэм.

Китти сразу же узнала ее. У нее начали дрожать руки, пока она вглядывалась в лицо рыжеволосой девушки с голубыми глазами, тоже, как казалось, пристально смотревшими на нее.

– Ты меня слушаешь, Рейчел? Нужно, чтобы ты нашла для меня один адрес. Посвяти весь день только этому. Можешь больше ничем не заниматься. Понятно?

– Да, разумеется. Назови только имя человека, чей адрес необходимо найти.

– Аннабель Роуз Крид. Шестьдесят лет. Родилась и выросла в Сассексе. Она на шесть лет моложе меня, мы учились вместе в брайтонской школе. Я очень давно не встречалась с ней. Найди ее.

– Хорошо, – ответила Рейчел. – Сделаю все, что смогу.

Китти аккуратно положила телефон в сумку, когда они остановились перед ее домом с видом на Темзу, расположенным там же на набережной Виктории. Она поблагодарила шофера, дала ему щедрые чаевые и зашла в здание.

Глава 15

5 февраля 2017 года, воскресенье

Паб «Черный лев», с острой крышей, с дубовыми балками под потолком и с ярким пламенем в камине, явно был центром общественной жизни образцового английского городка, который, как отметила про себя Сэм, словно сошел с картинки на коробке шоколадных конфет. Как только в спешке она закончила интервью с Кларой Банкрофт, чья мать была одной из первых суфражисток, Сэм тут же помчалась на опасно высокой скорости в сторону Престона. Проезжая по извилистой центральной улице, где каждый фонарный столб украшали корзинки для цветов, а вдоль тротуаров тянулись безукоризненно подстриженные живые изгороди, она заметила паб и, быстро проскочив ко входу под проливным дождем, оказалась в забитом клиентами заведении, чтобы уточнить свой маршрут. У нее сложилось впечатление, что здесь собралось все мужское население городка.

– Поезжайте прямо, дальше по улице, милочка. Церковь стоит на холме. Не заметить ее невозможно, – сказал ей бородатый джентльмен с крупным носом картошкой и налитыми кровью глазами.

– Направляетесь на панихиду? – спросил мужчина, сидевший у стойки бара.

– Да.

– Были с ним знакомы, надо полагать? – спросил другой, выглядывая из-за своей пивной кружки.

– Нет, но насколько я знаю, он был связан с приютом Святой Маргариты, а я пишу очерк об истории всех приютов для матерей-одиночек в нашей стране. – Она бегло оглядела помещение паба и заметила престарелую леди в алом шерстяном пальто, наблюдавшую за ней из дальнего угла.

– Неужели кому-то нужен подобный очерк? Очень печальная тема. Вам бы написать о чем-то более веселом. Вы же такая хорошенькая и приятная на вид девушка.

– Э-э-э… Хорошо, я приму к сведению ваше замечание, – отозвалась Сэм, немного смутившись. – А пока – спасибо за помощь.

Когда Сэм уже собралась уходить, старушке как раз помогали пересечь

зал паба. Она шла с медицинскими ходунками. Уже у выхода она вдруг остановилась и оглянулась, как будто выискивая кого-то глазами. Эта дама преклонных лет показалась Сэм знакомой, но она не сразу сообразила, где могла встречаться с ней прежде. Ей явно перевалило за девяносто. Болезненно худощавая, бледные щеки, седые волосы, собранные сзади в пучок. Она обводила зал взглядом до тех пор, пока вдруг снова не впилась глазами в Сэм. И запавшие бледные щеки неожиданно покраснели, когда она уставилась на девушку. Почувствовав себя крайне неуютно под этим взглядом, Сэм отвернулась, а когда снова посмотрела в сторону выхода, спутник престарелой женщины уже помогал ей преодолеть высокий порог и выйти наружу.

Сэм еще раз поблагодарила мужчин за подсказку и поспешила выйти под холодный дождь. Старушку усаживали в ожидавшее ее такси. Церковные колокола начали перезвон. Машина тронулась с места, и женщина опять посмотрела на нее, проезжая мимо. Усевшись за руль своей машины, Сэм последовала за такси по улице, внезапно перешедшей в крутой подъем. К тому моменту, как она добралась до церкви, все места на передних скамьях были заняты, а служба уже началась. Сэм дождалась, чтобы престарелую леди усадили, а потом сама присела на дальней скамье по другую сторону от центрального прохода. Поскольку викарий уже встал за кафедру и начал говорить, она переключила свой телефон в беззвучный режим.

– Мы собрались здесь сегодня, чтобы отдать дань памяти достойной жизни и благородной работе отца Бенджамина, который останется в душах многочисленных прихожан как настоятель этой церкви, служивший более тридцати лет. Невозможно переоценить его неизменное стремление помочь всем, кто нуждался в помощи. – Сэм перевела взгляд с викария на престарелую женщину, смотревшую теперь только прямо перед собой, вцепившись в сумочку. – Когда его бренные останки были обнаружены внутри здания Святой Маргариты, это стало печальным известием для многих из нас. Мы не могли спать спокойно, пока он числился пропавшим без вести, но известие о том, что он мертв, подтвердило наши худшие опасения. Но теперь, вооружившись силой, дарованной нам милостивым Господом нашим Иисусом Христом, мы можем дать ему упокоиться с миром и молиться, чтобы его бессмертная душа пребывала в покое во веки веков.

Сэм оглядела небольшую общину. В большинстве своем в церкви собрались пожилые люди. Среди них она заметила сестру Мэри Фрэнсис, сидевшую с опущенной головой. Рядом с ней расположилась Джемма,

смотрительница, впустившая ее в «Грейсуэлл». Она неотрывно и пристально смотрела на викария.

– Отец Бенджамин стал также основателем и попечителем приюта для матерей-одиночек имени Святой Маргариты в Престоне, добровольно вызвался войти в благотворительный общественный совет, хотя уже удалился на покой, посещая наиболее нуждающиеся семьи нашей общины порой в самые суровые зимние месяцы, чтобы раздать им бесплатную пищу или одеяла. Он умел поистине благотворно влиять на нашу молодежь, преподавая в воскресной школе и помогая внедрить христианские моральные ценности в умы многих жителей нашего города, что особенно важно в нынешнюю эпоху, когда столько соблазнов отвлекают людей от самого главного, что делает нас человеческими существами: от учения нашего спасителя Иисуса Христа. Чтобы подвести итог сказанному мной, Ханна Крейн вызвалась прочитать эпитафию для отца Бенджамина, о котором она сохранила самые теплые воспоминания с того времени, когда училась у него в воскресной школе.

Женщина с длинными светлыми волосами взошла за кафедру и развернула листок бумаги. Поначалу ее не было слышно, и легкий смешок пробежал по рядам церковных скамей, пока священник возился с микрофоном. Наконец она начала читать чуть нетвердым голосом:

Не надо плакать над моей могилой.
Я не уснул в ней вечным сном постылым.
Я обратился в тысячу ветров,
В прекраснейший алмазный блеск снегов.
Я – в солнечном отливе спелого зерна,
В осеннем дождике я воплощусь сполна.
Когда же поутру ваш сон пройдет,
Я буду стайкой птиц, вершащих свой полет
По кругу, а потом взмывая к облакам.
А по ночам я – звезды, что сияют вам.
Не надо ж плакать над моей могилой.
Меня в ней нет. Я с вами, мои милые![9]

Сэм бросила взгляд на престарелую леди, которая теперь уперлась взглядом в пол, утирая слезы платком, зажатым в скрюченных, сильно дрожавших пальцах.

– Спасибо, Ханна. – Викарий вернулся за кафедру, а женщина прошла

на свое место, встреченная одобрительной улыбкой мужа. – Отец Бенджамин был бы весьма рад. Так что теперь перейдем к фрагментам его любимых песен, которые для нас исполнит сестра Клара Гэйл.

Взоры всех присутствующих в церкви устремились на хор, где монахиня в сине-белой рясе начала выводить первый куплет песни «Аве Мария». Воцарилась тишина. Казалось, что никто не только не двигается, но даже не дышит, совершенно покоренные ангельским голосом. У Сэм мурашки пробегали по рукам, пока она слушала, завороженная и охваченная эмоциональным порывом. Поэтому она невольно вздрогнула и словно очнулась, почувствовав чье-то присутствие рядом с собой. Она повернула голову и увидела престарелую женщину, стоявшую в проходе рядом с ней.

Старушка склонялась над своими ходунками, но в левой руке держала, как смогла разглядеть Сэм, какую-то фотографию, пристально уперев взор в гроб на подиуме. Поначалу ее никто больше не замечал, настолько завладела вниманием всей аудитории сестра Клара. И пожилая леди почти подошла к гробу, прежде чем ее заметили, что вызвало любопытство всей общины. Тук, тук, тук – это ее ходунки стучали по серому каменному полу церкви.

Теперь уже все уставились на нее, когда она медленно протянула руку и положила фотографию на гроб. Как только музыка затихла, она склонила голову, перекрестилась и заговорила:

– Да отпустит Господь непростительные грехи этому человеку и спасет души всех, чьи жизни он разрушил. Аминь.

Несмотря на скрюченную позу, голос ее звучал громко и отчетливо.

Она выпрямилась и посмотрела на изумленного викария. А затем, не дожидаясь какой-либо реакции, повернулась и все так же медленно двинулась назад по центральному проходу. И снова никто не пошевелился и не издал ни звука, только лишь наблюдая, как она перевалила на своих ходунках через порог и вышла наружу.

Викария как будто парализовало, но вскоре он совладал собой и снова вернулся за кафедру.

– Прошу вас, не волнуйтесь по поводу того, чему только что стали свидетелями. Жизнь и труды приходского священника вызывают слова благодарности не у всех членов его паствы. Мы не всегда в силах помочь тем, кто нуждается в нашей помощи. Давайте же теперь произнесем молитву за эти беззащитные души. «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе…»

Когда все присоединились к молитве, одна из самых молодых монахинь кинулась вперед и скинула фотографию на пол. Сэм, почти не сознавая, что делает, тут же вскочила на ноги и успела подобрать снимок. Затем оглядела тех, кто собрался в церкви. Заметила среди них Джемму с покрасневшими веками, сморкавшуюся в бумажный носовой платок.

Желая догнать престарелую леди, прежде чем та уедет, она почти бегом устремилась к выходу, пока остальные сосредоточились на молитве, начатой викарием. Когда она выбралась из сумрака церкви, яркий солнечный свет на секунду совершенно ослепил ее. В отчаянии Сэм огляделась по сторонам, но успела разглядеть старушку, когда она уже села в то же такси, сразу покатившее вниз по улице. Она принялась окликать ее, побежала по крутому склону в надежде, что ее взмахи руками будут замечены и такси остановится. Но оно быстро скрылось из вида. Она замедлила шаги и только потом ощутила, как у нее в сумке вибрирует мобильный телефон.

– Сэм? Какого дьявола? Где ты сейчас? – заорал Маррей, как только она приняла звонок.

– Только что закончила интервью с Кларой Банкрофт и уже возвращаюсь в редакцию, – поспешила заверить его Сэм, и в этот момент водитель чуть не сбившего ее грузовика нажал на мощный сигнал.

– Не лги мне. Фотограф звонил и сказал, что вы с ним закончили более часа назад, – пролаял Маррей.

Сэм представила его вздувшиеся на шее вены, как обычно бывало, если он доходил до бешенства.

– Я действительно возвращаюсь, Маррей, но у меня возникли проблемы с машиной.

– Да уж… Между прочим, твоя бабушка звонила в редакцию. Она пыталась связаться с тобой. У тебя дочка заболела. Мне нужен текст интервью к двум часам. А потом нам придется очень серьезно поговорить.

И он положил трубку.

Чувствуя себя совершенно растерянной, Сэм опустилась на скамейку и постаралась привести мысли и чувства в порядок, полностью успокоиться.

Печаль престарелой женщины была настолько физически ощутимой, что буквально повисла в воздухе на том месте, где она стояла. Сэм посмотрела на фото, которое подобрала с пола в церкви. На черно-белом снимке была маленькая девочка лет не более десяти, улыбалась в объектив фотоаппарата. Ее волосы вились мелкими кудряшками. На ней было красивое белое платье с пояском из живых цветов вокруг талии. На оборотной стороне все еще ясно читалась сильно выцветшая надпись:

«Айви летом 1947 года».

У Сэм перехватило дыхание. Несомненно, существовала вероятность, что в Престоне жила не одна девочка по имени Айви, но если ей было девять или десять лет в 1947 году, то она стала бы молодой женщиной детородного возраста к 1956 году, когда были написаны письма. Неужели это та самая Айви?

Она схватилась за телефон и набрала номер Бена. Безрезультатно. Она попробовала еще раз, чтобы оставить голосовое сообщение, сердитым тоном потребовав, чтобы он немедленно связался с Наной. Потом позвонила бабушке сама.

– Привет, Нана. Это я. Прости, но мне пришлось отключить звук на своем мобильном. С Эммой все в порядке?

Нана заверила внучку, что с дочерью все хорошо. Ее действительно стошнило утром, но теперь она чувствовала себя нормально.

– Я оставила сообщение Бену. Надеюсь, он скоро к вам приедет, – сказала Сэм. – Извини, у тебя в самом деле все в порядке? Судя по голосу, ты сильно расстроена.

Нана была далеко не в порядке. Сэм потребовалось время, чтобы вытянуть из нее причину огорчения. Обнаружилось третье письмо Айви, призналась бабушка наконец. И его содержание оказалось гораздо более печальным, чем содержание первых двух писем.

– Я перезвоню тебе, как только напишу текст для Маррея. Он ему нужен срочно.

Свое слово Сэм сдержала. Как только она отправила текст интервью с дочерью первой суфражистки со своего компьютера и получила ожидаемую критику от босса, сразу снова набрала номер Наны, и, когда бабушка прочитала ей третье письмо Айви, они обе не смогли сдержать слез.

Глава 16

11 февраля 1957 года, понедельник

Любовь моя!

Она родилась. Наша деточка появилась на свет Божий.

Мне почти не разрешают побыть с ней, но она, без сомнений, самый красивый ребенок, какого я только видела в своей жизни. У нее пока легкий пушок вместо волос, но он отливает медью, как и мои волосы, а ее ярко-голубые глаза просто сверкают, и они очень похожи на твои. Она такая спокойная! Ни разу не заплакала, в отличие от своей мамочки, которая льет слезы беспрестанно. Они дали мне подержать ее несколько минут, пока накладывали швы, и она ухватилась за мой палец с такой силой, что для меня стало очевидным: она уже в тот момент поняла – я ее мама. Мне могло показаться, но, по-моему, она даже улыбнулась мне. Сестра одернула меня. Сказала, я несу чепуху. Новорожденные младенцы не умеют улыбаться. Но в глубине души я уверена, что видела улыбку на ее личике. Это она нашла способ как бы заверить меня: все будет хорошо. После этого я ничего уже не помню. Должно быть, со мной случился обморок, поскольку очнулась я только в лазарете, а Роуз, как я назвала нашу малышку, уже со мной не было.

Айви услышала скрежет ключа в замочной скважине двери, расположенной в дальнем конце лазарета. Затем дверь громыхнула и распахнулась, со стуком ударившись в стену. Она запихнула лист бумаги и ручку под покрывало и подняла взгляд, увидев, как сестра Фейт и сестра Мэри Фрэнсис бодрыми шагами направляются к ней, шелестя на ходу сильно накрахмаленными сутанами. Она тут же опустила глаза, поскольку ее могли отчитать за то, что она слишком пристально смотрит на монахинь, и положила руки на бедра.

«Что ж, дитя мое, тебя ожидает работа в прачечной. Ты провела здесь неделю, но нельзя же вечно валяться в лазарете», – заявила сестра Мэри Фрэнсис, даже не подойдя к Айви достаточно близко.

«Думаю, Мэри будет готова вернуться к работе только через пару дней, – сказала сестра Фейт. – Она до сих пор едва держится на ногах».

Сестра Мэри Фрэнсис повернулась и зло посмотрела на молодую

монахиню.

«Дай тебе волю, ты бы укрывала их на ночь пуховыми одеялами, а по утрам поила горячим шоколадом, сестра Фейт. А потому я останусь при своем мнении. Поднимайся, дитя мое, и поторопись».

Айви овладела паника, но она кивнула и взялась за покрывало, медленно отодвигая его и моля бога, чтобы ручка и письмо остались незамеченными. Простыня под ней была чистой, но ее ноги и спину покрывала корка запекшейся крови. Она не знала, что именно с ней происходило, она смутно помнила эти несколько дней сразу после родов, но, подслушав разговоры монахинь между собой, пришла к определенному выводу. У нее началось кровотечение, которое не удавалось остановить. И с тех пор она постоянно лежала в лазарете, не в силах двигаться от боли внизу живота.

Патришия приходила этим утром до завтрака. Она выглядела усталой и очень бледной. В ее обязанности входила замена постельного белья в лазарете, и пока она занималась этим, незаметно сунула под подушку Айви лист бумаги и ручку. Когда сестра Фейт на минуту вышла из палаты, чтобы взять что-то из шкафа в кладовке, Патришия успела пошептаться с подругой. Она видела дочку Айви. Девочка необычайно красива и довольна жизнью, едва ли вообще плачет в промежутках между кормлениями. Айви обронила слезу и поцеловала Патришию в покрытый веснушками нос, попросив передать этот поцелуй Роуз.

«Тебе уже тоже осталось недолго», – сказала она потом, погладив Патришию по животу.

«Это действительно так ужасно? Я имею в виду боль. До меня доносились твои крики всю ту ночь». – Патришия посмотрела на Айви, а потом бросила взгляд на дверь.

«Все не слишком страшно, – ободряюще сказала Айви. – Просто я подняла много лишнего шума. У тебя роды пройдут легко»…

«Только посмотри, как ты все перепачкала, какую жуткую грязь развела, – резко сказала сестра Мэри Фрэнсис, заметив запятнанные кровью простыни, которые Патришия на время оставила в углу палаты. – Ты, видимо, считаешь, что у нас мало работы без того, чтобы стирать еще и твое постельное белье. Будешь обязана сама постирать эти простыни, как только поднимешься с постели».

«Да, сестра. Будет сделано, сестра», – произнесла Айви единственно допустимые в разговоре с монахинями слова.

Морщась от боли, она волевым усилием заставила себя медленно встать. Айви была уверена, что не удержится на ногах, и посмотрела на

сестру Фейт со слезами на глазах.

«Пройдись по комнате, девочка. Тебе необходимо начинать двигаться, или ты никогда не выйдешь отсюда», – сказала сестра Мэри Фрэнсис и неодобрительно поджала губы.

Айви не посмела ей перечить. Стараясь не обращать внимания на жгучую боль внизу живота, она сделала шаг вперед. И тут же ее дрожавшие ноги подкосились, и она рухнула на колени.

«Вставай! – мрачно распорядилась сестра Мэри Фрэнсис. Айви уставила взгляд в пол, приложив руку под грудь. – Вставай сейчас же или я отправлю тебя в кабинет матери Карлин».

Сестра Фейт хотела подойти к Айви и помочь, но сестра Мэри Фрэнсис жестом остановила ее. Айви с трудом и очень медленно снова поднялась на ноги. Затем одним рывком снова буквально упала на кровать.

«Вставай!» – рявкнула сестра Мэри Фрэнсис.

«Я не могу, сестра. Простите, но у меня отказывают ноги. Я старалась. Поверьте, действительно очень старалась». – Айви дрожала всем телом.

«Вставай!» – снова потребовала сестра Мэри Фрэнсис.

С огромным трудом Айви поднялась, используя кровать как опору. Она не осмеливалась заплакать, хотя острая боль внизу живота грозила в любой момент вызвать приступ неудержимой рвоты. Когда она выпрямила ноги, то посмотрела вниз и увидела капли крови, растекшиеся на полу вокруг ее ступней.

Айви сделала шаг, но тут же ухватилась за спинку кровати, потому что ноги опять подвели ее. Она упала на пол, приземлившись на бок и вскрикнув от боли.

«Я хочу, чтобы она встала с постели к концу завтрашнего дня, и ей придется самой выстирать свои простыни», – сказала сестра Мэри Фрэнсис.

Айви лежала обессиленно и наблюдала, как каблуки черных туфель удаляются от нее, стуча по холодным керамическим плиткам пола.

Когда старшая из монахинь покинула лазарет, сестра Фейт помогла Айви встать и улечься в постель.

«Она говорила вполне серьезно, имей в виду, – тихо сказала сестра. – Тебе нельзя здесь оставаться дольше завтрашнего дня».

«Да, сестра, я это поняла. Простите за испачканные простыни», – сказала Айви, а сестра Фейт нашла тряпку, чтобы стереть пятна свежей крови с пола.

Колокольчик на стене начал звонить, и сестра Фейт посмотрела на часы.

«Мне пора обедать, но я вернусь и принесу тебе суп».

«Спасибо, сестра».

Как только сестра Фейт вышла из палаты лазарета и заперла за собой дверь, Айви, морщась от боли, села на кровати и потянулась за письменными принадлежностями, надежно спрятанными под покрывалом. Затем продолжила письмо.

Я пишу тебе эти строки на моей койке в лазарете. Роды прошли ужасно тяжело. Я не знала, чего ожидать, и теперь только рада своему неведению. Если бы в комнате, где они оставили меня потом одну на всю ночь, были окна, я бы выпрыгнула в одно из них. Никогда прежде не испытывала я такой сильной боли, даже всего минуту, а пришлось мне ее терпеть долгими часами. Никого не оказалось рядом, чтобы поддержать меня. Я понятия не имела, закончатся ли когда-нибудь вообще мои мучения.

Между тем комната, куда они меня поместили, оказалась мне уже знакомой. Воспоминания о ней навсегда остались в моей памяти. Мать Карлин заставляет девушек на последнем месяце беременности прибирать помещение после только что принятых в нем родов. Ничто не может внушить такого страха, как буквально покрытый кровью пол. Ее так трудно отмывать холодной водой с маленьким кусочком мыла. Однажды я оттирала там кровь, и потом до конца дня у меня оставались пятна на руках и на коленках. А в другой раз мне пришлось делать уборку, когда в комнате оставался крошечный младенец. Мертворожденный. Его попросту бросили в корзину для мусора, завернув в пропитанное кровью одеяло. Я достала его оттуда, держала на руках, плакала и говорила ему, что мамочка наверняка очень любила его. Через некоторое время сама мать Карлин забрала его у меня и отнесла в специальный бак, куда кидают всех мертвых детишек. Сказала, что понапрасну лью слезы над дьявольским отродьем, а потом ударила меня по лицу так сильно, что на моей щеке даже остался след от ее перстня.

У меня роды начались после долгого рабочего дня в прачечной. Нам не позволяют делать что-то более легкое, но мой живот стал таким огромным, что я уже не справлялась с оборудованием.

Айви сделала паузу, вспомнив день, когда первый и последний раз держала Роуз в своих объятиях. Последний день, когда она хотя бы знала, где ее дочь и что малышка в безопасности.

Машины в прачечной казались тогда тяжелее, чем обычно, а ломота и

боль во всем теле были ей прежде неведомы. Схватки начались сразу после обеда, а потом становились все сильнее и сильнее, заставляя ее согнуться. Она медленно подошла к сестре Эдит, стараясь не заплакать от боли.

«Какого черта ты здесь делаешь? Возвращайся немедленно к работе», – нахмуренно встретила ее сестра Эдит.

«Сестра, нельзя ли мне поработать на кухне остаток дня? У меня какие-то судороги в животе. Очень больно».

«Нет, нельзя. У тебя еще не могли начаться настоящие схватки. Срок не пришел. Быстро возвращайся на свое рабочее место!»

Айви, шаркая, добралась до отведенного ей места в прачечной. Все смотрели на нее, но никто не посмел сказать ни слова. К ужину она уже не стояла на ногах. Остальные девушки гуськом вышли из цеха, а мать Карлин и сестра Эдит стояли над ней, забившейся в угол, державшейся за живот и рыдающей от боли.

«Прекрати свою истерику. Тебе лучше будет отправиться в лазарет, дитя мое. Иди же», – сказала мать Карлин.

Айви дождалась, пока пройдет волна особенно острых спазмов, а затем, пошатываясь, вышла в холл. Она почувствовала большое облегчение при упоминании о лазарете. Быть может, там к ней наконец хоть кто-то проявит немного доброты, утешит, успокоит. Как же она ошибалась в своих ожиданиях!

Она собрала волю в кулак и снова взялась за ручку. Сестра Фейт скоро вернется, а другого шанса закончить письмо уже не представится.

Когда я добралась до лазарета, меня заперли в нем совершенно одну. В палате, которую я отмывала от крови всего неделей раньше, где, как я начала подозревать, скоро снова прольется много крови.

Ночью, оставленная в полном одиночестве, я много думала о том мертвом младенце. Мне казалось, что мучившая меня боль была предвестницей того, что и наш ребеночек тоже умрет. Монахини, по одной, в разное время заходили ко мне, причем каждая велела вести себя тихо, прекратить истерику, говорили, что это наказание за грехи моей плоти. Я пыталась набраться храбрости, но боль становилась нестерпимой. Я плакала и звала к себе свою маму, отца, тебя. Но, разумеется, никто не пришел.

Она снова прервалась, положив письмо и ручку рядом с собой. Затем закрыла лицо ладонями. Воспоминания тоже причиняли мучения: как она лежала на полу одна в кромешной тьме, и до нее не доносилось ни звука,

во всем доме царила мертвая тишина. С каждым новым приливом боли она начинала постепенно терять рассудок. Теперь она помнила: ей неожиданно привиделись ботинки отца, возникшие на полу прямо напротив нее. Они были начищены до такого блеска, что она могла видеть в них собственное отражение. Она подняла взгляд на него, он улыбался, глядя сверху вниз.

«Папочка, помоги мне».

«Милая, ты так прекрасно справляешься, что я горд за тебя». – Он снял шляпу и присел на корточки рядом с ней.

«Я умру. Не могу больше терпеть боль».

«Ты сможешь. Подумай о том, что ты приобретешь, когда все закончится».

Она ощутила новый приступ боли и потянулась к нему рукой.

«Пожалуйста, позаботься о ребенке, если со мной что-то случится».

Он взял ее руку в свою.

«Наберись терпения и смелости, Айви. Я всегда буду заботиться о тебе. О вас обеих».

Она тряхнула головой, отгоняя прочь воспоминания, и снова взялась за ручку. Ей нужно было сосредоточиться и закончить письмо до возвращения сестры Фейт.

Думаю, я действительно была на грани смерти, когда пришел доктор Джейкобсон. Я умоляла его спасти моего младенца, а он разрезал мне живот. Причем так, что у меня возникло ощущение, будто меня распилили пополам. А потом я услышала плач, и вот она появилась на свет. Наша детка. Я спросила доктора Джейкобсона, виделся ли он с моей матерью. Упрашивала его сразу же отправить меня домой. Но он не стал со мной разговаривать, а просто ушел, оставив мне Роуз. Надеюсь, он рассказал маме о ней.

После того как доктор удалился, они стали накладывать мне швы. Это оказалось даже больнее самих родов. Монахиня, которой это поручили, была неуклюжей и старой. У нее постоянно падали с носа очки.

Я не могу ходить уже много дней, но сестры говорят, что скоро я должна буду вернуться к работе, чтобы отработать свое содержание в приюте. Я написала маме и дяде Фрэнку письмо с просьбой заплатить сто фунтов долга за мое питание и роды, но они мне не ответили. Мне сказали, что обычный срок пребывания девушек здесь составляет три года. Я сойду с ума, если задержусь в этом месте так долго.

Детская находится рядом с лазаретом, и я слышу плач младенцев все дни и ночи. Это похоже на наказание. Я дохожу до безумия, думая, что

слышу плач Роуз, но не могу навестить ее.

Моя грудь переполнена молоком, нам не позволяют кормить своих детей, как предписано самой природой. Вместо материнского молока им дают какую-то искусственную смесь в бутылочках. Вероятно, таким образом они стремятся разорвать естественные узы, связывающие мать и ребенка. Меня заставляют пить специальные таблетки, чтобы мое молоко высыхало, но пилюли оказывают эффект недостаточно быстро. По ночам у меня молоко вытекает, а соски воспалились. Старшая сестра страшно злится, когда замечает, что я снова намочила простыни. Она уже сыта по горло моим затянувшимся лечением в лазарете, устала от моих слез, как и от того, что она называет истериками.

Я очень скучаю по своей малышке. Для меня невыносимо даже представить себе, как кто-то чужой забирает ее отсюда. Она должна быть со мной, с нами обоими.

Пожалуйста, любовь моя, приезжай и увези нас, чтобы мы стали наконец настоящей семьей. Умоляю, приезжай как можно скорее. До того, как Роуз удочерят и она будет потеряна для нас навсегда.

С вечной любовью к тебе.

Твоя Айви.

Она дописывала последние слова, когда услышала скрежет ключа в замке, и быстро засунула письмо в конверт, тоже принесенный Патришией. Сестра Фейт принесла миску пустого супа и кусок хлеба.

«Вот, можешь теперь поесть».

«Спасибо, сестра». – Айви с благодарностью взяла у нее миску.

«Необходимо срочно замочить эти грязные простыни, или они уже не отстираются никогда», – сказала сестра Фейт, но без малейшей злобы в голосе.

«Извините за беспокойство, сестра, – с искренним раскаянием отозвалась Айви. – Я сделаю это сейчас же».

Она хотела поставить миску с супом на пол.

«Не надо. Я займусь ими сама. Мать Карлин может прийти к тебе уже завтра утром, и тогда ты будешь вынуждена вернуться к работе».

«Спасибо», – сказала Айви и начала жадно есть принесенную ей скудную пищу.

Глава 17

5 февраля 2017 года, воскресенье

Сэм остановила машину перед домом, где находилась квартира Бена, на сердце у нее было тяжело. Она до сих пор помнила тот день, она находилась уже на последнем сроке беременности, когда они нашли для себя здесь жилье, посетив прежде бессчетное количество других квартир. Когда им показали этот дом, он сразу понравился им обоим. Квартира на первом этаже нуждалась, конечно, в косметическом ремонте, но зато имелся небольшой внутренний дворик с садом, а в гостиной камин, отапливаемый дровами. Они переехали на следующий день после свадьбы, и Бен попытался перенести ее на руках через порог, но она была на восьмом месяце, и он чуть не надорвал себе мышцы спины.

Потом Бен по большей части валялся на диване, а отделкой занимались она сама и дедушка. Но главным украшением жилища стал, конечно, ее огромный живот. Нана сшила для них подушечки, а дед выделил кое-какую мебель из своего антикварного магазина, и постепенно они начали воспринимать квартиру как свой настоящий, единственно возможный дом. Она не просто полюбила это место. Ей до сих пор были дороги воспоминания о совместной жизни здесь: как они принимали ванну втроем, как Эмма сделала в гостиной свои первые шаги. Быстрая перемотка на четыре года вперед, и вот, в разгар очередной ссоры, она высказала предположение, что ей с Эммой надо бы, наверное, съехать на время туда, где для них будет больше места. И была в шоке, что Бен с радостью согласился на это.

Сейчас она увидела его в окне, расхаживающим из конца в конец комнаты с кухонным полотенцем через плечо, подбирая с пола разбросанные Эммой игрушки. Пока она наблюдала, он вдруг резко выпрямился, а на лице появилось суровое выражение. Он тоже заметил ее и постучал указательным пальцем по своим часам. Ведь в эти выходные он не должен был забирать к себе ребенка, но пришлось, поскольку Сэм работала, а Эмма плохо себя чувствовала, и все это явно выводило его из себя.

Сэм заперла машину и направилась к входной двери. Она уже получила выговор от Маррея по телефону, и ей потребуется немалое

усилие сдержаться, если Бен тоже накинется на нее с упреками. Пока она шла по дорожке, ей вспомнился, отдельными фрагментами, разговор с Марреем. Босс постоянно наказывал ее с тех пор, как родилась Эмма.

Она вернулась к работе настолько быстро, насколько это вообще было в ее силах, но не могла больше выходить в долгие ночные смены или бросить все и лететь выполнять срочное задание в выходные дни. Начальник мстительно начал давать ей задания писать про самые никчемные темы, какие посчитал бы недостойными себя любой серьезный журналист. Именно поэтому она пока держала детали истории Китти Кэннон при себе. Маррей платил ей очень мало и не заслуживал того, чтобы получить на блюдечке такой отличный материал. Она собиралась сбежать с борта его корабля при первой возможности, дожидаясь более интересных предложений. Ей казалось, что так она сможет взять реванш.

Она протянула руку и нажала на кнопку звонка квартиры.

– Привет! Как тут у тебя дела? – спросила она, когда Бен очень неспешно открыл ей дверь.

– Привет, – пробормотал он сквозь зубы, избегая встречи с ней взглядом. – Ты опоздала.

– Извини, я очень старалась освободиться пораньше. Как Эмма? – Она обращалась уже к затылку Бена, поскольку тот повернулся и вышел из прихожей.

Сэм отчаянно тосковала по прежнему Бену, тому, который наливал ей по возвращении домой бокал вина и наполнял ванну горячей водой с пеной после особенно тяжелых дней. Но не по Бену нынешнему, почти наверняка готовому утопить ее в той же ванне.

– Она в норме. Чувствует себя с виду неплохо, но ничего не ест, и я как раз сейчас пытаюсь хоть как-то накормить ее.

Бен тут же взялся наводить порядок, убрав с дивана пальто и сумку, которые Сэм небрежно бросила. Он никогда не отличался любовью к уборке в доме, но с той поры, как она съехала, старался всячески подчеркнуть любую, даже самую мелкую оплошность, допущенную Сэм, словно хотел показать, насколько лучше ему живется без нее.

– Быть может, я смогу помочь, – предложила она.

– Сомневаюсь. Она ведь ломает комедию специально для тебя.

Бен уселся за стол, а Эмма тут же потянулась к матери. Он попытался запихнуть девочке в рот порцию брокколи, но Эмма сразу же выплюнула еду и с криком швырнула через всю комнату.

– Эмма, ты очень плохо себя ведешь, – сердито сказал Бен.

Сэм подошла к Эмме и присела на корточки рядом.

– Привет, дорогая моя.

Эмма повернулась, протянула к матери руки и обвила ее шею, упав затем со стула к ней в объятия и начав ласково хихикать.

– Спасибо большое за помощь! – резко бросил Бен.

– О чем ты?

– Ей нужно немного поесть. Это должен был быть полноценный ужин, но хотя бы так. И она не встанет из-за стола, пока не съест овощи.

– Прости. Я всего лишь поздоровалась со своей дочерью.

– Но она теперь не сядет снова за стол. Я пытаюсь наладить распорядок дня, а ты подрываешь все мои усилия.

– Хорошо. Значит, ты хочешь, чтобы мы немедленно уехали? – Сэм начала собирать брокколи с ковра.

– Уехали? Но она только приступила к еде. О, ради бога, оставь такие разговоры, – раздраженно сказал Бен.

Сэм выпрямилась.

– Я прекрасно вижу, что ты распаляешься для очередной ссоры. Нам действительно лучше уехать.

– Великолепно! Ты умываешь руки и оставляешь мне одному убирать всю грязь. Как романтично!

– Бен, я очень сожалею, что ты вынужден был незапланированно забрать к себе Эмму, но у меня не было выбора. Нана слишком утомлена, а я просто не могла взять выходной даже в воскресенье.

– Слышу старую песню. Ах, я бедная-несчастная. Я не могу контролировать свою жизнь, она несется в бешеном темпе. Всем остальным нужно держаться изо всех сил. Простите, но я ни в чем не виновата.

Он попытался засунуть ложку с едой в рот Эмме. Сэм это возмутило: Эмма уже достаточно взрослая, чтобы ее не кормили с ложки.

– Ты, как всегда, несправедлив ко мне, – прошипела она. – Это же была твоя идея, отправить меня работать, чтобы ты мог сидеть дома с Эммой. Я предупреждала – это будет не так легко, как тебе кажется.

– Ошибаешься. Я просто верил в материнский инстинкт, который вот-вот в тебе проснется. Для большинства матерей невыносимо бросать своих детей даже на день, не говоря уже о пяти рабочих днях, а порой и шести. – Бен поморщился, когда Эмма отвела его руку с ложкой в сторону от себя.

Слезы обжигали Сэм глаза.

– Я бываю с ней намного чаще и дольше тебя из-за того, что ты якобы тратишь много времени на поиски работы.

– Верно. Между прочим, у меня назначены на завтра сразу два

собеседования по поводу открытых вакансий, к которым мне нужно основательно подготовиться, но поскольку мне вместо этого пришлось заниматься Эммой, меня наверняка теперь не возьмут!

– Мы не можем продолжать рассчитывать на помощь Наны. Я надеялась на повышение, чтобы получить возможность нанять няню, но на это трудно рассчитывать, когда твой начальник большая сволочь.

– Если я получу работу, мы сможем себе позволить няню!

– Было бы блестяще, – сказала Сэм, стремясь снизить накал разговора. – Но я знаю, насколько тебе трудно устроиться куда-то. Я, разумеется, не знала о собеседованиях. С кем они назначены?

Бен издал саркастический смешок.

– Можно подумать, тебе не все равно.

– Вообще-то, мне совсем не все равно. Я рада, когда у тебя появляются шансы. Вот только, если у тебя тоже будет длинный рабочий день, нам нужен какой-то план.

– Ты имеешь в виду план, как по-прежнему давать мне понять, где мое место?

– Мне нужно пописать! – выкрикнула Эмма.

Бен тяжело вздохнул и потянулся к дочери, сидевшей сейчас на полу рядом с матерью.

– Мама отведет меня! – громогласно заявила Эмма. – Не хочу папу. Папа – придурок.

Бен гневно посмотрел на Сэм.

– Как я погляжу, ты очень лестно отзываешься обо мне за моей спиной.

– Я ни разу не употребляла этого слова при ней. И никогда бы не отозвалась о тебе подобным образом. Скорее всего, она подцепила словечко от тебя самого. Ты не стесняешься в выражениях, когда возишь ее на машине. И какого дьявола ты имел в виду, сказав, что я хочу дать тебе понять, где твое место?

Бен достал салфетки и принялся протирать Эмме лицо.

– Я имел в виду, что на помощь Наны не всегда можно рассчитывать, и одному из нас по-прежнему необходимо будет присматривать за Эммой, если няня попадется никуда не годная или ты станешь слишком задерживаться и не успевать вовремя домой. Я, конечно, могу найти работу, вот только никакая карьера мне не светит. Ты понятия не имеешь, среди какого дерьма мне приходится вести поиски. И власть твоей профессии над тобой кажется мне непостижимой, даже странной.

– Я хочу писать! – вновь закричала Эмма.

– Я не верю своим ушам! Как могла ты сказать такое про папу! – Сэм закатила глаза как раз в тот момент, когда Бен взял Эмму на руки и она пустила струйку мочи ему по ноге.

– Отлично, Эмма! – заорал он. – Тебе уже четыре года. Скоро в школу. Ты не можешь больше мочиться под себя!

Он начал срывать с Эммы мокрую одежду, и из глаз девочки покатились крупные слезы. Она смотрела на мать, протягивая к ней ручонки. Она запомнит этот момент, подумала Сэм. Она будет помнить его как минуту, когда ее отношения с отцом достигли критической точки.

Сэм подошла к дочери, погладила по головке и нежно утешала ее, пока она не успокоилась. После того как Эмму переодели, Бен передал ее на руки матери.

– Вот. Теперь она целиком в твоем распоряжении. Я хочу пива. – Он почти вышел из комнаты, но оглянулся и продолжил: – Да, и кое-что еще. Тебе или Нане придется позаботиться о ней завтра, если снова проявятся признаки болезни. Я не намерен отменять собеседования. Из дома выйдешь сама.

Эмма крепко вцепилась в Сэм. Она же стояла и смотрела на диван, на котором они с Беном провели столько ночей вместе, тесно прижимаясь друг к другу, а их дочь спала в плетеной колыбели, стоявшей у них в ногах.

А потом, когда Бен закрыл за ней входную дверь с такой силой и грохотом, что сотряслись стены в гостиной, впервые со времени знакомства с мужем она не испытала никаких эмоций.

Глава 18

5 февраля 2017 года, воскресенье

Сердце Китти отчаянно колотилось в груди из-за чудовищного переутомления. Ее глаза болели, но даже если она закрывала их, бесконечный поток мыслей в голове не прекращался. Она хотела лечь в постель пораньше после бессонной ночи и прощальной вечеринки, но после сеанса у Ричарда этим утром малейший звук заставлял ее мгновенно просыпаться. А когда она все-таки проваливалась в сон, громкий стук напольных часов постоянно напоминал ей, сколько длился ее сон. Она издала тяжелый вздох и смирилась с еще одной бессонной ночью, села, опершись на подушки и включив прикроватную лампу.

Она оглядела спальню. Ее взгляд блуждал между темным дубовым паркетом пола, антикварной мебелью и тщательно подобранной из галерей всего мира коллекцией гравюр, развешенной по стенам. Хотя она провела месяцы, работая с дизайнером интерьеров над проектом, она не могла выбрать вариант, который бы ей особенно понравился, и вскоре начинала ненавидеть отделку, жалея, что не предпочла что-нибудь другое. В результате она получила безликий безупречный дом, а потому часто предпочитала селиться в одном из номеров отелей, где ей приходилось останавливаться на протяжении жизни и активной работы.

Она меняла квартиры много раз в безуспешных попытках найти место, в котором чувствовала бы себя как дома. Теперь же, вновь оглядывая комнату, она подумала, что ее желание не сбудется, скорее всего, никогда.

Китти откинула одеяло, сунула ноги в тапочки, прошла по отполированному полу и раздвинула тяжелые шторы, за которыми открывался вид на Темзу. Некоторое время она наблюдала за отсветами в реке от фар проезжавших мимо машин. На нее навалилась новая волна усталости, и она села в обитое бархатом кресло, стоявшее у окна. Лампа у нее за спиной освещала ее отражение в оконном стекле, на фоне темного ночного неба. Вскоре у нее отяжелели веки. Когда она постепенно начала засыпать, то услышала странные звуки, шумное дыхание, топот кого-то бегущего.

Черный туннель. Она бежала к полоске света в его конце, шлепая ногами по скопившейся воде. Задыхаясь в темноте, ощущала горячее

желание, жизненно важную необходимость спастись. На бегу она с трудом могла видеть свои покрытые грязью руки. В одном из кулаков было что-то зажато. Она распрямила пальцы, и ключ упал на камни впереди нее. «Немедленно вернись!» Голос за спиной прозвучал невероятно громко, до крайности усилив ее страх. Она подняла ключ и поспешила к свету. Позади стучали каблуки той, кто преследовала ее все быстрее и быстрее. «Остановись, дитя мое!» Она поняла, что женщина приближается. Добравшись до ступеней, ведущих к двери, она нащупала замерзшими руками замочную скважину, запихнула в нее ключ и с отчаянным усилием попыталась провернуть его, но только когда она взялась за дело обеими руками, ей это удалось. Дверь распахнулась. Сделав первые шаги в ночной мрак, она повернулась, закрыла за собой дверь и вновь заперла ее.

«Открой дверь сейчас же!» – кричала женщина.

Она стучала изнутри с такой силой, что дверь заметно сотрясалась.

Холодная зимняя ночь окружала беглянку, почти парализовав ее, вокруг был огромный внешний мир. Но ужас заставил ее двигаться дальше, и она побежала к каменной постройке, где-то вдалеке видневшейся в свете луны. Ноги налились свинцом, а тропа оказалась неровной и скользкой. Она натыкалась на надгробия, споткнулась о поваленный могильный крест, потеряв равновесие и во весь рост растянувшись на земле. Заставила себя подняться. Голос женщины теперь лишь смутно доносился издалека.

В полном одиночестве, тяжело дыша, она добралась наконец к укрытию, каменной пристройке, где впервые почувствовала себя в относительной безопасности. Дверь едва держалась на петлях, и она осторожно открыла ее. Согнулась, пытаясь успокоить сбитое дыхание, огляделась в поисках места, где могла бы спрятаться. В стенах зияли дыры, сквозь которые внутрь проникал лунный свет, и ее взгляд упал на старый плуг в углу, стоявший на подпорках из кирпичей. Она подбежала к нему, изо всех сил принялась толкать, раскачала, и он с грохотом упал на бок. И в тот же момент донеслись злобные голоса, и хотя преследовательницы находились по-прежнему достаточно далеко, они двигались к ней.

«Эльвира! Эльвира!»

Китти внезапно очнулась ото сна, жадно хватая ртом воздух. Она не сразу поняла, где находится. Снова тот же сон. Ей припомнились слова Ричарда:

«Сны зачастую означают так и не решенные вами проблемы, с которыми мозг все еще пытается справиться, пока вы спите.… Вы думаете, ключ по-прежнему спрятан там же? Наверное, считаете, что именно это внушает вам ваш сон?»

Еще день, подумала Китти, всего лишь один день, и Святая Маргарита без следа исчезнет с лица земли. После этого она уже никогда не узнает, могла ли докопаться до истины.

Она вскочила из кресла и бросилась к гардеробу, лихорадочно доставая из него вещи.

Путь до входной двери показался ей невероятно долгим, но с каждым шагом силы возвращались к ней. В ее душе загорелся маленький огонек надежды. Она нашла фонарик, надела сапоги и накинула на себя сверху водонепроницаемый плащ. Затем вышла из квартиры и на лифте спустилась вниз.

Когда она выбралась на улицу, морозный воздух обжег лицо, но она лишь едва заметно улыбнулась. Ночь была темной и холодной, однако стоило ей двинуться вдоль ряда платанов, протянувшихся по набережной Виктории, восьмилетняя Эльвира, какой она запомнила ее, появилась прямо перед ней, подбадривая и заставляя идти дальше.

Китти остановила черное лондонское такси, почти сразу попавшееся ей на пути.

– Пожалуйста, не могли бы вы довезти меня до Престона? Это городок к северу от Брайтона.

– Ничего себе! Это обойдется вам, милочка, примерно в двести фунтов, – отозвался шофер, склонившись к открытому окну.

– Хорошо. Значит, мне понадобится банкомат по дороге, чтобы снять наличные.

Китти открыла заднюю дверь машины и села на сиденье.

Глава 19

5 февраля 2017 года, воскресенье

– Я невыносимо устала, Нана, постоянно выслушивать дерьмовые упреки. От Маррея, от Бена.

– Так старайся не слушать их. – Нана оторвалась от вязания и посмотрела на Сэм.

– А разве у меня есть выбор? Я могла бы послать Бена куда подальше, но тогда Эмма лишится отца, а если скажу Маррею, чтобы отвалил от меня, то я лишусь работы.

– Бен никогда не уйдет полностью из жизни Эммы. Он слишком сильно любит вас обеих. А что до Маррея, то так ли будет плохо, если ты уйдешь от него?

Сэм сидела в бабушкином кресле-качалке, держа на руках прижавшуюся к ней Эмму.

– Нана, у нее лоб горячий. Ты думаешь, она здорова?

Сэм почувствовала, как слезы навернулись на глаза.

Нана поднялась из своего кресла и пощупала спину правнучки.

– Она действительно слегка горячая, но я уже измерила ей температуру, все в порядке. Ее организм справляется с вирусом. Еще пара дней, и ее состояние придет в норму.

– Эмму не пустят завтра в ясли, если ее самочувствие будет таким же, как сейчас. А у Бена собеседования по поводу работы.

– Ничего страшного. Я присмотрю за ней, – с нежной улыбкой сказала Нана.

– Нет, Нана, это неправильно по отношению к тебе. Я попрошу его приехать и забрать дочь после собеседований. Но не сегодня, у меня просто уже нет сил для очередной ссоры с ним, для пререканий и споров. Мне кажется, что все пошло кувырком после того, как я уехала от него, и пока я не вижу возможности вернуть всё на круги своя. – Сэм заплакала, резкими движениями смахивая со щек слезы, а Эмма заерзала у нее на коленях и прижалась к матери еще сильнее.

– Ты не можешь вернуться в прошлое, но вполне можешь двигаться вперед, если готова приложить для этого усилия, – сказала Нана. – Я понимаю, как трудно сейчас Бену, но ведь на самом деле он не выполняет

всех своих обязательств, о которых вы договорились. У тебя нет причины чувствовать себя виноватой в чем-либо.

– Не знаю. Порой мне кажется, что он в глубокой депрессии. Я тоскую по прежнему Бену, но он сам не стремится наладить отношения между нами. Я чувствую себя ответственной за то, что развалила семью, однако это именно он хочет оставить все как есть.

– Ты справишься. Пройдет еще несколько лет, ты сделаешь себе имя, прочнее встанешь на ноги и тогда сможешь чаще отлучаться с работы. У тебя сейчас самый сложный период, когда ты делаешь карьеру, имея на руках ребенка, требующего твоего внимания и заботы.

– Это верно. Вот только я многое упустила, когда Эмма была совсем маленькой. И упущенного уже не вернуть. – Сэм ласково запустила пальцы в локоны дочери и стала целовать ее теплые щеки, пока малышка не оттолкнула ее от себя.

– Ты была бы несчастна, если бы пришлось целыми днями торчать с ней дома. У нее есть Бен, есть я, а ходить в ясли она обожает. А скоро ей предстоит школа. Она – вполне довольный жизнью ребенок. Ты проводишь с ней ровно столько времени, сколько можешь на данный момент. Она станет нуждаться в тебе гораздо больше, когда подрастет, а ты, если уйдешь с любимой работы, превратишься в печального человека с несложившейся судьбой. Разве это станет для Эммы хорошим примером на будущее?

– Но сейчас я провожу на работе долгие часы, почти не вижусь с Эммой, Бен меня ненавидит, а босс относится без малейшего уважения. Я так устала каждый день прикладывать неимоверные усилия, но все равно чувствовать, что я всех только разочаровываю.

– Не думаю, что босс не уважает тебя. Скорее ты не уважаешь его. Я бы тоже не стала. Судя по твоим рассказам, он совершенно безграмотный болван.

Сэм с нежностью посмотрела на свою бабушку. Она любила ее безгранично, каждую ее морщинку, ее кожу, которая пахла розовой водой, улыбку, которую видела на ее лице, несмотря на боль в бедре. Письма Айви, как отчетливо замечала Сэм, задели за живое и ее, поскольку бабушка очень хотела бы знать свою собственную мать.

– Мне жаль, что письма до такой степени расстроили тебя, Нана. Они напомнили тебе о твоей матери, не правда ли? Ты когда-нибудь пыталась разыскать ее? – Сэм постаралась спросить как можно мягче.

– Не волнуйся обо мне, дорогая, – сказала Нана и сосредоточилась на подсчете количества петель.

– Ведь ты не всегда ладила с приемными родителями, правда?

Например, они не слишком обрадовались, когда ты забеременела моей мамой.

– Да, они переживали из-за этого, но делали только то, что казалось им правильным. Едва ли я легко поддавалась воспитанию.

– Неужели ты никогда не думаешь о ней? О своей родной матери? – Сэм наблюдала за ней, ожидая, что она поднимет взгляд.

– Иногда думаю. Вот только она наверняка уже умерла, – тихо отозвалась Нана.

– Ты не можешь этого знать. Тебе всего шестьдесят. Она все еще может быть жива. Я могла бы помочь тебе разыскать ее.

Нана вновь сосредоточила внимание на вязании. Ее пальцы двигались быстро, спицы щелкали беспрерывно одна о другую. Такой знакомый звук! Сэм прежде часто засыпала под него.

– Сэмми, есть кое-что, о чем ты не знаешь, – сказала она через некоторое время. – Мне нужно кое о чем с тобой поговорить.

– Конечно, Нана. О чем же? – спросила Сэм, наклоняясь вперед. Но Эмма тут же недовольно промычала. – Только дай мне уложить Эмму, и мы сможем побеседовать, хорошо?

Нана кивнула, положила вязанье на колени, а ее глаза налились слезами. Сэм внезапно снова стало стыдно за себя: она слишком перегружала бабушку, взваливала на нее непосильное бремя.

Она прошла в спальню, где ночевали они с Эммой, и уложила дочь в маленькую кровать. Но стоило ей опустить ее на постель, как девочка опять начала плакать.

– Тс-с, успокойся, – сказала Сэм, пощупав ее лоб. – Все хорошо, солнышко.

Потом вернулась в гостиную.

– У нас не осталось калпола, Нана? Думаю, надо постараться сбить ей температуру.

– Пойду посмотрю, – ответила Нана, поднимаясь с кресла.

Она направилась на кухню.

– Прости меня за предложение найти твою маму, – сказала ей вдогонку Сэм. – Только тебе самой решать, как поступать. Просто я никак не могу выкинуть из головы мысли об этих письмах. Что-то действительно ужасное произошло в том месте.

Нана задержалась в дверном проеме.

– Тогда ты обязательно должна узнать, что именно произошло.

– Каким образом? – спросила Сэм, тяжело вздохнув.

– Получив доказательства. Я не для того потратила столько денег на

твое образование, чтобы из тебя вышла неудачница, легко опускающая руки при возникновении проблемы. – Она скрылась в кухне, и Сэм слышала, как хлопают дверцы шкафчиков.

– Нана, но ведь я училась в бесплатной государственной школе. – Она рассмеялась.

– И тем не менее мне приходилось вкалывать на трех работах сразу и платить налоги! Помнишь, что всегда говорил твой дед? «Если ты считаешь себя слишком мелкой и незначительной личностью, чтобы на что-то влиять, попробуй переночевать в комнате с комарами». – Нана вернулась в гостиную с калполом и улыбнулась, отдавая лекарство Сэм.

– Спасибо, Нана. Я дам ей лекарство, а потом мы сможем спокойно поговорить.

– Правильно, Сэм. Займись сначала Эммой.

– Мне не потребуется много времени, чтобы уложить ее. Не терпится узнать, что так беспокоит тебя.

– Я хотела поговорить с тобой про деда, но с этим можно повременить. Наверное, я веду себя глупо. – Нана повернулась в сторону своей комнаты. – Думаю пойти поспать, если я вам пока больше не нужна. Но разбуди меня, если понадобится помощь. Осталось еще одно, самое последнее письмо от Айви. Я вложу его в твой блокнот вместе с остальными.

– Хорошо, Нана, спасибо. Я прочитаю его как только смогу.

Эмма приняла лекарство и заснула. Тогда Сэм в спешке сунула свой ноутбук и блокнот в сумку, а затем вышла на слабо освещенную улицу. Совершенно промерзшая «нова» никак не хотела заводиться, и лишь после третьей попытки мотор машины затарахтел и ожил, но в салон через форсунки обогревателя начало поступать хоть какое-то тепло, только когда она уже останавливалась перед домом престарелых «Грейсуэлл».

Она посмотрела на часы: 22:45. Пятнадцать минут до выхода Джеммы на ночное дежурство. Она выключила фары, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, оставив двигатель и не слишком действенный обогреватель продолжать работать. Конечно, она не впервые дожидалась, пока появится нужный человек, несклонный разговаривать с журналисткой, но сейчас она чувствовала себя крайне неуютно у порога чужой собственности без разрешения босса. Последняя встреча с Марреем заставила ее нервничать еще и из-за того, что ее уверенность в себе уже была основательно подорвана ссорой с Беном и чувством вины перед Эммой. Несмотря на разлад с Марреем, она всегда считала его своей опорой, полагала, что между ними все же существует понимание и

взаимное уважение. Она явно заблуждалась. Ей бы хотелось на все наплевать, не обращать внимания, не злиться на все недостатки начальника, но никак не удавалось.

Она полностью погрузилась в свои размышления и очнулась от них, подняв взгляд и заметив Джемму, только когда та уже прошла мимо ее машины. У Сэм в панике затряслись руки. Ей необходимо было перехватить Джемму до того, как та войдет в здание, но, появившись так внезапно, она рисковала до смерти напугать бедную девушку. Она торопливо опустила стекло в окне автомобиля и помахала Джемме как старой подруге:

– Джемма, Джемма! Это я, Сэм. Помните, я приезжала недавно.

Девушка остановилась и обернулась на голос, поначалу совершенно не понимая, кто зовет ее из темноты. Сэм выбралась из машины.

– Простите, не хотела напугать вас. Как вы поживаете? Не могла бы я кратко побеседовать с вами?

– На это нет времени вообще. Моя смена начинается через десять минут, а мне нужно еще переодеться. – Джемма выглядела бледной и усталой, отметила про себя Сэм, а в ее движениях не было больше прежней легкости и бодрости. Она раздраженно дергала выбившуюся прядь волос соломенного цвета, пытаясь заправить ее в конский хвост на затылке.

– Я видела вас в церкви на поминальной службе по отцу Бенджамину, – мягко сказала Сэм. – Вы мне показались расстроенной. Я не знала, что вы были с ним знакомы.

– Прошу вас, уезжайте. Мне не следует общаться с вами. У меня большие неприятности из-за того, что вы сумели проникнуть в комнату сестры Мэри Фрэнсис. Я чуть не лишилась работы. – Джемма выразительно посмотрела на нее. – Наша заведующая даже хотела вызвать полицию, но сама сестра Мэри Фрэнсис уговорила ее не делать этого.

– Мне очень жаль, действительно жаль, но я должна была поговорить с ней. – Вспышка ярости Джеммы застала Сэм врасплох.

– Она очень расстроилась и разволновалась! – резко выпалила Джемма. – У нее слабое сердце. Ей трудно вспоминать о матери Карлин. Она по-прежнему тоскует по ней. – Джемма сунула руку в сумку и достала мобильный телефон, начавший звонить. – Это моя коллега интересуется, где я. Мне надо срочно идти.

– Вы знаете, кто та престарелая леди, которая встала и прервала службу? – спросила Сэм.

– Нет, понятия не имею. А кто вы сама такая? Какого черта вам здесь нужно? – все так же злобно произнесла Джемма.

– Я – репортер, – призналась Сэм. – Сестра Мэри Фрэнсис обмолвилась, что с матерью Карлин произошло что-то необычное. И я пытаюсь выяснить, что конкретно.

– О боже! Оставьте меня в покое. – Джемма повернулась и пошла по дорожке к дому.

– Джемма, думаю, есть кое-что, о чем вы мне не хотите рассказывать. Жаль, но мне придется поделиться своими подозрениями с полицией.

Девушка застыла на месте. Сердце Сэм колотилось так бешено, словно все в ее жизни зависело от того, что произойдет дальше.

– Если вы поделитесь со мной причиной вашего беспокойства, я обещаю, дальше меня ничего не пойдет, – тихо сказала она, охваченная чувством вины, а потом облегчения, когда Джемма повернулась к ней со слезами на глазах.

– Я не могу разговаривать с вами. Я уже опаздываю на дежурство. Коллега с нетерпением ждет, чтобы я ее сменила.

– Разве вы не можете уделить мне всего пять минут? – теперь уже умоляющим тоном спросила Сэм, волнуясь, что Джемма может передумать, если она даст ей уйти. – Пошлите коллеге сообщение, что ваш автобус задержался, или придумайте другой предлог для небольшого опоздания. Если вы побеседуете со мной сейчас, больше я вас не побеспокою.

– Обещаете? – Джемма утерла со щеки слезу.

– Разумеется, – с улыбкой ответила Сэм. – Не хотите сесть в мою машину? На улице такой зверский холод.

Как только Джемма захлопнула за собой дверь со стороны пассажирского сиденья, она отчаянно разрыдалась. Сэм терпеливо ждала, отмечая, как убегают драгоценные секунды, пока девушка со всхлипами набирала текстовое сообщение на мобильном телефоне, стерев сопли рукавом, когда закончила.

– Теперь вам не надо спешить, – сказала Сэм и протянула ей бумажный носовой платок.

Джемма вздохнула.

– Я уже вдоволь нахлебалась проблем после вашего визита. Управляющая дважды вызывала меня к себе по этому поводу.

– Мне очень жаль, Джемма. Я бы не стала проникать в ту комнату, не будь это крайне важно.

– Что бы вы ей ни сказали, вы довели сестру Мэри Фрэнсис до нервного срыва. Она с того дня без умолку говорит о матери Карлин. О ней всегда ходили слухи. У меня возникает ощущение, что я знаю эту женщину, хотя никогда с ней не встречалась.

– Поясните, что за слухи ходили о матери Карлин.

– Мне в самом деле не следует вам этого рассказывать. – Джемма смяла платок в руке.

– У вас больше не будет неприятностей. Я никогда не раскрываю имена своих информаторов. Для меня это самое важное в моей работе.

Джемма несколько секунд пристально смотрела на Сэм, затем тяжело вздохнула.

– Мать Карлин жила здесь до того, как я начала работать, но она явно доставляла всем много хлопот. Вела себя слишком властно, пыталась верховодить. Заставила уволить одну из сотрудниц, хотя в целом сама, насколько я поняла, была глубоко несчастной стервой.

– Продолжайте, – подбодрила ее Сэм, стараясь включить обогреватель на полную мощность.

– Подруга моей матери, Эми, которая помогла мне устроиться сюда на работу, говорила, что сотрудники прикладывали немалые усилия, чтобы поднять ей настроение. Однажды утром Эми зашла в спальню матери Карлин и обнаружила ее мертвой, ночью у нее случился сердечный приступ. В этом не было бы ничего необычного для такого заведения, как «Грейсуэлл», если бы Эми не заметила наполовину съеденный хаш-кейк[10] на тарелке у постели покойницы. Она сразу поняла, что это такое, поскольку сама и приготовила десерт. Однако загвоздка заключалась в том, что практически все узнали о существовании этих хаш-кейков после того, как заведующая, подслушав разговор Эми с подругой, когда та рассказывала о куче хаш-кейков в своей сумке, конфисковала их все. Затем она провела срочное собрание сотрудников по поводу недопустимости употребления наркотиков во время исполнения служебных обязанностей, а Эми чудом не уволили. Даже вывесили специальное напоминание на эту тему в комнате для персонала. Хаш-кейки остались в кабинете управляющей, и кто угодно мог стащить один из них и скормить матери Карлин. Но несчастье случилось потому, что в тот хаш-кейк добавили еще и «кислоты»[11], то есть гораздо более сильный наркотик.

– Ничего себе! – Сэм потеряла дар речи.

– Эми клянется, что не она дала его матери Карлин, а мне кажется, тот, кто принес кейк в ее спальню, считал его вполне безвредным средством для поднятия тонуса, но только слабое сердце Карлин не выдержало. К счастью, первой кейк нашла сама Эми и успела избавиться от остатков десерта до прибытия «скорой помощи». Она ожидала громкого скандала, но ничего не произошло. Как я понимаю, судебные медики не проверяют

умерших в возрасте семидесяти пяти лет, бывших монахинь, на наличие наркоты в организме. Эми никому не рассказывала о случившемся, поделилась правдой только со мной. Она сделала это через десять лет после тех событий. Должно быть, ей нужно было наконец выговориться и избавиться от чувства вины. – Джемма снова заплакала. – А вот сестра Мэри Фрэнсис рассказала мне кое-что еще. В ту злополучную ночь она слышала, как мать Карлин взывает к сатане, но поскольку все знали, что ее мучают кошмары, Мэри не придала ее крикам значения и не вызвала ночную дежурную. Она до сих пор мучается и твердит: «Никогда не прощу себе той оплошности». Я, разумеется, не имела никакого отношения к той давней смерти, но даже мне становится стыдно, что нечто подобное могло произойти здесь, а никто так и не узнал об этом. Не понимаю, кому понадобилось причинять вред матери Карлин, если ее все же убили?

– Именно это я и пытаюсь выяснить, – заверила ее Сэм. – Вы точно ничего не знаете о той женщине, которая вызвала у всех недоумение во время панихиды по отцу Бенджамину?

– Я лишь заметила, как пару бывших монахинь сильно взволновал ее поступок. После службы мы немного выпили в «Грейсуэлле», поминая отца Бенджамина, и я подслушала их разговор между собой.

– О чем же они говорили? – спросила Сэм, склоняясь чуть ближе к собеседнице.

– Думаю, я выболтала вам более чем достаточно. – Джемма открыла дверь машины. – Вы обещали оставить меня в покое.

– Я сдержу свое слово, но только, Джемма, пожалуйста, расскажите, о чем они говорили. Это очень важно.

– Они обсуждали, как хорошо, что все архивы уничтожены, поскольку пора навсегда забыть прошлое и жить дальше спокойно. – Джемма выбралась из автомобиля, но затем задержалась, посмотрела внутрь, положив руку на крышу. – Возможно, вам тоже нужно прислушаться к их совету.

Сэм проводила взглядом Джемму, которая прошла по промерзшей дорожке и скрылась в здании «Грейсуэлла». После чего достала блокнот и вписала имя матери Карлин под именами отца Бенджамина и Джорджа Кэннона.

Глава 20

12 августа 2006 года, суббота

Мать Карлин сидела на краю кровати, сложив свои почти не гнувшиеся воспаленные пальцы в молитве над Библией. Ее самочувствие становилось все хуже, и потому она испытывала привычное физическое переутомление, хотя провела долгий день в абсолютном бездействии. Да, в старении нет ничего хорошего, размышляла она, перекрестившись, а потом положила четки и Библию на прикроватный столик. Все, что ожидает ее впереди, – это хроническое недомогание и бесконечные болезни, усугубляемые расстройством от потери своих знакомых ровесниц. Она уже не могла вспомнить, когда в последний раз просыпалась без ощущения дискомфорта, с чувством хоть какого-то оптимизма в начале нового дня.

Она потянулась за своими ходунками и подняла тощее тело так, чтобы встать к ним лицом. Ее все еще слегка трясло после поездки в больницу накануне. Диагноз молодого и самоуверенного врача-консультанта заключался в том, что ее сердце становилось все слабее и ей следовало установить кардиостимулятор, как только она оправится от напавшего на нее бронхита. Приступы кашля бывали очень сильными. Казалось, ребра готовы разорвать грудь, и она не думала, что скоро поправится. Более того, когда ее перекладывали на постель из инвалидного кресла прошлым вечером, она ощутила страшнейшую усталость и представить себе не могла, что у нее хватит сил проснуться на следующее утро.

На улице стояла удушающая жара, но проникавший в комнату свежий ветерок приносил некоторое облегчение. Библия лежала на прикроватном столике раскрытой, и ее пожелтевшие страницы под ветром трепетали, как крылья пойманной бабочки. В итоге сквозняк перелистал их к самому началу, где все еще был различим штамп библиотеки приюта имени Святой Маргариты. Закрыв глаза, она почувствовала, как перенеслась назад во времени.

Стоя у себя в кабинете, она улавливала запах лака от паркетного пола из красного дерева и слышала стук капель дождя в маленькие окна, пока разговаривала с вновь прибывшими девушками. По такому случаю они выстроились в ряд перед ней в своих одинаковых коричневых балахонах, с выпяченными огромными животами. «Общая молитва в шесть утра, –

вещала она, – потом завтрак, а до восьми часов вечера вам предстоит работать в прачечной. Никакие разговоры не допускаются, ибо праздной болтовней обязательно воспользуется дьявол». Девушки всегда стояли понурив головы, а она перебирала пальцами бусины четок и расхаживала по кабинету. «Вы совершили непростительный грех, но даже грешники могут обрести новый путь к Господу нашему Иисусу Христу через горячие молитвы и усердный труд».

Она посмотрела на часы, стоявшие у кровати, и вздохнула. Ночная дежурная была достаточно трудолюбива по современным меркам, но иногда позволяла себе отвлекаться от работы. Мать Карлин попросила ее принести горячего молока уже довольно-таки давно, и теперь, поскольку она не ужинала, желудок болезненно крутило. Она звала дежурную дважды. Без толку. И даже на звонок сигнала о помощи никто не откликнулся.

Очень раздраженная, она встала за свои ходунки и медленно добралась до конца кровати, где оставила тапочки. Жизнь в «Грейсуэлле» была достаточно комфортной, но внимание к деталям в управлении домом было несравнимо с той педантичностью, какую проявляла она сама, возглавляя Святую Маргариту. Там казалось немыслимым, чтобы ее или отца Бенджамина игнорировали. Особенно в столь поздний час. Если они запрашивали что-либо ночью, это доставляли к их дверям точно в срок, а если требовалось нечто выходившее за пределы обыденного, звонка колокольчика оказывалось достаточно, чтобы дежурная сестра примчалась из кухни и в течение нескольких минут выполнила их пожелание.

Нынешняя молодежь стала ленивой и безответственной, поскольку их действия не влекли за собой последствий. «Я появилась как будто из другого мира, – подумала мать Карлин, – где наказание или угроза расправы являлись частью повседневной жизни для всех». Дома за любое непослушание ее ждали побои, и она каждую ночь молила Бога о прощении за грехи. Даже если родители не знали, что она вела себя скверно, Бог видел все. Верно говорили: Господу известно даже количество волос у тебя на голове. Поэтому она содрогалась от возмущения, замечая, как церковь, когда-то почитавшаяся превыше всего, превратилась не более чем в живописную декорацию для рождественских песнопений, свадеб и крестин. Она читала в газетах разоблачительные статьи о прежних приютах для матерей-одиночек, слышала перешептывания здешнего персонала, когда появлялись посетители, пытавшиеся отыскать следы своих исчезнувших родственников. Для нее не было секретом мнение о себе других людей, но она не обращала на них ни малейшего внимания.

Сам Господь избрал ее для очищения греховных душ, чтобы они смогли предстать перед всемилостивейшим Богом у врат рая и были допущены туда. Она исполняла важную миссию и твердо верила, что когда сама встретится с Господом в свой смертный час, он проявит милосердие и к ее душе.

«Эми!» – окликнула она девушку-дежурную, открыв дверь спальни и выбравшись в коридор. От перенапряжения она несколько раз закашляла и простояла минуту-другую, почти задыхаясь и опасаясь, что ее ноги откажут в любой момент. Однако голод подталкивал ее, заставлял двигаться дальше, и в конце коридора она увидела свет в кухне. Ее тапочки шаркали по ковровой дорожке, цеплялись за нее, хотя она пыталась поднимать ступни повыше, чтобы было легче идти.

«Могу я вам чем-то помочь?» – задали ей вопрос мягким голосом, и мать Карлин подняла взгляд и увидела силуэт женщины, стоявшей рядом с пылесосом в углу холла.

«Я хотела бы выпить горячего молока, но Эми, как обычно, куда-то подевалась».

При скудном освещении она никак не могла разглядеть лица женщины.

«Не волнуйтесь. Возвращайтесь в свою комнату. Я вскипячу молоко и принесу его вам», – сказала женщина, склонившись, чтобы смотать провод пылесоса.

«Спасибо. Вы знаете, в какой я комнате?»

«Да, прекрасно знаю».

Мать Карлин как раз посещала туалет, когда через пять минут дверь открылась, и поднос со стаканом молока и чем-то вроде домашнего пирожного словно сам по себе появился на специальном столике, устанавливаемом поперек кровати. Она выкрикнула вслед женщине слова благодарности, но ей никто не ответил. Это стало приятным сюрпризом после беспрестанной болтовни персонала и невыполненных обещаний, к которым она успела здесь привыкнуть. Мать Карлин улеглась своим больным телом обратно в постель, где сразу выпила молоко и жадно съела половину пирожного, отложив вторую, чтобы полакомиться позже. Она давно забыла, каково это – поесть с аппетитом. Прежде ее желудок урчал и стонал, но желания принимать пищу абсолютно не было.

Скоро ее веки отяжелели, глаза жгло изнутри, пока она то засыпала, то внезапно просыпалась. Она выключила прикроватную лампу и наконец на какое-то время задремала. Однако вскоре ее разбудило тиканье часов, ставшее громким и назойливым, как жужжание проникшей в комнату мухи,

кружившей прямо над ее ухом. Постепенно звук стал невыносимо оглушительным. Затем он превратился в непрерывный глухой гул. Она пыталась избавиться от него, ей захотелось сбежать из комнаты, но ее тело отяжелело, а руки словно налились свинцом. Она не смогла даже поднять палец, когда зачесался кончик носа.

Тревога в ней нарастала, и она медленно повернулась, чтобы посмотреть на циферблат. Ей показалось, что пролетело несколько часов, хотя на самом деле прошли лишь минуты с тех пор, как она впервые заснула. Пока она смотрела на часы, их стрелки как будто начали плавиться, и постепенно будильник превратился в тонкую трубочку, по которой стекала каплями кровь. Она присмотрелась и увидела, что трубочка опускается прямо к ее руке. Она начала часто моргать, наблюдая за этим. Трубочка заканчивалась толстой иглой, вонзенной в ее предплечье и закрепленной куском пластыря.

«Это должно помочь ускорить процесс», – сказала сестра Мэри Фрэнсис, стоявшая теперь у ее постели.

«Какого черта вы творите, сестра?» – спросила мать Карлин.

«Прошу прощения, но что именно тебя интересует?» – довольно-таки резким тоном отозвалась Мэри Фрэнсис.

«Вот эта штука. Снимите ее с моей руки сейчас же!» – потребовала мать Карлин.

«Младенцу пора выходить наружу, дитя мое, но он явно не желает покидать твою утробу сам. А этот аппарат ускорит начало схваток».

«Какой еще младенец?» – вскинулась мать Карлин.

«Милочка, ты, кажется, не осознаешь, что происходит, все отрицаешь, не так ли? Разве ты не флиртовала с тем парнем, позволяя щупать себя повсюду? Разве не совершила плотский грех?» – задала, явно риторический для нее самой, вопрос сестра Мэри Фрэнсис.

Мать Карлин отвела взгляд от нее и посмотрела на свой живот, ставший таким огромным, что из-за него не были видны ступни ног. На ней был надет коричневый балахон, а когда она попыталась встать с постели, ее парализовало от шеи до пят.

«Сестра, это же я, мать Карлин. Я не могу пошевелиться. Помогите мне!» – Приступ боли словно прострелил ей живот, и она вцепилась в него, крича в агонии.

«Очень хорошо. Препарат сработал. Я вернусь через пару часов, чтобы проверить, как у тебя дела».

«Не оставляйте меня одну, сестра».

Повторная волна острой боли нахлынула на нее, пока она наблюдала

за сестрой Мэри Фрэнсис, покидавшей комнату. Она посмотрела на капельницу. Крошечные черные насекомые, похожие на миниатюрных змеек, плавали в жидкости, и мать Карлин завопила от ужаса, заметив, что они через трубку проникают в ее тело.

Она еще раз бросила взгляд на свой живот, внутри которого младенец двигался настолько активно и с такой яростной энергией, что она могла видеть даже сквозь ткань балахона, как его ручки и ножки вздымают кожу живота. За очередным приступом боли последовал всплеск крови, разлившейся по полу. Она опустила взгляд. Кровь покрывала все пространство вокруг кровати.

«Ты прекрасно справляешься. Похоже, ребеночек уже на подходе».

Мать Карлин только сейчас обратила внимание на двух девушек в коричневых балахонах, стоявших в ногах ее постели.

«А где же сестра Мэри Фрэнсис?» – спросила она.

«Занята. Велела нам помочь тебе», – ответила одна из девушек, закрепляя ноги настоятельницы в петли и подвешивая их повыше.

Мать Карлин издала крик от боли, вновь ударившей изнутри.

«Прекрати орать. – Вторая девушка с бледной и испачканной кожей лица, с волосами, клоками выстриженными на голове, приблизилась к ней. – Неужели ты думаешь, что всем понравится внезапное пробуждение от твоих криков? Если ты страдаешь, значит, заслужила мучения, поскольку все с тобой происходит по воле Божьей, и тебе придется смириться с этим».

«Пошла прочь от меня», – успела сказать мать Карлин, прежде чем опять в крике затрястись от боли.

«Я уже вижу головку младенца! – воскликнула другая девушка, расположившаяся между ее задранных вверх ног, улыбаясь во весь рот. – Теперь тужься, тужься!»

Мать Карлин поневоле начала тужиться изо всех сил, задыхаясь и издавая громкий стон. Буквально через несколько секунд комнату огласил плачь новорожденного, эхом отдававшийся от стен.

«У тебя мальчик!» – радостно сообщила девушка.

Мать Карлин в ужасе наблюдала, как они вдвоем возятся с младенцем, чтобы потом завернуть его в одеяло и принести ей.

«Посмотри, какой он красавчик», – сказала одна из девушек.

Ребенок был весь в крови. Его кожа казалась совершенно прозрачной, и мать Карлин могла видеть каждый кровеносный сосудик на его лице и даже на сердце, бившемся в его груди. На обеих сторонах лба у него торчали рожки. Он продолжал громко плакать, показывая острые, как

бритва, зубы.

«Уберите его от меня!» – заорала она.

«О боже, – произнесла другая девушка. – У нее все еще продолжается кровотечение. Быть может, нам вызвать доктора?»

Мать Карлин посмотрела на пол. Кровь уже огромной лужей растеклась шире и пропитала даже коврик у двери.

«Не надо. Я наложу несколько швов. Это должно помочь».

Девушка порылась в кармане и достала грязную иголку с ниткой, отлепив ее от комка какой-то липкой сласти, а потом поставила стул между ног матери Карлин.

«Не смейте прикасаться ко мне этой иглой! – вскрикнула она, как только девушка начала накладывать первый шов. – Пожалуйста, прекратите. Мука невыносимая».

«Какую же пустую шумиху ты поднимаешь», – бросила фразу девушка. За своей работой она весело насвистывала.

Мать Карлин смотрела, рыдая от боли, как игла входит в ее плоть и выходит обратно.

«Ты уже готова к тому, чтобы мы забрали ребенка?»

Вторая из девушек взяла младенца и открыла дверь ванной, за которой ждала молодая и хорошо одетая супружеская пара, явно охваченная волнением.

«О, Джеффри, он такой красивый», – обратилась женщина к мужу.

Девушка передала ей ребенка на глазах матери Карлин, чьи ноги оставались в петлях, а по щекам струились слезы.

Кровь на полу превратилась теперь в пучину красной лавы. Она ощущала исходивший от нее жар, слышала шипение и хлопки лопавшихся пузырей. Ошметки взлетали и скоро подожгли постельное покрывало. Постепенно лава наступала: мать Карлин была уже полностью окружена ею, а кровать начала проседать по мере того, как ножки плавились. Мать Карлин выдернула ноги из петель, перекатилась на бок и стала молиться, а языки пламени плясали вокруг нее.

«Если я пойду долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня».

Когда мать Карлин в отчаянии посмотрела на дверь, показалось, что она отодвигается все дальше и дальше, постепенно превращаясь в подобие мышиной норы, на огромном расстоянии от постели. Она попала словно в пучину, пучину пламени, откуда к ней тянулись руки детей, цеплялись за нее и пытались утащить за собой.

Постель погружалась глубже, пока не превратилась в спасательный

плот, за который она держалась в борьбе за жизнь. Дети со смехом принялись раскачивать ее, будто это была всего лишь невинная игра. Она пыталась отпихивать детские ручонки, но их оказалось слишком много, и уже скоро ей не удавалось больше удерживаться на плоту. Она затаила дыхание и нырнула в бушующую лаву, а затем хаотичными движениями устремилась вверх, стараясь выплыть на поверхность, но сильный жар поглотил ее.

Череда приступов невероятной боли поразила руки, не давая возможности дотянуться до того, что осталось от кровати. Она начала кричать, но детские ладошки закрыли ей и рот и все лицо, а затем пальцы малышей утащили ее на самое дно.

Глава 21

5 февраля 2017 года, воскресенье

Китти сжимала в руке ключи от своей квартиры, пока такси на высокой скорости мчалось по шоссе. Острые зубцы одного из ключей впивались в ладонь, что хоть немного отвлекало от овладевшего ею волнения. Она совершенно не представляла себе, что ожидает ее там, куда она направлялась. Ведь она больше никогда не возвращалась в ту постройку на кладбище с той самой ночи. Ее останавливала сидевшая в ней трусиха, и к тому же в этом не было особого смысла. Отец Бенджамин сказал ее отцу, что сестра умерла и была похоронена. Только теперь она уже не верила в правдивость слов священника.

Когда машина доехала до Брайтона, страх и сомнения усилились до такой степени, что ее тело как будто парализовало. Стоило подумать о той ночи, как тут же в памяти всплывали воспоминания. О поисках отдельной каменной постройки рядом с церковью в кромешной тьме. Бывшее здание приюта завтра снесут, а все, что его окружает, закроют забором, за которым обязательно будет дежурить охранник. Шансы проникнуть к постройке внезапно показались ей ничтожными, но она продолжала смотреть вперед на дорогу, не останавливала водителя, не велела разворачиваться, чтобы вернуться на набережную Виктории.

Успокоив дыхание, Китти почувствовала, как в ней окрепла уверенность в своих силах. Ей даже захотелось ехать еще быстрее, чтобы покончить с этим делом как можно скорее. Она посмотрела на часы. Чуть больше одиннадцати. Она заметила, что шофер несколько раз присматривался к ней через зеркало заднего вида, и понимала: он узнал ее и наверняка расскажет приятелям о странной поездке знаменитой женщины из телевизора. Но ей это было совершенно безразлично. Саманта Харпер уже шла за ней по горячим следам, и скоро ее связь со Святой Маргаритой станет известна всем. Она так долго скрывала правду, вот только зачем? Кого она оберегала? Быть может, подсознательно ей хотелось раскрыть свой секрет? Иначе почему ее потянуло посетить такое многолюдное публичное мероприятие, как похороны отца Бенджамина? Сейчас ей оставалось только одно: до того, как все будет уничтожено, выяснить лишь, не совершила ли она ошибки, когда в ту же ночь не

вернулась в постройку. Если в Святой Маргарите или ее окрестностях сохранились следы пребывания сестры, ей необходимо знать об этом.

Они уже колесили по узким дорогам в пригороде, когда водитель такси обратился к ней:

– Вы точно знаете, куда направляетесь в Престоне?

– Да. К дальней отсюда окраине этого городка, – ответила Китти, покрутив головой из стороны в сторону, чтобы размять затекшую шею. – Там стоит огромный викторианский дом, бывший приют Святой Маргариты. Его должны снести через несколько дней, а потому, как я полагаю, нам следует искать ограду стройплощадки.

– Не этот ли дом вам нужен?

Китти проследила взглядом за светом фар, поскольку шофер указывал в сторону горизонта. Моросил дождь. Сквозь скрип дворников по лобовому стеклу перед ней возник черный силуэт Святой Маргариты. Как только машина остановилась у ворот, серые облака немного разошлись, и лунный свет упал на когда-то величественный псевдоготический особняк, так часто возникавший в ее памяти на протяжении многих лет. Оказавшись перед ним теперь, она осознала, насколько он в реальности отличался от являвшегося в воспоминаниях образа. У нее возникло чувство, которое, вероятно, испытывает повзрослевший ребенок, посещая когда-то очень сурового дедушку, ныне слабого и находящегося почти при смерти.

– Сколько я вам должна? – Она полезла в сумку, посмотрев на счетчик.

– Вы уверены, что нашли нужное место? – спросил шофер с откровенным сомнением в голосе.

Китти заглянула к себе в бумажник и достала пачку купюр по двадцать фунтов каждая.

– Да, все правильно.

– Вы здесь с кем-то встречаетесь? – Водитель хмуро оглядел здание.

– Да, у меня назначена встреча в отдельной маленькой постройке позади этого дома, – ответила Китти.

– Хотите, чтобы я объехал дом?

– Да, было бы хорошо. Вы очень добры.

Китти откинулась на спинку сиденья, когда они поехали по ухабистому проселку вдоль здания бывшего приюта. Машину подбрасывало и заносило, а пассажирку кидало из стороны в сторону. Пустые рамы выбитых окон словно наблюдали за ней, пока они продвигались вдоль здания. Скоро такси уедет и она останется одна в пустынном месте под холодным моросящим дождем, и будет совершенно беззащитной. Китти закрыла глаза и постаралась вновь восстановить

дыхание, протянув руку вбок, чтобы поймать пальцы сестры, образ которой мерещился на сиденье рядом с ней.

– Быть может, вам удастся пробраться внутрь здесь? – спросил таксист, останавливая машину. Скрежет тормозов раздался в тишине ночи. – Похоже на дыру в заборе. А чуть дальше от кладбища горит свет.

Китти открыла глаза. Только теперь в свете фар стала отчетливо видна высокая ограда, возведенная по периметру Святой Маргариты, как и небольшая дыра, проделанная, вероятно, местной ребятней. Сразу за ней тянулись ряды замшелых или поросших плющом надгробий.

– Теперь я найду то, что мне нужно. Я ведь бывала здесь прежде.

– Потом я могу отвезти вас обратно в Лондон. Не по-людски оставлять вас здесь, – сказал шофер. – Мне придется отъехать и купить себе где-нибудь еды, но я вернусь, чтобы забрать вас.

– Спасибо. – Китти испытала огромное облечение, когда он сам предложил ей это. – Я действительно благодарна вам за заботу.

Водитель нажал на кнопку, чтобы разблокировать заднюю дверь, и Китти вышла в ночную тьму. Она плотнее натянула свой джемпер, а плащ завязала на пояс, прежде чем направиться к забору и протиснуться сквозь узкое отверстие в нем. Ей пришлось долго возиться с фонарем, чтобы он наконец дал ей немного света. Затем, в попытке успокоить разыгравшиеся нервы, она закрыла глаза и представила себе лицо сестры, но столько лет спустя воспоминания были смутными.

Как только такси стало отъезжать вниз по проселку, она решилась двигаться вперед, не обращая внимания на волнение, от которого резало внизу живота. Покрытый туманом погост, казалось, ожил с ее приближением, ночные звуки доносились из черных пустот, куда не мог дотянуться слабый свет фонарика. Земля хрустела от пожухлых прошлогодних листьев у нее под ногами, и напуганное мелкое зверье начало разбегаться. Шелест пронесся по деревьям вокруг, когда белки и устроившиеся на ночлег птицы устремились прочь в более спокойное место. Китти направила луч фонарика на надгробия. Отполированный мрамор покрывали нежные эпитафии для сестер милосердия, умерших, исполнив свой монашеский долг, в Святой Маргарите. Умиротворяющая сторона смерти: упокоилась, но не была забыта. Китти двинулась дальше как можно быстрее. Дорожка, покрытая ковром из смерзшихся листьев, оказалась очень неровной, а дальше ей пришлось прокладывать путь в лабиринте между могилами.

Все они уже были вскрыты, останки отвезли куда-то для перезахоронения, а ямы засыпали песком и мелкими булыжниками. Китти,

проходя мимо них, гадала, далеко ли она от того места, где похоронили сестру. Ведь если они все-таки убили ее, то отчет о перезахоронениях свидетельствовал, что она не была погребена как положено, а тогда где же, черт побери, они спрятали ее тело? Если же не убили, могла она до сих пор быть жива? В таком случае Китти явно рехнулась, полагая, что ее сестра по-прежнему могла обитать здесь.

Она с трудом продолжила путь, несколько раз споткнувшись: бугры и ямы стали все чаще попадаться под ногами. Надгробия мельчали по мере ее продвижения в глубь кладбища, постепенно превратившись в простые необработанные камни, на которых гравер вывел лишь имена и даты. *Сара Джонсон. Январь 1928 – апрель 1950*. Ей исполнилось всего двадцать два, когда она умерла, отметила про себя Китти, и почти тут же ее нога неожиданно запуталась в сплетении корней колючего кустарника. Она посветил фонариком, чтобы освободить ступню. *«Эмма Локвуд. Июль 1942 – декабрь 1961»* – прочитала она на поваленном кресте. Девятнадцать лет. На многих могильных холмиках форменные надгробия отсутствовали вообще. Чуть возвышались лишь небольшие деревянные кресты, у которых прежде четкие концы осыпались от ветхости. *«Клара Локвуд, младенец. Декабрь 1961»* – гласила надпись на серой каменной плите чуть впереди. *Кэтрин Хендерсон. Февраль 1942 – июль 1957*. Китти пыталась полностью сосредоточиться на своей цели, но в голове невольно запульсировала кровь при мысли об этой девочке. Всего пятнадцать лет. Организм еще не готов к деторождению. Скорее всего, она умирала в ужасающей агонии на койке лазарета Святой Маргариты.

Она продолжила идти к свету на самом дальнем краю погоста. Вдруг залаяла собака, Китти вздрогнула, с трудом справляясь с шоком, вызванным неожиданным звуком, донесшимся из окружавшей ее ночной темноты. Опустившись на крупный кусок камня, она глубоко вдохнула холодный воздух и сунула руки в карманы, потому что они уже начали неметь. Фонарик лежал на земле там, где она выронила его. *Клара Джонс, Пенни Фрост, Нэнси Уэбб*. И никаких поэтических эпитафий не нашлось для этих несчастных душ.

Смутные шумы вокруг нее стали немного громче, напоминая шепот голосов среди деревьев. Закрыв уши ладонями, Китти услышала стук своего сердца. В ее воображении возник образ молодой матери и ее младенца, брошенных вместе в дешевый гроб и наспех опущенных в яму. Даже с прикрытыми ушами она различала оханье и жалобы на жизнь усталого могильщика, засыпавшего яму землей. Эту часть погоста никто и никогда не посещал. Ей стало дурно, когда она подумала о забытых душах

тех, кто упокоился здесь в самом грубом подобии могил, по которым могли случайно топтаться посторонние люди, но не навещаемых родственниками, однажды навсегда бросившими девушек у ворот приюта.

Она резко вернулась к реальности, когда собака снова залилась лаем, подняла взгляд и как будто различила тени, мелькавшие между деревьями. Постепенно нарастало ощущение, что за ней кто-то наблюдает. Если бы Эльвира была здесь, она бы дождалась приближения Китти, чтобы взять ее за руку, незаметно для возможных свидетелей. Ей необходимо встать и двинуться дальше. Чем дальше она пройдет, тем выше будут шансы найти сестру.

Со стоном она дотянулась до фонарика, а потом усилием воли заставила себя подняться с камня и пошла вперед, а пес вновь огласил ночь лаем. Она старалась не думать о том, что перед ней может внезапно появиться крупная собака, что животное может напапасть на нее, сбить с ног и впиться зубами в ее холодную как лед кожу.

Но ее подстерегала и другая неожиданность. В темноте она наткнулась на невысокую ограду из металлической сетки – дополнительную меру предосторожности строителей. Сотрясенная сетка задребезжала слишком громко среди окружавшей Китти тишины. Она ухватилась за нее и пошла вдоль, используя верхнюю перекладину в качестве ориентира, проводя онемевшими пальцами по проволоке, и так она двигалась до тех пор, пока уставшие ноги почти перестали держать ее. Собака затихла, а свет в отдалении теперь полностью померк. Если она сейчас пойдет вдоль забора обратно, то вновь окажется на кладбище, а потом вернется к своему такси и будет в полной безопасности. Но только к чему это приведет? К возвращению домой? К еще более глубокому отчаянию? Нет, она продолжит идти вперед и лучше умрет здесь, чем вернется после безуспешных поисков сестры.

– Эй, есть здесь кто-нибудь? – выкрикнула она дрожавшим от холода голосом.

По-прежнему используя ограду для поддержания равновесия и верного направления, она шла все дальше, замерзшая настолько, что перестала ощущать боль от царапин и порезов, нанесенных колючими кустами, на которые то и дело натыкалась.

А затем Китти угодила в достаточно глубокую яму и рухнула навзничь, горячая и острая боль резко пронзила ее ногу. Она вскрикнула и перевернулась на спину. Лежала неподвижно, неспособная даже пошевелится, глядя на луну, дожидаясь, чтобы боль ослабла.

Сквозь стук пульса в ушах она услышала шаги, приближавшиеся к

ней, поначалу очень тихие, а чуть позже громко захрустевшие по заледенелой земле. Кто-то остановился рядом с ней. Эльвира присела на корточки и погладила сестру по волосам.

«Смотри, – сказала она, указывая маленькой ручонкой, затянутой тканью коричневого балахона. – Это здесь».

Примерно в двадцати футах от нее стояла дворовая постройка, знакомая Китти по ее снам. Она заставила себя подняться сначала на четвереньки, потом выпрямилась и снова пошла прямо к каменному домику.

Глава 22

5 февраля 2017 года, воскресенье

– Так ты собираешься снова приехать или нет? – доносился мужской голос из трубки мобильного телефона.

Сэм все еще сидела в машине рядом с домом престарелых «Грейсуэлл», борясь с желанием позволить Святой Маргарите навсегда исчезнуть и больше не вмешиваться в это дело. Ей это тяжело давалось. Она ощущала боль и в теле, и в голове, поскольку приходилось двигаться в слишком разных направлениях чуть ли не одновременно.

– Кто это? – Она достала бутылочку с водой из сумки.

– Обалдеть, как быстро ты меня забыла! Это я, Энди.

Энди? Какой еще Энди, черт побери?

– Энди со стройплощадки.

– О боже! Энди! Извини, мне очень жаль, что не узнала. – Сэм посмотрела на часы. – Мы собирались встретиться с тобой в десять, верно? Но у меня выдался дьявольски тяжелый денек. – Она бросила взгляд на свое лицо в зеркале заднего вида и вздохнула.

– Тогда тебе точно пойдет на пользу обещанная выпивка со мной.

Когда она приехала, Энди сидел в углу ярко освещенного зала паба «Уэзерспунз», который выбрал для встречи. И хотя она сразу почувствовала наступающий приступ мигрени, как только ступила на покрытый пятнами синий ковер, ей понравилось одно: здесь она не рисковала столкнуться ни с одним из предельно разборчивых приятелей Бена. Ей было совершенно ни к чему давать ему повод подозревать, что она завела роман.

– Все в порядке? – спросил Энди, не вставая с места при ее приближении к столику.

– Да, все путем, спасибо. А у тебя? – Сэм не слишком ловко взобралась на высокий стул рядом с ним.

– Да тоже вроде бы. – Он одним глотком допил остатки своей пинты пива.

– Выпьешь еще? – Она полезла в сумку за кошельком.

– Да, если угостишь. Я бы пропустил еще кружечку «Стеллы».

Подойдя к стойке бара, Сэм вдруг ощутила такую тоску по Бену, что

чувство было даже болезненным, как удар ниже пояса. Посещение паба напомнило об их первом свидании в коктейль-баре на Клэпэм-Хай-стрит, где они попробовали по порядку все напитки, значившиеся в меню, пока управляющий буквально не выпроводил их на улицу. Бен купил по такому поводу новую рубашку, забыв снять с нее магазинный ярлык, а когда она вошла в бар, он так стремительно вскочил с места, что ударился головой о балку, чуть не отправив себя самого в нокаут. Сэм уговорила бармена дать им целлофановый пакет со льдом, после чего они провели более четырех часов, обмениваясь историями из своих жизней и с такой страстью обнимаясь, что очень скоро остальным посетителям не захотелось больше ни пить, ни закусывать, и зал быстро опустел. С того времени и по сей день она не хотела встречаться больше ни с кем. Она полюбила Бена сильнее, чем когда-либо прежде любила других мужчин, но сегодня их отношения настолько испортились, они друг другу столько наговорили гадостей, поскольку оба стали несчастливы, что, казалось, у них больше не осталось никакой надежды на совместное будущее. «Почему люди расстаются друг с другом? – подумала она, пока платила за пиво. – Почему уходят? Продолжать совместную жизнь с кем-то, кто видел тебя с самой дурной стороны, а потом начал попрекать тебя этим, разрушительно для души».

– Сэм! – раздался знакомый голос у нее за спиной, и на секунду у нее замерло сердце.

Ей показалось, что это Бен. Но затем она повернулась и увидела перед собой Фреда, державшего в руке кружку, с ослепительно сияющей улыбкой.

– О, привет, Фред, как поживаешь? – Сэм посмотрела на компанию, собравшуюся вместе с ним за столом.

Перед каждым стояла кружка, и они все без умолку разговаривали, перебивая друг друга.

– У меня полный порядок. Я здесь праздную кое-что, – ответил Фред и обернулся к приятелям, жестом показывая им не кричать так громко.

– Даже так? – сказала Сэм, бросив взгляд на Энди. – И что же ты празднуешь?

– Я сегодня занял третье место на чемпионате страны по боулдерингу, – с гордостью ответил Фред, и стало заметно, что он уже немного пьян.

– Это просто фантастика! Ты молодец, Фред.

– Не хочешь присоединиться к нам? – спросил он, глядя на нее с неприкрытой нежностью.

– Спасибо, но не могу. Я здесь со своим информатором. Увидимся

завтра.

И когда она повернулась, чтобы дойти до столика, за которым сидел Энди, почувствовала, как Фред провожает ее взглядом.

– Будем здоровы! – произнес нечто вроде тоста Энди, увидев перед собой принесенную ею кружку пива.

Сэм села напротив него и неуклюже попыталась улыбнуться. Он был огромным, похожим на тех рослых и широкоплечих парней, которые разъезжают по скоростным магистралям на мощных мотоциклах типа «Харли-Дэвидсон». Когда он брался за кружку пива обеими руками, она выглядела в них как стопка водки. А его кожаный пиджак на спинке стула полами почти касался ковра. От него пахло дезодорантом и табачным дымом. Когда он начинал говорить, то склонялся к Сэм чуть ближе, чем это было необходимо.

– Итак, расскажи, как прошел остаток твоего рабочего дня? – Сэм потягивала диетическую кока-колу.

– Да все одно и то же, обычная хреновина. А у тебя?

– У меня та же история, скука, – ответила Сэм, хотя говорила заведомую ложь.

Она потому так хорошо справлялась со своей профессией, что любила ее. Прежде ей доводилось работать там, где от тоски она постоянно смотрела на часы, ощущая, словно ее жизнь утекает как песок между пальцами. Туда она больше никогда не вернется.

– Чем же ты занята? Приходится много бегать? – спросил Энди, повышая голос, чтобы перекричать музыку, зазвучавшую вдруг из динамиков в зале.

– Сейчас не слишком много. У меня маленькая дочь, и мы с ней временно живем у моей бабушки, чтобы составить старушке компанию.

– Понимаю. А твой дед? Уже скончался, надо полагать?

– Увы, да. Он умер.

Над их столиком нависло неловкое молчание. Энди сделал большой глоток своего лагера. Сэм всегда сердилась на Бена за то, что он каждый вечер убегал на часок, чтобы попить пива. Внезапно ей захотелось плакать. Зачем она вообще пришла сюда? Ей следовало отправиться домой, причем немедленно.

– Ты нашла монахиню, которую разыскивала?

Сэм поставила стакан на стол.

– Да, нашла. Спасибо тебе за помощь.

– Не за что. Я буду очень рад, когда они снесут этот дом к чертовой матери, а я смогу наконец убраться оттуда. Меня тошнит оттого, что все

кому не лень помыкают мной.

Его мобильный телефон зазвонил. Он поднял его, посмотрел на определившийся номер и отклонил вызов.

– Пошел к дьяволу! – коротко выругался он.

– В чем дело? – поинтересовалась Сэм.

– Меня ждет очередная бессмысленная выволочка от начальства, когда я вернусь на стройплощадку и прослушаю сообщения на автоответчике. – Он достал зажигалку «Зиппо» и принялся щелкать крышкой, то открывая, то закрывая ее. – Не хочешь запалить самокрутку?

– Спасибо, не надо. Так на какой срок первоначально намечался снос здания Святой Маргариты?

– Должны были снести еще четыре месяца назад. Задержка обошлась им почти в миллион. – Он вынул из кармана пачку табака.

– Боже милостивый! И что же? Все из-за расследования?

– Точно. Оно заняло много времени, потому как останки священника обнаружили в канализационной системе. – Энди стал щепотками выкладывать табак на самокруточную бумагу.

– Любопытно, как он там оказался, – сказала Сэм, заметив, что Фред продолжает наблюдать за ней из противоположного угла зала.

Энди после паузы пожал плечами.

– Кто знает? Подземелье этого дома – какой-то лабиринт, как в кроличьих норах. У меня порой мурашки от него бегут по спине. И он магнитом притягивает к себе всех окрестных бродяг и беспризорников. Невозможно избавиться от всех сразу. В отдельно стоящей постройке уже несколько месяцев назад поселился какой-то бездомный. Я все время выгоняю его, но он упрямо возвращается. – Энди опустошил свою кружку.

– Еще кружку? По-моему, я должна тебе как минимум две, если не ошибаюсь, – предложила Сэм.

– Не откажусь. Мне всего лишь надо добраться до своей сторожки. – Он пристально посмотрел на нее, заставив почувствовать себя не совсем уютно.

Сэм вернулась от стойки бара с кружкой пива и стаканчиком виски, для усиления эффекта. Ей начало казаться, что встреча с Энди может в итоге все же стать полезной.

– Вот, угощайся.

– Будем! – И он опрокинул в себя виски в один заход.

– Значит, ты тоже ощутил, что вокруг того места постоянно бродят призраки? – спросила Сэм.

Энди невесело рассмеялся.

– Я бы выразился нецензурно, но тебе скажу так: даже выйти на бывшее кладбище ночью приятно после посещения этого дома.

– И все-таки у тебя есть догадки, почему он оказался в канализации? – Сэм ухватила выбившийся локон своих длинных рыжих волос и завязала его в узелок.

– Тут остается только гадать на кофейной гуще, – ответил Энди, взявшись за пиво. – Чем скорее то место сровняют с землей, тем лучше. – Он бросил взгляд на ее стакан. – Ты не хочешь выпить что-то покрепче?

– С удовольствием. – Сэм заметила связку ключей, которую он выложил на столик. – Угости меня бокалом белого вина, пожалуйста.

Энди взял свой бумажник и направился к стойке бара. Как только он повернулся к ней спиной, Сэм схватила ключи и начала перебирать их, спрятав под стол. Их было всего три: один явно ключ от автомобиля, второй мог подойти для навесного замка и только третий предназначался для сторожки Энди. Она торопливо сняла его с кольца. Когда закончит, бросит его на пол в сторожке, и если повезет, он решит, что сам случайно обронил его. Она подняла взгляд и увидела, как он возвращается. Ключ успела сунуть под свою сумку.

– Вот твое вино, – сказал он и расплескал половину бокала на стол. – Ох, ты ж! Извини.

– Не проблема. – Сэм отхлебнула вино, на вкус напоминавшее кислоту для аккумулятора. Ей необходимо было выпить для храбрости. Она надеялась, что собака окажется на цепи, в противном случае ее ждет неудача.

– А твой возлюбленный не злится, если ты встречаешься с незнакомыми мужчинами? – Энди положил ладонь поверх руки Сэм.

Потребовалась вся сила воли, чтобы Сэм не отдернула ее.

– Он не может ревновать к тому, о чем не знает.

– Значит, ты меня поцелуешь? – Он опустошил свою кружку и снова пристально посмотрел на нее.

– Конечно. Мне только нужно сначала поехать кое-куда и закончить дела. Мы можем с тобой снова встретиться здесь же через полчаса? – Она имитировала подобие улыбки.

– Что? Почему? – резко спросил Энди.

– Я должна заскочить домой и захватить некоторые материалы на завтра. Не знаю, где и как мы с тобой закончим сегодняшнюю ночь, но если все необходимое будет при мне, я смогу утром отправиться прямо на работу. – Она поднялась, уже пряча ключ в зажатом кулаке.

– А, ну тогда все путем! – У него сразу же поднялось настроение. –

Как говорится, мы встретимся на пирсе[12].

– Точно, – подвела черту Сэм.

Глава 23

6 февраля 2017 года, понедельник

Спотыкаясь и пошатываясь, Китти с трудом заставляла свои ноги подчиняться. Когда же она наконец добралась до каменной постройки, на самом деле сложенной из красного кирпича, у нее едва хватило сил приоткрыть местами выщербленную дверь, свисавшую с петель и чудом державшуюся на них. Лишь с третьей попытки она смогла раздвинуть проем так, чтобы протиснуться в него, и буквально повалилась внутри на пол, покрытый у входа густым слоем пожухлых прошлогодних листьев.

Китти села и огляделась в помещении, куда лунный свет проникал сквозь зиявшие в стенах дыры. Кладка стен либо раскололась, либо раскрошилась, часть крыши обрушилась внутрь, и ее обломки валялись по всему полу.

Здесь все было так же, как она помнила. Даже старый плуг, опрокинутый набок, по-прежнему лежал в углу.

Еще одна, но уже внутренняя дверь была чуть приоткрыта, а за ней ясно различалась вторая комната, где повсюду на стенах облупилась зеленая краска. Китти поднялась и добралась до нее. Как только она взялась за ручку, чтобы открыть дверь, огромная коричневая крыса вылезла из-под груды обломков и проскочила в комнату, опередив ее. Она видела, как грызун сначала пробежал по краю самодельного отхожего места, а потом нырнул под кровать. Комната находилась в ужасающем состоянии. Черная плесень покрывала нижнюю часть стен, а в воздухе застоялась невыносимая канализационная вонь из выгребной ямы.

По полу были разбросаны консервные банки и уже вскрытый пакет с бисквитами. Кто-то определенно сюда постоянно наведывался. Более того, человек жил здесь и посещал заброшенный домик совсем недавно. Китти подошла к постели, провела пальцами по одеялу, а потом приподняла его и ощутила еще один неприятный запах. Подошла к раковине умывальника и открутила один из кранов, откуда судорожными всплесками полилась вода.

– Эй! – окликнула она, не осмелившись повысить голос выше шепота. – Здесь есть кто-нибудь?

Она оказалась права. Ее сестра оставалась рядом с приютом Святой Маргариты все эти годы, а это значило, что она непременно встретится с

ней. Ее захлестнула волна эмоций. Комната начала кружиться перед глазами. Она склонилась над раковиной, запустила ладони в воду, а потом ополоснула лицо.

Когда же выпрямилась, в зеркале над умывальником возникла Эльвира, такая же постаревшая, как сама Китти. Седые волосы убраны назад. Очень исхудавшая и бледная.

«Ты забыла, о чем я просила тебя?» – спросила она, сверкая черными глазами.

Потом Эльвира подошла к стене, вытащила расшатавшийся кирпич и достала спрятанный за ним тяжелый железный ключ. Она протянула его Китти.

«Сжечь дом и освободить их всех».

Но как только Китти попыталась приблизиться к сестре, из другого угла комнаты донесся громкий шум. Она повернулась и увидела мужчину с длинной бородой, одетого в лохмотья, который стоял над брошенной на пол кучей веток для растопки.

– Кто вы такая, черт побери? Убирайтесь отсюда! – выкрикнул он.

Китти огляделась, ища глазами Эльвиру, но ее здесь больше не было.

– Вернись! – в отчаянии позвала она. Слезы обожгли глаза. – Моя сестра! Куда подевалась моя сестра?

– Выметайтесь прочь! Это мой дом! Вон отсюда!

Нищий бродяга начал надвигаться на нее, и тогда Китти, издав испуганный крик, бросилась бежать.

Глава 24

6 февраля 2017 года, понедельник

Сэм обошла по периметру все здание, разыскав в конце концов лазейку в заборе у кладбища. Она с трудом пошла дальше по промерзшей и совершенно черной земле, ощущая, что все призраки Святой Маргариты наблюдают сейчас за ней. Приблизившись к сторожке, она с облегчением обнаружила, что ни Энди, ни собаки не было видно поблизости. Она вошла внутрь сторожки, и, хотя там было душно из-за плотно закрытых окон, а в воздухе висел острый запах отсыревшего дерева, она с облегчением почувствовала себя временно в безопасности. В темноте Сэм стала на ощупь искать, где включалось освещение, у нее сжало грудь: сказывался недостаток кислорода. Наконец она обнаружила пластиковую коробку с кнопкой, нажала на нее, и комнату залил яркий свет.

Открывшееся ей зрелище оказалось неприятным, но не неожиданным. У одной стены стояла узкая кровать с небрежно скомканным постельным бельем. Рядом на полу валялось множество порнографических журналов и пустых жестяных банок из-под пива. Противный запах исходил от угла с умывальником. Тюбик зубной пасты, с наполовину выжатым содержимым, лежал на грязной полке рядом с несколькими бутылочками лосьонов после бритья и баллончиками дезодорантов. У противоположной стены стояли маленький диванчик, обитый серой искусственной кожей, и телевизор. На журнальном столике в центре громоздилась куча пустых коробок из-под пиццы и прочей дешевой еды, какую обычно доставляют по заказу на дом.

Грязные занавески висели на окнах. Сэм приоткрыла одну из них, проверяя, не видно ли вдалеке света автомобильных фар, а потом включила настольную лампу, стоявшую у дивана, выключив слишком яркий свет люстры под потолком, после чего приступила к более основательному осмотру комнаты.

Вскоре ей на глаза попалось то, что она искала в первую очередь: небольшое бюро с ящиками для папок и документов. Верхний из них оказался забит материалами по маркетингу, брошюрами с рекламой строительных фирм, где дома блистали впечатляющей роскошью, а также блокнотами, канцелярским принадлежностями и шариковыми ручками, украшенными логотипами «Слейд хоумз». Второй ящик также не содержал

ничего интересного для Сэм: телефонный справочник, два номера журнала «Топ Гир», множество пустых пачек из-под сигарет. Когда она выдвигала последний ящик, в ней стал постепенно нарастать панический страх. Прошло больше часа с тех пор, как она уехала из паба «Уэзерспунз», и Энди наверняка уже скоро потеряет остатки терпения. Если в этой комнате не найдется ничего содержащего нужную информацию, ей просто необходимо успеть выбраться отсюда до того, как он вернется и обнаружит пропажу ключа.

Она знала, что непременно должна найти здесь папку с делом отца Бенджамина или отчет о том, что с ним произошло. Ей требовались письменные документы, любые официальные записи на эту тему. Выдвинув нижний ящик, Сэм сразу поняла: здесь есть то, зачем она пришла, – и у нее сильнее забилось сердце. Она увидела множество папок с различными материалами и досье. Но сначала ей попадались в основном счета, приходные кассовые ордера и копии контрактов. Она открыла папку под большой буквой С и достала бумаги с грифом компании «Слейд хоумз». Еще раз быстро выглянув в окно и убедившись, что на горизонте пока чисто, она присела на край диванчика и начала читать.

Первыми шли несколько письменных предупреждений, направленных менеджером стройплощадки в адрес Энди по поводу несоблюдения им служебного графика. Его контракт, напоминал босс, предусматривал пребывание на месте будущего строительства каждую ночь с девяти часов вечера до девяти утра, когда прибывала первая смена рабочих. Он явно не был образцом добросовестного подчиненного. Два экскаватора подверглись нападению вандалов, а когда прибыла полиция, Энди не оказалось даже поблизости. В следующий раз украли несколько мешков с цементом, стоимость которых вычли из его жалованья. Обнаружилась ссылка и на бездомного бродягу, упомянутого им в разговоре с Сэм. Очевидно, что он причинял беспокойство, но, если верить копии ответа Энди, всегда оставался в отдаленной пристройке, а в здание Святой Маргариты не пытался проникнуть ни разу. И только самое последнее из писем касалось смерти отца Бенджамина.

«Несмотря на то что отец Бенджамин скончался много лет назад, а именно 31 декабря 1999 г., подземная система канализации и примыкающие к ней туннели до сих пор остаются доступными для проникновения. Поэтому нам следует быть предельно бдительными, чтобы не допустить повторения таких трагических событий до даты окончательного сноса во вторник 7 февраля 2017 г. Если вы обнаружите чье-то присутствие поблизости от здания или непосредственно в нем, вам

надлежит задержать нарушителя границ нашей собственности и незамедлительно позвонить по телефону 999».

Подземная канализация и туннели. Сэм тут же вспомнила фрагмент беседы с Энди в пабе. Что в точности он сказал? «Подземелье этого дома – какой-то лабиринт, как в кроличьих норах. У меня порой мурашки от него бегут по спине».

Она еще раз проверила папку. Вырезка статьи из «Таймс», которая первой привлекла ее внимание, затерялась между другими письмами:

«Останки мужчины семидесяти четырех лет, заблудившегося в подземной канализации и отравившегося испарениями и газами, были обнаружены в Восточном Сассексе, в особняке, пользовавшемся прежде дурной репутацией. Как выяснилось в ходе расследования, ушедший на покой настоятель церкви города Престона оказался в западне, без разрешения проникнув в здание.

Бенджамин Кук, родившийся в Брайтоне в 1926 г., стал впоследствии отцом Бенджамином и возглавлял приход в Престоне в течение тридцати лет.

Отец Бенджамин пропал без вести в канун празднования Нового года в 1999 г., но его тело было обнаружено только в сентябре 2016 г. Во вторник судебно-медицинский эксперт Сассекса заключил, что отец Бенджамин умер в результате гипоксии из-за воздействия токсичной концентрации сероводорода. Следствие по делу о смерти бывшего священника возглавлял доктор Брайан Фаррелл. Полиция заявила, что не установила факта присутствия на месте гибели кого-либо еще. Компания «Слейд хоумз» выразила глубокие соболезнования…»

Больше ничего полезного в папке не оказалось, и Сэм уже подумала о том, что нужно поспешить с уходом, пока не появился Энди, как вдруг заметила телефонный аппарат на полу, у которого мигала красная лампочка автоответчика. Проверив еще раз и убедившись, что никто не приближается, она вернулась к телефону, нажала на кнопку, чтобы прослушать голосовую почту.

«Энди, это Фил. Ответь наконец на звонок на своем мобильнике! Где тебя носит, черт возьми? По-моему, ты не понимаешь, как много поставлено здесь на карту. Мы уже вынуждены были ждать окончания одного затянувшегося расследования, и нам не нужно, чтобы сделка снова сорвалась, потому что кто-то еще оказался заперт в подземных туннелях».

Заперт? Об этом не упоминалось в статье. Сэм насторожилась, внезапно услышав отдаленный звук автомобильного двигателя, а потом, к своему ужасу, заметив и свет фар машины, приближавшейся к сторожке.

Она буквально подпрыгнула от неожиданности, сунула папку обратно в ящик, выключила лампу, а затем пригнулась и беспомощно, затаив дыхание, наблюдала, как синий пикап подъезжает все ближе. Она озиралась вокруг в поисках пути к бегству, а между тем машина остановилась у сторожки, и ее мотор немного задребезжал, прежде чем заглохнуть. Затем погасли фары. Домик погрузился в полную темноту.

Второго выхода не было, а спрятаться в комнате не представлялось возможным. Его злобный пес набросится на нее, попытайся она бежать, а потом он, несомненно, вызовет полицию. Она потеряет работу. Она потеряет все. Слыша приближающийся звук шагов, она поняла, что выбора у нее нет. Сняв верхнюю часть одежды, она нырнула в вонючую постель, оставшись в одном бюстгальтере.

Дверь открылась, и включился яркий свет.

– Привет, милый, – сказала она, стараясь, чтобы в голосе не отразилась владевшая ею паника.

– Какого дьявола ты здесь шуруешь? – спросил Энди.

– Хотела устроить для тебя сюрприз. – Сэм тряслась всем телом.

– И ты сперла у меня ключ?

– Да. Ты же не против, верно? – Она попыталась улыбнуться.

– Нет, мать твою, еще как против! – Он подошел ближе и окинул ее злобным взглядом сверху вниз.

– Извини, но я подумала, что тебе понравится, если мы останемся наедине. – Сэм выдавила из себя еще одно жалкое подобие улыбки.

Она встала с кровати и подошла к холодильнику, а Энди молча наблюдал за ней. Внутри было пусто, если не считать куска заплесневевшего сыра и начатой бутылки молока.

– У тебя вообще ничего нет. Давай я поеду и привезу нам чего-нибудь выпить, – предложила Сэм и потянулась к своему свитеру.

– Нет, давай ты лучше мне расскажешь, какую игру затеяла.

– Я просто хотела устроить для тебя сюрприз. Думала, тебе понравится. Видимо, я ошиблась. – Она поспешно натянула свитер через голову.

У нее заметно дрожали руки, когда она направилась к двери.

– Мне не может нравиться то, что чужие люди вторгаются на мою территорию. – Он встал перед ней, чтобы остановить.

– Я вовсе сюда не вторгалась. Пожалуйста, дай мне пройти. – Стук сердца так громко отдавался в ушах, что у нее гудело в голове.

Сэм могла сейчас думать только об Эмме, спокойно спавшей в своей кроватке, пока она находилась здесь, что было равносильно самоубийству.

«Ты – пустоголовая идиотка…» – мысленно обругала она себя.

– Тебе повезло, что я джентльмен. – Он медленно отошел в сторону, и Сэм кинулась к двери.

Когда она, спотыкаясь, сбегала по ступенькам, собака Энди, вернувшаяся вместе с ним, начала громко лаять на нее. Пока она пыталась поскорее скрыться в темноте, в ней росла уверенность, что Энди продолжает наблюдать за ней и ждет малейшего повода, чтобы спустить зловещее животное с поводка. Она оглянулась и увидела, что он стоит в дверном проеме сторожки, взяв собаку за ошейник и удерживая ее от порыва броситься вслед за незваной гостьей.

Сэм долго не могла вернуться к дыре в заборе, и страх внутри нее все нарастал. Она чувствовала, как молочная кислота обжигает мышцы ног, пока металась туда и обратно вдоль его периметра. Сотрясая проволочное заграждение и отчаянно ругаясь про себя, она изо всех сил старалась сдержать слезы. Ей необходимо опять вернуться назад: только так она сможет добраться до своей машины. Важно было сохранять спокойствие, вот только продолжавшая лаять собака, даже уже в некотором отдалении, вызывала отвратительное чувство тревоги.

Она развернулась и бросилась бежать вдоль ограды, но споткнулась обо что-то торчавшее из земли и рухнула вниз, растянувшись во весь рост. Несколько секунд она лежала, держась за колено и пытаясь унять боль. На ноге выступила кровь, но в темноте она не видела своих рук, даже если подносила их почти к лицу. Она предположила, что наткнулась на корень дерева, достала из сумки телефон, чтобы осмотреть травму, и в свете дисплея уловила блеск чего-то странного среди травы. Забыв о боли в колене, она склонилась и рассмотрела, что это. С удивлением она увидела медную ручку, похожую на ту, которую обнаружила в полу кабинета матери-настоятельницы.

Сэм сразу же начала выдергивать окружавшие ручку пучки травы вместе с дерном, обдирая пальцы о часто попадавшиеся, но неразличимые во мраке колючие растения. Расчистив достаточное, по ее мнению, пространство, она поняла, что ручка соединена с чугунной плитой. Заставив себя подняться, преодолевая не покидавшее ее болезненное ощущение в колене, Сэм попыталась открыть люк, но он не поддался. В нем виднелась замочная скважина, и он явно был заперт.

Сквозь облака пробилось сияние луны, и Сэм стала разглядывать здание. Пустые окна казались сотнями глаз, следивших за ней. Тех же глаз, которые наблюдали за отцом Бенджамином в ту злополучную ночь. О чем говорил тот мужчина, оставивший сообщение на автоответчике Энди? Все

сводилось к одному выводу: священника преднамеренно заперли в туннелях под домом. Неужели этот люк тоже вел туда?

Внезапно она снова услышала лай собаки. Он звучал ближе и становился все громче. Сэм побежала. Боль в колене причиняла почти невыносимые муки, но она старалась не обращать на них внимания. В любой момент собака могла настигнуть ее и вонзить зубы в ногу или руку. У Энди было время пораскинуть мозгами и, быть может, заметить, что она рылась в папках с бумагами компании и прослушала сообщение на автоответчике. Он мог все же вызвать полицию, а тогда всему конец.

Сэм побежала быстрее, стараясь унять страх. «Пожалуйста, пожалуйста, спаси меня», – обращалась она с мольбой к ночному небу.

Неожиданно она заметила свет по другую сторону забора и направилась к нему. Приблизившись, поняла, что видит светящиеся фары автомобиля, подъехавшего по проселку. К ее огромному облечению, при ярком освещении снаружи стала отчетливо видна дыра в заборе, и она протиснулась в нее. Собака снова залилась лаем. Пес уже находился всего футах в двадцати от Сэм. Она узнала в машине черное лондонское такси. Когда оно остановилось, Сэм принялась стучать в окно со стороны пассажирской двери. Мужчина, сидевший за рулем, поднял на нее взгляд, в котором отразилось полнейшее изумление. Потом он медленно опустил стекло в окне.

– С вами все в порядке, милочка?

– Нет. За мной гонится злобная собака. Пожалуйста, впустите меня в машину как можно скорее!

Он отпер дверь, и Сэм нырнула в кабину. Как только дверь захлопнулась, показалась собака и принялась с тем же яростным лаем носиться вокруг такси.

– Господи Иисусе! Меня никогда в жизни никто так не пугал, – сказал водитель.

– Какое счастье, что вы оказались здесь! – Сэм пыталась успокоить дыхание.

Пока они разглядывали друг друга, у забора показался Энди и стал звать пса к себе.

– Невероятно! В этой пустыне сейчас кипит жизнь, как на Пикадилли-серкус, – прокомментировал шофер, а Энди ухватил собаку за ошейник, посадил на поводок и растворился в темноте.

– А вы что тут делаете? – поинтересовалась Сэм, справившись с волнением.

– Я приехал, чтобы забрать причитающуюся мне плату, – ответил

таксист, посмотрев на часы. – Моя пассажирка пропала больше чем на час. Я привез ее из самого Лондона, но понял, что нельзя бросать ее здесь одну. – Он достал пластмассовую чашку из набора с едой, купленной в придорожном ресторане. – Вот, помяни дьявола…

Сэм тоже заметила Китти Кэннон, которая, пошатываясь, двигалась к дыре в заборе. Но не успела пробраться через нее, как ее ноги подкосились, и она повалилась на землю.

Сэм поспешно выбралась из машины, снова пролезла в дыру и подбежала к лежащей Китти. Она склонилась рядом, вслушиваясь в ее дыхание, а затем сняла плащ и укрыла женщину.

– Айви? – чуть слышно спросила та.

– Нам нужна «скорая помощь»! – крикнула Сэм шоферу.

– Нет, пожалуйста, просто отвезите меня домой. – И Китти разрыдалась.

Глава 25

31 декабря 1999 года, пятница

Отец Бенджамин на мгновение задержался, встав в холле за главной дверью и переводя дыхание после того, как поспешно пересек в полной темноте большой участок перед бывшим приютом Святой Маргариты. Он не осмеливался включать свой фонарик, опасаясь, что свет может заметить какой-нибудь чересчур любопытный случайный прохожий. Дважды он спотыкался, с трудом избегая падений.

Ранее вечером он нашел записку, подсунутую под дверь его комнаты в доме престарелых «Грейсуэлл». Приближался Новый год. В столовой накрыли все необходимое к чаю. А после он поднялся на лифте и прошел по коридору к спальне. Он заметил конверт, как только вошел. Заинтригованный, но нисколько не встревоженный, бывший священник подобрал его с пола и подошел к окну, чтобы вскрыть.

И все же, как только он достал небольшой листок, его охватило беспокойство. Три строки без подписи. Почерк ему не был знаком.

Встретимся в гладильном цехе Святой Маргариты сегодня в полночь, чтобы поговорить об уничтоженных вами архивных записях. Если не явитесь, обращусь в полицию. Приходите один.

Остаток вечера он просидел у себя перед телевизором, хотя его мысли были далеко от развлекательных программ. Он хотел рассказать о записке Эми, когда она пришла проведать его, но язык не повернулся ничего сказать. Он не знал даже, с чего начать.

К одиннадцати часам он понял, что заснуть не сможет. Лучшим решением казалось пойти и встретиться с кем бы то ни было, узнать, чего от него хотели, чем валяться в постели, не переставая тревожиться. Тем более что и идти недалеко – всего лишь немного дальше по Престон-лейн. У него все еще оставались ключи от заброшенного здания. И никто не заметит его отсутствия. Он надел самый теплый из своих шерстяных свитеров, сунул записку в карман вельветовых брюк и без двадцати двенадцать вышел на улицу.

Только теперь, оказавшись в относительной безопасности внутри

особняка, он включил фонарик. В нем нарастало волнение из-за возвращения сюда годы спустя. Место казалось знакомым, но одновременно и совершенно чужим. Закруглявшаяся кверху лестница в холле выглядела вроде бы так же, как он запомнил ее. Но вместо блеска полировки он увидел ступени, покрытые толстым слоем пыли, осколками стекла и шелухой штукатурки, упавшей с потолка. Грязь и плесень легли на черно-белый кафель, который сиял чистотой во времена матери Карлин. Стекла в окнах вдоль коридора на пути к прачечной оказались по большей части выбитыми, рамы растрескались, краска облупилась заостренными лоскутами, напоминавшими звериные когти. Когда он дошел до двери прачечной, прежде всего посветил внутрь фонариком. Когда-то огромный, вечно наполненный паром цех, где работало множество девушек с огромными животами, теперь превратился в голый каркас стен, замусоренный обломками штукатурки и заваленный сломанными гладильными прессами.

Еще проходя по коридору, он поймал собственное отражение в единственно уцелевшем оконном стекле. Округлой формы лицо выглядело очень бледным, щеки покрывала щетина, а седые волосы беспорядочными пучками торчали на голове. Его скрючила и заставляла постоянно наклонять тело вперед не проходящая боль в спине. Кажется, что у него вообще нет шеи, подумал он, пока серые глаза сквозь дешевые очки смотрели на него из стекла. Прежде он всегда был гладко выбрит уже с утра, а свежий комплект чистой и выглаженной одежды лежал рядом с постелью, теперь же его постоянной униформой стал слишком просторный свалявшийся свитер и мешковатые брюки. «Я превратился в старика, – горестно отметил он и отвернулся от окна. – В такую же развалину, как и сам особняк».

Он тяжело вздохнул, вспомнив Святую Маргариту в ее золотые деньки. Щедрые дотации от паствы и безразмерные ссуды из банка – так они сумели купить здание бывшей школы-интерната, и уже через шесть месяцев открыть в нем приют для греховных матерей. Затем на протяжении трех десятилетий им удавалось добывать достаточно средств, чтобы не только сохранять крышу над головой, но и кое-что откладывать на будущее.

Но, как оказалось, денег скопилось не так уж и много, чтобы обеспечить комфортное существование сестер милосердия на пенсии, а потому предложение от компании «Слейд хоумз» подоспело как нельзя вовремя. Приют был приговорен, а давление местного совета по поводу доступа к архивным документам все нарастало. Хотя тяжелее всего стало выдерживать тот факт, что они приобрели в округе дурную репутацию. На

них буквально указывали пальцем в городе, и его не на шутку волновало подобное неуважительное отношение к монахиням, которого, по его мнению, они не заслуживали.

Он остановился и прислушался, не слышно ли шагов этажом ниже. Тишина. Быть может, таинственный незнакомец еще не прибыл. А еще на ум пришла мысль, что единственной целью записки являлась попытка нарушить его душевное равновесие, а сюда никто так и не явится. Лишь небольшая группа людей знала об архивных документах, и он не мог взять в толк, почему кому-то понадобилось назначать ему встречу здесь, а не обсудить вопрос в «Грейсуэлле». Вернувшись в приют, он почувствовал себя намного более неуютно, чем мог предположить. Новость о продаже здания он воспринял тяжело, но теперь будет только рад, когда его не станет. «Слейд» должны выполнить все пункты контракта, застроив участок по согласованному периметру и замуровать входы во все туннели, что, как он настоял, следовало сделать сразу после подписания соглашения.

Когда отец Бенджамин добрался до конца последнего из длинных коридоров, то оказался перед запертой дверью. Он достал медный ключ с ярлычком «Лестница черного хода», а потом, подсвечивая себе фонарем, вставил в замок и провернул. Открыв дверь, он посветил фонариком в темноту, на уходившую вниз лестницу.

– Эй! Есть там кто-нибудь? – выкрикнул он. Ответа не последовало.

Он вздохнул, заранее предвидя боль в спине, которую сейчас предстояло вынести. Его каблуки застучали по холодным каменным ступеням, а усталые руки вцепились в перила. В тишине пустого дома ему мерещился звук шагов матери Карлин, спускавшейся вниз по главной лестнице с мертворожденным ребенком на руках, чтобы потом, миновав гладильный цех, попасть в туннели. Младенцев умирало очень много. Часто роды проходили тяжело и заканчивались неудачно. Совершенно невозможно было устраивать настоящие похороны для каждого, кто появился на свет мертвым. На это не хватало ни денег, ни времени.

Внизу лестницы отец Бенджамин встал перед другой тяжелой дубовой дверью и снова полез за ключами, освещая их фонариком, пока не нашел ярлычок с надписью «Гладильный цех». Но одно неуклюжее движение – и он выронил фонарик. Задняя крышка отлетела, и батарейки посыпались на пыльный пол.

Оставшись без света в самом сердце этого дома посреди ночи, теперь он не видел даже своих рук. Присел и принялся ощупывать пол, задыхаясь и кашляя, ощущая дурноту, головокружение и теряя ориентацию в пространстве. Мыши шныряли рядом, мешая ему сохранять

самообладание. Он сумел нащупать сначала одну батарейку, потом другую.

– Треклятая штуковина, – пробормотал отец Бенджамин себе под нос, крутя батарейки туда-сюда. Наконец ему удалось вставить их правильно и снова включить фонарик. И в этот момент дверь на верхней площадке лестницы с грохотом захлопнулась.

Он же был уверен, что сам закрыл ее. Он направил луч света вверх, в темноту, но ничего не разглядел.

– Эй! – не воскликнул, а скорее промямлил он, обращаясь к тьме. – Кто там?

Ему ничего не оставалось, как сосредоточиться на своей цели. Ухватившись за дверную ручку, он выпрямился во весь рост, издав громкий стон, эхом разнесшийся по лестнице у него за спиной. Пошатываясь от переутомления, он чуть перевел дух, собрался с силами и вставил ключ в замочную скважину. Ему потребовалось несколько попыток, прежде чем он провернулся в личинке замка.

Сразу стало ясно, что из цеха даже не вывезли старые гладильные прессы. Цех оказался не таким огромным, каким он его запомнил, и пока старик проходил по нему, под ногами хрустело разбитое стекло, выпавшее из двух закрытых решетками окон. Низкий потолок мог вызвать приступ клаустрофобии. В нижней части здания сырость пропитала стены, и вонь от плесени преобладала над прочими запахами. Дважды он натыкался на острые края прессов. Пол чуть дальше почернел от копоти и грязи, налипавшей на подошвы, затрудняя каждый шаг. Ноги уже болели от слишком длительного для них напряжения, а дышал он настолько тяжело, что звук эхом разносился по цеху. Им овладела такая тревога, какой он не знал никогда прежде. В тусклом свете он словно наяву мог видеть девушек, наблюдавших за ним сквозь облака пара, пока они работали, утирая пот с лиц рукавами одинаковых балахонов.

Отец Бенджамин посмотрел на часы: полночь. Он еще раз осветил гладильню фонариком, но никто здесь не ждал его. Это был обман, отвратительный розыгрыш, а человек, сыгравший с ним злую шутку, вероятно, спокойно сидел сейчас у себя дома, в безопасности и уюте, празднуя наступление нового тысячелетия.

– Где же вы? – выкрикнул он в последний раз.

Молчание.

Повернувшись, чтобы уйти, он вдруг услышал шум. Он походил на звон железа об железо где-то вдалеке. Отец Бенджамин двинулся назад и посветил фонариком в том направлении, откуда только что пришел.

Затем он замер на месте. Дверь, которая вела в туннели, была открыта.

Он приблизился. Теперь определенно доносились звуки, выдававшие чье-то присутствие в подземной системе. Складывалось впечатление, что некто стучал по металлу молотком. Но единственным металлическим предметом там могла быть дверь, ведущая к септическому отстойнику канализации, а такой вариант представлялся невероятным. В фирме «Слейд» его заверили, что все туннели в пределах периметра здания были либо заблокированы, либо вообще засыпаны землей сразу же после подписания контракта.

Страх охватил его, когда он, шаркая, подошел к распахнутой двери. Но если они нарушили договоренность, ему необходимо убедиться в этом. Подрядчик, которому он заплатил лично многие годы назад, заполнил резервуар камнями и песком, но ведь и дверь, ведущая к нему, должна быть уже давно надежно зацементирована.

Он прошел по туннелю к началу каменных ступеней, по которым обычно спускались к септическому отстойнику. Прежде его регулярно очищали, но теперь стены приобрели темно-зеленый оттенок и покрылись отвратительно вонявшей слизью. Капли воды падали с потолка, и именно они создавали эхо, разносившееся негромким колокольным звоном. Он постарался подавить в себе нараставшую волну паники, возникшую от того, что оказался в таком темном и тесном пространстве. Запах, висевший в воздухе, – едкая смесь зловония от плесени и чего-то похожего на протухшие яйца – вызывал тошноту. Используя стену как опору, он поставил ногу на первую ступеньку, и начал с предельной осторожностью спускаться вниз, зная, что если упадет, его не найдут до утра, а быть может, и вовсе не найдут. Двигаясь вперед, он вел счет ступенькам – одна, вторая, третья, – словно предупреждая о своем появлении того, кто мог ждать внизу лестницы.

Гнилая вонь начала действовать как кислота, обжигая слизистую оболочку носа. Застоявшийся воздух вокруг крайне затруднял дыхание. Спустившись, он пошел по туннелю к резервуару, но вскоре снова потерял ориентацию в темноте.

Воды с потолка скопилось на полу в туннеле по щиколотку. Жгучая боль в носу начала распространяться в горло и на глаза. Еще минута, повторял он про себя, еще всего одна минута, и он получит необходимые доказательства и сможет сразу вернуться в свою теплую постель. Он через силу заставлял свои ноги передвигаться. Жжение уже сопровождалось ощутимым давлением на грудную клетку. Стараясь держать фонарик ровно в дрожавшей руке, он услышал что-то позади себя. Это походило на шелест бумажного пакета на ветру. Он остановился и развернулся, направив луч в направлении, откуда доносился странный шум, но увидел лишь пустоту.

Продолжив идти, отчаянно стремясь добраться до отстойника как можно скорее, он заметил, что шелест стал напоминать скорее шепот. Сначала одного голоса, затем двух: неразборчивый и приглушенный обмен фразами. Несколько раз он снова останавливался и оборачивался, слыша только собственное сдавленное дыхание, когда на его оклики не доносилось никакого ответа.

«Что он делает?» – отчетливо прошептал голос чуть ли не ему на ухо.

Отец Бенджамин вздрогнул и посветил фонариком в ту сторону, но опять увидел только пустой туннель впереди и сзади.

Чувство удушья внезапно обрушилось на него. Но он почти добрался до своей цели.

– Где же он? Где же? – бормотал он, ощупывая стену перед собой почти в самом конце туннеля.

В голове стучало. Туннель, казалось, резко сузился, сжимаясь вокруг него, а капли холодной и вонючей воды падали теперь на голову.

«Думаю, он ищет резервуар», – произнес другой голос, на сей раз более низкий.

Отец Бенджамин задержался на месте ненадолго, а затем двинулся дальше. «Это запахи и испарения так воздействуют на меня», – размышлял он, когда начал безудержно кашлять. Он согнулся, и его стошнило. «Прекрати, прекрати, пожалуйста», – умолял он свой организм. В удушливом туннеле в легкие больше не попадало достаточно воздуха, чтобы предотвратить начавшееся головокружение.

Наконец приступ кашля прошел, но в ногах не осталось сил, и ему пришлось прислониться к стене, чтобы сохранить равновесие.

«Это испарения из отстойника», – сказал первый из голосов.

Отец Бенджамин поднял взгляд и увидел, что рядом с ним стоят две девушки в коричневых балахонах. У одной из них были неприятно пронизывающие черные глаза. У обеих головы обриты наголо, а лица бледные, как у привидений.

«Они действуют очень скверно, – подтвердила вторая девушка. – Меня саму однажды заперли здесь на всю ночь. Тошнило столько раз, что кровь пошла носом. И никак не останавливалась, помнишь? Вот до чего настоятельница обозлилась на меня».

«Помню очень хорошо. Бедняжка Марта, ты проявила большую смелость», – сказала первая девушка, и они обнялись.

Отец Бенджамин встал прямо, насколько это позволяла боль в спине, и поплелся вперед, пока не добрался наконец до самого конца туннеля. Там он замер и медленно сел на пол, ощущая пальцами стену, словно ощупывал

лицо давнего друга. Он добился своего. Но теперь, жадно хватая ртом воздух, почувствовал новую волну тошноты, поднимавшуюся из желудка. Склонившись вперед, он снова исторг из себя поток рвоты. А потом это происходило снова и снова, так часто, что у него почти не оставалось ни секунды для передышки. В конце концов тошнота отступила, и он обессилено приложил голову к стене, по-прежнему дыша с огромным трудом.

Почему из резервуара все еще исходили испарения? Его ведь засыпали много месяцев назад.

Когда он с усилием поднялся на ноги, оглушительный грохот эхом пронесся по подземному туннелю.

«Что это было?» – спросила одна из девушек.

Отец Бенджамин снова посмотрел в их сторону, заметив, что к первым двум сейчас присоединилась группа из восьми или десяти их подруг. Они стояли, образовав полукруг возле него.

«По-моему, это захлопнулась дверь, ведущая в туннель, – ответила другая. – Надеюсь, у него есть ключ».

Отец Бенджамин полез в карман, но тот оказался пуст. Ключи пропали. Он, наверно, обронил их, пока его так бурно тошнило. Медленно присев на корточки, он принялся обшаривать пол вокруг себя и рукой тут же вляпался в лужу теплой блевотины.

«О господи, кажется, он потерял все ключи», – заметила третья девушка, подавляя улыбку.

Между тем отцу Бенджамину становилось все труднее дышать, а давление на грудь усиливалось. Он опять закашлял, из глаз заструились слезы. Его губы покрылись коркой, а на языке появился слой сухого, чуть похожего на мех налета. Внезапная острая боль в голове заставила его рухнуть на спину и снова бороться за каждый вдох.

Венок, венок из роз, в кармане – лепестков полно.

«Апчхи! Апчхи! И мы все падаем на дно[13]».

И они смеялись, пританцовывая перед ним, а бывший священник лежал на сыром полу. Кожа его холодела, пульс до предела участился. Он пытался двигаться, но любое шевеление только усугубляло боль в груди, еще больше мешало хоть как-то дышать. Кашель возобновился, причем так болезненно, как будто в легкие попало битое стекло.

– О, Иисус, возлюбленный Бог мой! Прости меня за то, кем я был прежде, – принялся бормотать он, повторяя мольбу раз за разом.

Венок, венок из роз, в кармане – лепестков полно.

«Апчхи! Апчхи! И мы все падаем на дно».

– Помогите мне! – попросил отец Бенджамин, почувствовав, что действительно куда-то падает.

Он уже почти ничего не видел, зрение отказывало ему, и свет фонарика начал меркнуть.

– Замаливайте свои грехи, святой отец, – сказала одна из девушек, а затем они все отвернулись от него и стали удаляться.

Отец Бенджамин пополз по зловонному коридору, опираясь на руки и колени. Все вдруг прекратилось: кашель, тошнота, резкая боль в голове. Он добрался до двери в гладильный цех, сумел приподняться, оставаясь на коленях. Глаза жгло так сильно, что он полностью лишился зрения. Нащупал ручку и повернул ее. Дверь оказалась заперта.

Он издал крик, изо всех остававшихся сил крутя ручку.

Веки отяжелели, и в итоге он лег, закрыв глаза. Больше двигаться он был не в состоянии. Ему хотелось только заснуть. Спать до тех пор, пока не окажется у врат небесных наедине с Богом. Как и велела ему девушка, он затянул молитву.

– Отпусти мне мои грехи, о Господь Всемогущий! Прости мне мои прегрешения. Грехи молодости, грехи старости, грехи духовные и плотские. Грехи невольные и сознательные. Грехи, мне известные и неизвестные. Грехи, которые я так долго пытался скрывать и забыть, но навеки затаившиеся в памяти.

Я искренне сожалею о каждом своем прегрешении. О грехах смертных, грехах корыстолюбия. Обо всех грехах с детства по сей час. Знаю, что своей грешной жизнью я глубоко ранил Тебя в нежное сердце, о мой Спаситель. Так дозволь же мне расторгнуть узы опутавшего меня зла через страдания моего Избавителя.

О, Иисус, забудь и прости того, кем я был прежде.

Аминь.

Глава 26

6 февраля 2017 года, понедельник

Пока такси неслось в транспортном потоке по пути обратно в Лондон, Китти спала, положив на плечо Сэм голову. Сэм посмотрела на часы: пять утра. Нана и Эмма должны были еще крепко спать. В шесть она позвонит и проверит, все ли у них в порядке. Она беспокоилась, находясь так долго вдали от Эммы, но не могла позволить таксисту просто увезти Китти после того, как она нашла ее за забором Святой Маргариты. Ее всю пронизывало легкое возбуждение, когда она сверху вниз смотрела на лицо, которое еженедельно с экранов телевизоров видели почти в каждой гостиной, по всей стране, на протяжении двух десятилетий. Она оказалась права: Китти Кэннон что-то связывало с приютом Святой Маргариты. Сэм была полна решимости выяснить, что именно.

– А не стоит ли нам все-таки отвезти ее в больницу, как думаете? – спросил таксист.

Сэм прощупала пульс Китти. Сердце билось ровно и сильно. Затем взяла ее холодную руку и зажала между своих ладоней.

– Нет, мне кажется, она здорова. Просто сильно замерзла. Не могли бы вы включить обогреватель на полную мощность? Будьте любезны!

Она плотнее закутала Китти в ее плащ, в то время как из его кармана на пол машины вывалился мобильный телефон.

– Проклятье! – вырвалось у Сэм, когда она напрасно пыталась поднять телефон и не разбудить спящую женщину.

Длинные и растрепанные седые волосы Китти делали ее похожей на белую ведьму из сказки. У нее были красивые, очень правильные черты лица, узкий разрез рта и небольшой нос кнопкой. Кожа отливала белизной фарфора. В жизни она совершенно не походила на свой экранный персонаж: выглядела моложе, уязвимее, излучая какую-то почти детскую энергетику.

На дисплее ее телефона высветилось напоминание. Сэм посмотрела на него с сиденья: «Ричард Стоун в полдень». Она ногой ухитрилась придвинуть телефон ближе, а потом подняла и вернула в карман Китти.

– Вы знаете, где она живет? – обратилась Сэм к шоферу.

– Нет, но она тормознула меня на набережной Виктории, поэтому я еду

в том направлении.

Сэм расслышала слабый звук собственного телефона, подававшего сигналы из ее кармана. Пришло эсэмэс от Наны, которая интересовалась, где она, и сообщала, что Эмма идет на поправку. Сэм поспешно набрала ответ с просьбой, чтобы Нана отвезла Эмму к Бену после завтрака, обещая позвонить при первой же возможности. Она поглаживала Китти по волосам, пока они ехали вдоль берега Темзы. Для нее стало настоящей пыткой находиться так близко с ней, но не иметь возможности поговорить. Но одно она запомнила ясно и четко: Китти назвала ее Айви.

– Вот здесь я посадил ее, – сказал водитель, останавливаясь у тротуара.

– Китти? – Сэм бережно попыталась разбудить ее. – Нам нужно знать, где вы живете, чтобы доставить вас домой.

Очень медленно Китти открыла глаза и посмотрела на нее. Затем резко выпрямилась и отстранилась, оправив на себе плащ и собрав волосы в пучок, словно хотела сохранить чувство собственного достоинства.

– Мы вернулись в Лондон? – спросила она.

– Да, вы попросили отвезти вас домой, но мы не знаем, где вы живете.

– Спасибо, что привезли меня сюда. Извините за неудобства, – сказала Китти.

– Ничего страшного, – с улыбкой отозвалась Сэм. – Вот только, думаю, вам придется заплатить кругленькую сумму за пользование такси.

Китти уставилась на нее, не улыбнувшись в ответ.

– Кто вы такая?

Сэм колебалась всего лишь долю секунды.

– Меня зовут Саманта. Я – репортер Южного информационного агентства.

– О, только не это! – простонала Китти. – Что вы за люди, в конце-то концов? Вы будете теперь меня преследовать и днем, и ночью?

– Китти, пожалуйста, дайте мне всего минуту, и я все объясню… – начала Сэм.

– Нет, не дам. – Она обратилась к шоферу, повысив голос, чтобы он слышал сквозь тонкую стеклянную перегородку: – Прошу вас, высадите эту девушку из моего такси.

– Вот беда на мою голову! Я начинаю себя чувствовать каким-то вышибалой, – сказал водитель и отпер дверь машины.

– Мне известно о вашей связи с приютом Святой Маргариты. Полагаю, вы сами в нем родились, – выпалила Сэм.

У Китти на глаза навернулись слезы, и ей пришлось взять паузу,

прежде чем она сумела овладеть собой.

– Это мое личное дело, которое вас никоим образом не касается. Если вы попытаетесь что-то опубликовать, я подам на вас в суд.

Сэм отчаянно рылась в сумке, а таксист уже распахнул дверь с ее стороны.

– Вам придется выйти, милочка.

– Пожалуйста, взгляните на письма. Я прочла их. Они написаны девушкой по имени Айви и рассказывают о ее пребывании в Святой Маргарите. Думаю, вы были с ней знакомы, потому что сами назвали меня именем Айви, когда я нашла вас там. – Сэм протянула ей пачку писем, которую Нана скрепила красной бархатной резинкой, но Китти не взяла ее.

– Держитесь от меня подальше, – холодно процедила она.

– Упомянутые в этих письмах люди все были связаны со Святой Маргаритой. Мать Карлин, отец Бенджамин… Они все уже мертвы. И я твердо уверена – их смерть была насильственной, – поспешила добавить Сэм с нескрываемой мольбой в голосе.

Шофер потянул ее за руку:

– Выходите же. Мне бы не хотелось вызывать полицию.

– Отстаньте от меня. Не смейте ко мне прикасаться! – вскрикнула Сэм и вырвала руку из его пальцев.

– Убирайтесь! – в свою очередь закричала Китти.

– Хорошо, – теперь уже смиренно сказала Сэм. – Я уйду. Но только мне известно о том, что, когда погиб ваш отец, вы тоже были там. Для ребенка это, должно быть, стало ужасающим зрелищем. В мои намерения не входило расстраивать вас, и мне очень жаль, что это случилось. Но я хочу узнать истину, и, как мне кажется, вы тоже.

– Погодите! Что вы сказали? – спросила Китти, когда Сэм уже выбиралась из такси.

– Я сказала, мне очень жаль, – тихо повторила Сэм. – Я действительно глубоко сожалею. Вот только эти письма… Они странным образом повлияли на меня.

– Нет, раньше. О том, что я была на месте гибели отца. – Китти сама склонилась к открытой двери.

– Один человек, с которым я беседовала, – он живет на том участке шоссе, где попал в аварию ваш отец, – рассказал мне, что видел там девочку в красном пальто. Но тогда он неправильно понял ситуацию. Подумал, будто вы ехали в машине вместе с ним, когда он разбился.

– Ну и что мне теперь делать? – нетерпеливо спросил таксист, разводя руками. – Вы обе выходите или как?

– Это была не я, – сказала Китти. – Я узнала о катастрофе, когда посреди ночи меня разбудили полицейские.

– Тогда кто же та девочка? – задала прямой вопрос Сэм.

Китти приложила ладонь ко рту.

– О, боже милосердный!

– В чем дело? – Сэм тоже склонилась ближе к ней.

Китти достала из бумажника пачку купюр и сунула ее таксисту, а затем выбралась из машины и взяла Сэм за руку.

– Вам будет лучше пойти со мной в мою квартиру, – сказала она. – Нам действительно нужно все обсудить.

Глава 27

5 марта 1957 года, вторник

Айви лежала почти в полной темноте, уставившись взглядом в потолочные балки и слушая тихий плач девушки на соседней койке. В общей спальне стоял леденящий холод. Каждая из девушек устроилась на боку, свернувшись калачиком и стремясь сохранить остатки тепла под одеялом. Запертое окно у постели Айви не было занавешено, и лунный свет падал как раз на подругу по несчастью, чья кровать стояла рядом. Она была совсем юной и, казалось, еще не вышла из школьного возраста. Когда она впервые прибыла сюда, то выглядела вполне здоровой, и у нее был огромный округлый живот. Ее щеки розовели румянцем. Теперь острые ключицы торчали под тканью балахона, а бледная кожа подчеркивала, как глубоко запали испуганные глаза, из которых сейчас неудержимо текли слезы.

Айви считала, что девушке лет четырнадцать, не больше. Шепотом по приюту разнесся слух о ее беременности: девочку изнасиловал и обрюхатил собственный отец. Айви решила, что неверно поняла Патришию, когда та впервые рассказала эту историю. Родной отец, по вине которого дочь забеременела, бросил ее гнить в этом адском месте? Роуз, по крайней мере, была зачата в любви, пусть и оставшейся безответной, как уже начала понимать Айви. Девушка родила всего два дня назад, но вот уже снова очутилась на своей жесткой койке, брошенная одна в этом мире, а ребенка у нее отобрали. На рассвете, под звон колокольчика, ей придется встать и провести долгий, тяжелый рабочий день в прачечной.

Айви прислушалась, не доносится ли из коридора звук шагов. Ничего не услышав, она откинула одеяло и встала с постели. Девушка подняла взгляд, когда Айви опустилась на колени у ее койки.

«Мне больно», – прошептала она, показав мокрое от слез лицо.

«Знаю, но это скоро пройдет, – утешительно сказала ей Айви. – У тебя появилось молоко. Придется потерпеть несколько дней, а потом болеть перестанет, вот увидишь».

Девушка дрожала всем телом. Айви сунула руки в глубь ее постели. Простыни буквально пропитались влагой от пота. У нее определенно поднялась очень высокая температура. Айви опять посмотрела на дверь.

Решительно стащила через голову балахон.

«Надень мой, а мне отдай свой».

Девушка села в кровати, морщась от усилий при попытке снять с себя одежду.

«Меня руки не слушаются».

«Наклонись ко мне», – сказала Айви и принялась помогать ей.

Задирая жесткую ткань на спине девушки, она вдруг живо вспомнила сцену из далекого прошлого. Она была совсем еще маленькой. Наступил поздний вечер, и в ее уютной спальне горел только теплый огонек ночника. Мама надевала ей через голову ночную рубашку, но внезапно останавливалась, пока Айви держала руки поднятыми вверх, а голова оставалась скрытой под шелком, чтобы в шутку пощекотать дочь. Ей пришлось до боли прикусить губу, чтобы сдержать слезы и избавиться от неуместного сейчас воспоминания.

«У тебя все будет хорошо», – сказала она, протягивая руку и снимая одеяло со своей постели, чтобы заменить его сырым одеялом девушки, прежде чем снова улечься.

«Спасибо. А почему они обрили тебе голову наголо?» – спросила девушка, стараясь устроиться удобнее.

«Потому что я сопротивлялась. С тобой этого не случится. Завтра я присмотрю за тобой. Смогу подменить, если сестры поставят тебя за тяжелый агрегат. Я попробую перевести тебя на кухню, если у меня получится».

Она заведомо знала, что не в ее силах сделать нечто подобное, но сейчас необходимо было успокоить бедняжку и дать ей возможность поспать.

«А где же моя малютка доченька?» – едва слышно спросила та, когда Айви уже вернулась на свою койку.

Айви сжалась и замерла, подумав о Роуз, которая, вероятно, именно в этот самый момент заливалась плачем, но никто и не думал укачивать ее. Затем вновь посмотрела на соседку.

«Она в полной безопасности, в детской комнате. А тебе необходимо сейчас отдохнуть. Звонок раздастся, не успеешь глаз сомкнуть».

Айви продолжала лежать в темноте, накрыв ноги пропитанным потом девушки одеялом и тесно обнимая себя руками, чтобы хоть немного согреться. Мысли об одиночестве Роуз не давали ей уснуть. Каждый день с тех пор, как она вернулась к работе в прачечной, проходить мимо двери детской стало для нее мучительной пыткой. Плач младенцев звучал оглушительно. Она иногда мимолетно видела, как Патришия мечется от

колыбели к колыбели, в каждой из которых на спинке лежал ребеночек, плотно замотанный в пеленки. Всего таких колыбелей насчитывалось около сорока в огромной комнате с выбеленными известкой стенами. Детская была холодной и совершенно бесцветной. Ничего похожего на ту спальню, в которой, как она себе воображала, ее дочь проведет первые месяцы своей жизни. Там было бы множество теплых мягких одеял, в углу стояло бы удобное кресло, чтобы она сама могла сидеть и нянчить малышку. Когда она проходила мимо детской, ей требовалась огромная сила воли, чтобы сдержаться и не начать барабанить в дверь, с криком умоляя Патришию вынести к ней Роуз. Она знала, что это бессмысленно. Ее бы только лишний раз избили, а могли наказать даже Роуз, к примеру, пропустив одно из положенных кормлений. Однажды она все же постаралась уговорить Патришию сказать ей, в какой колыбели лежала ее дочь.

«Не могу. Они меня убьют», – прошептала в ответ подруга, а одна из монахинь тут же бросила на них подозрительный взгляд.

В результате, когда им удалось ненадолго укрыться за одним из гладильных прессов, Патришия сообщила ей, что колыбель Роуз расположена в дальнем углу детской, рядом с дверью в кухню. Рассказала и о том, как там холодно. Ледяная корка намерзала на внутренней стороне оконных стекол, а младенцы орали беспрерывно, когда она с трудом меняла пеленки окоченевшими пальцами. После кормления их нужно было снова укладывать спать. И если они не успевали выпить содержимое бутылочек, их все равно уносили в колыбели совсем еще голодными. Многие плакали не переставая до следующего кормления, но некоторые прекращали надрываться, потому что в глубине своих крошечных сердечек уже понимали: никто к ним не придет.

Айви, лежа, свернулась как можно плотнее. Ее спина и бедра по-прежнему отливали всеми оттенками коричневых и пурпурных цветов после побоев от матери Карлин, но только непроходящая боль от разлуки с Роуз сжимала ей грудь, и она не могла дышать. За ужином она просто сидела, гоняя по тарелке кусок капусты. Ночи тянулись дольше дней, потому что в тишине спальни ей то и дело мерещился плач Роуз. Она пока не сошла с ума, только поддерживаемая верой в скорое появление Алистера, который заберет их с Роуз отсюда, хотя и в этом Айви уже начала сомневаться, а ее мечты день ото дня погружались во тьму. Она все чаще представляла, как он продолжает вести свой привычный образ жизни, пока она и Роуз не знают ничего, кроме боли и страданий. Получал ли он ее письма? Беспокоился ли о ней, или ему было все равно? Зачем он приложил столько усилий, убеждая ее в своей любви, чтобы теперь

попросту бросить на произвол судьбы?

События последних двух дней глубоко изменили Айви. Если бы он знал о том, что произошло, приехал бы наверняка. Содрогаясь от холода, она полезла под подушку и трясущимися пальцами взяла ручку. Все еще слыша плач Роуз, проходя мимо двери детской, она знала, что дочь по-прежнему находится здесь, в Святой Маргарите. И если какая-то крупица надежды оставалась, необходимо было бороться, потому что времени оставалось все меньше.

Любовь моя!

Я в ужасе.

Сегодня меня вызвали из прачечной в кабинет матери Карлин. Отец Бенджамин тоже пришел туда. Мать Карлин стояла в углу с притворной улыбкой на лице, а он сидел за ее письменным столом. Еще присутствовала незнакомая мне женщина. Отец Бенджамин предложил мне сесть, а я ощутила такой страх, какого не испытывала никогда прежде. Он представил мне женщину как миссис Кэннон, сотрудницу общественного совета, занимавшегося поиском приемных родителей для детей из приюта Святой Маргариты. Я сидела, глядя в пол, чтобы он не заметил моих слез, пока произносил, наверняка в тысячный раз, свои дежурные фразы: «Я беседовал с вашими родителями, и мы сошлись во мнении, что для вашего ребенка будет лучше, если вы передадите ее на удочерение. Отец не желает признавать ее, а потому ей всю жизнь придется быть объектом дискриминации и насмешек. Неужели вы хотите для нее такой участи: быть навсегда отвергнутой обществом и своими ровесниками, расплачиваться за плотский грех, совершенный вами? У вас нет средств, чтобы вырастить ее. Вы обе в итоге окажетесь на улице».

Сквозь слезы, виновато, я попыталась сказать, что раскаиваюсь, умоляла не отнимать у меня малышку. Но мать Карлин в исступлении заорала, чтобы я не смела прерывать священника. Отец Бенджамин снова спросил, хочу ли я такой доли для дочери, вечной расплаты за мои прегрешения. Он изнурил меня, я пала духом. А святой отец продолжал твердить одно и то же. Я ничего не смогу дать ей. Мои родители не желают принимать меня обратно в свою семью. Без меня у девочки сложится гораздо более счастливая жизнь. Она вырастет в доме набожных католиков, обретет любящих мать и отца. Я же настаивала, что хочу оставить ее, что она моя дочь. Умоляла его.

Незнакомая леди села рядом со мной. Она взяла меня за руку и попросила называть ее Хеленой. Сказала, что я должна подписать

документы на удочерение Роуз. Повторяла, какая она красивая девочка, и потому у них не возникнет проблем с подбором для нее порядочной приемной семьи. Я же настойчиво просила ее связаться с тобой, назвала ей твое имя, но снова вмешалась мать Карлин. По ее словам, с тобой уже контактировали, сообщили о рождении ребенка, но ты не проявил к нему никакого интереса. Она улыбнулась, сообщая мне об этом, и этой ее улыбки я никогда не забуду. Миссис Кэннон вложила мне в пальцы авторучку и заверила, что я обеспечиваю самое светлое будущее для Роуз.

Я же наотрез отказалась ставить свою подпись. Мать Карлин ударила меня так сильно, что во мне вспыхнул гнев, какого прежде мне ни разу не доводилось испытывать, и я послала ее в ад, к дьяволу. Затем отец Бенджамин и миссис Кэннон поспешно вышли. В течение следующего часа мать Карлин сидела верхом на мне, с ножницами в руках, придавив меня к полу. Она лишила меня последнего, чем я еще могла гордиться, – моих длинных рыжих волос. И с каждым щелчком ножниц она намеренно задевала лезвиями кожу головы. Вскоре все лицо мне залила кровь. Затем, стоя надо мной, она заявила, что будь на то ее воля, я бы уже никогда не вышла из стен Святой Маргариты. Что маленькие шлюхи, какой она считала меня, неизменно плохо кончают, снова и снова наживая себе неприятности. И если я не подпишу бумаги, она порекомендует родителям сдать меня в сумасшедший дом.

А когда закончила речь, принялась избивать меня ремнем, потом открыла люк в полу, запихнула в дыру под ним и заперла. Пока я находилась там, в кромешной тьме, могла слышать лишь стук ее каблуков до тех пор, пока она не выключила свет и не вышла из кабинета.

Она бросила меня в люке на четырнадцать часов, без пищи и воды, в такой тесноте, что я не могла поднять руку, чтобы почесать кончик своего носа. Я ясно представила себе, каково это – быть похороненной заживо, и вскоре мною овладел панический ужас. Я начала кричать и дергаться, пытаясь головой надавить на крышку люка, хотя скоро поняла, насколько прочно она держится. У меня участилось дыхание. Воздуха не хватало. Я вдыхала и выдыхала так быстро, что возникло полуобморочное состояние, и даже узкое пространство будто кружилось вокруг меня. И чем больший страх нарастал во мне, тем меньше оставалось воздуха. Очень теплого, застоявшегося воздуха, пахнувшего лаком для пола и сыростью земли одновременно. Только заставив себя подумать о Роуз, я смогла немного овладеть собой. Вспомнив ее крохотные пальчики, ее маленький носик, ее голубенькие глазки, ее рыжеватый пушок на голове, я нашла силы успокоиться. Стала дышать медленно и размеренно, пока

тянулся час за часом.

Эта ночь стала самой долгой в моей жизни. Сама не понимаю, как я выдержала пытку. Но что-то внутри меня в ту ночь умерло, и впервые со времени рождения Роуз мне уже не чудилось, будто я слышу ее плач.

Утром вернулась мать Карлин и спросила меня, подпишу ли я документы или же предпочту остаться в яме еще на день. Я ответила, что ничего не подпишу, и она, ни секунды не колеблясь, захлопнула надо мной крышку люка.

Когда она появилась снова уже ночью, я практически не могла дышать. Меня терзали жажда и голод. Из-под ногтей выступила кровь, потому что я постоянно царапала люк изнутри часами без перерыва.

Открыв яму во второй раз, она заявила, что, если я не поставлю подпись, они прекратят кормить Роуз, и это станет исключительно моей виной. Я вынуждена была подписать бумаги, но дала себе клятву непременно однажды разыскать Роуз. Когда-нибудь я найду способ сбежать отсюда и дам ей знать, как сильно я люблю свою доченьку.

Я не смогу продолжать жить в этом аду, если Роуз навсегда отберут у меня. Мне не известна причина, почему ты игнорируешь меня, почему забыл о нас. И мне уже все равно, что ты обо мне думаешь. Однако твой долг приехать и забрать нас из тюрьмы, в которую мы попали, в том числе и по твоей вине. И только в тебе наша надежда на спасение.

С вечной любовью.

Твоя Айви.

Айви сунула листок и ручку под подушку, вслушавшись в глубокое теперь дыхание девушки на соседней койке. Та наконец смогла уснуть.

Затем Айви вспомнила о маленькой темноглазой девочке, приходившей днем в прачечную. При виде нее Айви пришла в ужас. Ей доводилось встречать в приюте девочек не старше тринадцати лет, но этой, одетой в волочащийся по полу безразмерный балахон, едва ли исполнилось шесть или семь.

Именно в тот момент она приняла важное решение. Если ей придется остаться здесь, не в силах помочь самой себе или Роуз, она предпримет все, чтобы защитить эту малышку. Она отомстит монахиням, сделав то, что им было более всего ненавистно: даст почувствовать девочке с разбитым сердцем свою любовь.

Айви заснула только на рассвете. Ей приснилось, будто она сидит на плечах отца, а его руки сомкнуты вокруг ее ног, и смотрит, как он идет

куда-то своими широкими шагами. Она ощущала счастье, улыбаясь сверху всем, кто встречался им по пути, словно сидела в неприступной башне, а морской бриз развевал ее длинные рыжие локоны.

Глава 28

3 апреля 1957 года, среда

Айви подняла взгляд с отжимного пресса для простыней. В дверном проеме замерла маленькая девочка, впервые замеченная ею несколько недель назад. Айви тогда наблюдала, как она стояла на специальной подставке для ног у бака с бельем и все равно едва дотягивалась до него. Ей не больше семи лет, мысленно отметила Айви. Маленькое личико с хрупкими чертами, спутанные черные волосы, желтоватая кожа, словно никогда не знавшая солнечного света. Затем, через пару дней, она куда-то пропала. Айви понятия не имела, где она, и молилась каждую ночь, чтобы малышка вернулась домой в счастливую семью. Но неделю спустя девочка появилась снова и выглядела даже бледнее, чем прежде.

Сейчас она испуганно оглядывала цех широко открытыми глазами, сцепив ручки перед собой. Коричневый балахон болтался на ее костлявом теле подобием палатки, и под ним можно было разглядеть только лодыжки и узкие ступни, обутые в сандалии.

Айви заметила, как сестра Фейт и мать Карлин что-то обсуждали между собой, но тут же опустила взгляд, стоило одной из них сделать жест рукой в ее сторону. Она сосредоточилась на работе, вынимая вместе с Патришией раскаленные простыни из отжимного пресса, растягивая и складывая их для отправки в сушилку. Она напряглась всем телом, когда мать Карлин встала рядом с ней. Чувствуя, насколько критически оценивают ее труд, ощутила дрожь в пальцах, а прессы змеями скалились и шипели на нее.

«Мэри». – Она уловила на шее дыхание матери Карлин.

«Слушаю вас», – отозвалась она как положено, на время прекратив то, чем занималась.

«Это дитя нужно занять работой. Она могла бы, например, относить простыни в сушилку, чтобы вы с другими девушками не отвлекались на это. А под конец каждого дня ей можно поручить спускаться в гладильный цех и сортировать готовое белье. Попроси сестру Эндрюз показать ей, как это делается».

«Будет исполнено», – сказала Айви, обратив внимание, что девочка инстинктивно отодвигается от матери Карлин и стремится встать как

можно ближе к ней самой.

«В нее вселился дьявол, – произнесла мать Карлин с таким выражением лица, словно ей приходилось разжевывать что-то очень горькое. – Если ты с ней не справишься, я найду кого-то другого, кому это под силу. Приступай к полезному труду сейчас же!» – рявкнула она на девочку, которая испуганно кивнула.

Айви прекрасно понимала, как тяжко придется Патришии, если оставить ее одну. Как только мать Карлин отошла, она как раз вовремя успела повернуться и схватить огромное полотнище простыни, чтобы то не свалилось на пол, за что порция побоев досталась бы им обеим. У нее перехватило дыхание, когда горячий хлопок буквально вонзился в кожу и обжег ее, заставив Айви негромко вскрикнуть.

Маленькая девочка посмотрела на нее снизу и потянулась, чтобы помочь ей убрать простынь с руки. Айви взглядом поблагодарила ее, и чуть заметная улыбка промелькнула в уголках губ ребенка.

Затем она внимательно наблюдала, как Айви и Патришия складывают простыни и добавляют их в общую стопку на подставках, стоявших рядом. Айви бросила взгляд на сестру Фейт, сидевшую за штопкой, а потом вновь на девочку. Несмотря на явную запущенность, полное пренебрежение к внешности, она была красива – с темно-карими глазами под длинными ресницами. Иногда казалось, что мыслями она уносилась куда-то очень далеко. Во всей ее фигуре ощущалась напряженность, хотя она держалась ровно, выпрямив спину, высоко держа голову и следя за каждым движением Айви так, будто от этого зависела вся ее жизнь.

Айви пыталась полностью сосредоточиться на работе, но ей мешал волновавший ее вопрос: почему эта девочка находилась здесь? Была ли она ребенком одной из беременных девушек, поступавших в приют, или же пришла сама со стороны? У нее была грязноватая кожа, чернота под ногтями и пыль, въевшаяся в складки локтевых суставов. Ее покрытые цыпками руки украшали еще и синяки. Из-под балахона местами торчали пожелтевшие бинты, запятнанные запекшейся кровью. И вообще ручки девочки пестротой напоминали Айви пустые воробьиные яйца, которые ее отец иногда находил в гнезде на росшем около дома дубе.

Голова у Айви пошла кругом от ответственности, только что возложенной на нее. Работа в прачечной была трудна для двадцатилетних молодых женщин. Что же говорить о маленьком ребенке! Рабочий день начинался с шести утра и продолжался до восьми вечера, были лишь два коротких перерыва на еду, причем очень скудную. После нее у тебя в желудке урчало от голода сильнее, чем до того, как ты садилась за стол.

Самой юной девушке, трудившейся вместе с ними, насколько знала Айви, исполнилось четырнадцать. Она почти ежедневно ценой нечеловеческих усилий справлялась с неповоротливыми механизмами, с несусветной жарой, постоянно повторяя одни и те же изматывающие движения. Невозможно было даже представить себе, как сумеет выжить в таких условиях это хрупкое создание.

Она протянула руку и пальцем надавила на кнопку, отключавшую пресс, после чего они с Патришией принялись нагружать простынями заранее подготовленную тележку. Айви мучительно пыталась придумать, как сделать работу посильной для маленькой девочки. Она почти наверняка не сумеет вывезти тележку из прачечной и докатить через коридор к сушилке, чтобы не наткнуться на что-нибудь и не опрокинуть груз. К тому же тележка была старая. Под тяжестью кучи все еще влажных простыней ее колеса со скрипом крутились и часто заедали, а деревянная ручка уже растрескалась и царапала ладони. В конце длинного коридора каждую простынь следовало аккуратно повесить на одну из множества сушильных перекладин, после чего всю махину нужно было подтянуть вверх, под потолок. Айви посмотрела на тоненькую фигурку перед собой, зная, насколько ей придется тяжело, но прикидывая, что, если девочка сумеет в точности исполнять нужные манипуляции, все у нее может получиться.

Она сама взялась толкать тележку, жестом призвав девочку следовать ее примеру, на что та охотно откликнулась. Тележка со скрежетом и скрипом в колесах катилась вдоль стен, уставленных емкостями для стирки, над которыми в полном молчании склонились десятки девушек. Девочка внимательно наблюдала, отмечая про себя каждую деталь того, что делала Айви, как она постоянно подправляла движения тележки и заставляла ее двигаться по прямой. Когда они добрались до двери, сестра Фейт повернулась к сестре Эндрюз и подала ей связку ключей.

«Поторапливайтесь!» – пролаяла сестра Эндрюз, пока Айви открывала замок и выталкивала тяжелый груз в коридор.

Затем она повторила действие, чтобы девочка усвоила его как следует. Здесь таилась небольшая хитрость. Они обе понимали, что у малышки будет лишь один шанс сделать работу правильно, чтобы не быть наказанной. Ребенок, казалось, читал мысли Айви. Сейчас будь особенно внимательна, ее умоляюще просили глаза Айви, и девочка подчинилась, кивком подтвердив, что все поняла.

Сестра Эндрюз бодрым маршем шагала впереди вдоль коридора в направлении сушилки, отперла ее и встала у входа. Шаткая тележка скрипела и щелкала по черно-белому кафелю, ржавые колеса громко и

жалобно ныли под тяжестью белья. Они безмолвно продвигались дальше. Айви все делала быстро, но осторожно, чтобы не ударить краем тележки в стену. У двери в сушилку она еще раз демонстративно показала, под каким углом закатывать тележку, передав рукоятку девочке, чтобы она смогла тоже попробовать. Самой Айви в первый раз понадобилось несколько попыток, а у малышки это получилось уже со второй, и обеими руками она самостоятельно закончила маневр, перекатив груз через порог в другое помещение, где был сухой воздух. Как только они оказались внутри, сестра Эндрюз вернулась в коридор и захлопнула дверь, заперев их обеих.

Айви подняла взгляд. Сотни простыней свисали с двенадцати подтянутых под потолок связок с перекладинами, и каждая немного напоминала очертания ведьмы, сидевшей на метле. Затем быстро направилась в угол комнаты, где последняя из связок еще оставалась свободной. Она отвязала от крючка веревку и опустила связку как можно быстрее, после чего взяла первую простынь из кучи на тележке. Пользуясь отсутствием посторонних ушей, она склонилась ниже и обратилась к девочке.

«Их необходимо развешивать очень ровно. Иначе образуются складки, которые не смогут убрать даже гладильные прессы. Делать все нужно быстро, – сказала она, поправляя полотно на перекладине. – Мы заготавливаем нужное количество простыней, чтобы заполнить тележку за короткое время, и ты должна успеть вернуться к нам».

Девочка кивнула молча и стала помогать Айви развешивать остальные простыни, все еще остававшиеся немного влажными, одну за одной, закидывая их на деревянные стержни, потом растягивая ровно и гладко. Айви наблюдала за ее работой. Детские ручки двигались на удивление проворно, а глаза продолжали следить за Айви, словно спрашивая, хорошо ли она справляется. Несколько раз Айви хотелось задать один из многочисленных вопросов, не дававших ей покоя, но всякий раз она останавливала саму себя, не желая лишний раз волновать ребенка. Но все же она решилась и начала с самого простого и невинного.

«Как тебя зовут?» – спросила она и ласково улыбнулась.

«Эльвира», – тихо ответила девочка.

«Очень рада с тобой познакомиться, Эльвира. Я Айви, но на людях тебе лучше называть меня Мэри. Так распорядилась мать Карлин. В конце каждого дня я буду приходить в эту комнату вместе с тобой. Мы будем снимать все высушенные простыни с перекладин, укладывать в мешок и спускать по специальной трубе вниз, в гладильню». – Айви указала на небольшой люк в стене.

Девочка опять кивнула в ответ, а Айви принялась толкать упиравшуюся тележку к узкому дверному проему, ведущему в коридор.

«Сколько тебе лет, Эльвира?» – спросила она.

Но прежде чем девочка ответила, раздался щелчок замка, и дверь резко открылась. Эльвира мгновенно побледнела.

«Ну и чем вы так долго там занимались, бога ради? – истеричным тоном поинтересовалась сестра Эндрюз. – Мне доложить матери Карлин, что ты предавалась праздной болтовне, пока другим девушкам приходилось выполнять работу вместо тебя?»

«Нет, сестра. Простите меня, сестра, – сказала Айви, с трудом выкатывая тележку, а Эльвира пряталась у нее за спиной, как перепуганная мышка. – Мать Карлин велела показать девочке гладильный цех, – добавила она, – чтобы она знала, куда идти в конце дня».

Сестра Эндрюз издала глубокий вздох, пристально оглядела обеих, а затем повернулась на каблуках и направилась в противоположный конец коридора, где в полумраке находилась лестница. Она включила тусклую лампу и первой начала спускаться, стуча каблуками туфель по ступеням.

Айви оглянулась и подала Эльвире знак крепче держаться за перила. Оказавшись внизу лестницы, сестра Эндрюз снова достала связку ключей и отперла тяжелую дубовую дверь. Айви инстинктивно взяла Эльвиру за руку, чтобы провести между гладильными прессами в ужасающе жарком и душном цехе. У каждого пресса размером с обеденный стол стояла девушка в коричневом балахоне. У них всех были багровые лица, а работали они как можно быстрее, несмотря на мешавшие двигаться огромные животы, поднимая и опуская раскаленные крышки прессов на разложенные под ними простыни. Сестра Эндрюз остановилась у широкой стальной трубы и повернулась к девочке.

«Эта труба ведет сюда из сушилки. Под конец каждого рабочего дня, по звонку, ты будешь приходить сюда, будешь вставать рядом и начнешь укладывать сухие простыни в корзину. – Она указала на огромную плетеную коробку, поставленную на платформу с колесами, пока располагавшуюся в задней части помещения. – После чего тебе нужно будет разделить простыни поровну для каждой девушки, чтобы они занялись их глажкой с утра. Мне не надо напоминать тебе, что случится, если ты не справишься с заданием надлежащим образом, не так ли, дитя мое?»

«Нет, не надо, сестра», – прошептала Эльвира, чей голос был едва слышен сквозь окружавший их шум.

«После чего оставишь корзину у двери», – сказала Айви.

«У какой именно?» – спросила Эльвира, посмотрев сначала на небольшую дверь в дальней от них стене, а потом на более широкую в противоположной.

«Тебе разрешено открывать рот, только если мы обращаемся к тебе, – резко напомнила сестра Эндрюз и отвесила малышке затрещину по затылку. – Вон у той черной двери. И не забивай свою глупую голову мыслями о других дверях. Мы же не ошиблись, поместив тебя в спальню вместе с азиатскими детьми, верно? Теперь можешь мне ответить». – Она еще на шаг приблизилась к Эльвире, а девочка боязливо чуть попятилась от нее.

«Верно, сестра».

Она с такой силой заломила свои пальцы, что они совершенно побелели в суставах.

Айви тоже бросила взгляд в сторону маленькой двери, которая, по слухам, вела в систему туннелей под зданием. Она никогда не видела, чтобы кто-то входил в эту дверь или выходил из нее, а Патришия настоятельно не советовала ей ни под каким предлогом пытаться выяснять, что там находится. И поделилась другой информацией. Насколько знала она сама, первый туннель вел к септическому отстойнику канализации, а другой – на кладбище, и в обоих пахло смертью.

До самого окончания того дня Эльвира трудилась прилежно и методично исполняла порученную работу в точности так, как показала Айви. Сама же Айви постоянно ждала, что малютка устанет, начнет пошатываться, жаловаться на стертые до кровавых мозолей руки, на боли в спине и в плечах. Но ни единой жалобы не услышала. К концу первой недели стало заметно, как Эльвира успешно справляется, казалось, с непосильным для нее трудом. Когда сестры не могли наблюдать за ними, Айви успевала помочь ей, и она не только не ощущала раздражения, но была счастлива сосредоточиться на чем-то кроме собственных мрачных мыслей.

Ребенок вел себя тихо и осторожно, но Айви, пользуясь драгоценными минутами наедине с Эльвирой в сушилке, в конце каждого дня постепенно выяснила кое-что. Девочке было шесть лет, но уже скоро исполнялось семь. Спала она в комнате на чердаке. Первые шесть лет жизни она провела в приемной семье, но затем ее вернули в Святую Маргариту, потому что она «совершила дурной поступок». Какой именно, не рассказывала, а Айви относилась к ней бережно, предварительно репетировала в голове каждый интересующий ее вопрос, прежде чем озвучить его. Но существовала незримая черта, и Эльвира явно не желала пересекать ее. Когда Айви

спрашивала ее о покрытых пятнами крови бинтах или интересовалась, жили ли на чердаке вместе с ней другие дети, достаточно ли ей давали еды, у Эльвиры начинали дрожать руки, и она замыкалась в себе.

После нескольких попыток докопаться до правды, видя, как Эльвира с трудом сдерживает слезы, Айви сдалась, и они начали разговаривать на другие темы. О том, что мыслями уносило их прочь из мрачных стен Святой Маргариты обратно в мир обычных людей, по которому обе очень тосковали. Как бы хотелось им выйти однажды в разгар лета на огромное, открытое со всех сторон поле, полежать на коврике для пикников поверх мягкой травы, а потом посидеть на солнышке, поедая любимую еду. Свежий хлеб с сыром, толстенные ломти пирога со свининой, целые банки джемов и хрустящие красные яблоки.

А потом однажды Эльвира не появилась в прачечной.

В тот день Айви не находила себе места от охватившего ее панического страха за девочку, молясь, чтобы причина ее отсутствия была наилучшей из возможных: ей подобрали новых и очень хороших приемных родителей. Но не могла избавиться от предчувствия, что все обстоит гораздо хуже. Она уговорила Патришию проверить, не попала ли Эльвира в лазарет. Но там ее не оказалось.

Как и прежде, Эльвира исчезла на месяц, и Айви была не в состоянии думать ни о чем другом. Ей казалось, что, горюя по Роуз, она смогла найти утешение в маленькой девочке, но теперь и она тоже навсегда пропала из ее жизни.

Затем так же внезапно, как исчезла, Эльвира снова появилась.

В сушилке она поведала Айви о том, чего натерпелась, насколько плохо ей было всякий раз, когда появлялись доктора и делали уколы.

«Нам всем там приходилось самим ухаживать друг за другом», – добавила она.

«Что значит «нам всем»?» – спросила Айви, поглаживая Эльвиру по волосам.

«Всем детям на чердаке».

Глава 29

6 февраля 2017 года, понедельник

Как только они оказались в квартире Китти, Сэм позвонила Нане, чтобы узнать о состоянии Эммы. Дочь по-прежнему чувствовала себя неважно, но, как казалось, постепенно выздоравливала.

– Что-то еще случилось, Нана? У тебя расстроенный голос.

– Все в порядке, милая. Я просто устала, – ответила Нана очень тихо.

– Я собираюсь взять на сегодня отгул из-за болезни Эммы и скоро приеду к вам, – пообещала Сэм.

– Не стоит тебе этого делать, дорогая, – сказала Нана. – У тебя могут возникнуть проблемы на работе. Бен собирался навестить нас ближе к обеду.

– Нет, я смогу, Нана. Ты, похоже, совсем выбилась из сил, и меня это очень тревожит. Мне предстоит небольшая поездка, чтобы забрать свою машину, но я вернусь как можно скорее. Надеюсь, к одиннадцати. Эмма больна. Мне необходимо побыть с ней.

– Хорошо. Я тебя очень люблю, милая моя. Не нужно так волноваться из-за нас.

– Я тоже тебя люблю, Нана. До встречи.

– У тебя была возможность прочитать последнее письмо Айви? – спросила Нана, когда Сэм уже собиралась закончить разговор.

Голос Наны заметно дрогнул. Стало ясно: история Айви задела бабушку за живое так же сильно, как и ее саму. Однако столько всего произошло с тех пор, как Нана отдала ей письмо прошлым вечером, что она не успела даже бегло просмотреть его.

Завершив звонок, Сэм порылась в сумке и достала небольшую пачку писем Айви, сняла бархатную резинку и открыла последний полученный конверт. Она поспешно прочитала письмо, понимая, что Китти может появиться в любой момент. Содержание письма оказалось таким же душераздирающе печальным, как и во всех других, но в этом упоминалась леди по имени миссис Хелена Кэннон, занимавшаяся подбором приемных семей для детей из Святой Маргариты. Как только ей попалась на глаза фамилия Кэннон, у Сэм замерло сердце. Неужели это была мать Китти? Она быстро зашла с телефона в интернет и нашла в поисковике

информацию: мать Китти действительно звали Хеленой. Она умерла скоропостижно и совершенно неожиданно во время диализа в больнице.

– Все в порядке? – спросила Китти, появившись у нее за спиной и протягивая кружку с чаем.

Сэм улыбнулась ей, убирая в сумку мобильник и пачку писем.

– Да, спасибо. Благодарю за чай, – ответила она, глазами пробегая по комнате. Квартира выглядела просторной и современной, с окнами от пола до потолка, из которых открывался вид на Темзу. В гостиной создавали уют тяжелые шторы, плотные ковры и лампы, излучавшие теплый свет и расставленные повсюду. Над письменным столом в углу висел обрамленный гобелен. Надпись на нем гласила: «У вас и волосы на голове все сочтены. Ничего не бойся».

Сэм внезапно почувствовала легкое головокружение. Она уже не помнила, когда в последний раз ела. У нее отяжелели веки. Пришлось оглядеться в поисках опоры. Все в квартире блистало безукоризненной чистотой, и она ощутила себя манекеном на витрине магазина и не решалась сесть ни на один из предметов мебели, боясь оставить на обивке пятна.

– Присаживайтесь, Саманта, – пригласила Китти, указывая место на диване рядом с собой. – Вы что-то побледнели. Расслабьтесь. Будьте как дома.

– Спасибо, – отозвалась Сэм.

Они недолго сидели молча. Сэм старалась вернуть равновесие. Пыталась разобраться, откуда взялся этот душевный дискомфорт. *Будьте как дома*. Но любому дому положено иметь множество личных вещей хозяев, фотографий, сувениров. Она бывала в сотнях других гостиных, чтобы взять у людей интервью, выслушать их истории, но нигде ее не посещало подобное ощущение. Хотя все вещи здесь были подобраны в тон друг другу, создавали с виду идеальную обстановку, в окружавшем пространстве царила безликая пустота. Она тщетно искала глазами снимки Китти с членами семьи или с друзьями. Да, красиво, такой же красивой была и сама Китти. Однако в комнате ничто не давало ни малейшей повода для размышлений, ни капли информации о хозяйке дома. Поиски любых упоминаний о Хелене Кэннон, как понимала Сэм, заранее обречены на неудачу.

– Вы говорили по телефону со своей бабушкой? – Китти пристально посмотрела на Сэм.

– Да, – ответила она, отпивая чай. Ничего удивительного, что она чувствовала себя странно, подумалось ей. Она сидела в квартире Китти

Кэннон, после бессонной ночи, проведенной в поисках подробностей для материала, готовить который ей лично запретил ее босс. – Я и моя дочь живем вместе с ней. Она к нам очень добра. Без нее я бы не справлялась.

– Похоже, вы с ней действительно близкие люди. А ваша мама тоже живет с вами?

Сэм опустила взгляд, не сразу поняв, как лучше ответить на этот вопрос.

– Простите, не хотела лезть в вашу личную жизнь, – добавила Китти.

– Ничего, все в порядке, – сказала Сэм, хотя считала иначе. Ей вовсе не хотелось обсуждать сейчас Нану и думать об Эмме, как и о том, почему она до сих пор находится вдали от них. От такого родного, уютного, пусть захламленного и беспорядочного дома Наны. – Ваше желание побольше узнать обо мне естественно. Последние два дня я постоянно пытаюсь влезть в вашу личную жизнь.

Китти улыбнулась. У нее были превосходно ровные и белые зубы. Сэм старалась не рассматривать ее чересчур откровенно, но в ней проявлялось какое-то совершенно невозможное, несвойственное другим ее знакомым совершенство во всем. Она знала, что Китти уже перевалило за шестьдесят. То есть она была всего лишь немного старше Наны, но, в отличие от бабушки Сэм, у нее на лице почти полностью отсутствовали морщины, а кожа была очень нежной. Аккуратный маникюр, идеальное лицо покрыто свежим слоем косметики. Сэм поборола желание протянуть руку и дотронуться до него. Проверить, не голограмма ли перед ней.

Она обхватила ладонями кружку, пытаясь согреть их.

– Моя мама умерла, когда мне было двенадцать лет. Она страдала от алкоголизма. До того момента я вообще не подозревала о том, что у меня есть бабушка. Они не поддерживали между собой никакой связи. Так что у меня весьма занимательная семейная история, мягко говоря. Думаю, поэтому эти письма настолько сильно повлияли на нас обеих.

– Могу я ознакомиться с ними? Я имею в виду письма, – спросила Китти.

По неясной ей самой причине, Сэм вдруг почувствовала желание спрятать письма, защитить их от ее внимания, а потому она некоторое время колебалась, прежде чем полезла в сумку и достала пачку.

– Они написаны женщиной по имени Айви, родившей в Святой Маргарите ребенка, а затем принужденной отказаться от него. Мне кажется, такие письма вызвали бы бурю эмоций даже у самого обычного человека, но Нана тоже выросла у приемных родителей и никогда не встречалась со своей матерью.

– Думаю, ребенок, насильственно разлученный с матерью, способен повлиять на жизнь нескольких поколений любой семьи, – сказала Китти, протягивая руку за пачкой, которую держала перед ней Сэм. – Письма выглядят достаточно старыми. Откуда они у вас?

– Мой дед торговал антикварной мебелью, и Нана нашла их в его архиве после того, как он умер. Мы предположили, что он наткнулся на них в каком-нибудь письменном столе, купленном совершенно случайно. – Сэм сделала паузу. – Мне кажется, я встречалась с родственницей Айви, вот только не знаю, где теперь ее искать.

– Неужели? – Китти подняла взгляд от первого письма, которое уже приготовилась читать.

– Да. Я присутствовала на поминальной службе по отцу Бенджамину и там встретила одну очень старую леди. Уверена, я где-то видела ее прежде. Она положила вот эту фотографию на гроб отца Бенджамина.

Сэм снова открыла сумку и достала снимок Айви, тоже передав его Китти.

Стоило Китти посмотреть на фото, как ее пальцы заметно задрожали. Она неотрывно, затаив дыхание, смотрела на лицо девушки.

– Вам нехорошо? – спросила Сэм, пораженная реакцией Китти. Она снова бросила взгляд на черно-белую фотографию Айви, а потом на лицо Китти. – Вы узнали ее?

Китти помотала головой:

– Нет. Мне это лицо не знакомо. Я думаю, начинают сказываться последствия прошлой ночи.

Китти хотела поставить кружку с чаем на столик, но сделала неверное движение и опрокинула ее, остатки содержимого разлились по обивке дивана.

– Черт! – невольно вырвалось у Сэм, и она принялась озираться в поисках любой тряпки, чтобы оттереть пятно.

– Простите. Я должна ненадолго отлучиться, – сказала Китти, положила фотографию и вышла из комнаты, забрав диванную подушку.

– Разумеется. Вам не нужна помощь? – спросила Сэм ей вдогонку.

Ответа не последовало.

Тогда Сэм достала мобильный телефон и набрала номер. После нескольких гудков в трубке раздался голос Фреда.

– Фред? Это я. Как у тебя продвигаются дела?

– Неплохо. Забыл сообщить тебе еще вчера. Звонила женщина по имени Джейн Коннорс. Просила дать твой адрес. Сказала, что собирается связаться с тобой.

– Джейн Коннорс? Та самая, о ком я написала эксклюзивную статью в субботу?

– Да. Та, которая живет дверь в дверь со старой ведьмой. Как все обстоит у тебя? – поинтересовался Фред, пока Сэм записывала фамилию Коннорс в блокнот.

– Тоже вроде нормально, хотя я всю ночь глаз не сомкнула, и скоро наступает решающий день. Святую Маргариту сносят завтра утром, а там у меня еще целая куча работы. Думаю, мне придется позвонить и соврать, что я заболела. Уверена, Маррею это очень не понравится.

Сэм перелистала свой блокнот. После прочтения последнего письма ее навязчиво преследовало другое имя, упомянутое Айви несколько раз. Доктор Джейкобсон. Именно он передал ее в руки отца Бенджамина, когда она забеременела, и присутствовал при родах в приюте Святой Маргариты. Она понизила голос:

– Фред, окажи мне еще одну услугу, пожалуйста, и поищи информацию о некоем докторе Джейкобсоне и о Хелене Кэннон. Оба прежде жили в Престоне, как я полагаю. – Сэм подняла взгляд на вернувшуюся в гостиную Китти.

– Конечно, – ответил Фред. – О, кстати, насчет футболиста, о котором ты просила меня разузнать ранее. Единственным игроком футбольного клуба «Брайтон», умершим внезапно, был Алистер Хендерсон. Но у него случился приступ астмы, так что не знаю, можно ли считать это смертью при подозрительных обстоятельствах. – Сэм слышала на фоне разговора, как он звенит своими ключами.

– Очень интересно, спасибо, – сказала она, занося в блокнот еще одну запись: *Алистер Хендерсон*.

– Есть еще кое-что, – снова заговорил Фред. – Перед смертью он был помолвлен с Китти Кэннон.

– Что? – Сэм посмотрела на Китти, которая ходила по комнате, отдергивая шторы, включая светильники и иногда бросая беглые взгляды на Сэм. Она вовсе не походила на женщину шестидесяти с лишним лет, которая всю ночь пыталась что-то разыскать в заброшенном здании. Выглядела спокойной, собранной и абсолютно невозмутимой.

– Именно так. Это март 1969 года. Стало быть, ей тогда исполнилось… Сколько же? Восемнадцать или девятнадцать. Быть может, здесь кроется объяснение, почему она не вышла замуж и не завела детей. Можешь спросить ее об этом, когда в следующий раз встретишься с ней, – сказал Фред, чуть слышно усмехнувшись.

– Непременно, – сказала Сэм. – Спасибо, Фред. Позвони, когда что-то

выяснишь о людях, чьи имена я тебе назвала. – Она закончила разговор и повернулась к Китти, уже снова устроившейся на диване. – Могу я вас кое о чем спросить?

– Разумеется, можете.

– Вы не знаете, не работала ли ваша мама когда-нибудь в Святой Маргарите? – немного нервно задала вопрос Сэм.

Китти отвела глаза в сторону и принялась играть пальцами с кистями одеяла, лежавшего рядом с ней.

– Да, работала, но Хелена Кэннон не моя родная мать.

Сэм понадобилась вся ее сдержанность, чтобы сразу не отреагировать на заявление Китти. Она оставалась в полной неподвижности, опасаясь вымолвить хоть слово или сделать жест, который мог бы помешать продолжению рассказа. Она видела, насколько сосредоточена Китти, как грациозно себя держит, сидя совершенно прямо и обдумывая каждую фразу, прежде чем произнести ее. А потому, когда она заговорила, чувствовалась настоятельная необходимость выслушать ее.

– У меня есть сестра-близнец, – сказала Китти. – Ее назвали Эльвирой. Полагаю, мой отец завел роман, и та женщина, кем бы она ни была, родила нас в стенах Святой Маргариты. По всей вероятности, она умерла при родах, хотя не осталось никаких документов, подтверждающих этот факт. Отцу сообщили, что у Эльвиры поврежден мозг, но это было неправдой. Ее взяли в приемную семью, но через шесть лет вернули в Святую Маргариту, где она влачила жалкое существование, насколько я могу судить.

Китти по-прежнему сидела почти неподвижно, опершись на валик дивана. Сэм почти забыла, что нужно дышать.

– Конечно же, я ничего обо всем этом не знала. Выросла в Сассексе, была единственным ребенком в семье. Детство прошло, можно сказать, вполне счастливо. Обо мне заботился в основном отец, поскольку Хелена, которую я тогда считала своей родной матерью, страдала заболеванием почек. Она почти постоянно лежала в больнице.

Сэм посмотрела на блокнот, отчаянно желая взяться за него, но по-прежнему опасаясь, что это может заставить Китти замолчать.

– Затем однажды в феврале 1959 года, когда мне было восемь, я отправилась в церковь Престона, расположенную в полумиле от Святой Маргариты. Я пошла одна, потому что отец дежурил в больнице у постели Хелены. Я стояла возле церкви в одиночестве, когда заметила, как маленькая девочка, прячась за надгробием на погосте, подает мне знаки. Я огляделась по сторонам, не уверенная, как поступить, но все же решила приблизиться к ней. – Китти сделала паузу. – Это была словно вторая я.

Более исхудалая и грязная, но в точности похожая на меня. Глядя на нее, я как будто смотрелась в зеркало.

– Боже мой! – воскликнула Сэм, уже неспособная заставить себя молчать. – Невероятно. И что же вы сделали потом?

Китти тряхнула головой.

– Она до костей промерзла, ожидая моего появления целый день с раннего утра. Она была сильно напугана. Прошептала мне, что нам нужно спрятаться, после чего взяла меня за руку и привела в каменную кладбищенскую подсобку. На ней был только коричневый балахон и сандалии на босу ногу, а ведь на улице шел снег. Я отдала ей свое пальто и умоляла пойти со мной к отцу, но она отказалась. Трудно даже описать, в каком состоянии она находилась. Ей каким-то чудом удалось сбежать из Святой Маргариты, но этот смелый побег парализовал ее, сковал невыносимым ужасом.

Китти снова ненадолго замолчала.

– Я пробыла с ней в той постройке примерно два часа, до наступления темноты. Потом сказала ей, что разыщу своего отца, то есть нашего с ней отца, и он заберет домой нас обеих, но Эльвира впала в истерику, боялась тех, кто в тот момент уже спохватился и отправился искать ее. Сказала, если ее поймают, то уведут назад в Святую Маргариту и там убьют.

– Бедная девочка, – грустно заметила Сэм. – Неужели на самом деле можно вернуть уже усыновленного ребенка в приют?

Китти ответила не сразу. Ее лицо приняло бесстрастное выражение, в котором ничего не возможно было прочесть.

– В те времена такое происходило нередко. Помню, как вернулась домой из больницы, после всего случившегося, и отец Бенджамин пришел к нам, чтобы побеседовать с папой. Я села на лестнице, стараясь подслушать, о чем они говорят. Отец Бенджамин рассказал, что супружеская пара, удочерившая Эльвиру, сумела потом зачать собственного ребенка, а Эльвира попыталась причинить младенцу вред.

– И тогда они попросту бросили ее. Видимо, на редкость добрые люди. – Сэм покачала головой.

– Я спросила Эльвиру об этом, – продолжала Китти. – Она лишь ответила, что ее вернули обратно, потому что она совершила дурной поступок. Но мне было всего восемь. Вообразите, насколько для меня все это оказалось сложно понять, правильно воспринять сразу такой объем новой информации. В конце концов я сказала, что сейчас пойду и позову кого-нибудь на помощь. После чего вернусь к ней. Она умоляла меня не уходить, пыталась удержать, но я убедила ее в своей правоте. А затем

убежала в темноту.

Китти встала, подошла к окну и стала смотреть в него, скрестив руки на груди.

– И что же? Вы нашли отца? – Сэм чуть сменила позу, потому что от продолжительной неподвижности у нее затекли ноги.

Китти помотала головой.

– Помню только, как бежала, с трудом дыша морозным воздухом, ощущая, как сильно бьется сердце. Не могу даже описать, как было холодно той февральской ночью. А я лишилась пальто, отдав его сестре. Оказалась одна, посреди незнакомой местности за городом. Прежде я понятия не имела, что такое непроглядный мрак, когда не видишь вокруг себя вообще ничего. Она взяла с меня обещание не кричать, но я пришла в полное отчаяние. Я слышала, как звери шуршат в подлеске. Луна скрылась за облаками. Я быстро продрогла до костей. Пробежала через несколько полей в надежде найти дорогу, но, как теперь понимаю, только углублялась все дальше в низины Сассекса. Думать я могла лишь об одном: мне нужно вернуться к Эльвире или она умрет.

– Бедные вы, бедные, – сказала Сэм искренне. – Все это так печально.

– Дальше я смутно помню, что именно случилось, но я, кажется, упала в канаву и сломала лодыжку. Я переживала настоящую агонию, не в состоянии больше двигаться, не в силах выбраться из ямы. Всю ночь пролежала там одна, постоянно плача, а к утру я получила переохлаждение. Но при этом не помню, чтобы вообще думала о себе. Предо мной постоянно стояло лицо сестры, и я чувствовала, что подвела ее.

– Но ведь вы вовсе не подвели ее. Сделали все, что могли в тех обстоятельствах. – Сэм подошла к Китти, хотела положить ладонь ей на плечо, но заставила себя остановиться.

Китти повернулась к ней.

– Через три дня я очнулась в больнице. Мне чудом удалось избежать гибели. Я, конечно, находилась в крайнем расстройстве, расспрашивая всех об Эльвире. Отец сообщил мне, что она умерла. По его словам, он понятия не имел о том, что ее вернули в Святую Маргариту, считая благополучно удочеренной. Но он так и не признался в том, что Хелена не была моей родной матерью.

– Разве не осталось личного дела Эльвиры, каких-то записей? Я слышала от одной из бывших сестер Святой Маргариты, что архив был уничтожен, но не знала, от каких именно документов они избавились, – сказала Сэм, когда Китти вернулась к дивану и снова села.

Китти развела руками.

– Имелись в виду книги регистрации рождений и смертей, которые руководство Святой Маргариты обязано было передать местному совету. А никаких записей об Эльвире не было найдено вообще. Архив того времени смыло во время наводнения. Так они утверждают. Я попыталась разыскать ее, но она пропала бесследно. Исчезла. Вот только я не оплакивала ее, Саманта. Никогда. Потому что не верила в ее смерть, а теперь, кажется, я оказалась права.

У Сэм округлились глаза, и она склонилась ближе к ней.

– Так вы считаете, что ваша сестра жива?

– Да. Та девочка на месте аварии с моим отцом… Думаю, это была Эльвира.

– Но почему вы думаете, что она не умерла? На каких основаниях? – спросила Сэм.

– Отец Бенджамин сказал моему папе, что она похоронена на погосте рядом со Святой Маргаритой, однако в отчете после вскрытия могил не указано ни одно тело, которое могло бы принадлежать ей. – Китти рассеянно поправила подушку за спиной Сэм. – Я с той ночи ни разу не возвращалась в Святую Маргариту. Но сегодня вдруг подумала, что, если я поеду туда, это может помочь мне понять, что произошло с ней. Почувствовать ее близость. Глупо, я знаю, но ведь я оставила Эльвиру еще живой. Кто-то другой мог найти ее там.

– Кто же?

– Даже не представляю. Женщина, написавшая эти письма, например, – ответила Китти, указав взглядом на них. – Вы сами сказали, что люди, о ком писала Айви, каждый из которых был тесно связан со Святой Маргаритой, умерли при подозрительных обстоятельствах. А я совершенно уверена: такие личности, как мать Карлин и отец Бенджамин, несли прямую ответственность за то плачевное состояние, в каком находилась Эльвира.

Сэм внимательно наблюдала за лицом Китти. Оно воплощало торжественную, какую-то величавую серьезность, несмотря на грустный характер их нынешней беседы. Она испытывала двойственные чувства. Ей хотелось продолжать разговор, но ее шокировало почти полное отсутствие настоящих эмоций со стороны Китти. Ее слова несли в себе здравый смысл, но чего-то в них явно не хватало. Они казались тщательно отрепетированными. Китти словно играла роль в плохой пьесе на подмостках провинциального театра.

– Могу я задать вам очень личный вопрос? – спросила Сэм.

– Естественно, можете.

– О вашем бывшем женихе, Алистере Хендерсоне. Вам известно, отчего он умер?

– Да. У него случился острый приступ астмы. – Китти нахмурилась.

– И не было ничего странного в его внезапной смерти? – Сэм так и не сводила глаз с лица Китти, но на нем по-прежнему ничего не возможно было прочитать.

– На что вы намекаете? – В голосе Китти внезапно прозвучало раздражение.

– Все письма Айви адресованы отцу ее ребенка. Футболисту из «Брайтона». Он может быть еще одной ниточкой, загадочным образом ведущей к вам, – пояснила свою мысль Сэм.

Китти замолчала. Она, похоже, унеслась куда-то далеко, ее плечи напряглись, зубы сжались, когда она, вероятно, вспоминала мучительные для себя времена. Замуж она не вышла, детей не завела, и не оставалось сомнений, что Алистер был единственной любовью всей ее жизни.

– Да, я отвечу прямо на ваш вопрос. Действительно произошло нечто странное, – сказала она после продолжительной паузы. – Я поставила в известность полицию, но они не провели необходимого расследования. В день его смерти я должна была заехать за ним после матча, но мне сообщили по телефону, что он уже уехал с другой женщиной. Поэтому я никуда не отправилась, а он умер, напрасно дожидаясь меня. Никогда себе этого не прощу, – добавила она снова абсолютно ровным тоном.

– Кто именно звонил вам тогда? – Сэм бросила очередной взгляд на свой блокнот.

– Женщина. Но она не представилась. – Теперь Китти прямо посмотрела Сэм в глаза. – Мне до сих пор никогда не приходило это в голову, но сейчас могу предположить: могла позвонить Эльвира.

– Вы сказали, что впервые встретились с Эльвирой в 1959 году. Эта же дата есть на письмах, а Эльвира во время их написания все еще находилась в Святой Маргарите. Быть может, Айви хорошо знала ее. Боже! Как жаль, что я до сих пор не могу вспомнить, где видела ту старуху прежде.

– Престарелую леди на похоронах отца Бенджамина? – спросила Китти. – Как она выглядела? Было что-то в ее внешности, запавшее вам в память? Вы сказали, она очень дряхлая. У нее есть проблемы с передвижением?

– Да, она пользовалась медицинскими ходунками. – Сэм припомнила недавний разговор с Фредом, и внезапно его слова обрели новое значение. Женщина, живущая дверь в дверь со старой ведьмой, – так он выразился. Со старухой, пристально смотревшей на нее, когда она шла по дорожке к

дому миссис Коннорс. Именно она положила снимок Айви на гроб отца Бенджамина!

– Точно! Теперь я все вспомнила. – Сэм вскочила с дивана. – Мне необходимо поговорить с ней.

– Вы отправитесь к ней сейчас же? – спросила Китти, тоже поднимаясь.

– Господи, никак не могу. Мне нужно домой, проведать Нану и Эмму, – ответила Сэм и стала собирать свои вещи.

– Эта леди живет в Сассексе? – Китти вышла за ней в прихожую.

– Да. – Сэм влезла ступнями в сапоги, пока Китти стояла рядом.

– Тогда вы можете заехать к ней по пути домой. Оставить записку. Это не займет у вас много времени. Совсем скоро здание Святой Маргариты снесут, и если ей что-то известно, нам необходимо все узнать сегодня же.

Китти встала перед входной дверью. Ее лицо внезапно приобрело жесткое выражение, но Сэм смотрела на руки, которыми она в волнении похлопывала себя по бедрам.

– А вы не хотели бы поехать со мной? Поездка займет гораздо меньше времени, если мы возьмем вашу машину, – с надеждой спросила Сэм.

– Простите, Саманта, но мне сейчас опасно садиться за руль. Я всю ночь не спала, и мне необходим отдых. Не стоит подвергать опасности нас обеих.

– Хорошо. Я позвоню, как только побеседую с ней. Она может знать, жива ли Эльвира!

Китти улыбалась и махала рукой из окна до тех пор, пока такси Сэм не исчезло из вида. А затем подобрала сумку, валявшуюся на полу в прихожей, вышла наружу и закрыла за собой дверь.

Глава 30

1 марта 1969 года, воскресенье

Алистер Хендерсон с трудом покинул футбольное поле как раз в тот момент, когда весеннее солнце стало клониться к закату.

У его команды «Брайтон» выдался тяжелый товарищеский матч в гостях против клуба «Фулэм», и за десять минут до конца игры счет на табло все еще оставался 0:0. Секунды стремительно истекали, и Алистер вынужден был сбавить темп бега на мгновение, внимательно рассматривая защитную линию соперников. Он окончательно сбил дыхание, но знал, что его ингалятор с сальбутамолом лежит в сумке, оставленной в раздевалке, и надежно спрятан от посторонних глаз.

В последнее время тренер выказывал откровенное недовольство качеством его игры, но Алистер упорно не желал давать ему повод усадить себя на скамейку запасных только потому, что бронхиальная астма все больше беспокоила его. Отобранный в основной состав «Брайтона», когда ему только исполнилось двадцать, он уже отыграл за клуб тринадцать лет и не сомневался, что его золотые дни на исходе. А нынешний сезон стал для него особенно неудачным, и если ему не удастся добиться существенного успеха как можно скорее, ему найдут замену.

И вот за две минуты до финального свистка ему удалась быстрая атака, застигшая защитников «Фулэма» врасплох. Он забил гол. Когда обрадованные товарищи по команде навалились на него с поздравлениями, у него окончательно перехватило дыхание и возникла слабость в ногах. Он посмотрел на трибуны, где сотни болельщиков размахивали синими шарфами и скандировали его имя так громко, что оно отдавалось в ушах. Вгляделся в лица тех, кто сидел на нижних рядах. Ее он не увидел, но ему нравилось знать почти наверняка, что Китти где-то там сейчас.

Когда судья завершил матч и игроки ушли с поля, он ударил себя кулаком в грудь. Было еще холодно, и трибуны тоже быстро опустели, поскольку зрители поспешили укрыться в теплых пабах. Он стоял на бордюре, все еще высматривая Китти. Обычно к этому моменту она бы уже появилась, стояла бы у туннеля, ведущего в раздевалку, скрестив руки на груди, с длинными черными волосами, обрамляющими ее прекрасное лицо.

«Есть кое-что, о чем я должна с тобой поговорить, – предупредила она

его при их последней встрече. – Заберу тебя после игры в Фулэме, а потом сниму номер для нас в одном из отелей города».

«Ты идешь?» – спросил Стэн, возвращая его к реальности.

«Нет пока. Китти должна вот-вот прийти за мной», – ответил Алистер, уже немного задыхаясь.

«С тобой все в порядке, Ал?»

Алистер кивнул. Последнее, чего ему сейчас хотелось, – это оказаться в одном автобусе с командой, чтобы приступ случился с ним на глазах у всех. Они примутся суетиться над ним, исполненные искреннего сочувствия, пока он будет жадно ловить ртом воздух, но затем станут болтать за спиной, что у него нет будущего среди них. Он забил сегодня гол. Он – герой матча, и ему отчаянно требовалось оставаться в этой роли.

Когда последние болельщики, выкрикивая лозунги, пропали в сгустившихся туманных сумерках, а дверь командного автобуса «Брайтона» с шипением закрылась, Алистер поспешил в раздевалку, горя желанием вдохнуть столь необходимый ему сальбутамол, чтобы снять сильное давление на грудь. Помещение общей раздевалки было заполнено паром. Это игроки «Фулэма» в душе смывали с себя грязь и разочарование от результата, притихшие и подавленные. Вокруг него мелькали обернутые полотенцами тела, а духота, стоявшая в комнате после холода снаружи, только усилила в Алистере ощущение дезориентации, когда он начал искать свою сумку.

«Никому не попадалась синяя сумка? Она висела вот здесь», – произнес он настолько громко, насколько хватило дыхания.

Пара игроков соперников оглянулись на голос, но они не ответили на его вопрос. Он, конечно, понимал, что после забитого им решающего гола едва ли стоит ожидать симпатий со стороны членов другой команды. Важно было выбраться из раздевалки до того, как он лишится сознания от духоты. Все вдруг начало казаться ему кошмарным сном.

Еще перед игрой Алистер испытывал ощутимый дискомфорт, наблюдая, как холодный туман постепенно окутывает южные низины. Ничто так не обостряло его астму, как холода, а потому репортаж по радио о том, что поле стадиона в Фулэме промерзло и играть на нем невозможно, подарил ему мимолетную надежду, что матч отменят. Но, когда он прибыл на место, шанс на это полностью пропал. Когда же он оказался в раздевалке, накаленная атмосфера перед игрой заставила его отбросить все остальные мысли. Он позвонил Китти и убедился: она приедет. Ее соседка по квартире сказала, что она уже вышла из дома. Запершись в кабинке туалета, Алистер несколько раз вдохнул лекарство из ингалятора, после

чего повесил свою сумку поближе ко входу.

В течение всей второй половины дня температура воздуха продолжала стремительно падать, и к моменту появления команд на поле трава уже хрустела под ногами от инея. У Алистера изо рта валил пар, зависая над ним черным облаком. Он точно знал, что через полчаса ему станет хуже. Все тело постепенно нальется тяжестью, приказывая остановиться, дыхание выйдет из-под контроля, а горло как будто сдавит петлей.

Он даже не думал отказываться играть. Двое запасных, находившиеся у края поля, наблюдали и выжидали. Их хорошо разогретые на тренировке мышцы звали скорее бежать, стелиться в подкатах, блистать игрой, лишь бы только дали шанс, чтобы потом чувствовать себя королями в лучшем пабе города и заставить местных красавиц отчаянно привлекать к себе их внимание. «Какая жалость, – скажут товарищи по команде. – Алистер хорош, но уже давно не играет в полную силу». «Это все его астма, – добавит кто-нибудь. – У него отличная техника, вот только толку от нее мало, если не можешь правильно дышать».

А какая участь его ждет, если он лишится места в составе команды? Куча невыплаченных долгов, дом, который он не сможет больше себе позволить, поскольку ему не станет хватать денег на взносы по ипотеке, а потом судебный пристав конфискует автомобиль и все остальное, имеющее хоть какую-то ценность. Его объявят банкротом, быть может, отправят в тюрьму, и он наверняка потеряет любовь всей своей жизни.

Нет! У него не оставалось выбора, кроме как продолжать играть и забивать голы, что он и сделал. За две минуты до конца матча, доведя себя до крайности – приложив максимальные усилия, что его чуть не стошнило прямо на поле. И с того момента, когда товарищи набросились на него, празднуя гол, а тренер выкрикивал слова одобрения, он всасывал через нос колючий, как иголки, воздух в свои перехваченные спазмами легкие и начал отсчитывать секунды, когда сможет добраться до заветного ингалятора, спрятанного на дне сумки. Сумки, оставленной на крючке при входе в раздевалку. Сумки, которая теперь бесследно исчезла.

«Проклятье!» – воскликнул он посреди быстро пустевшей комнаты, заходясь в кашле от жары, проверяя каждый крючок, каждый шкафчик.

Его бумажник тоже остался в той сумке. У него не было ни одного пенни наличными, никакой возможности уехать отсюда самостоятельно. Было необходимо, чтобы Китти появилась как можно скорее.

Кто-то выключил сначала один светильник, затем другой. Если он срочно не обратится за помощью, у него возникнут серьезные проблемы, но Алистер понимал: если он это сделает и внезапно приедет Китти, то ему

придется пожалеть, что он зря выставил напоказ свою слабость. Он старался сохранять спокойствие, но ему это не удавалось. Он направился в сторону автомобильной стоянки, неторопливо дыша и пытаясь сохранить ясность мыслей. Последние футболисты покидали территорию стадиона, садясь в свои машины. Их покрышки шуршали по гравию, такому податливому его ногам.

«Отличная игра, Алистер, – сказал один из них. – Будем надеяться, что полоса неудач осталась у тебя позади».

Алистер выдал пародию на улыбку, услышав оскорбление, замаскированное под комплимент. Он проследил, как машина выехала на шоссе и влилась в общий поток транспорта где-то вдалеке. Китти просто что-то задержало, решил он. Она уже в пути. Никаких сообщений, подтверждающих обратное, не поступало. Он дойдет до ворот и будет дожидаться ее. В любой момент он сможет остановить другой автомобиль, если его состояние резко ухудшится. Воспользуется помощью незнакомца, а не одного из игроков «Фулэма», и его беда останется в тайне.

«Будь спокоен, будь спокоен», – бормотал он себе под нос, борясь с постепенно овладевавшим им паническим страхом.

Пока он брел мимо все еще залитого светом прожекторов стадиона, они начали один за другим гаснуть. С каждым шагом он погружался во все более сгущавшуюся темноту. Ему вспомнился он сам в четырнадцать лет, заставлявший себя трудиться на пределе сил на показательных тренировках, устроенных для отбора игроков в юношескую команду Брайтона. Но, уже почти добившись внимания тренеров к себе, начал осознавать, что едва может дышать. Ноги ослабли так же, как и дыхание. Он повалился на газон, а остальные парни столпились вокруг него, когда он потерял сознание.

Доктор Джейкобсон сказал потом отцу, что его сын никогда не сможет стать профессиональным футболистом. Никогда не забудет он выражение лица папы, бледность, постепенно покрывшую его щеки, когда он понял, что история повторяется. Он впервые по-настоящему понял, насколько важным был для отца этот вопрос, и дал себе клятву, что лучше умрет в попытке осуществить мечту, чем станет вести неполноценную, жалкую жизнь, на какую прежде обрек себя его отец.

Он продолжал идти сквозь леденящий холод, чувствуя себя так, словно пытается дышать под водой, а свет фар на дороге стал казаться ему одним непрерывным лучом. На самом деле автомобилей по шоссе проезжало не так уж и много, но за каждым как будто оставался световой поток, и когда появлялся следующий, он словно принимал эстафету у предыдущего, уже

скрывшегося из вида.

«Пожалуйста, помогите мне», – выдавливал из себя мольбу Алистер, с трудом продвигаясь вперед.

С каждой новой секундой он превыше всего хотел услышать хруст от колес останавливающейся машины, чтобы это была Китти, чтобы ее руки обвили его, и она подвела его к двери, усадила внутрь, а потом срочно доставила в больницу. Утешая, спасая, как делала это с самого первого дня их знакомства.

Ей одной он рассказал об Айви. Тринадцать лет прошло с тех пор, как Айви забеременела, и за все это время он не поделился этой тайной ни с одной живой душой, кроме отца Бенджамина. Шел 1956 год, и он как раз готовился к подписанию контракта с «Брайтоном». Он действительно любил Айви, но был еще слишком юным, когда попал на гребень самой счастливой волны в своей жизни. Отец не уставал повторять ему, что красивые улыбчивые девушки всегда превращаются в сварливых и занудных жен, заставляют мужей бросать мечты о будущей славе. А потому, когда на исповеди в церкви он признался в своем грехе отцу Бенджамину, тот предложил ему радикальное решение, которое Алистер принял под его влиянием.

Но Айви не давала ему просто так уйти от себя. Было время, когда им было хорошо вместе, и она продолжала ему нравиться, вот только он ей ничего не обещал. Она не переставала писать ему письма месяцами после того, как родила ребенка, но в них было столько выдумок и нелепых фантазий, что он даже перестал вскрывать конверты. Его злило давление, которое она пыталась оказывать на него. Девица явно сошла с ума, и ему просто повезло вовремя избавиться от нее. Она никогда не была одной из тех молодых женщин, на какой он мог бы жениться, и уже скоро он понял, насколько был прав в своих суждениях. Она была из другого социального класса, не умела вести себя достойно, сдерживать свои эмоции. Рождение ребенка стало ошибкой. Почему же она не могла понять и принять это? Письма становились все более тревожными, и Алистер начал всерьез опасаться того, что может произойти, когда она наконец выйдет на свободу. И он рассказал о своих страхах отцу Бенджамину. Он не мог допустить, чтобы она поливала его грязью перед тренером или, того хуже, через прессу. С отцом Бенджамином они пришли к единому мнению: если внести в кассу Святой Маргариты щедрое пожертвование, там найдут способ продержать у себя Айви как можно дольше.

Алистер уже видел шоссе перед собой. До него оставались считаные футы. Приступ колючего кашля рвал ему горло, и он никак не мог

остановить его, восстановить нормальное дыхание. «Дыши тяжело, но только продолжай дышать». Он опустился на скамейку у ворот, сунул голову между коленей и сумел сделать несколько мелких вдохов. Ему необходимо было выбраться из этого холодного тумана. Легкие словно горели. Алистер был дезориентирован. Попытался встать, но ноги подогнулись. Он упал, стукнувшись затылком о скамью, и от удара выдохнул последний оставшийся в его легких воздух. Он так и лежал на спине беспомощный, как жук, который не в состоянии перевернуться, ощущая большие запасы воздуха вокруг себя, но не в силах сделать хотя бы один полноценный вдох.

«Поднимайся, Ал! А то мы опоздаем!»

Он медленно открыл глаза. Над ним стояла Айви, с вплетенными в рыжие волосы увядшими цветами, сияя широкой улыбкой на бледном лице, покрытом пятнами грязи.

«Айви?» – Он вымолвил имя с огромным трудом.

«Церковная служба начинается через несколько минут. Все нас ждут. Что ты делаешь на земле, глупенький? Ты испачкаешь свой лучший костюм!»

Когда же она склонилась, чтобы подать ему руку, он заметил большой живот – на нем ее белое шелковое платье было натянуто так сильно, что трещало по швам и местами уже порвалось. У нее под ногтями скопилась грязь, а на почерневших ногах не было обуви.

«Я не могу пошевелиться», – прошептал он.

«Что это значит? – спросила Айви, и ее глаза налились слезами. – Отец Бенджамин ждет, чтобы обвенчать нас с тобой. Нам нужно идти!»

Другая девушка показалась у нее из-за спины. Она была одета в голубое платье подружки невесты, но тоже покрытое грязью и слизью. На руках она держала плачущего младенца, завернутого в одну лишь тонкую засаленную пеленку.

«В чем проблема, Айви?» – спросила она.

«Алистер заявил, что не пойдет со мной», – ответила Айви, утирая слезы тыльной стороной грязной ладони.

Ребенок заплакал громче и настойчивее.

«Вставай! – прикрикнула на Алистера девушка. – Ты разобьешь Айви сердце!»

Алистер бросил взгляд в сторону телефонной будки, стоявшей чуть дальше у дороги. Если он поползет, быть может, сумеет добраться до нее.

«Куда это ты собрался?» – спросила вторая девушка.

Ему пришлось снова откинуть голову на землю. Она теперь стояла

прямо над ним со злым и решительным видом. У него не оставалось сил двигаться, не хватало воздуха для дыхания. Он больше ничего не мог сделать. Из его глаз тоже хлынули слезы.

«Постыдился бы».

И она принялась душить его, закрыв ему нос и рот ладонями. Поначалу он пытался сопротивляться, ухватив ее за руки, стараясь отпихнуть от себя, но не мог с ней справиться.

«Ты никогда не любил Айви. Ты никого не любишь, кроме себя самого», – сказала девушка и сильно ударила его по щеке.

Ни воздуха, ни сил отбиваться. Он посмотрел на Айви, баюкавшую ребенка, переданного ей подругой. Она запела ему песенку и заставила рассмеяться.

«Кружим, кружим мы по садику, как плюшевые мишки. Один шажок, другой шажок. Ой, защекочу тебя, дружок».

«Уберите ее с меня. Помогите. ПОМОГИТЕ МНЕ!» – Алистер попытался возобновить борьбу, потолкаться ногами, но они оставались в полной неподвижности, словно придавленные стволом дерева. Девушка же держалась крепко, надавливая все сильнее и сильнее на нос и рот, пока его грудь не пронзила острая боль, проникшая затем через шею прямо в голову, где он ощутил ее как взрыв фейерверка. Постепенно тьма сгущалась, и его взгляду теперь открывался только тесный туннель, становившийся с каждой секундой еще уже. «Кружим мы по садику, как плюшевые мишки…»

Смех ребенка стал более приглушенным, а все попытки Алистера снова вдохнуть воздух были безуспешны. Он ощущал, что действительно погрузился под воду. Тело сделалось невесомым, опускаясь вниз все глубже. Ему пришлось откинуть голову в последней попытке всосать в себя жалкие пузырьки воздуха, прежде чем исчезнуть в пучине навсегда.

Только в этот момент мимо него проплыло лицо Китти.

Он не сводил с нее глаз, продолжая погружаться, когда яркий свет неожиданно прорезал темноту туннеля.

Ее голос, выкрикивающий его имя.

«Алистер. АЛИСТЕР!»

«Китти, это ты?»

Он попытался открыть глаза, но уже погрузился очень глубоко. Слишком поздно. Он устал, так невероятно устал.

«Просто дайте мне теперь поспать. Пожалуйста, дайте поспать».

Глава 31

6 февраля 2017 года, понедельник

После двухчасовой поездки на поезде в Сассекс Сэм забрала свою машину и отправилась к дому Джейн Коннорс, где впервые побывала менее сорока восьми часов назад, когда окружающая действительность еще представлялась ей совершенно иной.

Она достала блокнот, и он как будто сам по себе открылся на списке имен и фамилий: отец Бенджамин, Джордж Кэннон, мать Карлин, Алистер Хендерсон.

Сэм ощутила, как внизу ее живота завязался узел, когда она глубоко вдохнула воздух и вынула пачку писем Айви. Она вцепилась в них, как в ключ к двери, ведущей в некий таинственный мир, куда она одновременно и боялась, и отчаянно стремилась проникнуть. Затем вышла из машины и направилась к калитке соседнего дома, того самого, откуда престарелая леди наблюдала за ней так пристально, что причиняла своим взглядом ощутимый дискомфорт. Деревянная табличка у входа гласила, что дом носит название «Розовый коттедж», хотя на навесе у нее над головой не было абсолютно никакой растительности. Двигалась она медленно, опасаясь обледеневших плиток дорожки. К тому же от недостатка сна ее могли подвести даже собственные ноги.

Она протянула руку и нажала на кнопку звонка, дрожа всем телом. Потом ждала, плотнее укутываясь в плащ и затягивая на нем пояс. Ждала и ждала. У нее постепенно разыгрались нервы, и она вдруг почувствовала себя совершенно неготовой к встрече и разговору с человеком, который, вероятно, находился по ту сторону двери. Снова позвонила, затем отступила назад, оглядев дом, но сразу опустила глаза, заметив, что шторы в гостиной едва заметно шелохнулись.

Она открыла блокнот на чистом листе.

Уважаемой леди, оставившей фотографию Айви на гробе отца Бенджамина!

Мы с вами никогда не были знакомы, но у меня есть ощущение, что я вас знаю. Ко мне попали несколько писем, написанных, как я предполагаю, той самой Айви, изображенной на оставленном вами снимке. Вот почему я

очень хотела бы встретиться с вами и все выяснить.

Уверена, вы, как и я сама, глубоко прониклись мыслью, что непереносимая боль и несправедливость, через которые пришлось пройти Айви, не должны оставлять нас равнодушными и быть забытыми.

Мне необходимо побеседовать с вами. Я – журналистка, считающая своим долгом поведать миру жуткую историю приюта Святой Маргариты. Как подтвердит ваша соседка миссис Коннорс, я выполню любые поставленные вами условия и не опубликую ничего нежелательного для вас.

Айви наверняка гордилась бы вашим поступком, если бы вы решились на него. Она хотела бы, чтобы о случившемся с ней узнали и другие люди, как, думаю, и вы тоже.

Пожалуйста, позвоните мне сегодня же. Ради Айви. Вы уже, видимо, знаете, что у нас осталось крайне мало времени до того, как ее печальная история окажется навеки похоронена под снесенными руинами Святой Маргариты уже завтра.

Саманта Харпер.

Снизу она приписала номер своего телефона, после чего вырвала страницу из блокнота, сложила ее и опустила в прорезь для почты. Она возвращалась к машине, чувствуя, что за ней наблюдают, и садилась за руль, представляя, как престарелая леди склоняется к коврику за дверью и поднимает записку.

Сэм завела двигатель и некоторое время смотрела на мобильный телефон, отчаянно желая, чтобы он зазвонил. В наступившей непривычной тишине события последних двух дней непрерывно крутились в ее мозгу. Время проносилось пугающе быстро, и она не была уверена в том, каким должен быть ее следующий шаг. Разговор с Китти теперь воспринимался ею как сон. Если Эльвира существовала на самом деле, Айви не могла не знать ее.

Она опять посмотрела на письма. Ей очень хотелось, чтобы Айви чудесным образом сошла с их страниц. Неужели седоволосая леди из коттеджа – это Айви собственной персоной? От переутомления у Сэм началось головокружение, как и от мыслей о Нане и Эмме. А еще Бен. Она очень соскучилась по нему. Еще не поздно для них все исправить. Они переживали и более сложные периоды в отношениях, но им обоим нужно постараться восстановить их ради Эммы.

Она понимала, что слишком долго пыталась скрыться от семейных

проблем, и не сумела остановиться вовремя. Если ей удастся поговорить с престарелой леди, распутать клубок загадок, она, возможно, сможет обрести покой и в своей личной жизни.

Сэм вздрогнула от звонка своего телефона. Посмотрела на экран.

– Привет, Фред. – Ей не удалось скрыть разочарования в голосе.

– Послушай, Маррей вышел на тропу войны. Он хочет знать, куда ты подевалась.

– Я же просила тебя передать ему, что я больна. – Сэм охватила паника.

– Нет, ты сказала, что сама позвонишь позже и сообщишь о своей болезни.

– Черт! Не мог бы ты сказать ему, что у меня разыгралась мигрень, и поэтому я не могу приехать на работу. Мне не хватит ни сил, ни терпения разговаривать с ним.

Она посмотрелась в зеркало и начала пальцами приглаживать волосы в напрасной попытке привести прическу в порядок.

– У тебя жуткий голос. Ты действительно больна? – тихо спросил Фред.

– На самом деле нет, – ответила Сэм, стирая следы туши под глазами.

– Ладно. Как ты и просила, я порылся в архивах и нашел отчет судебно-медицинской экспертизы по смерти Хелены Кэннон в «Сассекс таймс». Там говорится, что она находилась длительное время в отделении реанимации городской больницы Брайтона с острой почечной недостаточностью. На рассвете 3 июля 1968 года игла ее капельницы выпала из вены, после чего у нее открылось кровотечение, что стало причиной летального исхода.

– Как такое могло случиться? Кто дежурил в ту ночь?

Сэм слышала, как Фред стучит по кнопкам клавиатуры своего компьютера.

– Медсестра Кэрол Аллен. Она давала показания во время следствия. Ночью Хелене Кэннон проводили сеанс диализа. Она, по-видимому, была подключена к аппаратуре уже длительный период, когда у нее наступила последняя стадия заболевания почек. Медсестра Аллен заявила, что, когда она последней раз проверяла состояния Хелены, пациентка мирно спала и все было в полном порядке.

– А доктор Джейкобсон?

– Погиб в 1976 году. Утонул в собственном бассейне рядом с домом. Его было несложно отследить. Он занимался врачебной практикой в Престоне многие годы. Но я не могу больше продолжать, Сэм. Еще один

поиск, не относящийся к моей работе, и я получу уведомление об увольнении.

Сэм вздохнула:

– Пожалуйста, Фред, не мог бы ты найти способ добраться сегодня во второй половине дня до дома семьи Джейкобсона и поговорить с его женой? Мне сейчас очень нужно навестить Эмму.

– Посмотрю, что смогу сделать, но ничего не обещаю, – отозвался Фред.

– Спасибо, огромное спасибо. Я потом обязательно отработаю за тебя.

Сэм бросила мобильник на сиденье, где уже лежали письма Айви, а затем снова оглядела дом старухи. В блокноте нашла страницу с именами и добавила еще два: *Хелена Кэннон и доктор Джейкобсон*. Шесть человек настигла внезапная смерть, и, за исключением Джорджа Кэннона, все они упоминались в письмах Айви.

Ощутив на себе чей-то взгляд, Сэм подняла голову. В дверях своего дома стояла пожилая леди, которую она видела на похоронах отца Бенджамина. И она махала ей, приглашая войти.

Глава 32

20 мая 1957 года, понедельник

Айви неподвижно лежала на койке в общей спальне, когда зазвонил колокольчик, созывая всех к молитве. Девушки забегали мимо нее в сторону туалета, натягивая балахоны прямо поверх ночных рубашек, заправляя постели, а затем вставая по стойке «смирно» у изголовий в ожидании появления сестры Мэри Фрэнсис.

– Мэри, тебе нужно вставать. Сестра может прийти в любую минуту, – сказала девушка, спавшая рядом, и осторожно потрясла ее за плечо.

Айви не спала всю ночь, обливаясь потом и не смыкая глаз. Она не помнила, дышала ли вообще с тех пор, как два дня назад увидела молодую супружескую пару, уносившую Роуз из приюта.

В тот день работа в прачечной давалась ей особенно тяжело. Она часами пропускала простыни через валы гладильного пресса и получила сильный ожог. Эльвира снова исчезла, и Айви понятия не имела, где она. Лишившись единственного источника утешения, последней возможности забыться, она впала в отчаяние. Уже несколько недель ей с трудом удавалось заставлять себя хотя бы немного поесть, и, несмотря на то что в Святой Маргарите не держали зеркал, по ночам, в постели, проводя пальцами по ключицам и ребрам, она узнавала, что ее тело было истощено от голода.

Сестра Мэри Фрэнсис все утро наблюдала за ней особенно пристально, и пусть Айви не понимала причины, она догадывалась: происходило что-то важное. После обеда пришла сестра Фейт, и две монахини стали беседовать между собой, то и дело поглядывая на Айви. Пока она пыталась читать их диалог по губам, каток выстрелил очередной простыней, застав ее врасплох. Она не успела увернуться.

Не в силах сдержаться, она вскрикнула. Новый ожог пришелся как раз на то место, где уже воспалилась рана от предыдущего. Она нервно посмотрела на сестер, ожидая, что одна из них непременно подойдет и накажет ее за поднятый шум. Но ни та, ни другая даже головы не подняли, пока не закончили беседу, и сестра Фейт, кивнув сестре Мэри Фрэнсис, бросила на Айви беглый взгляд и удалилась.

По пути мимо столовой в сторону детской ее будто громом поразила

мысль. В многоголосии плачей бесчисленных младенцев она больше не различала голоса Роуз. Ею овладел истинный ужас. Она застыла перед дверью детской. Девушки, длинной цепочкой идущие позади, стали натыкаться на нее.

«Что, черт возьми, ты творишь, Мэри? Ты вообще соображаешь?» – зашипела на нее сестра Мэри Фрэнсис.

«Где она? Где моя Роуз? Я больше не вижу ее». – Айви с безумной тревогой вглядывалась сквозь стекло в двери детской.

«Она уезжает в гораздо лучший дом, чем ты когда-либо смогла бы ей дать. А теперь прекрати свои наглые выходки немедленно!»

Айви вырвалась из ее цепких рук и бросилась по лестнице в спальню, перепрыгивая через две ступеньки сразу, пока сестра Мэри Фрэнсис в гневе приказывала вернуться, и ее вопли эхом отдавались в оставшемся уже внизу коридоре. Содрогаясь от страха, она подбежала к окну спальни и выглянула наружу.

Дорогой черный автомобиль стоял на подъездной дорожке перед приютом, а рядом с его открытыми дверями стояла мать Карлин, держа на руках младенца, завернутого в розовое одеяло. Одеяло Роуз, которое Айви связала сама. Женщина в летнем платье кремового цвета и в черных туфлях устраивалась на заднем сиденье. Мужчина в сером костюме помогал ей.

Айви принялась стучать в оконное стекло, издавая крики во всю мощь своих легких, когда мать Карлин передала Роуз той женщине. Мужчина захлопнул заднюю дверь, пожал руку матери Карлин, а потом поднял взгляд на окно, где стояла Айви, но как раз в тот момент, когда сестра Мэри Фрэнсис сумела оттащить ее в глубь спальни. После этого Айви почти ничего не помнила, кроме чувства, что сходит с ума от горя. Позже Патришия рассказала, как с помощью сестры Мэри Фрэнсис мать Карлин силком заставила ее спуститься по лестнице в кабинет настоятельницы.

«Вставай, Мэри».

Теперь перед ней появилась сестра Фейт, пока Айви продолжала лежать, неподвижным взглядом уставившись в потолок.

Она знала, что, если не поднимется, ее снова отведут в кабинет матери Карлин. Ее ждет суровое наказание. Но когда они убедятся, что самая жестокая расправа не способна привести ее в чувство, то без колебаний отправят в психиатрическую лечебницу.

«Выбирайся из постели немедленно! Или пожалеешь, что вообще появилась на свет».

Каблуки сестры Фейт застучали, отдаляясь от нее. Она уже звала к себе подручных. Айви закрыла глаза и представила в памяти письмо,

которое написала своему любимому прошлой ночью.

Алистер!

Роуз увезли.

Я сама видела, как ее забирали приемные родители, и тоскую до глубины души.

Плачу беспрестанно, несмотря на опасения, что меня отправят в сумасшедший дом, если не сумею взять себя в руки. Я не могу есть. Энергии в теле не осталось, и я постоянно получаю ожоги, работая с агрегатами в прачечной. Но я почти радуюсь физической боли, поскольку она позволяет ненадолго отвлечься от душевных страданий.

Прежде я всегда считала себя достаточно сильной. Ничто не способно было сломить меня. Даже после смерти отца я нашла способ преодолеть скорбь, потому что все-таки оставалась свободной. Могла отправиться на прогулку, смотреть на звезды и воображать, что он тоже смотрит на меня с небес. Но из этих стен меня ни разу не выпускали с самого прибытия сюда, и каждый день я ощущаю, как спертый воздух приюта все больше действует на меня и душит.

С той ночи, проведенной в кабинете матери Карлин, меня преследуют приступы удушья, и мне приходится как-то изворачиваться в постели, чтобы избавиться от них. Я не могу спать. До утра лежу без сна, постоянно думая о судьбе Роуз, гадая, где она сейчас, куда ее увезли, находится ли она в безопасности и покое. Я до сих пор ощущаю запах ее кожи, помню, как она шевелилась когда-то в моем животе. Там, где прежде была она, образовалась чудовищная пустота. Черная дыра, каждый день высасывающая из меня остатки жизни.

Если мне удается заснуть на короткое время, мне снитесь ты и Роуз. Ты несешь Роуз на плечах, а она ест мороженое, пока мы вместе гуляем по пирсу. Я буквально ощущаю соленый бриз на своем лице, чувствую себя бесконечно счастливой. Но потом я просыпаюсь, осознаю свое реальное положение и снова почти теряю рассудок. Я больше не получаю никакой радости от жизни, словно возникла незримая стена между мной нынешней и той, какой я была прежде. Каждый день я мысленно напоминаю себе, что я – Айви. У меня длинные рыжие волосы. Я была горячо любима. Но с течением времени голос в моей голове звучит все тише и тише. Я тоскую по школе, по своим подругам и друзьям, по канувшей в небытие жизни. Я тоскую по тебе, Алистер. Почему ты не приезжаешь за мной? Скоро уже ничего не останется от той Айви, которую ты знал. Они забрали моего ребенка. Почему же им настолько

необходимо лишить меня и всего остального – моего будущего, моих мечтаний, моей любви? Почему меня не выпускают отсюда? Разве я мало настрадалась?

Другие девушки видят меня плачущей, но ничего не делают, чтобы утешить и успокоить, поскольку все разговоры запрещены и их ждет безжалостное наказание за любую попытку проявить ко мне сочувствие. Иногда я вглядываюсь в лица монахинь, искаженные ненавистью, когда они избивают тощую, униженную девушку, и думаю, до какой же степени они несчастны, если позволяют себе такие мерзкие поступки. И мне действительно становится их жаль. Они такие же жертвы, как и мы сами. Испытывают не меньшие мучения. Конечно, именно монахини представляются нам корнем всех бед в этом заведении, но ведь не они поместили нас сюда, а наши возлюбленные, родители, врачи, священники, то есть те, кто должен был заботиться о нас, но бросил в беде. Если бы они не отвернулись от нас, койки в Святой Маргарите оставались бы пустыми.

Меня больше не пугает то, что меня отправят в сумасшедший дом. Ничего не может быть хуже жизни в этом аду. Работы в прачечной с раннего утра, когда меня насильно заставляют подниматься, и до тех пор, пока я держусь на ногах. А ведь мне предстоят еще годы подобной каторги, прежде чем я выплачу свой долг приюту.

Я мечтаю совершить побег, но, куда бы мы ни отправлялись, за нами непрерывно следят. Только в спальне ночью нет наблюдения, но там окна расположены в сорока футах над землей. Если бы не Роуз, не мысль, что однажды мы, быть может, заживем с ней вместе, я бы разбила стекло и бросилась вниз.

Однако я не могу умереть, не рассказав ей, как сильно я любила ее, как отчаянно стремилась сохранить. Пожалуйста, если однажды ты встретишься с ней, покажи ей эти письма. Для меня важно, чтобы она знала о моей беспредельной любви, о том, что я каждую минуту думала о возможности оставить ее возле себя. Объясни: я не бросала ее. Меня вынудили сделать это. А я до последнего пыталась бороться.

Теперь я понимаю, что ты меня больше не любишь. Но неужели, даже прочитав мои письма, ты способен оставить меня сгнить здесь заживо? Я ненавижу тебя за то, как ты поступил с нами. Уверена, в один прекрасный день тебе придется горько пожалеть об этом.

Айви.

Глава 33

6 февраля 2017 года, понедельник

Сэм с трудом успокоила дыхание и прошла по каменным плиткам дорожки к «Розовому коттеджу» во второй раз. Она постаралась по возможности расслабиться, чтобы престарелой леди было легче с ней разговаривать. Сэм не успела ее как следует разглядеть, когда увидела впервые под дождем два дня назад. Теперь же резкий дневной свет давал гораздо более полное впечатление о ее возрасте. Он прослеживался в складках кожи, в сгорбленной фигуре, в манере держать себя, вцепившись в ходунки, словно без них ей грозило немедленное падение. Сэм быстро произвела в уме подсчеты. Если Айви родила Роуз в 1957 году, то ее собственной матери исполнилось бы сейчас почти сто лет.

– Здравствуйте! Вы получили мою записку? – с улыбкой спросила Сэм.

– Да, – ответила старуха, и подобие улыбки тоже появилось в уголках ее губ. – Вы, должно быть, Саманта.

– Верно, – бодро подтвердила Сэм. – Очень рада с вами познакомиться.

Тощие руки леди по-прежнему лежали на ходунках. Очки свисали с шеи на тонкой цепочке.

– Меня зовут миссис Дженкинс. Не желаете ли зайти?

– С удовольствием, спасибо за приглашение.

Миссис Дженкинс со скрипом подвинула ходунки, давая Сэм возможность пройти внутрь дома. Сэм потянулась, чтобы помочь.

– Не надо, – резко сказала хозяйка. – Справлюсь сама. Вот только не могли бы вы закрыть за собой дверь, дорогая? И если не возражаете, снимите, пожалуйста, обувь. Я буду вам благодарна за это. Мне очень трудно поддерживать у себя чистоту.

– Конечно, нет проблем, – ответила Сэм и стащила с себя сапоги, поставив у входной двери.

– Не хотите ли чашку чая? – спросила миссис Дженкинс, первой проходя в холл.

– Да, было бы неплохо.

Сэм огляделась вокруг, освещение было скудным. На стенах висели картины с пейзажами местных низин, черно-белые фотографии и зеркало в

деревянной раме, в котором она поймала свое отражение и содрогнулась.

– Будьте любезны, присаживайтесь, – сказала миссис Дженкинс, когда они обе оказались в уютной кухне сельского дома, с крепким деревянным столом в центре.

Сэм выдвинула для себя стул и села.

– Спасибо, миссис Дженкинс. Все зовут меня просто Сэм.

– Тогда я для вас – Мод. – Старуха включила электрический чайник. – Стало быть, вы – репортер?

– Да, водится за мной такой грех. – Она обрадовалась, глядя на Мод и заметив, что на этот раз та улыбнулась ей в ответ.

– Я прочитала вашу записку. Упомянутые письма у вас с собой?

Сэм достала пачку из сумки.

– Прочитав их, я сделала определенный вывод: Айви – исключительный, необыкновенный человек.

Мод опустилась на стул рядом с гостьей.

– Такой она и была. Не проходит дня, чтобы я не думала о ней. – Она посмотрела на письма и принялась медленно переворачивать страницы. – Я так скучаю по ней. – Старушка протянула руку и погладила Сэм по волосам.

Сэм чуть заметно вздрогнула, но сумела выдавить из себя улыбку.

– Значит, Айви была вашей дочерью? – тихо спросила она.

– Да, естественно.

– Мод, могу я задать вам один деликатный вопрос? В письмах отчасти содержится ответ, но мне нужно знать вашу версию событий. Как все-таки Айви оказалась в Святой Маргарите?

Мод глубоко вздохнула.

– Она забеременела от местного паренька, которого страстно полюбила. Отец Айви, к несчастью, погиб на войне. Думаю, он позволил бы ей жить с ребенком у нас, но я второй раз вышла замуж, за Фрэнка, брата покойного мужа и дядю Айви, а он – человек очень строгих правил. Доктор Джейкобсон, наш городской врач, предложил приют Святой Маргариты как безопасное место, где она могла родить, чтобы затем младенца отдали в приемную семью. И отец ребенка Айви посчитал это оптимальным решением проблемы.

– Это был Алистер Хендерсон? – спросила Сэм, сверившись с записью в блокноте.

– Да, так его звали. Вдвоем они заставили меня согласиться. Никогда не прощу себя за то, что не сопротивлялась более упорно. В итоге наша жизнь оказалась полностью разрушена. – Мод перевела взгляд в сторону

окна. – Насколько я понимаю, вскоре после родов у Айви развилось нечто вроде глубокой депрессии. Отец Бенджамин убедил меня, что ей лучше всего будет остаться в Святой Маргарите и лечиться там. Я писала ей письма и сама доставляла к воротам приюта, но, как я их не умоляла, монахини ни разу не разрешили мне встретиться с Айви. Пришлось и с этим смириться.

– Лечиться в Святой Маргарите? От какой же болезни? – Сэм начала снова писать в своем блокноте.

– Нам сказали, что Айви время от времени страдает припадками психоза. Я продолжала ездить туда неделю за неделей, упрашивая увидеться с ней, но мать Карлин заявила, что, по ее мнению, этого делать не следовало, поскольку мое появление могло только усугубить нервное расстройство Айви. Но, понимаете, я всегда считала себя виновной в том, что Айви вообще оказалась в приюте.

Мод сделала паузу, затем снова посмотрела на Сэм.

– Сейчас вам уже трудно в это поверить, но тогда католическая церковь обладала огромным влиянием на местное общественное мнение. Я была взрослой и вполне разумной женщиной, но мне и в голову не пришло спорить с монахиней. Думаю, если бы муж поддержал меня, я все же сумела бы пробиться сквозь все преграды и проникнуть в приют, но Фрэнк… – У нее дрогнул голос. – С самого начала он считал всю эту историю крайне неприятной и вредной для репутации семьи. Положение сложилось трудное, и Святая Маргарита представлялась в то время хорошим выходом из него. Тем более что у нас не было оснований для подозрений или недоверия к работницам приюта.

Сэм оторвалась от своих записей.

– А с чего вам было не доверять им? Понимаю, почему вы приняли это решение.

Воспоминания заставили Мод покачать головой.

– Айви провела в Святой Маргарите более двух лет. Я всегда ненавидела себя за это. В результате у меня тоже развилась серьезная депрессия, и именно ситуация с Айви послужила основной причиной. Тогда я сказала Фрэнку, что обращусь за помощью к юристам, чтобы вернуть ее домой, а если он мне не поможет, нам придется расстаться. И он почти согласился со мной, когда мы получили письмо.

– Письмо?

Мод выглядела настолько утомленной, подумала Сэм, словно каждую секунду разговора она напрягалась все сильнее.

– Откройте нижний шкаф буфета, дитя мое. Избавьте меня от

необходимости подниматься сейчас самой. Внутри найдете коробку.

Сэм посмотрела, куда указывала ей хозяйка. Она открыла дверцу буфета и достала коробку из-под обуви, поставив ее затем на стол перед Мод, которая принялась перебирать содержимое.

– А, вот оно.

Она подала Сэм конверт. Он выцвел почти до коричневого оттенка за пятьдесят лет, прошедших со времени той даты, которая значилась на штампе поперек почтовой марки. Сэм осторожно достала письмо, отпечатанное на официальном бланке Святой Маргариты, и начала читать:

20 февраля 1959 года

Уважаемые мистер и миссис Дженкинс!

Пишу вам от имени всех работников приюта для матерей-одиночек имени Святой Маргариты в Престоне. С глубоким прискорбием сообщаем, что ваша дочь, Айви Дженкинс, добровольно покончила с собой в пятницу, 13 февраля. Как вам известно, мисс Дженкинс уже длительное время страдала от припадков психопатии. Пытаясь помочь ей, мы рекомендовали перевести ее в психиатрическую больницу Брайтона. К несчастью, она умерла прежде, чем мы добились ее перевода в это лечебное заведение.

Ее похороны на кладбище при Святой Маргарите назначены на пятницу. Если вы желаете отдать последнюю дань ее памяти, вам будет разрешено посетить погост в указанный день.

Примите мои самые искренние соболезнования.

Мать Карлин, настоятельница приюта имени Святой Маргариты.

– Я действительно прилагала все усилия, чтобы повидаться с ней, – сказала Мод, и ее покрасневшие глаза налились слезами. – Она ведь была моей единственной дочерью, Саманта. Только я могла защитить ее, но разрешила совершенно посторонним людям помешать мне. Почему? Где теперь все эти люди? Они прожили счастливые жизни, а мой ребенок умер.

Сэм снова просмотрела список в своем блокноте. Ей хотелось рассказать Мод, насколько она ошибается. Назвать истинную причину своего визита к ней. Ведь люди, которых она упомянула, отнюдь не прожили счастливо. Все до единого погибли при ужасных, трагических обстоятельствах.

Мод тем временем достала из коробки другое письмо и дрожащей

рукой протянула его Сэм. Ей показалось, что по непонятной причине письмо было сначала разорвано, а затем снова склеено. Сэм начала читать. Письмо было напечатано на старой пишущей машинке и адресовано в приемное отделение психиатрической больницы Брайтона.

Обращаюсь к вам с просьбой о незамедлительной госпитализации мисс Айви Дженкинс согласно закону об охране душевного здоровья населения. Я впервые встретился и осмотрел мисс Дженкинс по рекомендации матери Карлин и отца Бенджамина в приюте Святой Маргариты 12 февраля 1959 г., поскольку их тревожили как ее собственное состояние, так и безопасность других девушек, содержащихся в приюте.

Мисс Дженкинс полностью запустила свою внешность и крайне исхудала, поскольку отказывалась принимать пищу. Кроме того, она провоцировала остальных девушек последовать своему примеру. Она проявила себя как человек одержимый, склонный к нанесению себе самой вреда и травм, одновременно явно демонстрируя суицидальные наклонности. Ее образ мышления характеризуется постоянным психозом и прочими психопатологиями, бросавшимися в глаза врачу. Мисс Дженкинс признала, что пребывает в тревоге и депрессии, которые, вероятно, первоначально спровоцировало удочерение ее ребенка приемной семьей, но с течением времени они обострились.

По моему мнению, мисс Дженкинс следует перевести в психиатрическую больницу Брайтона в течение ближайших сорока восьми часов, чтобы она оставалась там в обозримом будущем для отдыха и выздоровления. В таком случае она не сможет навредить ни самой себе, ни окружающим.

Искренне ваш,

Ричард Стоун.

Мод достала из коробки Библию и принялась вертеть в руках.

– Я спросила, нельзя ли выяснить, где находится ребенок Айви, но мать Карлин лишь улыбнулась в ответ. Никогда не забуду этого. Она заявила, что Айви подписала контракт, который обязывал ее не пытаться отыскать дочь, и отдала мне копию.

Она вручила гостье лист бумаги. Сэм взяла его и пробежала по тексту глазами, прочитав вслух одну строчку:

– «Отныне я отказываюсь от всех притязаний на вышеуказанного

ребенка – Роуз Дженкинс».

Внизу стояла подпись Айви, а рядом расписалась Хелена Кэннон, представительница общественного совета по поиску приемных родителей для детей из приюта Святой Маргариты.

Взгляд Сэм случайно упал на лежавшую в коробке шариковую ручку с почти стертым названием какой-то фирмы.

– А это что такое? – спросила она, вынимая ручку. – «Мерсер фармасьютикалз».

– Я нашла ее в корешке Библии, принадлежавшей Айви, – объяснила Мод.

Сэм взялась за телефон.

– Могу я воспользоваться вашим туалетом, Мод?

– Разумеется, дорогая. Он слева по коридору от прихожей.

Она заперла дверь и сразу же ввела название «Мерсер фармасьютикалз» в поисковик. Сначала никаких результатов получить не удавалось, но она продолжила поиски в «Википедии», пока не обнаружила ссылку на «Мерсер». В 1970-х годах фирму перекупила другая компания, под названием «Краниум». Затем открылся сайт «Краниум фармасьютикалз» – 100 лет новаторских исследований для фармацевтической промышленности».

Ей было трудно разобраться в том, чем же конкретно занималась компания. Неуверенная, что именно она пытается найти, Сэм просмотрела несколько страниц сайта. И когда уже собиралась бросить эту затею, ей попалась информация под заголовком «Отцы-основатели». Она щелкнула по строке курсором.

«Краниум», известная прежде как «Мерсер фармасьютикалз», была основана двоюродными братьями, Чарльзом Джеймсом и Филипом Стоуном, в 1919 году. Их основной целью были исследования для медикаментозного лечения широко распространенного в то время посттравматического, стрессового расстройства психики у сотен тысяч солдат, вернувшихся с полей сражений Первой мировой войны. Сделанные ими открытия в области физиологических лекарственных препаратов изменили всю эту сферу медицины. Главным их достижением стало изобретение триметалина[14], успокоительного средства, которое помогло облегчить психологические перегрузки тем, кто побывал в сражениях.

Продолжая свои новаторские исследования в 1950-х годах, Джеймс и Стоун обнаружили еще более широкий спрос на транквилизаторы. Особенно среди обычных домохозяек. В 1959 году фирма «Мерсер» вышла

на рынок с кокинаранолом. Лекарство резко снижало проявления симптомов хронической беспричинной тревожности, депрессии и маниакального поведения, благодаря ему Филип Стоун стал лауреатом Нобелевской премии в области медицины в 1968 году, незадолго до его смерти, а фирма «Мерсер фармасьютикалз» вышла на международный уровень. Позднее фирма «Мерсер» привлекла внимание исполнительного директора компании «Краниум» Карла Хермолина, который в 1970 году заплатил оставшуюся засекреченной сумму Чарльзу Джеймсу, чтобы приобрести у него фирму и взять ее под свое руководство».

Филип Стоун. Но ведь письмо, с требованием поместить Айви в психиатрическую больницу, было написано человеком по имени Ричард Стоун, не так ли? И еще: Сэм хорошо запомнила, как то же самое имя высветилось на экране телефона Китти, во время их совместной поездки в такси. Конечно, Стоун – распространенная фамилия, но почему-то все это не казалось ей простым совпадением.

Она набрала в поисковике имя Ричарда Стоуна и «Мерсер фармасьютикалз» и ждала результатов. Не нашлось ничего, кроме ссылки на сайте «Современная психология». Она вывела на интервью с Ричардом Стоуном, известным психиатром, где упоминалось о его ссоре с отцом Филипом Стоуном, в конце шестидесятых годов. Без каких-либо подробностей он признал, что не общался с отцом почти до самой его смерти.

На Сэм накатила волна паники. Она сразу же набрала номер Китти, но попала на автоответчик.

– Китти! Это Сэм. Я сейчас нахожусь у матери Айви. Это может оказаться простой случайностью, но, как я понимаю, у вас сегодня утром назначена встреча с человеком по имени Ричард Стоун, чей отец был основателем фирмы «Мерсер фармасьютикалз». Высока вероятность, что в прошлом он был тесно связан с приютом Святой Маргариты. Мне пока не ясно, в чем заключалась связь. Однако я беспокоюсь за вас. Пожалуйста, перезвоните.

Глава 34

6 февраля 2017 года, понедельник

Ричард Стоун закончил завтрак, выпив большой стакан апельсинового сока, а потом направился в ванную комнату, как делал обычно каждое утро. В ванной все было готово. Сняв халат, он погрузился в воду, от которой исходил легкий пар, и даже застонал от удовольствия. Он любил не закрывать один из кранов до конца, чтобы вода оставалась постоянно достаточно горячей, а пар постепенно заполнял все пространство, окружая его мягкой завесой.

Ричард откинулся назад и вслушивался в тишину, пока ванная превращалась в подобие сауны. Он постарался расслабиться, но мысленно то и дело возвращался к позавчерашнему сеансу с Китти. Ее информированность о Святой Маргарите стала для него немалым шоком и вызывала воспоминания, которые он так упорно стремился забыть навсегда. Ему вовсе не хотелось повторять все заново во время нового сеанса с ней этим утром. Он переживал свое горе слишком эмоционально и не знал, хватит ли у него сил на решение проблем Китти. Он встретится с ней сегодня, и, скорее всего, они обсудят возможность перевода ее к другому специалисту. Его сын Джеймс был прав: настало время полностью отойти от работы, уйти на покой.

Да, он пытался расслабиться, но в висках гулко пульсировало, а спина невыносимо ныла от боли. В молодости было много причин, почему он чувствовал, что его тело покрыто синяками и ссадинами – падение с велосипеда или нагоняй, полученный от старшего брата. Теперь же это стало каждодневным последствием незаметно наступившей старости. Он закрыл глаза, а конденсат с запотевшего зеркала стал капать в расположенную ниже раковину, отдаваясь под потолком звонкими короткими всплесками.

Пока он вслушивался в шипение медленно вытекавшей из крана горячей воды, мурашки стали пробегать по голове, а затем по спине. Он сменил позу в ванне, пристроив подушку под головой, чтобы лечь удобнее. Ароматическое масло для ванн, обычно приятное телу, теперь только раздражало кожу, как колючее шерстяное одеяло, на котором лежишь в жаркий летний день. Пытаясь избавиться от неприятных мыслей, засевших

в мозгу, он вдруг начал постепенно ощущать тошноту, поднимавшуюся из желудка.

Осторожно открыв глаза, он обвел взглядом ванную, стремясь определить, что именно могло стать причиной таких странных и волнующих ощущений. Но комната наполнилась паром. Ему с трудом удавалось рассмотреть даже пальцы собственных ног в противоположном конце ванны, а знакомый шум моторчика вентиляционной вытяжки почему-то больше не доносился до него. Ощущение, что он теряет ориентацию в пространстве, заставило его сесть и несколько раз глубоко вдохнуть. Захотелось сразу же выбраться из ванны и избавиться от необычного ощущения. Быть может, он уже слишком стар, чтобы плескаться в настолько горячей воде и наслаждаться паром? Неужели придется отказаться от одного из последних удовольствий, оставшихся для него в этой жизни?

Как только он подался вперед, намереваясь встать на ноги, раздался звонок во входную дверь. Кто это мог быть? Девять часов утра. Китти он ожидал только к полудню. Через несколько секунд он даже вздрогнул, услышав из холла женский голос. Возможно, сын и невестка решили нанести ему неожиданный визит и устроить сюрприз? Нет, такую версию пришлось сразу отбросить: они никогда не делали ничего подобного и всегда предупреждали по телефону о своем приезде.

Он уже почти убедил себя, что голос ему померещился, как вдруг входная дверь громко захлопнулась, снова заставив его вздрогнуть всем телом.

Положив обе ладони на края ванны, Ричард Стоун попробовал подтянуться и встать, но сил не хватило, и он снова упал в воду.

– Джеймс! Это ты?

Не на шутку обеспокоенный, он предпринял новую попытку выбраться из ванны, но пальцы соскользнули с мокрых краев, причем на этот раз он рухнул на дно с ощутимой тяжестью и с громким звуком от удара. Все расплылось перед глазами, когда голова оказалась под водой. Учащенное от паники дыхание отдавалось в ушах. Ричард издал крик, так и не показавшись на поверхности, наглотался воды, отчаянно закашлявшись после того, как сумел все-таки сесть прямо.

– Джеймс! – воскликнул он, постепенно восстановив более или менее нормальное дыхание. – Джеймс! Помоги мне!

Он цеплялся за края ванны, отплевывал воду и жадно глотал воздух, как вдруг пара грязных и окровавленных ступней возникла на коврике прямо рядом с ним. Ричард медленно поднял взгляд. Перед ним стояла

девочка лет восьми. Ее голова была небрежно обрита наголо, и отдельные кустики оставшихся волос топорщились в некоторых местах. Горло распухло настолько, что голову ей приходилось держать откинутой назад, а кожа пылала от лихорадки. От нее плохо пахло. Пот стекал со лба, оставляя полосы на чумазом лице.

«Я плохо себя чувствую, – сказала она, обхватив руками свое дрожащее тело. Ричард заметил язву у нее на предплечье. Она расчесывала ее, и из-под ногтей летели мелкие ошметки кожи. – У меня болит горло», – хрипло добавила девочка, приложив руку к опухоли и потирая ее.

Для Ричарда было невыносимо даже смотреть на нее. Он ничего не говорил – был слишком напуган, чтобы вымолвить хоть слово. Она же склонилась ближе, исторгая мерзкий запах изо рта. Кровь, сочившаяся из ее язвы, начала капать внутрь ванны.

«Мать Карлин очень сердится, если я плачу, но мне так больно, что я не могу остановиться. Пожалуйста, ты должен мне помочь».

Она протянула к Ричарду руку, а он оттолкнул ее от себя.

– Умоляю, не надо, – сказал он.

Девочка проигнорировала его мольбу и начала тянуть его за руку, заставив его снова лишиться опоры о край ванны. Он вцепился в него другой рукой так крепко, словно висел на краю высокой скалы.

Девочка продолжала пристально рассматривать его, а Ричард услышал, как повернулась дверная ручка и скрипнули петли. Каблуки защелкали по кафельному полу. Ричард посмотрел в сторону, чтобы понять, кто приближается к нему сквозь пелену пара.

– Эй! – окликнул он снова. – Это ты, Джеймс?

Ответа не последовало.

– Ради бога, помоги мне. Я не могу пошевелиться!

Руки стали сильно трястись. Он лишился последних сил и упал спиной в воду. Пытаясь удержать голову на поверхности, он прекратил барахтаться и постарался успокоиться.

Затем ему удалось сдернуть с помощью большого пальца ноги лейку душа из крепления. Она упала на дно со стуком, а он подтянул ее себе под ягодицы так, чтобы рот и нос оставались выше уровня воды. Потом резким движением выдернул пробку.

Начал отсчет: раз, два, три – вдох. «Сохраняй хладнокровие, не паникуй. Ты сможешь продержаться до тех пор, пока вся вода не вытечет из ванны, и к тебе вернется энергия. Ты не умрешь здесь». Но даже глядя в потолок, Ричард по-прежнему ощущал присутствие рядом девочки в коричневом балахоне. Медленно он повернул голову в ее сторону.

Она больше не была одна. Бок о бок с ней теперь стояла Китти Кэннон.

Ее седые волосы зачесаны назад, голова наклонена, подбородок почти уперся в грудь. Карие глаза устремлены на него. Так она простояла молча какое-то время, неотрывно разглядывая Ричарда. В руках она держала коробку, которую потом аккуратно поставила на пол ванной.

– Китти! Слава богу! Помогите мне.

Его мозг теперь словно тоже окутал пар. Звуки голоса доносились приглушенно. А стоило пошевелить головой, как подкатывала тошнота.

Китти ничего не сказала, а принялась что-то доставать из коробки. Снова защелкали каблуки, когда она вышла и вернулась с другой коробкой, повторив свои манипуляции, а маленькая девочка наблюдала за ней с улыбкой. Ричард вывернул шею, чтобы выглянуть через край ванны. Пол был покрыт папками с личными делами. Некоторые с фотографиями, остальные без снимков. Их оказалось так много, что они заняли все пространство пола.

– Китти! Что вы делаете? Пожалуйста, Китти, помогите мне выбраться отсюда. Богом прошу!

– Меня зовут Эльвира, – невозмутимо произнесла она и протянула ему руку.

Ричард инстинктивно ухватился за нее, рассчитывая на помощь, но затем издал крик от боли, потому что она всадила кухонный нож ему в кисть, сделав глубокий надрез вверх по руке. Кровь хлынула через открывшуюся рану. Крови вытекло так много, что уже через минуту вся ванна окрасилась в красный цвет. Ричард отчаянно пытался оттолкнуть ее, найти в себе хоть какие-то силы, но их совсем не осталось.

– Как я вижу, кокинарол действует, – сказала она, пока он пытался оправиться от болевого шока. – Ты же помнишь это лекарство, не так ли, Ричард? Я-то уж точно помню. Я пережила чудовищные побочные эффекты, когда вы с отцом испытывали его на нас. Меня удивило, как легко оказалось добыть бумагу для письма в «Краниум фармасьютикалз» на твоем личном бланке. Похоже, твоя подпись по-прежнему воспринимается там с большим уважением.

Ричард с ужасом следил, как она обошла ванну с противоположной стороны и снова вскинула над ним нож. Мысли стремительно проносились у него в голове. Эльвира. У Китти была сестра – Эльвира. Значит, в ту ночь умерла Китти, а над этой женщиной отец ставил эксперименты в Святой Маргарите.

– Ты одна из тех детей! – воскликнул он, а потом издал очередной

громкий крик, когда она вонзила ему лезвие в кисть другой руки. Боль была непереносимой. Его словно прижигали раскаленным докрасна железом. – Китти, пожалуйста, прекрати. Я перестал общаться с отцом из-за тех экспериментов. Сорок лет не разговаривал с ним после того, что он натворил.

– А сам ты все делал правильно? – спросила Китти. – Ты в этом уверен? Разве не ты пытался упечь Айви Дженкинс в психиатрическую больницу по просьбе ее отчима? И все потому, что всех беспокоила ее дружба с восьмилетней девочкой по имени Эльвира? Ни в чем не повинной маленькой девочкой, рассказавшей ей, как ее саму и других детей в Святой Маргарите твой отец использовал для испытаний новых лекарств.

Ричард закрыл глаза и мысленно вернулся в тот день, к встрече, в которой принял участие по требованию отца.

Тогда они все собрались, чтобы решить дальнейшую судьбу Айви Дженкинс, усевшись вокруг стола в задней комнате церкви в Престоне. Присутствовали отец Бенджамин, мать Карлин, доктор Джейкобсон и Хелена Кэннон. Сам Ричард опоздал, потому что заблудился по дороге. Когда же он уже шел по центральному проходу церкви к маленькой и душной комнате за алтарем, отец Бенджамин вывел навстречу молодого светловолосого человека с голубыми глазами. Позже Ричард узнал, что это был Алистер Хендерсон, отец ребенка Айви.

Священник представил их всех друг другу, а потом стал кем-то вроде председателя этого собрания.

«Благодарю вас за то, что пришли сюда, – произнес он размеренно и четко, словно начинал церковную проповедь. – Как вам известно, в Святой Маргарите содержится группа детей, которые по разным причинам, но в основном из-за проблем, возникших при родах, не пригодны для усыновления или удочерения. Мы не выбросили их на улицу, как могли бы поступить, а воспользовались возможностью, предоставленной фирмой «Мерсер фармасьютикалз», позволившей нам продолжать свою богоугодную деятельность в приюте».

Ричард ощутил, как кровь ударила ему в голову, а тело охватил жар при таком откровенном упоминании ужаса, творившегося в Святой Маргарите. Он знал, что его отец использует детей из приюта, чтобы ускорить испытания нового лекарства: он отчаянно стремился получить разрешение на его производство. Когда Ричард впервые узнал об этом, он дал понять, что не одобряет деятельность отца, но тайны не разглашал, стараясь лишь самому держаться подальше от экспериментов.

Между тем отец Бенджамин обратился потом напрямую к нему.

«Однако сейчас возникла проблема, для решения которой я нуждаюсь в вашей помощи, само собой, при соблюдении абсолютной секретности. Девушка, находящаяся у нас, по имени Айви Дженкинс, завела близкую дружбу с одной девочкой, участницей экспериментов, и мы опасаемся, что ей стало все известно о том, какие исследования проводятся. Понятно, она никогда в этом не признается, но ей скоро предстоит выйти из Святой Маргариты, и, если она раскроет информацию, деятельность фирмы вашего отца подвергнется риску попасть под жесткий запрет».

Ричард промолчал, хотя стыдился доставшейся ему роли представителя своего отца в таком безобразном деле.

«Кроме того, появилась еще одна проблема, – продолжал отец Бенджамин. – Отец ребенка Айви, Алистер Хендерсон, стал получать от нее тревожные письма, содержащие невероятный бред. Он лично передал мне их сегодня. Мистера Хендерсона ждет блестящая спортивная карьера, и он крайне опасается, что Айви может сделать его будущую жизнь невыносимой. Он готов оплатить нам любые расходы, если мы согласимся продержать ее в приюте еще несколько лет».

Вмешался доктор Джейкобсон.

«Несколько лет? На каком основании вы можете это сделать?»

Он скрестил на груди руки, словно отгораживаясь от своего возможного участия, стараясь выглядеть лишь сторонним свидетелем разговора.

Отец Бенджамин пропустил его реплику мимо ушей и по-прежнему смотрел на Ричарда.

«Доктор Стоун, насколько мне известно, вы не так давно стали дипломированным психиатром».

Ричард снова промолчал. Ему стало ясно, к чему ведет этот разговор. И он сразу понял, зачем отец отправил его на это тайное совещание. Наказав за высказанные возражения против экспериментов с лекарствами в присутствии его коллег.

«Как считает ваш отец, вы способны помочь нам решить проблему с Айви Дженкинс. После рождения ребенка у нее появилась склонность к насилию, что подтверждают несколько эпизодов, также у нее возникают галлюцинации. Она даже объявляла голодную забастовку. И мне кажется, что она будет представлять опасность для себя самой и, быть может, для других членов общества, если выпустить ее сейчас в этом состоянии».

«Я действительно не вижу никакой необходимости своего участия в вашей встрече», – резко заметил доктор Джейкобсон, после чего мать Карлин, не вступавшая пока в разговор, повернулась к нему.

«Мы считаем крайне важным, чтобы все были полностью информированы о ситуации, сложившейся с Айви Дженкинс, доктор Джейкобсон. Каждый из нас должен принять участие в решении этой проблемы. Лично я не понимаю, почему вы с удовольствием получаете от нас крупные выплаты за направление к нам девушек, но в то же время позволяете себе устраняться от личного участия в поиске путей выхода из затруднительных положений. Бог все видит. Поверьте, каждый волосок на вашей голове уже сосчитан. Если вы желаете остановиться, жить только на заработки городского врача, притом что вы и ваша семья только что въехали в просторный новый дом, пожалуйста, дайте нам знать об этом».

Монахиня произнесла свою речь, ни на секунду не сводя с него глаз и наблюдая, как на лице доктора Джейкобсона поочередно проступали все более густые красные пятна. И хотя было совершенно ясно, как он горит желанием перебить ее и возразить, врач промолчал, но стоило ей закончить, он встал и бросился прочь из комнаты.

Затем со своего места поднялся отец Бенджамин и подошел к Ричарду.

«Вот письма, переданные мне Алистером Хендерсоном. Будьте любезны изучить их. Впрочем, я уверен, вы придете к тем же выводам, к каким пришел я. Айви Дженкинс серьезно душевно больна, и будет лучше, если она в обозримом будущем будет содержаться в специальном лечебном заведении. При этом мы не исключаем того, что важная работа, которая проводится здесь, придет к своему естественному завершению, и тогда мы сможем заново пересмотреть ситуацию».

Ричард бросил взгляд на пять конвертов, положенных отцом Бенджамином на стол перед ним.

«Когда вы хотите получить результаты ее обследования?»

«Немедленно. Для этого необходимо, чтобы она побеседовала с вами, но мы ей сказали, что она пройдет последний медицинский осмотр перед отправкой домой».

«Мне кажется, это слишком жестоко», – сказал Ричард, не сумев сдержаться.

«Ваш отец освободил вас от всех остальных обязанностей до конца дня. Как только вы установите наличие достаточных оснований для ее госпитализации, думаю, нам будет лучше всего отправить ее сразу же. Ну, приступим?»

Отец Бенджамин указал рукой на дверь, и один этот простой жест окончательно определил судьбу Айви Дженкинс…

Ричард медленно оглядел свое тощее тело в уже опустевшей ванне. Его трясло от холода и страха.

– Китти, умоляю, сжальтесь. Я был молод и глуп. Вызовите мне «скорую помощь», а потом мы сможем поговорить.

– Я устала от разговоров с тобой, Ричард. Я давала тебе много шансов. Гораздо больше, чем предоставляла остальным. Не хочу тебя обидеть, зная, что ты считаешь психиатрию своим истинным призванием, но должна заметить: ты не слишком-то хороший специалист. Ты встречался со мной много месяцев, но так ничего и не понял, не предвидел угрозы, верно?

Пока она всматривалась в его лицо, в капельки холодного пота, капавшие со лба, свет в комнате начал меркнуть.

– Я рассказывала тебе о той ночи, когда погиб мой отец, помнишь? – спросила она. – Неужели ты в тот момент не почувствовал, сколь многим еще мне хотелось с тобой поделиться?

Черный контур обвел ее фигуру, пока она держала окровавленный нож и изучала то, что сделала.

– Я не намеревалась устраивать для него аварию. Его смерть не входила в мои планы. В ту ночь я проснулась из-за кошмарного сна. Мне снилась Китти. Ее образ навязчиво преследовал меня. И терпеть это стало больше невыносимо. Я решилась рассказать отцу правду. Что это его любимая Китти оказалась погребена в Святой Маргарите, а я – самозванка.

Она смахнула капельки пота со своего лба затянутой в перчатку рукой.

– Поэтому я вышла из дома в разгар метели, чтобы добраться до больницы на автобусе, я хотела покаяться перед ним и Хеленой, невзирая на возможные последствия. А когда оказалось, что автобуса до больницы не будет, просто пошла по шоссе. Дорогу туда я хорошо изучила. Мы же почти каждый день навещали там Хелену. Около часа я с трудом пробиралась по снегу.

А затем внезапно появилась его машина. Он вывернул руль, чтобы не наехать на меня, и его снесло с дороги в кювет на такой скорости, что, когда я подбежала к нему, тут же поняла – он мертв. Я насмотрелась на столько смертей в Святой Маргарите и потому знала: ему не выжить.

Не помню, долго ли простояла там, но появился какой-то мужчина и спугнул меня. Я бегом вернулась домой, ни разу не остановившись. Ждала, что приедет полиция, меня арестуют и вернут в Святую Маргариту. Но когда прибыли полицейские, они лишь сообщили мне об ужасной автокатастрофе. Они понятия не имели, что я при ней присутствовала и, больше того, стала причиной аварии. После того как шок прошел, я поняла: меня никто не винит в смерти отца. И это позволило мне увидеть совершенно новые перспективы на будущее. Можно сказать, послужило источником вдохновения.

Внезапно нож со стуком упал на кафельный пол, а затем дверь со щелчком закрылась.

– Пожалуйста, не бросайте меня, – едва слышно вымолвил Ричард, уже начав молиться хоть о каком-то утешении в свой последний час.

Но яркий свет больше не загорался, а чернота вокруг стремительно сгущалась. В полном одиночестве он лежал в холодной пустой ванне и видел, как его кровь стекает в сливное отверстие. «Скоро все кончится», – подумал он и зарыдал. Он тосковал по покойной жене и стал молиться, чтобы она явилась сейчас и встретила его.

– Эльвира, – повторял он ее имя снова и снова, окончательно погружаясь во тьму. – Прости меня.

Глава 35

12 февраля 1959 года, четверг

Айви вздрогнула, ее разбудил плач ребенка. Она не собиралась засыпать, но сказалось переутомление, и теперь она проклинала себя за это. Ей мерещился детский плач очень часто и прежде, после того как Эльвира рассказала ей об уколах, от которых им становилось так плохо, что всем собранным на чердаке детям приходилось ухаживать друг за другом. Но до этой ночи Айви была совершенно бессильна сделать хоть что-то и помочь им.

Она села в кровати и оглядела комнату, пристально высматривая любые признаки движения на других койках. Все девушки спали, и единственными звуками в спальне было неясное бормотание в кошмарных снах, которые порой посещали каждую.

Айви до сих пор не могла поверить, что уезжает домой. Все произошло так неожиданно. За завтраком к ней подошла мать Карлин и сообщила новость. Завтра за ней приедет мама. Но всем девушкам перед выпиской полагалось пройти осмотр у доктора. Это обычная процедура, и ей следует подчиниться.

Врач оказался молодым человеком. Она даже подумала, что он одного с ней возраста. У него были пышные каштановые волосы. Одет он был в модный синий пиджак, а его манера говорить выдавала воспитание в аристократических кругах общества. К ней он отнесся по-доброму, расспрашивая, что она чувствовала по поводу своего ребенка и вообще как относилась к пребыванию в Святой Маргарите. Она понимала: ему доверять ни в коем случае нельзя, и выдала очень немногое из своих подлинных чувств и эмоций. Пока он делал записи, Айви заявила, что очень благодарна за предоставленную возможность пожить здесь и только рада, если Роуз обрела хороший дом с любящими приемными родителями. Сама же она постарается поскорее забыть весь этот эпизод своей жизни и оставить его в прошлом. Он отпустил замечание относительно ее худобы и поднял тему голодной забастовки. Айви отвечала, что тогда она отчаянно скучала по дому, и, как она поняла, мать Карлин и отец Бенджамин сумели войти в ее положение, понять мотивы поступков, если сейчас согласились разрешить ей уехать. Врач улыбался, слушая ее ответы, медленно кивал

головой, а перо его авторучки бегало по листу бумаги, лежавшему перед ним на столе.

Айви откинула одеяло, и холод обдал ей ноги, пробежав затем по спине. Содрогнувшись, она стащила его с постели и тщательно закуталась в него, а потом на цыпочках пересекла комнату, делая все, чтобы доски пола не скрипели под ее тяжестью. Она знала, что по ту сторону двери дежурит сестра Фейт и дремлет в кресле-качалке, как делала каждую ночь. Никогда прежде Айви не пыталась проскочить мимо нее. Ей не хватало смелости, поскольку она считала шансы незаметно пробраться мимо монахини слишком ничтожными. Но теперь, когда она собралась уезжать, выбора не оставалось. Необходимо поговорить с Эльвирой. Другой возможности уже не выпадет.

Еле дыша от страха, она приблизилась к двери и посмотрела на медную ручку. Она знала, что ее нельзя повернуть бесшумно, а при малейшем звуке сестра Фейт может проснуться, но все же протянула к ней дрожавшие пальцы. Ручка издала щелчок, и Айви, глубоко вдохнув, потянула на себя тяжелую дубовую дверь. В груди защемило от боли бешено колотившегося сердца.

В тишине коридора рядом со спальней стояло пустое кресло-качалка, чуть заметно двигавшееся, словно сидевшая в нем женщина только что покинула его, небрежно бросив на сиденье клетчатый плед. Айви стояла, глядя на него, словно парализованная, не решаясь пошевелиться. И вздрогнула от неожиданности, когда кто-то спустил воду в туалете, расположенном в двух шагах от места, где она сейчас находилась. Она посмотрела вдоль коридора, протянувшегося влево от нее и упиравшегося в другую дверь. За ней, как знала Айви, скрывалась лестница на чердак и в спальню Эльвиры.

Сердцебиение все усиливалось, когда она поспешно закрыла дверь своей спальни и побежала. Ее босые ступни не издавали никаких звуков, соприкасаясь с отполированными досками пола. Добравшись до дальнего конца коридора, стоя в темноте, она услышала, как отпирается внутренняя задвижка туалета, затем шаги, а когда ухватилась за ручку двери и повернула ее, сестра Фейт очень вовремя громко закашляла, и ее кашель пронзил тело Айви ударом тока.

Она встала на нижнюю ступень чердачной лестницы и медленно закрыла за собой дверь, дождавшись, пока раздастся еще один чуть слышный щелчок. Немного выждала, пытаясь заставить себя дышать медленнее, и только когда убедилась, что сестра Фейт не направилась в ее сторону, начала подниматься по крутым ступеням на чердак.

Стоя при входе в спальню Эльвиры, оглядывая ряды маленьких коек, стоявших вдоль обеих стен узкой, лишенной окон комнаты, она постаралась и сейчас сдержать слезы, которые уже давно держала в себе. На каждой койке лежали два ребенка в возрасте от одного года до семи лет. Их лодыжки были привязаны к спинкам кроваток. По большей части все они мирно спали на грязных матрасах, сунув большой палец в рот, это было единственное, что могло их успокоить. Но некоторые бодрствовали, лежа на спине с открытыми глазами, покачиваясь из стороны в сторону, как звери в клетках. Часть из них имели темный оттенок кожи, длинные спутанные волосы. Здесь держали детей азиатской расы, как знала Айви. Встречались и те, что страдали от физических увечий и не вставали с постели вообще.

В углу комнаты висел единственный керамический умывальник, рядом с которым на полу валялся крохотный жалкий обмылок.

«Айви? – Голос Эльвиры она могла узнать безошибочно, и Айви повернулась, чтобы увидеть красивую маленькую девочку, которую всем сердцем полюбила, смотревшую на нее широко открытыми глазами. – Что ты здесь делаешь?»

Айви кинулась к ней, понимая, как мало у нее времени. Волосы Эльвиры тоже безнадежно спутались, лицо покрывала грязь, от матраса пахло мочой. Айви овладело отчаянное желание схватить ее немедленно, убежать и унести девочку из этого Богом забытого места.

«Элви, послушай меня. Я не могу долго здесь находиться, я пришла сообщить, что уезжаю».

«Когда? – Слезы навернулись на глаза девочки. – Пожалуйста, не бросай меня здесь».

«Все будет хорошо, Элви. Я вернусь за тобой. Завтра же отправлюсь в полицию, чтобы рассказать обо всем, что происходит здесь с тобой и другими детьми, а потом заберу тебя отсюда. Привезу к себе домой. Ты будешь жить с нами». – Она обняла Эльвиру и крепко прижала к себе.

«Я буду жить с тобой?»

В глазах девочки теперь сверкнула радость, когда она посмотрела на нее, а Айви ощутила такую печаль, подумав о жалкой жизни Эльвиры, которую ее вынудили здесь вести, что это чувство отдалось физической болью в груди.

«Да, тебе этого хочется?» – спросила она, все еще сжимая Эльвиру в объятиях.

«Мне бы хотелось жить у тебя больше всего на свете!»

«Значит, договорились. Но только, Элви, ты никому не должна

говорить ни слова. Понимаешь? Моя мама приедет за мной завтра, а потом я вернусь».

Эльвира кивнула.

«Ты вернешься до того, как к нам снова придут доктора?»

«Да, обещаю. Мне нужно было добраться до тебя и сказать, чтобы ты ни о чем не волновалась. Я знала, как ты огорчишься, поняв, что я уехала, не предупредив тебя. Тебе и так пришлось пройти здесь через слишком многое». – Айви отстранилась и взяла девочку за руки.

Эльвира заплакала, и стекавшие по щекам слезы оставляли следы на ее чумазом лице.

«Что-то случится с тобой до того, как ты вернешься. Случится что-то плохое, потому что я сама плохая».

«Эльвира, посмотри на меня. Это вовсе не так. Ты не плохая. На самом деле ты – ангел во плоти. Все, что говорят о тебе сестры, – неправда. Заруби себе на носу, Богу известна истина, он все видит, как видит и то, что они творят с тобой здесь, знает обо всех твоих страданиях. Он знает: ты хорошая до самых кончиков волос. Недаром в Евангелии от Луки глава 12, стих 7 говорится: «У вас и волосы на голове все сочтены». Ничего не бойся».

Она взяла лицо Эльвиры и зажала между ладонями.

Девочка рыдала теперь, сотрясаясь всем телом, полностью потеряв контроль над своими эмоциями.

«Никакой я не ангел. Они мне сказали, будто я сделала что-то очень плохое их ребеночку. Вроде как пыталась утопить его в ванночке. Но мы просто играли, и он поскользнулся».

«Эльвира, ты сама еще маленький ребенок. Ты не заслужила такой участи. В том, что тебя вернули сюда, не твоя вина, а их собственная. Это они плохие. Не ты. И я собираюсь вытащить тебя отсюда».

«Не оставляй меня». – Эльвира вцепилась в руку Айви с такой силой, что ногтями поцарапала ей кожу.

«Эльвира, остановись, пожалуйста, – попросила Айви, в тревоге посмотрев на других детей, начавших активно ворочаться. – Умоляю, Элви, перестань плакать. Ты должна довериться мне, моя дорогая».

Она обнимала девочку до тех пор, пока всхлипы не стали звучать реже, а затем и вовсе прекратились.

«Сейчас мне пора уходить. Встретимся утром в прачечной, но ты не будешь ни с кем разговаривать. Поняла? Обещай мне, Элви».

«Обещаю».

«Я люблю тебя, Эльвира», – прошептала Айви.

«Вправду любишь?» – спросила Эльвира, утирая с лица последние слезы.

«Да, очень люблю. А теперь спи. У нас завтра важный день», – Айви улыбнулась и послала девочке воздушный поцелуй, пробираясь к выходу из спальни.

Широко открытые глаза следили за ней: глаза детей слишком напуганных, чтобы издать хотя бы звук. Ей хотелось немедленно собрать их всех и броситься бежать, но она не могла этого сделать. Сначала предстояло пережить завтрашний день.

Ей оставалось только раздобыть личное дело Роуз. Сейчас у нее не было возможности спуститься вниз и проникнуть в кабинет матери Карлин незамеченной. Ей придется найти способ уйти посреди завтрака и сделать все тогда.

У подножия лестницы она услышала храп сестры Фейт по другую сторону двери, но все равно ее пробирала нервная дрожь, когда она проходила по коридору в считаных дюймах от монахини. Она видела, как у той кривится губа, ощущала жар ее дыхания на своей руке, минуя кресло, но как только сумела проскользнуть в спальню, поспешно укрылась в безопасности своей койки.

Глядя на темный деревянный потолок, Айви мысленно начала составлять план действий. Адреналин буйно разыгрался в ее крови. Заснуть она не смогла бы при всем желании. И в ее сердце вновь появилось чувство, какого она не знала уже много месяцев и едва ли сумела бы сразу подобрать для него определение, но, когда солнце стало подниматься над горизонтом, она поняла, что это было за чувство.

Глава 36

6 февраля 2017 года, понедельник

– У вас там все в порядке, милая? – спросила Мод через дверь.

– Да, спасибо, – ответила Сэм, спустила воду в унитазе и ненадолго открыла кран умывальника.

Когда же она вернулась в прихожую, ей на глаза попался обрамленный гобелен, который она прежде не заметила.

Мод проследила за ее взглядом.

– Айви сама выткала его, когда ей было четырнадцать лет. Красиво, верно? Она и меня пыталась научить, но это оказалось слишком сложно. Зато у нее хватало терпения передавать свое мастерство детям в воскресной школе.

Сэм рассмотрела действительно очень красиво вытканное полотно со словами: «У вас и волосы на голове все сочтены. Ничего не бойся».

– Она не уставала повторять это мне. «Ни о чем не беспокойся, мамочка. Бог видит все, что ты делаешь, и знает, какая ты хорошая». А потом искоса смотрела на своего дядю Фрэнка и шептала: «И о плохих людях ему тоже все известно».

Сэм чуть заметно улыбнулась, взяв Мод за руку. Ее кожа казалась тонкой, как бумага. Сэм ощущала, насколько глубоко она была несчастна. Создавалось впечатление, что в любую минуту какая-то часть ее существа, но прежде всего сердце, может разломиться пополам.

– Вы так похожи на нее, – сказала Мод, пристально всматриваясь в Сэм.

– На кого?

– На Айви, – ответила Мод, указывая на фотографию, висевшую на стене.

Сэм тоже ошеломленно вгляделась в снимок. Со своими длинными рыжими локонами Айви в самом деле выглядела как ее собственное отражение в зеркале.

– Когда я впервые увидела вас, мне показалось, что передо мной призрак, – сказала Мод.

Сэм стало немного не по себе. Что имела в виду престарелая леди? Снова посмотрев в ее открытое и доброе лицо в поисках подсказки, Сэм

старалась понять истинный смысл слов Мод, прокручивая их в переутомленном от бессонницы мозгу.

– Должна заметить, что была слегка разочарована, увидев, как вы идете по дорожке к моему дому одна, – продолжала Мод. – У меня зародилась надежда. Ваше столь внезапное появление могло означать самое важное: Роуз наконец-то простила меня.

– О чем это вы? – Сэм ощутила волну панического страха, хотя пока сама не понимала его причины. – Какая Роуз?

Мод издала короткий нервный смешок.

– Я говорю, конечно же, о вашей бабушке.

– О Нане? Но она не имеет к этому никакого отношения. Она просто нашла письма среди бумаг моего деда, когда он умер. Он торговал антиквариатом и часто находил письма и другие документы личного характера в мебели, которую брал на продажу.

Сэм слышала, как звучат ее слова, отчаянно желая, чтобы это было правдой, но уже начиная понимать, что это не так.

– Но ведь это я отдала эти письма вашей бабушке почти пятьдесят лет назад. – На лице Мод отразилось искреннее недоумение. – Когда они с подругой приходили навестить меня.

Фраза словно повисла в воздухе. Сэм никак не могла правильно воспринять ее.

– Моя бабушка, Аннабель Крид, приезжала сюда? Пятьдесят лет назад?

– Да, ей тогда исполнилось двенадцать. Так я объяснила себе и ваше появление у меня. Подумала: она передала вам письма и объяснила, что произошло между нами.

У Сэм закружилась голова, она села прямо на пол, обхватив голову руками.

– Но как письма попали к вам?

– Пришли по почте через несколько дней после смерти Айви. – Мод по-прежнему смотрела на фотографию дочери. – Они разбили мне сердце. Я даже не представляла, какие ужасы ей пришлось пережить. Я принесла их в Святую Маргариту, но мать Карлин заявила, что Айви написала все это под воздействием психического расстройства, от которого страдала. Тогда же она мне показала подписанный психиатром документ, подтверждавший, что Айви была не в своем уме, а все ее письма – плод бредовых фантазий.

– Почему же Нана никогда мне не рассказывала о встрече с вами? – спросила Сэм. – Я все еще ничего не понимаю. Вы уверены, что это была она? Аннабель Крид?

– Да, Саманта, ее зовут Аннабель Роуз Крид. Она дочь Айви. Та самая Роуз, о которой писала Айви.

Сэм развернулась и бегом кинулась в туалет, где ее сразу же вырвало в унитаз. Затем она медленно распрямилась и встала, опершись о края раковины умывальника. Плеснула водой в лицо, оглядела себя в зеркало, прежде чем снова выйти в холл.

– Простите меня, Саманта. Я думала, что вам обо всем известно. И была так счастлива, прочитав утром вашу записку. Надеялась на прощение для себя от вашей бабушки.

– Прощение? За что же? – спросила Сэм, пристально разглядывая фото Айви.

– В тот день разговаривала со мной главным образом ее подруга. Она была немного старше, чем Аннабель, – ответила Мод. – Аннабель сидела очень тихо. Закон о приемных семьях в то время как раз пересмотрели, и детям из приемных семей больше не запрещались контакты со своими биологическими родителями. Местный совет прислал мне письмо с сообщением, что Аннабель хотела бы связаться со мной. И они согласовали время встречи.

Сэм слушала, не переставая качать головой. Она никак не могла поверить, что Нана все это время прекрасно знала, где живет ее бабушка, кем была ее родная мать. Почему же никогда ничего не рассказывала ей? Почему?

– А эта подруга моей бабушки… Что она сказала? – спросила Сэм.

– Все получилось ужасно. Я так волновалась при мысли о встрече с Аннабель Роуз, что считала минуты до того, как впервые увидела ее. Она оказалась такой красивой, настолько похожей на Айви. Она позволила мне обнять себя, и я никак не могла остановиться, гладя бедняжку. Я не хотела сразу отдавать им письма Айви, настолько печальными они были, но мне пришлось достать коробку с вещами Айви, чтобы показать ее фотографию. Ее подруга взяла письма, а потом села в углу и начала их читать, пока я разговаривала с Аннабель. Эти полчаса прошли восхитительно. Она была такой милой девочкой, так напомнила мне Айви. Но как только подруга закончила чтение, она вдруг страшно разозлилась. Она кричала на меня. Упрекала. Говорила, как мне должно быть стыдно за то, что не попыталась спасти Айви, что она погибла по моей вине. По ее словам, я могла с таким же успехом сама убить ее.

– О боже! Как ужасно слышать такое! Мне жаль вас, Мод.

Старая леди побледнела. Сэм опасалась обморока. Она схватила стул, стоявший в углу, чтобы усадить на него Мод.

– Спасибо, – сказала та, когда Сэм помогла ей сесть удобнее. – Это она разорвала письмо Ричарда Стоуна и швырнула мне обрывки в лицо. Ею владел неистовый гнев. Она сказала, что письмо насквозь лживое. Айви вовсе не была сумасшедшей. Глупо с моей стороны было заново склеить документ, но у меня осталось так мало вещей на память об Айви. Я цеплялась за любую мелочь.

Сэм взяла Мод за руку.

– Кем была эта так называемая подруга? – спросила она.

– Ее звали Китти. Я это запомнила, потому что через несколько лет увидела ее на экране телевизора. Сначала глазам своим не поверила, – сказала Мод, утирая слезы с лица тыльной стороной ладони. – Она строго запретила мне пытаться снова контактировать с Аннабель. Пригрозила убить меня, если я это сделаю.

Сэм протянула ей бумажный носовой платок.

– Господи, – прошептала Сэм, качая головой. – Китти назвала меня Айви, когда я нашла ее на территории бывшего приюта Святой Маргариты. Потом она все отрицала, но заметно расстроилась, стоило мне показать ей снимок Айви.

– Вы знакомы с Китти? – спросила Мод, комкая платок.

– Я впервые в жизни встретилась с ней сегодня, – тихо ответила Сэм, погруженная в свои размышления.

– Когда она была здесь в тот день, вместе с Роуз, она говорила об Айви так, словно очень хорошо знала ее, но как это возможно? – так же тихо задала вопрос Мод.

– Она не могла ее знать, – медленно произнесла Сэм, – а вот ее сестра-близнец – другое дело.

– Сестра-близнец?

– Этим утром Китти рассказала мне, что она и ее сестра по имени Эльвира появились на свет в Святой Маргарите. Их мать была любовницей их отца, но она умерла при родах. Китти воспитывал отец, а вот Эльвиру удочерила супружеская пара, вернувшая ее затем в Святую Маргариту. Так что она оказалась там одновременно с Айви.

Сэм снова посмотрела на портрет Айви, а потом на собственное отражение в висевшем на стене антикварном зеркале.

– Думаю, она назвала меня Айви, поскольку узнала во мне старую знакомую. Она была не в себе и на мгновение забылась. Сама не понимала, что говорит.

– Забылась? Что вы имеете в виду? – спросила Мод.

– Китти никак не могла знать Айви. Зато с ней была хорошо знакома

Эльвира. – Взгляд Сэм снова упал на гобелен. – В квартире у Китти висит точно такой же. Думаю, Айви учила ее ткать эту строку из Евангелия, пока они вместе находились в Святой Маргарите.

Она опять пристально посмотрела на Мод.

– Но разве Китти и Айви жили в Святой Маргарите в одно время? Вы же сами сказали, что это была Эльвира? – удивленно спросила Мод.

– Когда я была в гостях у Китти, она рассказала мне о том, как впервые встретилась с Эльвирой. Им тогда было по восемь лет. Эльвира сбежала из Святой Маргариты и сумела найти Китти. Они спрятались в отдельной постройке рядом с приютом, а когда стемнело, Китти сказала, что отправится за помощью. Но она упала, сильно ушиблась и очнулась только через три дня в больнице, где отец рассказал ей, что Эльвира мертва.

– Какой ужас! Бедная малышка, – сказала Мод, и ее глаза вновь налились слезами.

– Что, если в ту ночь погибла именно Китти, – вслух размышляла Сэм, – а Эльвира заняла ее место в страхе, что ее вернут в Святую Маргариту?

– Мне это не совсем понятно. Как она могла так запросто занять место сестры? Это невозможно. – В голубых глазах Мод читалась тревога.

– Так уж и невозможно? – возразила Сэм. – Они же были близнецами.

– Но ведь они все равно выглядели бы по-разному, верно? – Мод склонилась ближе к ней. – Эльвира жила в Святой Маргарите и выглядела неухоженной, а Китти жила в доме, где ее любили. У Эльвиры все было бы грязное и запущенное – волосы, ногти, зубы, – и она была сильно истощена, в отличие от Китти, разве не так?

– Не обязательно. Китти очнулась в больнице через три дня после встречи с Эльвирой. По ее словам, она всю ночь провалялась в канаве. По этой причине она вся была покрыта коркой грязи, а в больнице ее первым делом тщательно отмыли.

– Но мать и отец все поняли бы. Мать всегда сумеет различить детей, – заметила Мод.

– Их родная мать умерла. А если вы имеете в виду Хелену Кэннон, то она в то время лежала в больнице, в очень тяжелом состоянии, и Джордж испытывал невероятный стресс, мало на что обращая пристальное внимание. – Сэм сделала паузу. – Так что вполне вероятно, что Эльвира, знавшая о смерти Китти, заняла место сестры и посвятила свою жизнь мести за перенесенные страдания.

– Мести? Что это значит? – Мод выглядела совершенно потерянной, продолжая мять в руке бумажный платок.

– Все, кого Айви упоминала в своих письмах, мертвы. И я думаю, их убила Эльвира.

– Боже милостивый! – воскликнула Мод после некоторого размышления. – Все, кроме Роуз, надо полагать.

Сэм уставилась на Мод глазами, округлившимися от страха.

– Господи! Нана!

– В чем дело? – спросила Мод. – Что-то не так?

Сэм устремилась к выходу, схватив сумку и в спешке натягивая обувь, а потом выкрикнула, обращаясь к Мод:

– Позвоните в полицию. Скажите им, что пожилая женщина подверглась нападению в жилом доме «Уайтхок», квартира 117.

Глава 37

6 февраля 2017 года, понедельник

Фреду не потребовалось много времени, чтобы найти отдельно стоящий дом в викторианском стиле, в который его направила служащая местного почтового отделения. Он не особенно надеялся, что семья Джейкобсон все еще жила в нем, и потому его сердце сжалось, когда привлекательная, но уже очень немолодая женщина в розовом кардигане из кашемира подошла к двери. Она подняла очки для чтения вверх, к своим безупречно уложенным феном волосам, и внимательно изучила гостя.

– Миссис Джейкобсон? – спросил Фред с добродушной улыбкой.

В некрологе Джейкобсона он прочитал, что тот скончался в 1976 году, прожив до этого в браке двадцать лет, а стало быть, миссис Джейкобсон уже перевалило за восемьдесят. Однако она явно тщательно следила за своей внешностью, гордилась ей и, как отметил про себя Фред, выглядела намного моложе.

– Да. А в чем дело? – нервно отозвалась она.

– Не уверен, что вы меня помните. Я жил в этом районе, когда был еще совсем мальчишкой. Меня зовут Фред Картрайт. Ваш муж был лечащим врачом моего отца многие годы, – солгал он, ощущая себя немного виноватым, но делая это ради Сэм.

Женщина нахмурилась, пытаясь понять, что могло понадобиться нежданному гостю.

– Папа всегда очень тепло отзывался о нем. Насколько я знаю, он даже написал вам письмо, когда ваш супруг умер. До такой степени был огорчен, – продолжал Фред.

– Понимаю. И чем же я могу вам помочь? – спросила вдова.

Фред ответил после паузы:

– Мне бы хотелось задать вам пару вопросов о вашем покойном муже, если у вас найдется для этого время.

– Вообще-то, я как раз собиралась посмотреть очередную серию «Случайных жертв», – сказала она, оглядываясь через плечо.

– Я и сам крайне расстроился, услышав о смерти доктора Джейкобсона. Вы и ваши дочери, должно быть, очень тоскуете по нему. Их ведь зовут Сейра и Джейн, верно? Так говорил мне отец. – Фред запомнил

имена по газетным вырезкам, просмотренным ранее.

– Да. И спасибо за ваши соболезнования.

– Я не отниму у вас больше пяти минут. Мы могли бы немного поговорить прямо здесь. На лавочке перед калиткой.

– О нет. Слишком холодно. Простите, но я уже достаточно стара, живу одна и потому немного нервничаю. Мне всегда приятно поговорить с людьми, знавшими Эдварда. Пожалуйста, входите. – Он проследовал за ней в прихожую. – Не хотите ли чашку чая?

– Да, с удовольствием, спасибо миссис Джейкобсон, – ответил Фред, кивнув.

– Зовите меня просто Салли. Будьте любезны, проходите в комнату и присаживайтесь, а я пока заварю свежий чай.

Она провела его в просторную гостиную, заставленную мягкой мебелью, с множеством фотографий на стенах и букетами цветов в вазах повсюду. Все здесь содержалось в образцовом порядке, каждая подушка лежала на строго отведенном для нее месте. В целом огромный дом казался совсем недавно отремонтированным. Трудно было поверить, что столь хрупкая и пожилая леди, как миссис Джейкобсон, была способна ухаживать за особняком таких размеров одна. Эдвард Джейкобсон определенно позаботился о том, чтобы его жена ни в чем не нуждалась еще долгие годы после его смерти.

Пока миссис Джейкобсон возилась на кухне, Фред изучил подборку фотографий, отдельно выставленных в рамках на отполированной поверхности антикварного столика. Он взял в руки снимок, на котором доктор Джейкобсон обнимал спаниеля с шерстью золотисто-желтого оттенка.

– Мы все очень любили эту собаку, – сказала миссис Джейкобсон, появляясь у него за спиной с подносом, на котором стояли чайник и блюдо с бисквитами. – По-моему, я оплакивала смерть Медка даже сильнее, чем самого Эдварда. Он был для меня такой хорошей компанией, когда я осталась одна. Его потеря стала последней каплей моего горя.

– Хорошо вас понимаю. А как поживают Джейн и Сейра? – спросил Фред.

– Боже, они уже такие взрослые, что самой не верится. Сейра стала врачом. Пошла по стопам отца. А Джейн получила диплом архитектора, – сказала хозяйка, опуская поднос на стол. – Они стараются навещать меня как можно чаще, но слишком заняты. Вы же знаете, как это бывает.

Фред улыбнулся.

– Вы, должно быть, гордитесь ими.

– Да, меня огорчает лишь то, что Эдвард так и не увидел, какими толковыми выросли его дочки. – Салли подала ему чашку с чаем. – А вы сами чем сейчас занимаетесь, Фред?

Он снова ей улыбнулся.

– По профессии я историк, Салли, и сейчас занимаюсь исследованием, связанным с бывшим приютом Святой Маргариты в Престоне. Не знаю, слышали ли вы о нем. – Он взял с подноса предложенный ему бисквит и положил на край блюдца.

– Разумеется. Приют для матерей-одиночек. Он очень долго простоял в запустении, но скоро, как говорят, его собираются снести.

– Да, это так. – Фред старался подобрать нужные слова. – Мне было бы интересно узнать, известно ли вам, муж в своей работе как-то был связан со Святой Маргаритой. – Он наблюдал за лицом миссис Джейкобсон, ожидая увидеть признаки настороженности, но ничего подобного не заметил.

– Конечно. Они же брали к себе девушек, забеременевших вне брака, не так ли? И Эдварду порой приходилось помогать при особенно трудных родах, хотя он не любил распространяться об этом.

Фред кивнул в ответ.

– Желание помочь людям всегда было его отличительной чертой, – сказал он, делая глоток чая.

Пожилая леди откинулась на пышные подушки дивана и тоже отпивала чай из своей чашки, изготовленной из костяного фарфора. Фред тут же в красках представил себе картину. Салли уже лежит в постели под шелковыми простынями, почти уснув, когда щелкает замок входной двери, и в прихожую тихо проникает доктор Джейкобсон. Его руки все еще покрыты пятнами крови, после попытки спасти жизнь какой-нибудь совсем юной роженице. Она привстает и поднимает голову, а муж, появившийся на пороге спальни, шепчет: «Мне нужно принять ванну, дорогая. Лягу спать в другой комнате, чтобы не тревожить тебя».

Персидский кот появился у французского окна, заставив их обоих вздрогнуть.

– А тебе что здесь понадобилось, Джесс? – Салли поднялась, чтобы впустить кота внутрь.

– У вас великолепный сад, – заметил Фред, глядя дальше в окно, которое Салли быстро закрыла, а затем плотнее укуталась в свой кардиган. – Нелегко, наверное, управляться с домом таких размеров одной?

– Да уж, мне повезло. Я могу себе позволить держать прислугу. Дочки все время уговаривают меня переехать, но я не могу. Пусть они считают,

будто знают, как будет лучше для меня, но что хорошего может быть в моем переезде в другое место? Оказаться в полном одиночестве и забыть об Эдварде? Так я предам память о нем. – Она поставила чашку на стол. – Он ведь, знаете ли, здесь и умер.

– Не знал, простите. Для вас это, вероятно, очень тяжело. – Фред ждал, чтобы она продолжила, но Салли забылась в своих мыслях. – Он чем-то заболел?

– Нет. Все случилось иначе. Он утонул в нашем бассейне, расположенном в отдельно стоящей пристройке. Мы до сих пор не понимаем, как такое могло произойти, но он угодил под зимнее покрытие бассейна и оказался в ловушке. Вскрытие установило у него вывих плечевого сустава. Мы думаем, что сначала в бассейн упал Медок, а он пытался достать собаку и тоже свалился туда.

– Как ужасно! Вы были здесь в то время? – спросил Фред.

– Нет, отправилась по магазинам, готовясь к Рождеству. А потом у моей машины случился прокол колеса, так что я отсутствовала достаточно долго… – Голос Салли постепенно совсем затих, и она принялась искать место для рук у себя на коленях, но никак не находила. – А ведь мы купили самый прочный материал для покрытия бассейна, чтобы девочки случайно не угодили в него. Оно должно было удержать его, но он, когда падал, ударился головой и лишился сознания, постепенно сползая под воду.

– Страшная смерть. Дело расследовала полиция? – задал новый вопрос Фред, все еще пристально наблюдая за лицом Салли.

– Да, они сделали, что смогли. Но я постоянно повторяла им: что-то здесь не так, не так, как кажется на первый взгляд. Медок терпеть не мог ту пристройку с бассейном, боялся воды и ни за что сам не полез бы в нее. А Эдвард зачем-то разбил стекло двери, чтобы попасть внутрь – отпечатки его пальцев обнаружили на камне, которым он воспользовался. Но он же прекрасно знал, где лежит ключ. Так зачем же понадобилось разбивать стекло, чтобы попасть к собственному бассейну? Впрочем, я не виню полицейских за то, что не прислушались ко мне. После смерти мужа я была не в своем уме, пила сильные успокоительные несколько дней подряд. Не смогла даже присутствовать на оглашении результатов следствия. Знала, что они сделают заключение: смерть в результате несчастного случая. А что еще могло произойти? Ни у кого не было причин убивать Эдварда.

– Верно, – сказал Фред, разглядывая на стене фотографию доктора Джейкобсона, снятого вместе с дочками.

– Никогда не прощу себя за то, что меня не было в тот момент дома.

– Весьма сожалею, Салли, ваш муж всегда был очень добр к членам

нашей семьи. Но судьбы людей порой действительно складываются очень несправедливо.

Салли утерла ладонью слезу, скатившуюся по щеке.

– Знаю, до какой степени это эгоистично с моей стороны, но ведь мы прожили вместе двадцать невероятно счастливых лет, и иногда, видя, как мои подруги ссорятся с мужьями, я хочу закричать: «Вы даже не представляете, насколько вам повезло, что у вас есть кто-то, на кого можно сердиться!»

Фред ждал продолжения, но ему стало грустно. Именно полное одиночество заставляло эту женщину изливать душу совершенно незнакомому человеку.

– Он ведь хотел поехать по магазинам вместе со мной, но я отказалась под каким-то благовидным предлогом. Ходить с ним за покупками было не слишком приятно – он подолгу задерживался у каждой полки. Если бы только я проявляла к нему больше терпения, Эдвард и сейчас сидел бы здесь с нами.

– Как говорит мой отец, каждый мужчина сам кузнец своего счастья, и несчастья тоже, – сказал Фред.

Салли подняла взгляд и улыбнулась, хотя в ее глазах еще стояли слезы.

– Извините, но вы ведь приехали не для того, чтобы выслушивать, как тяжело я страдаю по Эдварду. Могу я еще чем-то вам помочь?

– Да. Я надеялся, что вы сохранили какие-то бумаги или документы доктора Джейкобсона. Они могут содержать информацию о некоторых девушках, жизни которых он помог спасти в Святой Маргарите, и тогда я бы побеседовал с ними. Для моей диссертации, и это станет хорошей данью его памяти.

– О, я ни в чем не могу быть уверена, – ответила Салли, внезапно помрачнев. – Я так и не собралась с духом, чтобы как следует разобрать его архив. Хотела оставить все как есть.

– Я вас прекрасно понимаю, – кивнул Фред и сделал паузу ради большего эффекта. – Но не могли бы вы проверить, остались ли после него какие-нибудь папки, связанные со Святой Маргаритой, потом, возможно, будет что рассказать дочерям. Я могу приехать в любое другое время, если вас это устроит. Никакой особой срочности нет.

Салли медленно обдумывала его предложение.

– Что ж, я думаю, это возможно, но должна сразу предупредить, что таких документов наверняка окажется мало. Тогда сложилась странная ситуация. Незадолго перед смертью он просматривал четыре или пять коробок с папками, доставленными ему на той неделе отцом Бенджамином.

Полагаю, они имели отношение к Святой Маргарите.

Салли мысленно вернулась к тому дню в середине декабря 1976 года, за несколько дней до гибели Эдварда, когда у них на пороге неожиданно появился отец Бенджамин.

«Привет, Салли! Эдвард дома?» – спросил он быстро, сжимая в руке трость.

«Да. Он ждет вашего визита, святой отец?»

Она прекрасно знала, что муж никого сегодня не ждал, желая провести тихий вечер с семьей. Но не могла же она обмануть отца Бенджамина и выпроводить его?

«Какого черта ему здесь нужно? Разве ты не могла сказать, что я заболел или придумать что-то еще?» – резко спросил ее Эдвард, когда она пришла к нему, но в его усталых глазах отчетливо читалась тревога.

Салли удивил и немного обидел тон, в каком с ней разговаривал муж.

«Теперь уже ничего не поделаешь, Эдвард».

«О, проклятье! Тогда тебе придется впустить его», – прошипел он, тяжело дыша и пыхтя, когда убирал со своего письменного стола другие бумаги.

После того как проводила отца Бенджамина в кабинет Эдварда, взволнованная, она осталась стоять на лестничной площадке, слушая их громкие голоса, доносившиеся изнутри.

«Откровенно говоря, я не понимаю, что могу с этим поделать теперь, святой отец, – сказал Эдвард. – Я в свое время предупреждал вас: вам нужно завести нормальные медицинские карты для этих несчастных детей, да упокоит Господь их души».

«Мы должны были содержать и кормить этих детей, но у нас не было другого способа оплачивать наши расходы. Меня оскорбляет ваша надутая моральная позиция по этому поводу, Эдвард. Вы всегда были превосходно осведомлены о том, что происходит, но вы продолжаете получать щедрую плату за девушек, которых направляете к нам».

«Направлял, святой отец. Направлял, так будет точнее. Я не направил к вам ни одной девушки в течение почти шести последних лет».

Салли услышала, как отец Бенджамин рассмеялся в ответ на фразу мужа. Рассмеялся жестким и невеселым смехом, от которого у нее свело низ живота.

«Мне кажется, прежде вы гораздо лучше играли свою роль, доктор. Не хотелось бы угрожать, но у меня в машине лежат записи. Те записи, которые по закону местный совет вправе потребовать от меня. Если я откажусь, меня обвинят в неуважении к суду, когда дойдет до этого».

«Вам следовало хорошенько подумать о последствиях, прежде чем растрачивать все деньги, выделенные вам фирмой «Мерсер фармасьютикалз».

«Послушай-ка меня, Эдвард Джейкобсон. – Отец Бенджамин прорычал настолько громко, что Салли поспешила спуститься по лестнице. – Если мне придется отвечать на вопросы по этому поводу, я непременно потяну тебя за собой. Ты, и только ты способен просмотреть эти папки и найти объяснение тому, что содержится на их страницах. У нас осталась ровно неделя, а потому советую начать сегодня же».

Салли услышала, как дверь кабинета открылась, и бросилась в кухню, когда священник протопал вниз по лестнице и вышел, оставив входную дверь распахнутой настежь. Она наблюдала, как он достал из багажника четыре тяжелых коробки с папками и принес в дом, оставив при входе в холл. Поймав на себе взгляд Салли, отец Бенджамин ничего не сказал, а развернулся и захлопнул за собой дверь…

Фред смотрел на нее сейчас, напрягаясь всем телом.

– Если эти папки имели отношение к приюту Святой Маргариты, мне, разумеется, было бы очень интересно ознакомиться с ними, – сказал он, стараясь скрыть нетерпение.

– Я не знаю, как муж поступил с ними. Я больше их никогда не видела. Их точно нет в его кабинете. И я до сих пор не знаю, куда они делись. Будьте любезны, подождите здесь, а я пойду и посмотрю, смогу ли найти что-то для вас полезное, – сказала Салли, ободряюще улыбнувшись ему.

Фред кивнул. Как только он услышал ее шаги у себя над головой, посмотрел на свои дрожавшие от волнения руки и подошел к домашнему бару. Открыв дверцу, налил себе немного виски и проглотил залпом. Через несколько минут услышал голос Салли. Было очевидно, что она разговаривает по телефону. Кто-то позвонил ей, предположил Фред, или она начала беспокоиться и позвонила кому-то сама?

– Да, я думаю, что это так, но в точности не знаю, милая, – в возбуждении она говорила чуть громче, чем требовала ситуация.

В гостиную она вернулась, все еще прижимая трубку к уху.

– Боюсь, вам не повезло, – обратилась она к Фреду, причем ее мягкие прежде жесты и тон радикально изменились. – Этих папок нигде нет, а моя дочь, живущая в соседнем городке, должна появиться здесь с минуты на минуту. Думаю, будет лучше всего, если вы сейчас же уедете.

– Конечно, – сказал Фред, пытаясь скрыть охватившую его панику. – Спасибо за чай. Но не мог бы я перед уходом воспользоваться вашим туалетом? Мне предстоит долгая дорога обратно в Лондон.

Салли поджала губы. Стало очевидно, что после переговоров с дочерью она сильно занервничала.

– Да, хорошо. Он вон там, с левой стороны.

Фред прошел по коридору, заглядывая по пути в другие комнаты. Уже собираясь войти в туалет, заметил открытую дверь на площадке второго этажа лестницы, у подножия которой оказался. Он не колебался ни секунды. Проверив, не следят ли за ним, со щелчком закрыл дверь туалета, а потом тихо поднялся по ступеням и оказался в просторном кабинете, обстановку которого составляли письменный стол из красного дерева, кожаное кресло и два металлических шкафчика для бумаг, причем в замке одного из них торчала небольшая связка ключей.

Зная, что в его распоряжении считаные минуты, пока обман не вскрылся, он поспешно повернул ключ и выдвинул первый ряд папок с документами, подцепленными внутри ящика на двух параллельных направляющих. Не найдя под буквой «С» ничего, относившегося к Святой Маргарите, он проверил букву «М», но обнаружил там лишь папку с наименованием «Мерсер фармасьютикалз». Достал ее. В папке лежал всего один лист бумаги, с виду напоминавший обычный контракт на бланке фирмы, но помеченный сверху грифом «Совершенно секретно». Внизу под документом стояли две подписи: доктора Джейкобсона и президента «Мерсер фармасьютикалз» Филипа Стоуна. Фред продолжил поиск, и под буквой «О» ему попалась пухлая папка с именем отца Бенджамина. Дрожащими руками он открыл ее. Первые документы относились к медицинским записям самого священника – главным образом отчеты о незначительных заболеваниях. Но дальше содержались свидетельства примерно о сорока родах, которые принимал доктор Джейкобсон. Большинство из них, как он сразу заметил, закончились появлением на свет мертворожденных младенцев, и все это происходило в стенах Святой Маргариты.

Как ни хотелось ему тщательнее рассмотреть документы, колотившееся в груди сердце напомнило Фреду, что нельзя медлить ни секунды. Он наскоро просмотрел лишь некоторые записи, и ему подвернулась небольшая папка, небрежно державшаяся на одной лишь ржавой скрепке. Записи, сделанные рукой доктора Джейкобсона, указывали на то, что в Святой Маргарите он лечил детей в возрасте трех-четырех лет от лихорадки, болей в шее, обмирания конечностей, спазмов, приступов тошноты и судорог. Откуда взялись такие дети? Насколько знал Фред, в приюте Святой Маргариты одинокие матери рожали младенцев, которых затем забирали в приемные семьи.

Голос Салли эхом пронесся вверх по лестнице.

– Фред?

Ударившись коленом об угол письменного стола, Фред кинулся к выходу из кабинета и увидел, как хозяйка барабанит в дверь туалетной комнаты.

Непослушными от дрожи руками он свернул пополам документ из папки фирмы «Мерсер» и запихнул за ремень брюк на спине. Затем закрыл большую папку и как можно быстрее вернул ее на место в ящике. Убедившись, что оставил все в том же порядке, в каком здесь были вещи до его прихода, он выскочил из кабинета и сбежал вниз по лестнице.

– Спасибо вам огромное, Салли. Был рад с вами познакомиться, – произнес он беззаботным тоном, направляясь к входной двери.

– Что вы делали наверху? – спросила она, покраснев от злости.

– Воспользовался туалетом, – на ходу ответил Фред, отчаянно стремясь теперь вырваться на свободу. – До свидания, Салли. Передайте от меня привет дочкам.

Он дернул за ручку двери, с облечением убедился, что она не заперта, выбрался из дома и поспешил по дорожке к проезжей части улицы.

Оказавшись в безопасности в своей машине, Фред сразу достал мобильный телефон. Он уже набирал номер Сэм, чтобы рассказать ей о своей беседе с Салли Джейкобсон, когда мимо проехал черный «ягуар». За рулем сидела женщина с длинными седыми волосами. Фред узнал ее сразу же, но потребовалось несколько секунд, прежде чем в памяти всплыло имя: Китти Кэннон. Начитавшись электронных версий старых газетных вырезок о смерти Джорджа Кэннона, он понимал, что припарковался сейчас на той самой Престо-н-роуд, которая вела к зданию Святой Маргариты.

Фред развернул свой автомобиль и последовал за черным «ягуаром».

Тронувшись с места, он успел посмотреть в зеркало заднего вида и заметил, что Салли Джекобсон пристально наблюдает за ним с окаменевшим лицом, стоя в проеме двери своего дома.

Глава 38

18 декабря 1976 года, воскресенье

Доктор Джейкобсон проснулся от неожиданного звонка в дверь, заставившего его вздрогнуть.

Несколько секунд он сидел неподвижно в темноте, неизвестный включил фонарь при входе, и в его свете стали видны материалы из архивных коробок, почти сплошь устилавшие пол. Старинный дорожный будильник на столе показывал седьмой час вечера. Салли не упоминала, что они кого-то ждут. Кто же этот непрошеный гость?

Он поежился. В комнате ощущался холод. Пока он спал, от влажности запотели окна, а отопление по неясной причине автоматически не включилось. Он не помнил, в котором часу заснул, не понимал, почему жена не разбудила его днем. Затаив дыхание, стал вслушиваться в любые признаки ее присутствия, но в доме стола полная тишина.

Бум, бум, бум. Кто бы ни стоял сейчас у их порога, он явно оставил попытки звонить и взялся за дверной молоточек. Это само не прекратится. Придется спуститься вниз и все-таки открыть входную дверь. Он подался затекшим телом вперед и рывком заставил себя подняться из кресла, издав при этом измученный стон. От неудобной позы у него затекла шея, а суставы свело от продолжительного сидения в кресле. Подойдя к окну и посмотрев вниз, он увидел выстроившийся перед дверью ряд шапочек с помпонами и листы с текстами песен. Исполнители рождественских хоралов. Были слышны фразы из разговора между ними: «Света в доме нет… Салли обещала, что они будут дома… Попробуй еще разок». Один из них отошел назад, чтобы оглядеть окна дома, и Эдварду пришлось поспешно скрыться за шторой. Ему совсем не нравилась перспектива стоять на морозе, слушая, как местный любительский хор старается для него. Он достаточно наслушался хоралов в самой церкви.

Бум. Последняя попытка, а затем донесся хруст гравия под ногами, и они ушли.

Он тяжело вздохнул и приподнял очки, чтобы протереть глаза. У него выдалась трудная неделя. Эпидемия зимнего гриппа в городке вынуждала его принимать пациентов по шестнадцать часов в день, после чего он возвращался домой очень поздно, выслушивая все более нетерпеливые

сообщения отца Бенджамина. В первые несколько дней ему удавалось избегать разговоров с ним, но, когда священник завел привычку звонить посреди ночи, Эдварду приходилось брать трубку на случай, если звонила одна из дочерей.

«Надеюсь, ты работаешь с досье, оставленными мной на прошлой неделе?» – Святой отец говорил с ним жестко.

«Да, делаю все, что в моих силах, но меня могут отправить за решетку за любые попытки фальсификации. Я в ужасе от того, что там написано, и это еще мягко сказано».

Отец Бенджамин глубоко вздохнул.

«Так я и рассчитывал, что ты сумеешь сделать их более безобидными и понятными. – В его голосе прозвучала откровенная угроза. – Чтобы нам всем лучше спалось потом».

«Я сразу предупредил вас, святой отец, что эти материалы могут стать в будущем объектом пристального изучения». – Грудь Эдварда словно сдавило невидимым обручем от волнения.

«До самого последнего времени мы не были обязаны предъявлять кому-либо эти записи, – возразил отец Бенджамин. – Не могли же мы предвидеть изменений в законодательстве об усыновлении, дающих этим женщинам право доступа к ним. А потому вы должны обеспечить более достойное объяснение тому, что произошло с их детьми».

«Каким образом? – Эдвард вспомнил содержание некоторых из пожелтевших свидетельств о смерти, которые отец Бенджамин извлек из багажника своей машины. – Как я могу приукрасить… психозы, эпилептические припадки, хроническое недоедание и отсутствие должного ухода за малышами?»

«Не знаю, Эдвард. Ты сам выписывал свидетельства, – ответил священник. – Уничтожь самые безобразные случаи, а для остальных подбери более мягкое и понятное всем объяснение. Ты хорошо нажился на Святой Маргарите, а потому должен найти теперь выход из положения для всех нас. Как я и говорил, если выплывет наружу то, как все было на самом деле, я приму меры, чтобы твое соучастие не осталось незамеченным».

После того как отец Бенджамин бросил трубку, Эдвард уже не смог заснуть. Ему отчаянно хотелось разбудить жену и поделиться с ней своими страхами, но он заранее знал, что любое упоминание о Святой Маргарите будет встречено молчаливым неодобрением. Хотя деньги, выплаченные ему отцом Бенджамином за направления в приют множества одиноких беременных девушек, позволили оплатить образование для дочерей, содержание в уютном доме престарелых ее матери и покупку этого

просторного комфортабельного особняка, Салли предпочитала не пачкать свою кристально чистую совесть даже мыслями о том ужасном месте.

Эдварда внезапно вернул к реальности чуть слышный вой собаки, донесшийся снаружи, и он заметил, что лежанка Медка пуста. Он не мог понять, куда подевался его компаньон. Такого еще не было, чтобы песик не пришел проведать его, завершив свой ужин. Вероятно, Салли вывела его на прогулку, чтобы заодно встретиться с одной из подруг в городке. Но тогда Эдвард услышал бы, как она вернулась после похода по магазинам к Рождеству, – знакомый звук ключа, проворачиваемого в замке, хлопанье дверцей буфета, лай собаки, требовавшей покормить ее, – все это непременно разбудило бы его. Пусть Салли все еще злилась на мужа из-за нежданного визита отца Бенджамина, но она бы обязательно предупредила, если бы собиралась отправиться куда-либо еще. Быть может, что-то случилось с ней или с одной из девочек, и она, спеша, в панике ушла из дома?

«Салли? – окликнул он ее, проходя по коридору к лестнице. – Где же ты?»

Осторожно спустившись по лестнице, он попал в холл. Кафельный пол оказался неприятно холодным, когда Эдвард босиком шел по нему к кухне, по пути приговаривая себе под нос: «Куда, во имя всего святого, они пропали?» Оказавшись у задней двери, он услышал, как снова заскулила собака. Он повернул голову на звук. Неужели это Медок?

Беспокойство постепенно начало сменять былое раздражение. На кухне Эдвард сел на стул и натянул высокие резиновые сапоги на голые ноги. Неужели его жена упала в обморок где-то в саду, и Медок отчаянно пытался привлечь его внимание? Эдвард открыл встроенный шкаф в холле и перебрал одежду, чтобы найти свой любимый плащ, опрокинув высокую корзину с зонтами, которые раскатились по полу. Отодвинул засов на задней двери и выбрался в сад, почти задохнувшись от нахлынувшего потока холодного воздуха.

Гравий хрустел и шуршал у него под ногами. До него донеслось пение хоралов той же группы, перебравшейся теперь на участок к соседям.

«Медок!» – звал он собаку, направившись к забору. Зимнее солнце скрылось за горизонтом, живописная белизна снега тоже исчезла, и Эдвард оказался в окружении темноты. Земля под ногами превратилась в грязную слякоть, а темные облака грозили разразиться новым снегопадом. Он продвигался вперед, опираясь на ограду, чтобы перебраться через нагромождения камней, мимо живой изгороди и вечнозеленых растений. Проходя мимо куста роз, укололся о шип на одной из толстых веток.

«Салли! Ты здесь? – выкрикнул опять Эдвард, поморщившись, когда почувствовал, как по ладони стекла тонкая струйка теплой крови. – Медок!»

Онемение в ступнях начало ощущаться выше по ноге, предельно затрудняя ходьбу по неровной поверхности. Он спотыкался через шаг, окликая и свистом подзывая к себе Медка, пока не добрался до своего любимого дуба. Остановившись ненадолго и прислонившись к стволу, он спугнул пристроившегося на ночь филина, издавшего протяжный и хриплый вопль. Эдвард выгнул шею, всматриваясь сквозь оголившиеся, похожие на когтистые звериные лапы ветви, а сверху, не моргая, на него смотрела пара черных глаз. Так они короткое мгновение глядели друг на друга, а потом филин, с еще одним пронзительным криком, взлетел, сбив с облюбованного места большой ком снега. Напуганный шумом и пытаясь не попасть под снежный обвал, Эдвард сделал шаг назад и ступней угодил под корень дерева. А когда потерял равновесие, то уже не смог вновь вернуть его. Он хватался за пустоту, а замерзшие ноги плохо ему подчинялись. Уже падая, он инстинктивно выставил руку, чтобы смягчить удар.

Как только он ладонью коснулся земли, острая боль пронзила руку и отдалась в плече. Эдвард взвыл и перекатился на бок, держась одной рукой за плечо другой, глубоко дыша, пытаясь преодолеть болевые ощущения. Подростком он однажды вывихнул плечо и понял теперь, что это случилось снова. Он сунул руку под пиджак и пощупал: головка плечевой кости вышла из суставной впадины и торчала наружу.

Эдвард не осмеливался двигаться. Стоило только шевельнуться, и боль становилась невыносимой. Но он уже насквозь промок, катаясь по земле, а снег попал за воротник плаща и скатился ниже на спину. Эдварда трясло от холода и шока. Необходимо было подняться. Если не встанет – замерзнет насмерть в считаные минуты.

«Эй! Может кто-нибудь помочь мне?» – выкрикнул он.

Эдвард понимал, что остался совершенно один. Даже певцы хоралов уже ушли от соседей, но с мыслью, что помочь ему некому, трудно было смириться.

Он пролежал на холоде еще минуту, борясь с болью. Ему нужно двигаться. Оставаться здесь дольше никак нельзя. Постарался собраться и успокоиться. Выбора не было: превозмогая боль, он обязан встать. Он не так далеко отошел от дома. Свет на веранде при входе все еще горел, и он видел его с того места, где упал. Если сумеет добраться туда – вызовет «скорую».

Как же глупо он себя повел! Он настолько устал за прошедшую

неделю, до такой степени был выбит из колеи, что ему не следовало вообще выходить наружу. Это никак не мог быть вой Медка. Вероятно, скулила другая собака. Или у него уже возникла слуховая галлюцинация. Любимого песика здесь не было. Не было никого вообще. Когда его довезут до больницы, ему помогут разыскать жену. Она наверняка где-то гуляет сейчас с собакой. Необходимо только взять волю в кулак и заставить себя встать, цепляясь за корни дерева, и быстрее вернуться в дом.

Но как только он приготовился сделать усилие, сжав зубы и собрав все силы, внезапно отчетливо услышал жалкий вой Медка поблизости. Паника снова нахлынула на него. Значит, он оказался все-таки прав. Его собака была где-то рядом, на этом зверском холоде, и явно попала в беду. Эдвард принялся ощупывать корни вокруг себя, чтобы найти достаточно прочный и зацепиться на него. Ничего не подворачивалось под руку. Толкаясь каблуками сапог, он сумел переместить тело по грязному снегу и наконец обнаружил тот самый толстый корень, о который изначально споткнулся. Издав громкий стон, подтянулся, вцепившись в корень промерзшими пальцами, и встал сначала на одно колено, затем на другое, а потом выпрямился во весь рост.

Ему понадобилось немного времени, чтобы понять, насколько твердо он держится на ногах. Прогнав от себя соблазнительную мысль вернуться обратно в дом, он пошел в ту сторону, где скулил Медок. Нельзя было оставить песика погибать на холоде. Придерживая здоровой рукой плечо, пошатываясь от боли, он снова начал окликать собаку в надежде понять, где она находится. Взгляд упал на пристройку с бассейном. Передвигаясь настолько быстро, насколько позволяли подгибавшиеся ноги, Эдвард вскоре добрался до нее и приложил ладони к запотевшему стеклу, чтобы заглянуть внутрь. На мгновение ему показалось, что он больше ничего не слышит. В саду воцарилась полнейшая тишина. Но затем изнутри донесся едва слышный вой.

«Медок! – Эдвард бросился к двери. Боль в плече прострелила всю руку с такой силой, что у него слезы выступили на глазах, но образ любимого спаниеля, попавшего в беду, заставлял его действовать. – Медок, держись, я уже иду к тебе».

Эдвард с силой нажал на ручку, но дверь не поддавалась. Он принялся раздраженно ее трясти, бить в нее ногами, но она явно была заперта. Ключ оставался в доме. В его нынешнем состоянии потребуется целая вечность, чтобы сходить за ним и вернуться. Медок издал еще один слабый звук, и Эдвард попытался выломать дверь здоровой рукой. Если песик попал в бассейн, он мог утонуть. Он огляделся в поисках любого предмета,

способного ему помочь, и подобрал крупный камень. Подняв руку как можно выше, швырнул его в дверь, разбив в ней стекло. Затем просунул пальцы сквозь образовавшееся отверстие с острыми краями и дотянулся до рычажка замка изнутри. Щелк! И он оказался в теплом помещении.

«Медок! Медок? Ты здесь?» – кричал он, включая свет и обходя бассейн в своих скользивших по кафелю сапогах, по-прежнему прижимая к себе поврежденное плечо.

Теперь уже по-настоящему жуткий вой донесся из-под зимнего покрытия бассейна, и Эдвард заметил, как там что-то движется.

«Держись, Медок! Я спешу на помощь».

Он устремился к тому месту, дважды поскользнувшись и чуть не упав снова. Теперь он мог видеть, как мокрые лапы пса цепляются за край бассейна. Но покрытие оказалось прочно закреплено в положенных точках, и ему пришлось, работая одной рукой, развязывать узлы, чтобы хотя бы частично откинуть его. Наконец из воды показалась коричневая мордочка. Глаза собаки выпучились от страха. Она снова взвыла.

«Медок! Как, черт тебя возьми, ты сюда попал?»

Спаниель выглядел окончательно измотанным попытками выбраться и скреб когтями по краю бассейна, когда Эдвард нагнулся, чтобы достать его.

Именно в этот момент он услышал у себя за спиной звук шагов, но не успел даже повернуть головы, как его толкнули с такой силой, что у него не осталось ни шанса удержаться, и он свалился в бассейн. Он сразу ушел под воду, а вода заполнила глаза, уши и рот. Было мучением пытаться снова вытолкнуть себя на поверхность, орудуя одной рукой. С каждым движением ему в плечо словно вонзали нож и проворачивали в ране. Когда же он все-таки выплыл, задыхаясь и откашливаясь, сразу вцепился в бортик бассейна, стараясь рассмотреть человека, который его толкнул. На уровне глаз Эдварда появились ноги в черных кожаных сапогах почти без каблуков, насквозь промокшие, но стоило ему попытаться поднять взгляд, как покрывало бассейна натянули ему поверх головы, и как он ни старался снова приподнять его, энергии на это ему уже не хватило.

«Пожалуйста, не надо… – взмолился он, отплевывая воду изо рта. – Остановитесь! Что вы делаете?»

Он попробовал сопротивляться и дальше, но боль в руке делала каждое движение мучительным, а сил после падения у него не осталось совсем. Медок все еще оставался в воде вместе с ним, вцепившись в поврежденную руку, и вскоре паника полностью охватила Эдварда, пока он отчаянно пытался удержать голову над водой. Но покрывало уже придавливало его все ниже, и теперь всего лишь один угол покрытия

оставался открытым.

«Держись, Медок, – твердил он. – Мы непременно выберемся отсюда. Только держись».

Но тут же наглотался воды, когда Медок вскарабкался на его вывихнутое плечо, царапая, чтобы почти сразу снова соскользнуть. Никогда в жизни Эдвард еще не испытывал подобной боли.

Внезапно чья-то рука опустилась в воду и вытащила насмерть перепуганного спаниеля наружу, а затем одним последним движением покрытие окончательно и полностью сомкнулось над головой Эдварда.

Он начал барабанить снизу по пластиковой поверхности покрытия. Он больше не мог сдерживать жуткий страх и начал безудержно рыдать. Через неделю Рождество. Образы дочек, сбегавших вниз по лестнице в праздничное утро, возникли в его воображении. А нынешнее Рождество и все последующие окажутся безнадежно испорченными для его жены и девочек. Он выкрикивал их имена, звал Салли из последних остававшихся у него сил, цеплялся ногтями за покрытие, пока из-под них не выступила кровь, окрасив воду в розоватый цвет.

Затем он ушел под воду, но поначалу продолжал сражаться за жизнь: вверх, вниз, нырнул и поплыл, нырнул и поплыл. «Ныряй. Ныряй и плыви. Ныряй… Задержи дыхание, борись ради своих дочек. Борись!

Ты не можешь так с ними поступить. Задержи дыхание, а потом всплывай, чтобы сделать новый вдох.

Ныряй.

Ныряй».

Вода начала заполнять его легкие, и страх вынудил всплыть к поверхности, но лишь для того, чтобы снова упереться в плотное покрытие. Ему оставалось лишь молиться, чтобы пришла Салли и вовремя обнаружила его.

А потом погас свет.

Ужас, охвативший Эдварда, невозможно было сравнить ни с чем, что он испытал в жизни. Никто не узнает теперь, где он, долгие часы, если не дни. Но рано или поздно они обнаружат его распухший труп, плавающий в воде.

Он вспомнил вдруг про архивные записи, оставленные на полу в кабинете. Вот что первым делом найдет Салли, когда вернется домой и начнет искать его. Она станет звать, а затем поднимется в кабинет, где лежат коробки, забитые свидетельствами о смерти. Последнее, которое он прочитал, прочно врезалось ему в память: «Возраст – 24 года. Два дня продолжительных схваток. Плод выходил ногами вперед. Сделан надрез

влагалища. Обильное кровотечение. Мать умерла. Появившиеся на свет близнецы остались живы».

Опять уйдя под воду, он услышал голос матери Карлин: «Их боль – это часть наказания, доктор. Если они не будут страдать, то так и не усвоят преподанный им урок. Мы вас вызовем, если вы нам понадобитесь».

Но он же действительно старался помочь. Ни в чем не было его вины. Он просто оказался бессилен. Втягивая в себя остатки воздуха, доктор Джейкобсон слышал, как его любимый спаниель уже скребется в дверь пристройки с бассейном. Он продержался еще несколько секунд, откашливая из легких имя Салли, в голове почему-то беспрестанно крутилась главная песня на их свадьбе… «Пусть я явлюсь тебе в твоем коротком сне»[15].

Глава 39

6 февраля 2017 года, понедельник

Китти прочитала надпись «Лифт не работает», а потом задрала голову, чтобы посмотреть вдоль лестничного проема дома «Уайтхок» в направлении десятого этажа.

Приступив к долгому подъему по ступеням, она вспомнила свою первую встречу с одиннадцатилетней Аннабель у здания средней школы в Брайтоне. Это было в самом начале осеннего семестра, и она уже перешла в шестой класс. Подойдя к школе, она услышала шум на игровой площадке и не могла не обратить на него внимания.

Группа школьников, только что перешедших из начальной школы, собралась вокруг чего-то или кого-то – сразу невозможно было понять. Обычно она не замечала подобных происшествий, но на сей раз нечто необычное в этом сборище заставило Китти остановиться. Во-первых, они кричали очень громко, а во-вторых, уж слишком большой была группа.

Поэтому Китти спрыгнула с ограды, на которой сидела, и стала медленно приближаться к месту действия. Вскоре она уже могла разобрать, что столь дружно скандировала эта детвора: «Рыжуха, глупая рыжуха, дай дернуть тебя за ухо!»

Как только Китти оказалась совсем рядом, некоторые первоклашки начали оглядываться и бросать свое увлекательное занятие.

Практически любая шестиклассница могла заставить новеньких остановиться и заметить свое присутствие, а Китти особенно привлекала внимание. Высокого роста, с длинными прямыми волосами цвета воронова крыла, со смуглой оливковой кожей и темно-карими глазами, пристально следившими за развернувшейся перед ней сценой.

В центре круга сидела на корточках, почти свернувшись в клубок, еще одна первоклассница, обхватив голову руками, словно она уже оставила всякую надежду сбежать и хотела лишь защититься как можно надежнее от всего, что могло последовать дальше. Ее волосы действительно сразу бросались в глаза: длинные, кудрявые и огненно-рыжие. Большинство из собравшихся детей стали один за другим замолкать при появлении смотревшей на них сверху вниз Китти. И только худощавый мальчишка со злобным лицом, с грязью под ногтями и в закатанных до колен брюках

оказался под таким воздействием адреналина при нападении на свою жертву, что не заметил старшеклассницы. Внезапно он занес ногу назад, будто собирался ударить девочку, как мяч на футбольном поле. Но стоило ему закончить замах, как Китти шагнула к нему и с силой оттолкнула.

Он не видел, как она подошла, и потому был застигнут врасплох, не успев выставить руки, чтобы как-то защититься. Он упал, но прежде чем удариться о бетон площадки, неловко подвернул кисть и всем весом обрушился на нее, после чего раздался весьма характерный хруст. Группа окончательно притихла, настроение радикально изменилось. Одно движение, и охотник сам превратился в добычу. Задиристый мальчишка посмотрел на Китти изумленными глазами, а потом начал орать от боли.

Китти не обратила на него ни малейшего внимания. Она подошла к жертве и протянула руку, чтобы помочь подняться. И когда эта одиннадцатилетняя девочка распрямилась во весь рост и бросила взгляд на нее, у Китти кровь застыла в жилах. Она сразу же инстинктивно поняла: перед ней Роуз – дочь Айви. У них было невероятное сходство. Пока Китти молча стояла как пораженная громом, девочка застенчиво улыбнулась ей, утерла нос тыльной стороной ладони и побежала, услышав звонок к началу первого урока.

В последующие недели Китти убедилась: внутреннее чутье, подсказавшее, что рыжеволосая голубоглазая девочка была дочерью Айви, не обмануло ее. Она сама рассказала Китти, что ее удочерили, но поведала и о том, насколько ей плохо. Пока они шли вместе домой, а Китти приходилось делать огромный обходной круг, чтобы подольше побыть с ней, Аннабель Роуз делилась с ней подробностями своей несчастливой жизни. Она так старалась быть хорошей дочерью, но ничем не могла угодить приемным родителям и постоянно чувствовала себя квадратным колышком, который пытается попасть в круглое отверстие.

Она настолько напоминала Айви, что Китти порой ощущала физическую боль внизу живота. Улыбка Аннабель была в точности как у Айви. Ее глаза улыбались, а губы оставались сомкнутыми. Она так же теребила волосы, если чувствовала неуверенность в себе. Если резко поворачивала голову, ее длинные рыжие мелкие кудряшки падали на глаза. Такой могла быть сама Айви в детстве.

Разумеется, ни о чем подобном она не могла даже намекнуть в разговорах с Аннабель. Она никогда не смогла бы раскрыть правду ни одной живой душе и переживала это мучительно. Зато они могли сполна разделить нечто, что чувствовали обе. Одиночество и всепоглощающее горе, которое они ежедневно носили в себе, тоскуя по родным людям,

которых они так и не узнали. Китти горевала о сестре, Аннабель о своей родной матери, хотя сначала они не обсуждали это между собой.

Прошли недели, месяцы, и Китти все же раскрыла Аннабель ту сторону своей личности, которую не показывала никогда и никому. Сначала медленно и осторожно прощупала почву. Ожидая, что Аннабель отвергнет ее, как прежде поступали все, в отношениях с кем она достигала этой точки, она поведала ей историю, которую прежде рассказывала только отцу: о том, как увидела Эльвиру за надгробием на кладбище, как Эльвира отвела ее в подсобку, откуда боялась уходить. И о том, что Эльвира умерла, потому что Китти заблудилась, отправившись за помощью.

Аннабель выслушала ее, утешила, как смогла, а потом призналась, до какой степени ей хочется узнать все о женщине, давшей ей жизнь. Она часто думала о своей родной матери. Кем она была? Почему бросила ее на произвол судьбы? Вместе они сумели разыскать Мод. И именно с того момента все начало вставать на свои места, нашлись ответы на многие вопросы.

Китти надеялась, что будет тихо сидеть в доме Мод Дженкинс, просто присутствуя при первой встрече Аннабель со своей бабушкой, но почувствовала, как ее трясет от ненависти, стоило престарелой леди открыть им дверь.

В коробке с вещами Айви обнаружилась пачка писем, и, несмотря на протесты престарелой леди, она села в углу и стала читать их.

Что было после этого, Китти плохо помнила. Она бросила в лицо матери Айви обвинение, что именно из-за нее погибла дочь. У нее остались смутные воспоминания о том, как она за руку вытащила Аннабель на улицу, вручив ей письма Айви и велев непременно прочитать. Мод обязана была спасти Айви, говорила она Аннабель Роуз, тряся ее за плечи, а если та снова попытается встретиться с Мод, она убьет ее. Китти не знала, как добралась тем вечером до дома, но, когда проснулась утром, ею владел панический страх.

Как обычно, перед началом уроков она дожидалась Аннабель у ворот школы, но девочка там больше не проходила. В последующие недели Китти не раз пыталась заговорить с ней, вот только Аннабель сразу же обрывала ее. Во взгляде теперь был виден холодок, улыбка стала пустой и формальной, и Китти почувствовала, что снова потеряла свою Айви.

Она постаралась держаться от нее подальше, но ощущала, как сердце буквально разрывается от боли, а ночные кошмары, оставившие ее на то время, пока она встречалась с Аннабель, вернулись и мучили с невероятно беспощадной силой.

Поэтому однажды в два часа ночи она пришла к дому Аннабель и постучала. Приемный отец девочки открыл дверь в крайне возбужденном состоянии.

«Извините, что разбудила вас, мистер Крид, но мне необходимо поговорить с Аннабель». – Китти попыталась улыбнуться мужчине, немного смягчить исходившую от него заметную неприязнь.

«Это уже выходит за всякие рамки приличия. Не понимаю, почему девушка, которая настолько старше моей дочери, испытывает к ней такой интерес, но Аннабель уже неделю не перестает плакать, и, как я подозреваю, именно вы можете быть причиной истерики».

«Пожалуйста, дайте мне поговорить с ней и все объяснить». – Китти почувствовала, как на глазах выступили слезы, и злым жестом смахнула их.

«Убирайтесь отсюда, и если я узнаю, что вы снова пристаете к моей дочери, обращусь в полицию».

Его щеки побагровели от гнева, но кожа на костлявых пальцах, прижатых к бедрам, и на тонких лодыжках, торчавших из-под брюк шелковой пижамы, оставалась бледной.

«Она не ваша дочь, – выпалила Китти. – Вы украли ее, и она ненавидит вас за это».

Когда она удалялась прочь от дома, обернулась и посмотрела на окно спальни Аннабель, в котором увидела девочку, стоявшую за стеклом и настолько похожую на Айви, словно та опять вернулась к жизни.

В последующие недели отстранение со стороны Аннабель стало все сильнее сказываться на состоянии Китти. Она чувствовала, что близка к помешательству. Строчки из писем навязчиво преследовали ее, а желание причинить боль, отомстить тем, кто нес прямую ответственность за смерть Айви, становилось непреодолимым. Образы, связанные с насилием, почти непрерывно возникали в ее мозгу, крутились днем и ночью, как сцены из немого кино. Никаких слов, только изображения: как она добивается справедливости за гибель Айви.

Посещения приемной матери в больнице, прежде составлявшие просто часть распорядка дня, стали непереносимым бременем, и она с ужасом думала о каждом таком визите, едва успев проснуться утром. Запах смерти в коридорах, вялые улыбки медсестер, Хелена, лежавшая в постели вся распухшая и продолжавшая свое бессмысленное существование. Китти устала от этой отвратительной картины. От бесчисленных трубочек, ослаблявших боль и бесконечно продлевавших жизнь женщине, которая главным образом и стала виновницей того, что ее сестру бросили в Святой Маргарите.

Она часто пыталась разговаривать с ней об Эльвире, но, судя по отрывистым и коротким ответам Хелены, по тому, как она торопилась отвернуться к стене и сменить тему, становилось ясно, что раскаяния она не испытывает.

Китти безмерно устала от своих обязательств перед женщиной, которая оставалась к ней совершенно равнодушной.

Она устала ждать смерти своей матери.

Ей требовалась полная свобода, чтобы сосредоточиться.

Глава 40

3 июля 1968 года, среда

Хелена Кэннон вздрогнула и очнулась. В небольшой больничной процедурной палате была почти полная темнота. Только узкий луч прикроватной лампы высвечивал ее насквозь промокшую от пота подушку. Даже для июля погода стояла необычайно жаркая, и в комнате было душно, хотя солнце не так давно зашло. В воздухе висела накопившаяся за день влага. До нее доносились смутные звуки детского плача из родильного отделения этажом ниже. Но, за исключением этого, в больнице стояла гнетущая тишина.

Аппарат для диализа, установленный для Хелены, явно уже давно прекратил работать. Стрелки его приборов замерли, и при тусклом освещении он напоминал робота, чьи глаза наблюдали за ней. Ночная дежурная медсестра в последнее время стала заметно лениться. Она крайне редко появлялась теперь непосредственно к моменту окончания работы прибора, чтобы отсоединить трубки и отвезти ее назад в обычную палату. Ее ночная рубашка и простыни под ней пропитались потом, что резко контрастировало с ощущением во рту, там было сухо, как в пустыне.

На нее накатила волна тошноты, и Хелена повернула голову к окну, остававшемуся закрытым, несмотря на ее постоянные просьбы к медсестрам открыть его. И хотя ее телу уделяли повышенное внимание, изучив его, подсоединив к трубкам и к катетерам, регулярно вводя инъекции, состояние ее разума, казалось, совершенно не волновало врачей, постоянно болтавших между собой на отвлеченные темы, стоя прямо у нее над головой. Она старалась проявлять терпение, зная, что есть другие пациенты, чье самочувствие было даже хуже, чем у нее, но ей отчаянно хотелось высказаться хоть кому-то, чтобы окончательно не сойти с ума. Ее приводила в ужас необходимость ежедневного посещения кабинета для диализа. Прикованная к урчавшей машине день за днем, она порой вдруг начинала видеть, как стены смыкаются вокруг нее. Уже скоро все четыре стены станут давить на ее распухшее тело, потолок опустится крышкой гроба, и его замочки закроют: щелк, щелк.

Хелена посмотрела на будильник, стоявший на прикроватном столике, чтобы понять, долго ли спала, но часы оказались повернутыми к ней задней

стороной. До них невозможно было дотянуться, оставаясь прикованной к аппарату, как и до красной кнопки вызова медсестры, на которую она всегда смотрела с надеждой. Съежившаяся кожа и все усиливающаяся тошнота подсказывали, что она проспала дольше положенного, пропустила то время, когда замеряли давление. Или же она попросту переутомилась, не могла пошевелиться и избавиться от навязчиво повторяющихся снов, которые становились все страшнее. Снов о Джордже, казавшихся настолько реальными, что она могла прикоснуться к нему, услышать исходивший от него запах. Она вспоминала их прежнюю жизнь до появления всей этой боли, визитов в больницу, бесконечных уколов, – когда они были еще счастливы и безумно влюблены друг в друга. Сны действительно ощущались как реальность, и потому, проснувшись, она с тоской почувствовала, как снова переживает его потерю.

Ей хотелось кричать, чтобы услышали все: «Джордж и я неразлучны. Мы должны состариться вместе!»

Но он погиб уже семь лет назад, и доктора ей солгали: время не лечит. Прошлое действовало на нее по-другому. Подруги перестали задавать о нем вопросы, избегали упоминания имени Джорджа, опасаясь, что она опять зальется слезами. Хелена знала: все ждут, что она будет двигаться дальше. Но вот только куда? Время не излечивало душевную рану, а ее горе в глубине души постепенно превращалось в ярость, затаившуюся, словно неразорвавшаяся бомба.

Она пробежала глазами по комнате в поисках любого предмета, который помог бы дотянуться до кнопки вызова, и ее взгляд упал на вентилятор, который Китти принесла, чтобы освежать воздух во время долгих сеансов диализа. Прошло всего несколько часов, а она уже скучала по дочери. Будь Китти здесь, она бы пошла и позвала кого-нибудь, призвала бы медсестер к порядку и убедилась, что мать благополучно уложили на постель в ее палате.

Хелена лежала в полумраке процедурного кабинета, размышляя о Китти. В последнее время дочка казалась подавленной, снова и снова расспрашивая ее об Эльвире. Хелена же предельно устала от обсуждения этой темы, от разговоров, заставлявших ее чувствовать себя плохим человеком. От нее потребовалась вся ее способность к прощению, чтобы разрешить Джорджу привезти домой из Святой Маргариты хотя бы одну из девочек-близнецов, и выбор они сделали вполне естественный. Эльвира при родах испытала острую гипоксию. Отец Бенджамин лично объяснил им, чем это опасно. Джорджу было достаточно трудно самому воспитывать одного ребенка, не говоря уже о втором, страдавшем от травмы мозга.

«Ты когда-нибудь думала об Эльвире, пока я росла? – спросила Китти этим утром, и ее глаза окаменели, что происходило всегда, когда речь заходила о сестре. – Мне просто нужно знать, ее судьба вообще когда-либо беспокоила тебя?»

Комната закружилась перед глазами, и Хелена поняла, что только что сглотнула рвоту, подступившую к горлу. В тот момент ей хотелось только одного: чтобы Китти немедленно ушла. А теперь, когда она действительно ушла, ею владело желание поскорее увидеть дочь снова.

«Сестра!» – хрипло позвала она.

Уровень жидкостей в ее организме держали на самом низком уровне, какой он мог выдерживать, чтобы предотвратить их дальнейшее скопление в легких и в ногах. День ото дня доктора сокращали количество воды, которое ей разрешалось выпить, и хотя во рту настолько пересохло, что она едва могла говорить, эта мера давала очень незначительный эффект. Хелена по-прежнему дышала с трудом, ноги же продолжали опухать до такой степени, что она сама уже не могла ими двигать. Казалось, они даже принадлежали не ей. Кожа на них так растянулась, что создавалось впечатление, словно она может треснуть при малейшем надавливании на нее.

Даже тишина вызывала пульсацию в ушах Хелены, а от каждого движения ее снова начинало тошнить. Скоро ее вырвет, и она не сможет остановить рвоту, а после этого уровень обезвоживания в организме упадет до критически низкой точки. «Оставайся спокойной. Кто-нибудь обязательно придет уже через минуту». Она испытывала жажду, мучительную жажду. Ей не давали сегодня воды вообще, не считая маленького стаканчика за завтраком, а ведь она обильно потела. Чесотка на коже становилась все нестерпимее. У нее было такое чувство, словно по ней ползали насекомые, которые затем рыли ходы в ее плоти до самых костей. И как она ни скребла ногтями, достать до них не могла.

Внезапно, и без всяких предварительных признаков, жижа наполнила ее рот, началась рвота. Хелена издала стон, когда блевотина растеклась по ночной рубашке, а горло обожгло, как будто наружу исторгалась кислота.

Едва способная поднять руку и вытереть рот, она молилась, чтобы из коридора донеслись хоть чьи-то шаги. Но ничего не слышала. Только бешено колотившееся сердце в груди. Она посмотрела на толстую иглу, торчавшую из руки. Сама она не могла вынуть ее. Она была словно в ловушке.

Пока Хелена боролась со второй волной тошноты, раздались едва слышимые крики младенцев из родильного отделения, находившегося

прямо под процедурным кабинетом. Они часто плакали по ночам. Порой сквозь толщину пола пробивались отчаянные вопли рожавшей женщины, становившиеся все громче и громче. Иногда это продолжалось часами. А затем наступала тишина, после чего раздавался плач новорожденного.

Для большинства людей нет ничего приятнее этого звука, но Хелена воспринимала его как если бы кто-то процарапал острым гвоздем школьную доску. Нежелательное напоминание о сотнях девушек, с пепельно-серыми лицами, стучавшихся в кабинет матери Карлин. О девушках, молча сидевших и смотревших, как перо ее авторучки бегает по бланкам договоров, в которых указывались все детали окончательного решения судеб их детей. А затем она произносила нечто вроде речи, подчеркивая, что это наилучшее решение, и самые разумные из них сразу ставили подписи. Другие пытались противиться, но в конце концов все сдавались благодаря силе убеждения матери Карлин.

Хелена совершенно не представляла себе, какой это ужас – отказ от ребенка. Ей было достаточно мучительных переживаний по поводу того, что она сама не способна была родить детей. А девушки всё прибывали, они были всё моложе, бледнее и всё более истощены. Она неоднократно пыталась бросить эту работу, передать свои обязанности кому-то другому, но отец Бенджамин настаивал, чтобы именно она продолжала этим заниматься. Она умела найти правильный подход к девушкам, заявлял он, они доверяли ей. Она же была всего лишь молоденькой помощницей юриста в мире, где всем правили мужчины, и не хотела, чтобы ее уволили с самой первой доставшейся ей должности.

Внезапно она услышала звук ключа, отпирающего замок. Она не понимала, почему дверь вообще заперли. Быть может, о ней забыли и теперь сюда пришла одна из уборщиц? Впрочем, не важно, почему ее бросили здесь. Имело значение только то, что теперь ее обнаружат. Ею овладело чувство невероятного облегчения, когда дверь со скрипом открылась, и свет из коридора на мгновение залил комнату. Кровать стояла изголовьем в сторону двери, и она не могла видеть, кто именно вошел, но отчетливо слышала движение позади себя.

«Эй! Кто это?» – прохрипела она, и засохшая рвота потрескалась в уголках ее губ.

Но в ответ не произнесли ни слова. Хелена вслушивалась в поскрипывание обуви по полу, дожидаясь, что сейчас кто-то подойдет и поможет ей.

«Эй! – Она напрягла голос, но получился только шепот. – Пожалуйста, отзовитесь. И ради бога, помогите мне».

Когда она повернула голову, чтобы увидеть, кто находился в комнате, то вдруг почувствовала на шее теплое дыхание, а потом, посмотрев ниже, заметила, как чья-то рука протянулась к прикроватной лампе и выключила ее. Процедурный кабинет моментально погрузился в кромешную тьму.

Хелена почувствовала, как потянули за иглу в ее предплечье, а затем острая боль пронзила всю руку снизу доверху. В шоке она застонала и попробовала другой рукой ощупать себя и понять, что произошло. Слезы обожгли глаза, когда она нащупала оборванный кусочек пластыря, которым закреплялась игла в ее фистуле[16]. Но вот только игла была теперь более чем наполовину извлечена.

Еле ворочая своими неуклюжими опухшими пальцами, Хелена постаралась воткнуть иглу на прежнее место, но только лишь вынула ее еще больше. Издала безмолвный крик от боли, когда начала рваться вокруг входного отверстия кожа, покрытая синяками. Каблуки защелкали по полу. Дверь быстро открылась и снова захлопнулась. Хелена почувствовала, как жидкость стекает по руке и по пальцам, образовывая лужицу под ее ладонью.

Кровь! Так много крови! Она как можно сильнее надавила на отверстие фистулы, но понимала: оказалась открытой артерия, и теперь она безостановочно истекала кровью.

Лужа крови становилась все больше и больше. Кровь уже перелилась через край кровати и струилась на пол. Хелена разразилась рыданиями, умоляя кого-нибудь помочь ей, но знала, что в длинном коридоре почти отказавший ей голос никто не услышит. Она была ослаблена и потеряла ощущение пространства, потянулась к красной кнопке, но ее рука отяжелела и почти не двигалась. В отчаянии она попыталась столкнуть прикроватную лампу с тумбочки, надеясь, что звук разбитого стекла привлечет внимание, заставит поднять тревогу, но сумела лишь опрокинуть, и теперь даже лампа оказалась вне ее досягаемости. Тошнота накатывала все новыми волнами, и ее стошнило, на сей раз через край кровати, когда она свесилась с нее, неспособная на большее.

Быстро пролетали драгоценные секунды. Комната начала кружиться, а в ее воображении стали возникать образы Джорджа. Вечер их первого свидания, ее желтое платье, танец на пляже под звездами, незабываемый поцелуй под ярким летним солнцем – она буквально слилась тогда с ним в единое целое. До сих пор казалось, что она ощущает привкус соли в морском воздухе.

Хелена сделала попытку вернуть свое тело целиком на постель, понимая, что падение с кровати станет для нее смертельным. Но в то же

время испытывала напрасную надежду, что грохот все же заставит кого-нибудь срочно прибежать сюда. Однако распухшие ноги оказались чересчур тяжелыми. Она еще какое-то время ворочалась, заливалась слезами, молила о помощи, но скоро ослабла настолько, что уже не могла продолжать борьбу за жизнь. Комната продолжала вращаться перед глазами снова и снова, совершая круг за кругом, и у нее возникло ощущение бесконечности этого вращения.

«Помоги мне, Джордж», – прорыдала она, цепляясь за насквозь промокшие простыни и моля Бога только об одном: чтобы муж уже ждал ее по ту сторону.

Острая боль начала подниматься ползучим параличом по одной стороне ее тела. По ноге, по руке, а дальше и по лицу. А потом она уже и вовсе не могла шевелиться.

Закрыв глаза и горько оплакивая саму себя, она дожидалась конца и теперь уже обращалась к Господу с мольбой о прощении, повторяя одни и те же слова многократно.

«Смилуйся надо мной, Господь. Прости мне мои прегрешения».

Глава 41

6 февраля 2017 года, понедельник

Китти медленно шла по коридору, расписанному граффити, к квартире Аннабель Роуз, а из дверей, которые она проходила по пути, доносились то звуки телевизионных программ, то плач маленьких детей. Наконец она добралась до квартиры номер 117 и оглядела коридор в обе стороны, прежде чем нажать на кнопку звонка.

Сразу никто не отозвался. Она мгновенно почувствовала, как нарастает ее раздражение. Поправила на себе жакет и глубоко вдохнула. Ведь дала же себе слово сохранять спокойствие. Она не знала, как прозвучит версия произошедшего от Аннабель, и хотела выслушать ее, чтобы только потом дать волю эмоциям. Она совсем не спала, и уже первая половина утра сложилась тяжело для нее, а потому крайне необходимо было держать себя в руках. Она вытянула палец и снова нажала на кнопку звонка. На этот раз изнутри донеслись звуки, началось какое-то движение.

– Подождите минуточку, – произнес знакомый голос.

Китти сцепила пальцы перед собой и стала ждать.

Когда Аннабель открыла дверь, ее лицо светилось улыбкой. Но почти мгновенно она узнала гостью, глаза потускнели, и выражение лица изменилось. Китти терпеливо готовилась выслушать обычные в таких случаях любезные фразы, хотя сразу же поставила ступню на порог на тот случай, если Аннабель попытается захлопнуть дверь.

– Боже мой! Китти! Я не знала… То есть не ожидала увидеть тебя здесь, – сказала Аннабель, медленно стирая краем фартука с рук муку и сильно краснея. – Столько времени прошло.

«Она выглядит ужасно», – подумала Китти. Ее кожа поражала бледностью, и даже безразмерная одежда не скрывала крупных жировых отложений в складках тела. Китти была на шесть лет старше, но казалась моложе Аннабель лет на десять. Она поправилась фунтов на сорок с тех пор, как Китти видела ее в последний раз, почти пятьдесят лет назад. Сальные волосы она зачесала назад, и они обрамляли ее округлое, покрытое морщинами лицо. Женщина стояла с заметным трудом, видимо из-за боли в ноге или тазобедренном суставе. Китти пристально смотрела на нее, и в ней постепенно закипал гнев при мысли о ее праздной,

бессмысленно прожитой жизни. Почему Аннабель так мало интересовало то, что случилось с ее матерью? Почему лишь на долю Китти выпала обязанность восстановить справедливость? Ярость свернулась клубком у нее внутри, пульсирующая, готовая взорваться.

– Ну что? Ты пригласишь меня войти?

Аннабель бросила взгляд вдоль коридора, а потом опустила глаза, заметив, что ступня Китти уже перегородила порог. Китти ждала, по-прежнему сцепив пальцы рук перед собой. Ее грудь разрывалась от возрастающей злости. Нерешительность и робость Аннабель выводили ее из себя. Так и хотелось дать ей пощечину. Хотя она подозревала, что Аннабель не будет рада видеть ее, в ней еще теплилась надежда. Несмотря на все сложности в прошлых отношениях между ними, могла все же сохраниться и прежняя взаимная любовь. После того, через что они прошли вместе, после всего, что сделала Китти ради нее, у их дружбы был шанс перевесить остальные чувства. Но теперь было ясно – это не тот случай.

Пока Аннабель продолжала колебаться, Китти услышала голоса из дальнего конца коридора и шагнула вперед, чтобы оказаться за порогом.

– Впусти же меня, Аннабель, ради всего святого! – прошипела она.

Нана подалась назад, поморщившись от боли в бедре. Китти протиснулась мимо нее, и сильный аромат духов «Шанель» № 5 ударил в нос Нане, почти вызвав приступ удушья. Она закрыла глаза, молясь, чтобы Эмма не вышла на звонок, и когда они прошли мимо комнаты девочки, тихо, но плотно закрыла ее дверь дрожавшими руками.

Оказавшись в гостиной, Китти застыла на месте, внимательно оглядела комнату, и презрительная гримаса скривила лицо. Работал телевизор. Шло обычное развлекательное шоу. И его ведущие, как всегда, несли чепуху в льстивом для зрителей стиле. В газовом камине вовсю горел огонь, но комната оставалась холодной, а пол беспорядочно устилали газеты, одеяла и детские игрушки. Нана молча стояла на пороге у нее за спиной. В голове путались мысли, и ей сейчас было не до обмена притворными любезностями. Ей нужно избавиться от Китти до того, как проснется Эмма.

– Чем я могу тебе помочь, Китти? – спросила она, перенося вес тела с ноги на ногу.

Бедро мучило ее безжалостно. Она посмотрела на часы, стоявшие на каминной полке. Сэм звонила в шесть утра и обещала быть дома к одиннадцати, а сейчас уже перевалило за полдень. Наверняка она не задержится намного дольше. Эмма до сих пор спала, и это было чудом. Она

в последнее время просыпалась рано, но неважно себя чувствовала, и ночью то и дело вставала. «Спи, мой ангел, пожалуйста, спи».

– Как я вижу, тебе удалось полностью реализовать свой потенциал, – заметила Китти, оглядывая кипы газетных вырезок и фотографий.

– Это мой дом, и он мне нравится, – отозвалась Нана. – Чего ты хочешь, Китти?

Ее голос чуть заметно дрожал, но, когда Китти снова повернулась к ней, Нана уверенно посмотрела ей прямо в глаза.

Китти склонила голову и скрестила на груди руки.

– Зачем ты рассказала обо мне своей внучке?

– Я ей ничего не рассказывала, – сказала Нана, поглядывая на телефон, стоявший рядом с креслом-качалкой. – Я и словом не обмолвилась обо всем этом. Но она нашла письма Айви.

– Потому что ты оставила их там, где она легко могла на них наткнуться. – Китти подошла ближе. – Ты возвращалась, чтобы встретиться с Мод?

– Нет. Я просто стала жить дальше, и тебе следует поступить так же. – Нана прислонилась к спинке ближайшего к ней кресла.

– Не могу позволить себе такую роскошь. Кто-то из нас был обязан что-то предпринять, а ты бросила меня одну.

– Я не бросала тебя, Китти. Мы были детьми. А потом стали взрослыми.

– Ты отвернулась от меня в самый важный момент. Они сносят здание Святой Маргариты уже завтра, и если бы не я, им бы сошло с рук все, что они натворили.

– О чем это ты, Китти?

– Ты всегда была трусихой. Они убили твою мать, они убили мою сестру. Так почему же они сами должны были умереть от старости в теплых постелях?

Нана впервые ощутила подлинный страх.

– Китти, пожалуйста! Сэм должна вернуться в любую минуту, и тогда мы втроем сможем все обсудить. Ты права. Я – трусиха. Всегда была слишком напугана, но теперь, когда ты здесь, мы с Сэм сможем тебе помочь.

– Я тебе совершенно безразлична. Ты бросила меня, как и все остальные. Я же опекала тебя, заботилась о тебе, потому что любила.

– Я тоже тебя любила, Китти. Но ты слишком все усложнила. Мне не хотелось прожить всю жизнь, будучи переполненной ненавистью.

Нана обошла вокруг кресла и села в него. Она задыхалась и боролась с

переутомлением. Потом посмотрела на Китти со слезами на глазах.

– Я нездорова, Китти. У меня слабое сердце.

– У тебя слабое сердце, потому что ты сама слабая.

Позади Китти в дверном проеме показалась Эмма, и комната начала кружиться перед Наной. Она ощутила боль в руке.

– Не причиняй ей вреда, Китти. Умоляю, не причиняй ей вреда.

– А! Ты все-таки хоть к кому-то неравнодушна, – сказала Китти, стоя над ней.

Нана поникла и совсем опустилась в кресле. Ее щеки невероятно побледнели. Эмма бросилась к ней и обняла.

– Нана просто очень устала. – Китти улыбнулась девочке. – Давай прогуляемся и дадим ей поспать, а? Можем поиграть в прятки. Тебе нравятся такие игры?

Эмма кивнула. Китти взяла ее за руку, и они вдвоем вышли из квартиры, закрыв за собой дверь.

Глава 42

6 февраля 2017 года, понедельник

Эльвира Кэннон остановила машину неподалеку от заброшенного здания бывшего приюта Святой Маргариты, заглушила двигатель и обернулась к маленькой девочке, сидящей на заднем сиденье.

– Хочешь увидеть место, где родилась Нана? – спросила она.

Эмма вынула изо рта леденец и кивнула. Эльвира выбралась из автомобиля и открыла дверь с той стороны, где сидела девочка, а затем открыла багажник, вынула из него канистру с бензином и фонарик, после чего заперла машину и взяла Эмму за руку.

Было около двух часов пополудни, но солнечный свет уже начал постепенно меркнуть, когда они пролезли сквозь дыру в заборе. Эльвира заметила двух мужчин, беседовавших неподалеку от дома.

– Не пора ли нам начать играть в прятки? – обратилась она к девочке.

Эмма снова кивнула, глядя на нее своими большими голубыми глазами. У нее были светлые волосы, с чуть красноватым оттенком, но совсем не такие рыжие, как у Сэм и Айви. Четкие контуры образа Айви постепенно стирались, свет ее памяти угасал. Скоро она окажется совершенно забытой. Как и все остальные.

– Я досчитаю до десяти, а ты спрячешься за одним из тех больших камней, – прошептала Эльвира, поглядывая на мужчин, все еще увлеченных своим разговором. – Один, два, три…

Девочка захихикала и бросилась бежать к самому крупному надгробию, а Эльвира тащила канистру, выискивая люк, который вел внутрь дома. Наконец она нашла его, расчистила наросшую вокруг траву, поставив рядом тяжелую канистру. Достала из кармана ключ и вставила в замочную скважину. Поначалу ключ никак не проворачивался. В скважину набилась земля и мелкие камушки. Все это пришлось выковыривать пальцами. Но затем ключ провернулся со щелчком, и она подняла крышку люка, которую никто не открывал десятки лет. Смрад, ударивший в нос из проходившего внизу туннеля, заставил ее поначалу отвернуться. Посмотрев назад, она заметила Эмму, высунувшую из-за надгробия голову и размахивающую руками, чтобы привлечь ее внимание.

От этой сцены у нее кровь застыла в жилах. Стоял морозный день,

клонившийся к вечеру, и света падало на погост так же мало, как в 1959 году, когда она впервые привлекла к себе внимание Китти.

Шестьдесят лет прошло, а она все еще оставалась в эмоциональном капкане того момента. И чувствовала такое же отчаяние, такое же одиночество. Все осталось прежним. Что бы она ни делала, ощущение несчастья, преследовавшее ее всю жизнь, не исчезало.

Глава 43

15 февраля 1959 года, воскресенье

Эльвира Кэннон сидела на корточках позади надгробия на кладбище неподалеку от церкви Престона и наблюдала за девочкой в красном шерстяном пальто и лицом в точности похожим на ее собственное.

Она знала, как мало у нее времени. Девочка скоро снова сядет в автобус, и тогда шанс будет упущен. Ей пришлось ждать посреди заснеженного погоста целый день после того, как она две ночи пряталась в постройке, но понимала: долго ей там не продержаться. Она не чувствовала замерзших рук и ног и была так голодна, что желудок уже даже перестал требовать пищи.

Сотрясаясь всем телом от холода, проникавшего под ее балахон отовсюду, она дождалась, чтобы девочка посмотрела в ее направлении, а затем высунула из-за камня голову и жестами поманила ее к себе.

Поначалу она не знала, заметили ли ее. Вновь поспешно нырнула в свое укрытие, не в состоянии контролировать панический страх, что ее увидит не сестра-близнец, а кто-то чужой. Затем в тишине она услышала хруст снежной корки. Шаги приближались и приближались, пока их звук не прервался где-то совсем рядом.

Инстинкт велел ей сразу же схватить девочку. Она крепко вцепилась в ее руку, и вместе они побежали очень быстро, обогнули церковь и пересекли поле позади нее, чтобы добраться до постройки, находившейся практически в самом дальнем конце территории, принадлежавшей приюту Святой Маргариты.

Только оказавшись внутри, они остановились. Все еще держась за руки, стали внимательно вглядываться друг в друга и одновременно пытались отдышаться после бега.

«Кто ты?» – спросила Китти и по-доброму улыбнулась, словно заранее знала ответ на свой вопрос.

«Я Эльвира – твоя сестра и близнец», – сказала та, тоже улыбнувшись Китти, хотя у нее болело все, даже лицо и губы.

«Не понимаю, как такое возможно?»

«Мы с тобой родились в Святой Маргарите. Наш отец взял тебя домой, а меня удочерила одна семья, но затем вернула в приют. У тебя, случайно,

нет с собой какой-нибудь еды?» – с надеждой спросила Эльвира.

Китти полезла в карман своего красного пальто и достала затертое до блеска зеленое яблоко, которое приберегла, чтобы съесть в автобусе на обратном пути.

«Вот, держи».

«Спасибо». – У Эльвиры загорелись глаза, словно перед ней накрыли стол, ломившийся от блюд, а потом села на пол и жадно съела яблоко.

Китти смотрела на свою сестру, трясущуюся от переохлаждения и покрытую грязью. Ее ступни в открытых сандалиях побелели от холода. На ней был коричневый балахон, а руки выглядели так, будто кровь в сосудах уже превратилась в лед.

Китти сняла с себя пальто.

«Надень его».

Эльвира съела яблоко и взяла у нее пальто. Рукава оказались в самый раз. Она застегнулась на все пуговицы и сказала:

«Какое оно красивое».

Китти же моментально почувствовала, как холодно стало без пальто ей самой, и обхватила себя обеими руками. Она выглянула наружу через трещину в стене. Дневной свет постепенно уходил, сгущалась темнота. Впервые Китти начала нервничать. Автобус к этому времени уже уехал, а она осталась на ночь глядя далеко за городом. Записку отцу она не оставила, поскольку не видела в этом смысла. Она была уверена, что окажется дома еще до его возвращения из больницы.

«Мой отец знает о тебе?» – спросила она, присаживаясь на корточки рядом с Эльвирой и начав тоже немного трястись от холода.

«Не знаю», – ответила Эльвира.

«Нам надо добраться до дома, – сказала Китти, поднимаясь и беря сестру за руку. – Уже скоро совсем стемнеет».

«Я не могу больше выходить наружу. Они убьют меня, если поймают».

Эльвира вырвала руку из пальцев Китти и отодвинулась назад, словно сестра собиралась вытащить ее из постройки против ее воли.

«Убьют тебя? О чем ты говоришь, не понимаю. – Китти стояла, глядя сверху вниз на сестру, только что обретенную, о существовании которой не подозревала, и не знала, как ей быть. Ей было трудно разобраться в происходящем, мешал слишком сильный страх и полнейшая растерянность. – Поняла, что нужно делать, – сказала она после паузы. – Я пойду позову отца, и мы вместе с ним вернемся к тебе».

Она сделала шаг к двери.

«Нет! Пожалуйста, не бросай меня», – взмолилась Эльвира.

«Но мне нужно идти, пока еще не слишком поздно. Отец будет волноваться из-за моего отсутствия, – сказала Китти. – Все будет хорошо. Он обязательно поможет тебе».

Эльвира встала на колени и теперь уже сама ухватила Китти за руку.

«Нет, что-то плохое случится с тобой, ты уже не вернешься».

«Ничего плохого со мной случиться не может», – возразила Китти дрожащим голосом.

«Непременно случится что-то очень плохое, потому что я сама плохая».

Она снова заплакала, повалилась на пол, а Китти поневоле пришлось присесть рядом и обнять ее.

Но в итоге, когда прошло еще не менее часа или даже двух, Эльвира разрешила Китти уйти. Она была слишком слаба, чтобы противиться дальше. Взяла с Китти твердое слово, что если по возвращении с отцом они не застанут ее в подсобке, то воспользуются ключом от люка на погосте при Святой Маргарите, ведущего в туннели, где смогут отыскать ее.

«И ни в коем случае не шуми. Обещай мне, что не станешь кричать и звать на помощь».

«Обещаю», – кивнула Китти, настолько уже замерзшая, что не ощущала собственной руки, которую сжимала Эльвира.

Всю ту ночь Эльвира ждала возвращения сестры, но затем, уже понимая, что все пошло не так, как они планировали, отважилась покинуть свое убежище и вышла из него на рассвете, одетая в красное пальто Китти.

До сих пор помнила она овладевший ею чудовищный страх. А ее кровь словно горела в венах от избытка адреналина. Она побежала настолько быстро, насколько позволяли замершие ноги, в сторону церкви, потому что именно в этом направлении пошла бы Китти, чтобы добраться домой и попросить помощи у отца. С сестрой что-то стряслось, Эльвира уже твердо знала это. Китти успела бы уже вернуться, если бы попала домой благополучно.

В ее воображении всплыл и тот момент, когда она увидела черную лакированную туфельку Китти, брошенную на промерзшей земле. Она стояла и просто смотрела на нее, опасаясь, что сестренка упала, повредила ногу и не смогла пойти дальше. Она в отчаянии озиралась по сторонам, пытаясь заметить хоть какой-то еще признак присутствия сестры, и когда посмотрела в сторону Святой Маргариты, ей на глаза попалась вторая туфелька, отражавшая свет восходившего солнца. Только тогда ее словно ударило током.

До того мгновения эта мысль ей даже в голову не приходила. Но ведь с

тех пор, как ушла Китти, никто больше не выкрикивал имени Эльвиры. Никто не пришел проверить подсобную постройку. В ту ночь они обнаружили Китти, по ошибке забредшую к Святой Маргарите, и приняли ее за Эльвиру. Китти заблудилась, начала все-таки громко звать кого-нибудь на помощь, и они тут же прибежали на ее крики.

Всем телом содрогаясь в конвульсиях от ужаса, Эльвира смотрела на здание Святой Маргариты в свете раннего утра. Если бы она отправилась туда сейчас же, отец Бенджамин и мать Карлин поняли бы свою ошибку и убили бы ее, чтобы заставить молчать. Нет, она должна была сделать то, что собиралась сделать Китти. В этом была их единственная надежда. Ей необходимо найти их отца, вернуться с ним и попытаться спасти сестру.

Сунув онемевшие и растрескавшиеся ступни в туфли Китти, она побежала. Устремилась в сторону церкви, несколько раз поскальзываясь на заледеневшей земле. Последнее, что ей запомнилось, – это крест на церковной крыше, почти скрытый туманом. Автобусная остановка оставалась всего в двадцати футах. Она добралась до цели, теперь она справится со своей задачей.

А потом она упала.

Очнулась она через два дня в больнице, и отец, которого она никогда прежде не видела, спал в кресле у постели, держа ее за руку.

Глава 44

6 февраля 2017 года, понедельник

Задние двери микроавтобуса «скорой помощи» как раз открывали, когда Сэм остановила свою машину на стоянке, рядом с жилым комплексом Наны. Саму ее везли на каталке, с кислородной маской поверх рта.

– О, мой Бог, Нана! – воскликнула Сэм, бросившись к Нане и взяв ее за руку, пока ее поднимали в салон. – Что с ней случилось? С ней все будет хорошо?

– У нее случился инфаркт. Ей нужна операция. Это вы вызвали полицию? – спросил санитар, подсоединяя к Нане датчики монитора, установленного внутри.

– Я ее внучка. А где девочка, которая была вместе с ней? Она все еще в квартире? – Сэм старалась не поддаваться панике.

– Мне об этом ничего не известно. Вам придется самой подняться туда. Мы должны срочно уезжать. Если вы не едете с нами, покиньте машину, пожалуйста.

Сэм выпрыгнула из машины «скорой помощи» и помчалась к лестнице, взбираясь по ней, перепрыгивая сразу через две ступени. Пробежала по коридору к хорошо знакомой ей двери, перед которой дежурил полицейский.

– Эмма! – выкрикнула Сэм, пытаясь протиснуться мимо него.

– Погодите-ка минуточку, мисс! – невозмутимо сказал инспектор, а двое полицейских, уже находившихся в гостиной, посмотрели на нее.

– Где она? Эмма! – кричала Сэм и носилась по квартире. – Где моя дочь?

– Мисс, вам нужно успокоиться, – сказал полицейский, подходя к ней. – Прежде всего, кто вы такая?

– Я внучка женщины, которая здесь живет. Этим утром она присматривала за моей дочерью. Девочка должна была быть рядом с ней, когда ей стало плохо с сердцем. Где же она? – Сэм вновь кинулась в спальню и заглянула под кровать. – Эмма!

– Хорошо, не могли бы вы сообщить, сколько лет вашей дочери? – спросил полицейский.

– Четыре года. Боже, сделай так, чтобы она оказалась у Бена. Умоляю

тебя, Боже! – Сэм достала из сумки мобильный телефон и набрала номер Бена.

Потом расхаживала в нетерпении по гостиной, пока не включился автоответчик.

– Бен, это я. Пожалуйста, перезвони мне немедленно. Мне необходимо знать, нет ли у тебя Эммы. У Наны случился инфаркт у нее дома, а Эммы здесь нет. Позвони срочно.

– Возможно, какая-нибудь соседка или хорошая знакомая могла забрать вашу дочь к себе? – задал вопрос полицейский, наблюдая за метаниями Сэм.

– Нет, не думаю. Слава богу, – сказала она, когда телефон у нее в кармане начал звонить, и немедленно приняла вызов. – Бен?

– Сэм, это Фред. Я нахожусь у Святой Маргариты. Китти здесь, и, по-моему, с ней твоя Эмма. Они только что пробрались на кладбище через дыру в заборе. Я прослежу за ними.

Глава 45

6 февраля 2017 года, понедельник

Фред убрал телефон и включил свой фонарик. Он стоял наверху лестницы, каменные ступени которой скрывались внизу во тьме. Ему удалось максимально осторожно открыть крышку люка, подсунув пальцы под тяжелую чугунную плиту, а затем поднимая ее все выше, пока она не рухнула в сторону на траву, покрывавшую землю на погосте. Затем немного выждал, вслушиваясь, не доносятся ли какие-нибудь звуки, помимо его собственного учащенного дыхания, но слышал только, как капает вода и где-то внизу журчит нечто похожее на ручей. Он склонился вперед в попытке прикинуть, насколько далеко вниз ведут ступени, но ему сразу же ударил в нос настолько острый и едкий смрад, что он почувствовал позыв к рвоте и резко подался назад.

После того как он заметил автомобиль Китти Кэннон, проехавший мимо дома доктора Джейкобсона, Фред последовал за ним, держась на безопасной дистанции, прямиком к будущей строительной площадке. Китти свернула на ухабистый проселок, а он остановился на дороге и в быстро меркнувшем свете зимнего дня наблюдал, как ее машина медленно движется вдоль периметра Святой Маргариты. Оставив мотор работать, он дождался, чтобы она вышла наружу, прежде чем тоже свернуть и припарковаться позади «ягуара».

В стремительно сгущавшихся сумерках он тоже выбрался из машины на холод и заметил дыру в заборе, прямо напротив того места, где Китти оставила свой лимузин. Поначалу нигде не было заметно никаких признаков присутствия строителей, но стоило ему подобраться ближе к дому, как он услышал хлопок закрывшейся двери машины и замер на месте.

– Доброй ночи, Энди. Завтра последний день. Увидимся сразу после рассвета, – произнес мужской голос.

– Значит, до скорого, Сэм, – ответил другой мужчина, и Фред услышал шаги, удалявшиеся в сторону дома.

Кто-то завел двигатель автомобиля, захрустел гравий под колесами, сменившись затем полной тишиной. Фред пригнулся и затих, пока мужчина, оставшийся на стройплощадке, не миновал стену дома и не

направился к сторожке, расположенной на углу у забора. Завтра последний день. Фред мог представить в своем воображении завтрашнюю сцену. Бригада рабочих стоит на некотором расстоянии, пока подвешенное к стреле крана огромное чугунное ядро бьет прямо по дому. Они будут радостно похлопывать друг друга по плечам, когда последняя из внешних стен с грохотом обрушится. Все приготовления были закончены. День, когда дом наконец снесут, наступал.

Фред немного передохнул, отдышался, а затем еще раз оглядел здание. При свете почти угасшего дня трудно было различить отдельные детали его облика, но общее впечатление от него оставалось близким к мрачному. Увитый плющом викторианский особняк, который мог стать для кого-то красивым домом, наполненным счастьем и радостью жизни, сейчас внешне полностью соответствовал выпавшему на его долю печальному предназначению. Его окружали многочисленные машины, предназначенные для того, чтобы совсем скоро раздробить его на мелкие каменные обломки. Островерхие башенки, возвышавшиеся над крышей, придавали силуэту дома изломанный и агрессивный вид. Он напомнил Фреду какое-то гигантское животное, до последнего не желавшее сдаваться в борьбе, как израненный бык на арене корриды.

Где-то недалеко залаяла собака, и когда Фред повернулся, то заметил свет в самом центре кладбища. Он проскользнул в ту же дыру рядом с машиной Китти и пошел в сторону источника света. Но, приблизившись к дальнему краю погоста, он отчетливо увидел ее и понял, что она не одна. Китти держала за руку ребенка, слишком маленького, чтобы Фред мог разглядеть его раньше. Она начала спускаться по ступеням, но девочка остановилась у люка. Фред видел, как женщина тянет ее за руку. Подойдя ближе, он расслышал плач ребенка, а затем ему впервые удалось как следует разглядеть малышку, и прежде чем они обе исчезли из вида, он понял, что это Эмма – дочь Сэм.

Теперь он уже решительнее встал на первую ступеньку, осветив фонариком покрывавшую ее зеленую слизь, ладонью нащупывая себе путь по влажной стене, прежде чем шагнуть на следующую. Время от времени он останавливался, вслушиваясь, пытаясь уловить хоть какие-то признаки присутствия людей, и наконец добрался до подножия лестницы, где оказался перед входом в туннель высотой примерно в его собственный рост, почувствовав под ногами застоявшуюся лужу протухшей воды.

Хотя он оставил вход в люк настежь открытым, смрад стоял ужасающий, и ему пришлось прижать ко рту носовой платок, вынутый из кармана. В другой руке он держал перед собой фонарик, ему трудно было

дышать, и он уходил все дальше в темноту зловонного туннеля.

Через каждые несколько шагов он делал остановки и оглядывался назад, опасаясь, что кто-нибудь наткнется на открытый люк и прочно закроет его. В темноте он и так почти ничего не видел, а запотевшие очки только усугубляли проблему, еще больше сбивая с толку. Дыхание участилось. Импровизированная маска не помогала. Он начал ощущать головокружение. Понятия не имея, куда движется, он посветил на стены туннеля, служившие ему единственным ориентиром. Складывалось впечатление, словно они сдвигаются с обеих сторон.

– Дьявол! – выругался он про себя, нагнулся вперед и начал кашлять от ядовитых испарений.

Пока он восстанавливал дыхание, детский крик прорезал тишину туннеля, а затем вдруг раздался грохот, словно закрыли очень тяжелую дверь. Фред вздрогнул от неожиданности. Дистанцию было трудно определить точно, но шум донесся из противоположного конца туннеля, и до него оставалось не более десяти футов.

– Куда же ты идешь? – прошептал Фред, обращаясь в темноте к Китти.

Лицо Сэм промелькнуло в его мыслях, когда он ускорил шаги в направлении доносившегося крика ребенка. Тухлая вода уже насквозь промочила его замшевые ботинки.

Наконец он добрался до цели. Туннель упирался в кирпичную стену, в центре которой была деревянная дверь в старой металлической коробке. У него постепенно мутилось сознание, когда он взялся за ручку и повернул ее. Медленно, с жалобным скрипом дверь открылась, и на Фреда обрушился столб дыма.

Глава 46

6 февраля 2017 года, понедельник

Сэм бежала по кладбищу в отчаянных попытках найти крышку люка, а крики полицейского, пытавшегося ее догнать, звенели у нее в ушах. Полиция доставила ее на своем автомобиле с сиреной и сверкающими проблесковыми маячками от жилого комплекса Наны прямо к Святой Маргарите, но, приехав, они обнаружили, что ворота стройплощадки надежно заперты. Тогда Сэм распахнула дверь машины и бросилась бежать вдоль периметра ограды, пока не нашла в ней дыру.

Когда ей наконец удалось добраться до открытого люка на кладбище, из него уже поднимался дым.

– О господи! Вызовите пожарных! – крикнула она полицейскому, натянула на рот и нос шарф и начала спускаться по скользким ступеням.

– Остановитесь! Нельзя заходить туда! – прокричал в ответ полицейский, но она уже скрылась в темноте.

Сэм кашляла сквозь плотный вязаный шарф, двигаясь по застоявшейся воде. В туннеле было как в аду: темно и сыро – и почти целиком все было окутано дымом. Она сдернула шарф с лица.

– Фред, где ты? – позвала она, крикнув во весь голос.

– Сэм! – донесся ответ из темноты. Она побежала в ту сторону, воображая себе Эмму в туннеле, одну и насмерть перепуганную.

– Фред! – позвала она снова, пробиваясь сквозь дымовую завесу. – Эмма!

Внезапно она увидела Фреда, он кашлял и сплевывал рвоту. Сэм буквально набросилась на него.

– Где Эмма?

– С Китти. Они прошли через дверь в конце туннеля, но теперь туда нельзя добраться. Китти подожгла туннель. Здесь настоящий пожар, – объяснил Фред.

– Мы не можем бросить там мою девочку, – в отчаянии сказала Сэм. – Возможно, она оказалась запертой по ту сторону двери!

– Мы найдем другой путь туда. Давай возвращаться.

Сэм старалась почти не дышать, когда развернулась и на ощупь стала пробираться обратно к лестнице. Они с Фредом помогали друг другу

подниматься по ступеням и, оказавшись у открытого люка, стали глубоко вдыхать холодный, но чистый воздух. Уже выбравшись на поверхность, они некоторое время стояли, нагнувшись вперед, выдыхая из легких остатки дыма, судорожно откашливаясь. Потом поспешно двинулись через погост к дому.

– Как Эмма оказалась вместе с Китти? – на ходу спросил Фред.

– Это не Китти, а ее сестра-близнец Эльвира. Она хорошо знает Нану, потому что училась вместе с ней в одной школе. Должно быть, она была в квартире, когда у Наны случился инфаркт. Туннель ведет в дом. Мне необходимо проникнуть туда. – Сэм постоянно спотыкалась, не глядя себе под ноги, полностью поглощенная желанием поскорее найти дочь.

Но как только они увидели особняк, сразу же остановились, пораженные тем, что увидели.

Весь первый этаж был охвачен огнем. Дым пробивался через щели во входной двери, а когда Сэм пробежала вдоль фасада, то увидела, как языки бурного пламени пляшут в каждой из комнат. Внезапно раздался мощный взрыв, и из давно разбитых окон посыпались искры и тоже повалил густой дым. Сэм издала дикий крик, а затем все же подбежала к входной двери, пытаясь выбить ее.

Фред с трудом оттащил ее в сторону. К ним подбежали двое полицейских.

– Там моя дочь! – крикнула им Сэм и снова позвала: – Эмма!

– Вам лучше держаться подальше от огня, мисс. Пожарные прибудут уже очень скоро, – сказал один из полицейских.

Сэм пропустила его слова мимо ушей и побежала к углу дома, отчаянно пытаясь найти хоть какой-то вход внутрь. Но огонь делал доступ в здание совершенно невозможным.

Внезапно она вскрикнула, и Фред посмотрел туда, куда был направлен ее исполненный ужаса взгляд. На крыше здания даже сквозь дым виднелась фигура женщины, стоявшей на самом краю. Сэм снова рванулась к дому, но полицейский перехватил ее и заставил вернуться.

– Я не имею права позволить вам попасть внутрь, мисс.

– Но мы не можем дожидаться пожарных! Там наверху моя дочь!

Сэм пыталась сопротивляться, вырывалась, но ничего не могла поделать. Еще две машины полиции, завывая сиренами, остановились у горящего дома.

Фред посмотрел на Китти, затем на свою машину, припаркованную менее чем в ста футах от места, где они стояли. Он не задумался ни на секунду. Проскочил сквозь дыру в заборе, открыл багажник автомобиля,

перебрал снаряжение скалолаза: от специальных башмаков с шипами до крепившегося к голове фонаря. Ему не потребовалось много времени, чтобы переодеться и побежать к боковой стене здания.

Добравшись до стены и чувствуя жар, исходивший от нее, как от печки, он бросил взгляд вверх, оценивая кирпичную кладку и ее фактуру. Пока он раздумывал, до него донеслись крики Сэм, она звала Эмму. Раздались и хорошо слышные издалека сигналы пожарных машин. Фред отступил назад на пять шагов, снова взглянул вверх, планируя маршрут восхождения по трещинам в кладке. Затем, вдохнув воздух глубже, он бросился бегом к стене, подпрыгнув над землей. Как только ему удалось ухватиться за подоконник первого этажа и начать подтягивать к нему ноги, прямо под ним появился полицейский.

– Эй! Немедленно слезайте оттуда!

Он попытался ухватить Фреда за лодыжки как раз в тот момент, когда жар из окна, на котором он повис, обдал его мощной волной. Фреду удалось упереть каблук в подоконник, приподнимая все тело на уровень окна, и заметить, что внутри дома уже царит огненный ад.

– Сейчас же спускайтесь на землю! – снова выкрикнул полицейский, но уже не мог дотянуться до ног Фреда.

Держась за оконную раму, он носом правого башмака нащупал трещину там, где раскрошилась часть кирпича, после чего нашел такую же опору для левой ступни. Теперь, когда ноги оказались в надежном положении, он крепко вцепился в корявую стену руками и принялся раскачиваться слева направо и снизу вверх, накапливая инерцию для прыжка к окну второго этажа, расположенного по диагонали от него. На долю секунды он оказался в свободном полете, казалось, что ничего уже не спасет его от падения на землю с высоты в двадцать футов, но он смог ухватиться за карниз и повис на нем, борясь с силой гравитации, тянувшей его вниз. Начал снова скрести по стене башмаками в поисках опор для ног. Нащупав их, вонзил мыски ботинок как можно глубже. Потом на мгновение повис, цепляясь пальцами за скользкий карниз, оглядывая стену, высматривая хоть что-нибудь, способное помочь дальнейшему восхождению.

Затем закинул ногу на подоконник и вновь подтянулся на него всем телом. Ему уже была видна крыша, но до нее предстояло преодолеть еще два этажа. Чтобы добраться до карниза, нависавшего прямо над ним, ему не хватало каких-то двух футов. Он опустился практически на корточки, так низко, насколько мог, дважды качнулся и прыгнул, ухватился за подоконник и еще раз подтянулся.

Фред посмотрел вверх. Толстый столб черного дыма поднимался в небо. Он почти добрался до цели, но следующее окно было небольшого размера, мансардный треугольник в одной из комнат на чердаке, и находилось оно слишком далеко от него. Тут ему на глаза попался фонарь на чугунной перекладине, торчавший из стены. Фред распрямил правую ногу и с силой ударил по перекладине, проверяя, выдержит ли она его вес. Крепеж фонаря показался ему вполне надежным. Тогда он закинул согнутую в колене ногу на фонарь и стал пальцами нашаривать новые трещины в стене.

Он обрадовался звуку подъехавших пожарных машин, когда снова смог подтянуться и дать себе немного отдохнуть, вслушиваясь в собственное тяжелое дыхание. Провисев несколько мгновений на фонаре, начал затем виртуозно двигаться по стене дома, как паук, используя любые трещины в изношенной кирпичной кладке.

Когда чердачное окно оказалось прямо у него над головой, он дотянулся до него и закинул ногу в дождевой водосток, проходивший по всему периметру крыши. Он снова сделал паузу и посмотрел вниз на пожарные машины. Они казались ему игрушечными с такой высоты, а вокруг крутились маленькие фигурки, разматывая шланги, разворачивая лестницы в сторону стены дома; они напомнили Фреду персонажей из его детских фантазий. Он больше не слышал криков Сэм, как и вообще ничьих голосов – только шум ветра, раздувавшего пожар под ним, а гул пламени все усиливался.

Наконец пожарным удалось направить струи воды на дом под всеми возможными углами, а Фред осторожно встал на черепицу, нависавшую над окном чердака, пригнулся и лег, чтобы незаметно осмотреть крышу. Менее чем в десяти футах от Фреда спиной к нему стояла Китти. Чуть позади нее сидела Эмма. Она плакала и просилась к маме. Китти не обращала внимания на ее слезы, глядя вниз на царивший рядом с домом хаос.

– Они все приехали сюда ради тебя, – сказала она, повернувшись к девочке, – потому что тебя любят.

Когда же Китти вновь отвернулась, Фред бесшумно прокрался по крыше еще ближе к ним, с ужасом думая о том, что одна из черепиц может с треском проломиться под его тяжестью. Он увидел, как пожарные вытягивали лестницу в их сторону, верхняя ступенька которой была уже близко.

– Отойдите от края крыши, – раздался снизу голос, многократно усиленный рупором. – Мы подаем лестницу, а потом один из пожарных

поднимется, чтобы помочь вам.

Фред снова огляделся по сторонам. Небольшая башенка возвышалась по другую сторону ската крыши чердака, и он медленно перебрался за нее, не спуская глаз с Эммы, свернувшейся в клубок и продолжавшей рыдать. Снизу взревел двигатель машины, и верхушка пожарной лестницы появилась рядом с тем местом, где стояла Китти. Эмма вскрикнула, тогда Китти ухватила ее за руку и потащила к укрытию Фреда, по дороге ее каблук отколол кусок черепицы, и он свалился с крыши на землю.

– Не смейте ко мне приближаться! – истерично выкрикнула Китти пожарному, уже поднимавшемуся по лестнице.

– Мамочка! – воскликнула Эмма.

– Пожалуйста, позвольте нам помочь вам обеим спуститься вниз. Мы же знаем, что вы не хотите причинить вред ребенку, – сказал пожарный, пытаясь перебраться с лестницы на крышу.

– Держитесь от меня подальше, или я спрыгну, – заявила Китти, оттаскивая Эмму подальше от лестницы.

Эмма издала жалобный крик.

Фред оставался за башней, пригибаясь как можно ниже. Сердце отчаянно колотилось в груди, руки тряслись. Он пытался сохранять здравомыслие, думая, как поступить дальше. Внезапно им овладел панический страх. Что, если он только все испортил? Поступил неверно? Он так самоуверенно забрался сюда, чтобы спасти Эмму, по одной-единственной причине. Потому что любил Сэм. Но теперь, оказавшись здесь, возможно, он совершил фатальную ошибку, и дочь Сэм погибнет по его вине.

Густые клубы дыма продолжали подниматься. Фред слышал звук лопавшегося стекла где-то внизу, ощущал жар огня.

– Пожалуйста, вам нужно пойти со мной, – пожарный вытянул руку. – Нам необходимо немедленно снять вас и ребенка с крыши. Стены дома уже ненадежны. Вот-вот могут рухнуть.

– Где же вы были, когда она нуждалась в вас? – спросила Китти, а Эмма вновь закричала от страха.

– Кто? – недоуменно спросил пожарный.

– Айви. Я видела, как она выпрыгнула из окна спальни. Я как раз стояла в поле и обернулась. Она раскинула руки, как птица крылья. Она хотела полететь. И мне захотелось быть с ней. Я и сейчас хочу быть с ней.

– Мы волнуемся за вас обеих и хотим помочь, но для этого нам необходимо немедленно спустить вас вниз. Просто позвольте мне забраться на крышу, и я смогу помочь.

– Нет, не смейте приближаться! – крикнула Китти.

Фред мучительно высчитывал и оценивал расстояние, отделявшее его от Эммы. Китти крепко держала девочку за плечо. Если бы он попытался перехватить ее, Китти могла от испуга резко пошатнуться назад, потерять равновесие, и тогда они вдвоем упали бы навстречу верной смерти. Он видел, как к крыше подводят вторую лестницу с задней стороны дома, но жар мешает пожарным подобраться вплотную.

– Пожалуйста, дайте мне руку. Я не смогу находиться здесь долго, – пожарный протянул обе руки, а Китти сделала еще шаг назад подальше от него, но ближе к Фреду.

В этот момент раздался взрыв, и у пожарного в закрепленной на поясе рации с треском раздался голос. Фред понял, что у него появился шанс, поднялся и подбежал к Китти и Эмме по растрескавшейся черепице крыши.

– Мы не сможем потушить пожар, – донеслись слова начальника бригады пожарных из рации. – Нам придется отвезти тебя на лестнице чуть дальше от дома, Джон.

– Но здесь остается маленькая девочка, и я не могу бросить ее. Богом молю, пожалуйста, отдайте мне хотя бы ребенка! – выкрикнул пожарный, как только лестница начала медленно отдаляться от крыши.

Когда Фред добежал до Эммы, лестница уже находилась футах в пяти от края крыши. Еще один взрыв, потрясший здание до основания, громыхнул под ними. Китти пошатнулась и невольно отпустила девочку.

– Прыгайте ко мне, ради всего святого, прыгайте сейчас же! – заорал пожарный, обращаясь уже к Фреду, только что впервые заметив его.

Фред ощутил невероятный прилив адреналина, протянув руки к Эмме, которая инстинктивно бросилась к нему. Крепко прижав к себе ребенка, он побежал в сторону лестницы.

Весь мир словно замер на мгновение, кругом воцарилась мертвая тишина, когда Фред прыгнул.

Эпилог

Сэм вертелась в кресле, помассировав себе виски, сделала паузу, чтобы прочитать только что написанное на мониторе компьютера.

«В сегодняшнем номере «Таймс» раскрываются сенсационные и совершенно невероятные истории, подробности жизни популярной телеведущей Китти Кэннон, по всей видимости, покончившей с собой в прошлом месяце.

Известная умением заставлять своих гостей говорить нелицеприятную правду в прямом эфире, любимица зрителей, звезда, получившая прозвище «Пушечное ядро», сама скрывала ото всех свою личную тайну, гораздо более скандальную, чем кто-либо мог себе вообразить.

Рожденная под именем Эльвира Кэннон, она присвоила себе личность своей погибшей сестры. В возрасте восьми лет в силу обстоятельств она вынуждена была притвориться, что она – это Китти, поскольку перед ней стоял вопрос жизни или смерти.

И в сегодняшнем номере нашей газеты правнучка женщины, которая помогла Эльвире выжить, раскрывает истинные детали драматической саги, затрагивающей судьбы четырех поколений людей на протяжении шести десятилетий. Журналистка Саманта Харпер обнаружила в истории своей собственной семьи такие шокирующие материалы, каких ей не доводилось находить за всю свою профессиональную карьеру».

«Быть может, кто-то скажет, что биография Китти Кэннон выглядит как сплошной клубок лжи. Но, как я убедилась на своем личном опыте, порой ложь становится необходимой. Именно так случилось в истории Эльвиры и моей бабушки. Обе они оказались настолько травмированы еще на заре своей жизни, что ложь стала для них единственно возможным выбором.

Жизнь Эльвиры оборвалась в Святой Маргарите, как и ее сестры Китти – настоящей Китти, – но только шестьюдесятью годами ранее.

И там же началась жизнь моей бабушки Роуз.

Сестрам-близнецам Китти и Эльвире, родившимся у любовницы их отца в 1950 году в приюте для матерей-одиночек имени Святой Маргариты в Престоне, Восточный Сассекс, с самого момента появления на свет выпали совершенно разные судьбы. Китти родилась здоровой и полной

сил, а Эльвира почти задохнулась в материнской утробе, и ее посчитали мертворожденной, пока неожиданно в лазарете приюта она не подала признаки жизни. Поскольку жена Джорджа Кэннона, отца близнецов, была тяжелобольной и постоянно находилась в больнице, он взял домой только здорового младенца, оставив Эльвиру в руках жестоких монахинь из Святой Маргариты.

И пока Китти росла, окруженная любовью и заботой, не подозревая о том, кем была ее родная мать, трагическая история Эльвиры продолжилась, когда ее удочерила молодая супружеская пара, но уже в шестилетнем возрасте вернула в Святую Маргариту. Там она оставалась в течение еще двух ужасающих лет, работая в прачечной и став, по сути, малолетней рабыней, и там же благодаря еще одному неожиданному повороту судьбы встретилась с моей прабабушкой Айви Дженкинс».

Сэм оторвалась от текста статьи и посмотрела на письма Айви, лежавшие рядом с ней на рабочем столе. Письма, за которые она ухватилась, как наркоман набрасывается на дозу, не замечая намеков Наны, что этого делать не следует, – все не так хорошо, как кажется на первый взгляд. В отчаянном желании покинуть нелюбимую работу и съехать из тесной для троих квартирки Наны она попалась в капкан, который сама же и поставила, а поиски «Святого Грааля» сенсационной истории означали, что придется направить луч прожектора на судьбы членов своей собственной семьи. Сага, начавшаяся, когда молоденькая и невинная девушка случайно забеременела в 1956 году, заканчивалась крушением ее собственной жизни – скоро она разведется и станет матерью-одиночкой в возрасте двадцати пяти лет.

– Так будет проведено расследование или нет?

После трех безуспешных звонков в ведомство по урегулированию конфликтов в области медицины и здравоохранения, которые она делала на протяжении нескольких недель после пожара в Святой Маргарите, трубку наконец снял один из инспекторов.

– Вам придется обратиться с запросом в наш отдел по связям с прессой, – ответил мужчина внезапно дрогнувшим голосом.

– Я не представительница прессы, а родственница одного из детей, на которых тестировали медикаменты, – солгала Сэм. – Мне просто нужно выяснить, делается хоть что-то или нет.

В итоге она добилась, что пресс-центр Скотланд-Ярда подтвердил: да, они намереваются провести детальное расследование, какие тестирования новых лекарств проводились на детях в приюте Святой Маргариты.

– Но только пройдут годы, пока будут сделаны выводы, а нам тем временем запрещено даже словом обмолвиться об этих опытах над детьми, – сказала она, подняв взгляд на редактора отдела новостей Майлза, присевшего на край стола.

– А что по поводу смертей почти каждого, кто был упомянут в письмах? – спросил он, глядя на список фамилий в ее блокноте.

Сэм тоже подумала обо всех тех людях, за чью гибель, как она не сомневалась, несла прямую ответственность Эльвира. Начиная от ее присутствия при аварии, в которой зимой 1961 года погиб Джордж Кэннон, и заканчивая отцом Бенджамином, которого она сумела хитростью заманить в подземные туннели Святой Маргариты почти через пятьдесят лет после первого события.

– Они утверждают, что нет достаточных оснований вновь открывать те дела. Думаю, они считают, что прошло слишком много лет.

– Как, ни одно из дел? – спросил Майлз и, когда Сэм помотала головой, задал естественный вопрос: – А случай с психотерапевтом? Совсем недавний.

Сэм просмотрела вырезки из газет на своем столе и достала одну из них с крупной фотографией Ричарда Стоуна под заголовком: «Известный психиатр покончил с собой».

– Думаю, Эльвира и здесь сыграла свою зловещую роль, но сумела превосходно замести за собой следы. Впрочем, как всегда. – Сэм чуть заметно улыбнулась, вспомнив утро, которое провела на судебно-медицинской экспертизе, слушая, как сын Ричарда Стоуна рассказывал о глубоких душевных переживаниях его отца в связи со смертью жены.

– Вы знали, что Китти Кэннон была пациенткой вашего отца? – спросил следователь у немолодого уже мужчины в сером костюме и белой сорочке с узким черным галстуком. Кожа лица была бледной, а темные круги под глазами только подчеркивали их яркую голубизну.

– Нет, но мне было известно об одной пациентке, с которой он отказывался прекращать работать, даже когда ему перевалило за восемьдесят. Мама всегда настаивала, чтобы он отошел от дел полностью, а он говорил, что в неоплатном долгу перед этой женщиной и обязан продолжать терапию наилучшим образом. Теперь, как я понимаю, мы все знаем, почему, – не слишком внятно произнес Джеймс Стоун в стоявший перед ним микрофон.

– Знали ли вы о его участии в испытаниях лекарственных препаратов, проводившихся в приюте Святой Маргариты? – судебный следователь смотрел поверх полукруглых линз своих очков, терпеливо дожидаясь

ответа мистера Стоуна.

– Нет, не знал. – Джеймс откашлялся и взял небольшую паузу. – Знал только, что в его прошлом было что-то, о чем он никогда не хотел говорить. А его отношения с моим дедом – это отдельная тема, он глубоко переживал по этому поводу. Они вообще не общались. Отец порой погружался в депрессию, такие периоды моя мама называла «черными». Вспоминая это теперь, я думаю, что она знала причину его тревоги, но стремилась оградить нас.

– Как вы считаете, версия самоубийства вашего отца соответствует действительности? – Следователь снял очки, положил их на стол и что-то записал в своем блокноте.

Джеймс Стоун откашлялся, прочищая горло, прежде чем заговорить.

– В газетах пишут, что эта женщина – Китти Кэннон – родилась в Святой Маргарите. Она не могла быть участницей экспериментов с лекарствами и винить в этом отчасти и моего отца? Вы не нашли никаких подтверждений ее присутствия в доме, когда он умер?

– Ничего существенного, мистер Стоун. Ее отпечатки пальцев обнаружены в его кабинете, где он проводил свои сеансы, но это вполне естественно.

– Значит, он принял сильное успокоительное, а затем вскрыл себе вены в ванне? – спросил Джеймс Стоун, и его голос дрогнул.

Следователь кивнул в ответ, снова нацепил очки и посмотрел на свои записи.

– Да, об этом говорят материалы дела. И принял он не первое попавшееся успокоительное. За две недели до смерти ваш отец запросил «Краниум фармасьютикалз» предоставить ему образцы кокинарола, с целью продолжить тестирования. Кокинарол был одним из препаратов, действия которых испытывали в Святой Маргарите. – Он снова поднял взгляд. – А значит, что роль, сыгранная им в тех исследованиях, мучила его намного сильнее, чем можно было предположить, а в совокупности с горем из-за потери жены пытка стала для него нестерпимой…

– Что ж, нам известно, что в подвале того особняка найдено массовое захоронение, – сказал редактор отдела новостей, возвращая Сэм в настоящее. – Из этого следует, насколько масштабным будет расследование полиции случаев тестирования лекарств. У нас есть подтверждения произошедшей подмены, как и того факта, что скелет восьмилетней девочки был найден в септическом отстойнике канализации наряду с другими. Я верно все излагаю?

Сэм кивнула, прикусив до боли губу от мысли, через какие ужасы

пришлось пройти маленькой Китти Кэннон, оказавшейся в руках матери Карлин. Ее останки были найдены в отстойнике вместе с разложившимися трупами сотен других детей и взрослых, которые все еще пытались идентифицировать, используя досье, устилавшие пол вокруг трупа Ричарда Стоуна.

– Но даже если оставить пока тему этих трагических смертей, это по-прежнему совершенно сенсационный материал, – продолжал Майлз. – Нам нужно повествование от первого лица, Сэм: ты и твоя бабушка должны рассказать всем о том, как разлука ребенка с матерью повлияла на судьбы нескольких поколений женщин.

– Но я не хочу, чтобы история была про меня. Китти – главная героиня, – возразила Сэм.

– Разумеется, но только Китти Кэннон мертва, а ты и твоя бабушка способны своими воспоминаниями вдохнуть жизнь в эту трагедию. Ты – олицетворение многих сотен женщин нашей страны, которые до сих пор страдают от зла, творившегося в том месте. Думаю, тебе будет лучше начать со встречи твоей бабушки с матерью Айви. Вложи весь свой талант, Сэм. Материал нужен мне к завтрашнему дню, – добавил он, потом его окликнул коллега и он ушел, а Сэм посмотрела ему вслед.

Затем она перевела взгляд на курсор, мигавший перед ней на мониторе компьютера, и впервые ощутила всю тяжесть ответственности перед теми сотнями женщин, вынужденных когда-то отречься от собственных детей в Святой Маргарите. Эти женщины уже в возрасте шестидесяти, семидесяти или даже восьмидесяти лет положат перед собой номер «Таймс» за завтраком, сидя рядом с мужьями, которым, вероятно, ничего не известно о пережитых ими боли и страданиях.

Она издала тяжелый вздох и взялась за страничку, лежавшую поверх целой кипы, – первое из писем Айви, с чего все и началось.

12 сентября 1956 года.

Любовь моя!

Меня пугает отсутствие новостей от тебя. Все мои опасения оказались не напрасными и подтвердились. Я на третьем месяце беременности. Слишком поздно что-либо предпринимать. Значит, на то воля Божья, чтобы наш ребенок появился на свет.

Нана. Этим ребенком стала Нана. Ей до сих пор трудно было привыкнуть к этому факту, Сэм все еще сердилась на бабушку за то, что та не рассказала ей всю правду о письмах с самого начала.

Она догадывалась: Нана не думала, что Сэм найдет письмо. Нана попросту уснула, читая его. Но затем солгала о том, что обнаружила второе письмо, а потом третье. Причем даже не попыталась предостеречь Сэм, когда она безоглядно ринулась навстречу катастрофе, которая затронула их обеих. Вот с этим она никак не могла пока смириться. В конце концов, речь шла о ее любимой бабушке. Сэм понимала, насколько сложно было бы для Наны подобрать нужные слова для объяснения, но она обязана была хотя бы попытаться. Ради Сэм. Ради Эммы.

– Почему они так долго не выписывают меня? – через несколько дней после сердечного приступа Нана все еще находилась в больнице. – Я прекрасно себя чувствую, а у них не хватает коек для более тяжелых больных.

– Нана, у тебя был инфаркт, – напомнила Сэм умиротворяюще.

– В самой легкой форме, – фыркнула Нана. – И у меня случится еще один, если меня вынудят продолжать есть эту отвратительную пищу из больничной столовой.

– Извини, но мне в самом деле важно понять то, что случилось с письмами Айви. – Сэм посмотрела на Нану, пока та продолжала с отвращением разглядывать поднос с нетронутой едой. – Почему ты просто не рассказала мне правду?

– *Просто* рассказать правду? – Нана смерила внучку взглядом, совершенно новым, какого прежде она не замечала. – И какую же часть правды? О письмах? О Китти, угрожавшей мне? Я даже твоему деду ничего не рассказывала. А когда все началось, я уже не могла рассказать всю эту историю вразумительно. Понимала, сколько у тебя появится ко мне вопросов.

– Но я имела право знать! – Сэм почувствовала, как задрожал ее голос.

Она никогда прежде не ссорилась с Наной. Еще одни прекрасные отношения, отравленные ядовитыми токсинами Святой Маргариты.

– Конечно же, имела, и мне очень жаль. Я сама не перечитывала эти письма тридцать лет. Достала их только потому, что у меня был день рождения, и мне захотелось подумать о женщине, подарившей мне жизнь, поплакать немного. И впервые рядом не оказалось деда, который мог бы меня отвлечь своими расспросами.

– Но я была рядом, – уже совсем тихо сказала Сэм.

– Я была совершенно не готова к тому, что ты увидишь письмо, а еще меньше к твоей реакции… Сестра! – окликнула Нана усталую с виду женщину, которая быстрым шагом проходила мимо двери палаты по коридору и все равно не расслышала ее.

– Несправедливо винить меня за мою реакцию, Нана. Ты мне солгала, чего никогда в жизни не делала прежде. – Сэм утерла выступившие на глазах слезы.

– Я и не виню тебя. Мне самой становилось плохо от их прочтения. А твоя реакция на них… Это оказалось для меня чересчур. Ты накинулась на письма, как голодная акула. Не могла бы ты вызвать ко мне старшую медсестру, дорогая? Мне нужно вернуться домой. Я не могу спать посреди шума и суеты, не могу есть. От этой больницы мне становится только хуже.

Нана попыталась удобнее поправить подушки у себя под головой, сопровождая усилия тяжелыми вздохами.

– Хорошо, Нана. Ты все еще хочешь встретиться с Мод? Я рассчитывала привезти ее сюда завтра.

– Если на то будет воля Божья, завтра меня здесь уже не будет. Ей придется навестить меня дома.

– Но у тебя не пропало желание увидеться с ней? – спросила Сэм. – В конце концов, в биологическом плане она твоя бабушка.

– Ради всего святого, да, так и есть, но я ничем не обязана этой женщине.

Нана достала сборник кроссвордов и положила себе на колени, а потом открыла, давая понять, что разговор окончен.

Сэм отправилась на поиски старшей медсестры, но думала при этом, сколько всего она по-прежнему не знала о своей бабушке. Например, о ее жизни до того, как они нашли друг друга. О том, что у Наны была дочь, мать Сэм, взятая под полицейский надзор, родившая ребенка в подростковом возрасте, а потом умершая от алкоголизма. О боли от удочерения чужой семьей, чтобы позже узнать, как родная мать не выдержала невообразимых мучений и покончила с собой. Сэм все еще никак не могла основательно поразмыслить над всем этим. Не знала, с чего начать.

Теперь она вдохнула глубже, вернувшись к содержанию писем, от которых у нее кровь кипела в жилах, и постаралась взять себя в руки.

«Письма, автором которых является моя прапрабабушка, повествуют о мире, исполненном такой боли, как душевной, так и физической, о такой тяжелой работе, которая была бы трудна для любой женщины, но становилась невыносимой для девушек, которые были уже на восьмом месяце беременности.

«Монахини обращаются с нами беспредельно жестоко, – писала она в декабре 1956 года. – Начинают избивать тростями или всем, что попадется

под руку, наказывая всего лишь за обмен парой фраз. Одна из девушек получила страшный ожог от раскаленной, как металл в доменной печи, простыни, только что прошедшей через сушильный агрегат. Теперь в рану еще и инфекция попала, она загноилась. А сестра Мэри Фрэнсис только и сделала, что однажды подошла к ней, чтобы отругать ее за неспособность работать в полную силу. Нам разрешено открывать рты только для молитвы или чтобы униженно произнести: «Жду ваших указаний, сестра». Мы молимся перед завтраком, а после завтрака отправляемся на службу в церковь. И перед тем как лечь в кровати, завершаем день молитвами. А потом для нас наступает черная пустота до звонка колокольчика в спальне, заставляющего нас просыпаться в шесть часов утра. Мы живем по звонку колокольчика. Нет часов, нет календарей, нет даже зеркал. Чувство времени в такой обстановке совершенно утрачивается. Мне ничего не говорят о том, что произойдет, когда у меня родится ребенок, но я знаю – в этом доме содержат младенцев, поскольку по ночам я слышу их плач».

После того как она в неописуемых муках родила ребенка, дочь Айви – мою бабушку – забрали у матери против ее воли. Айви постепенно опустилась на самое дно глубочайшей депрессии, не способная ни спать, ни есть. Ее единственной отрадой стало знакомство с маленькой девочкой по имени Эльвира».

– Итак, поясните для меня снова, с какой целью вы проникали на территорию бывшего приюта Святой Маргариты, причем дважды?

Сэм протяжно вздохнула, вспомнив о полицейском следователе, который после пожара задержал их с Фредом и доставил в участок для допроса. Он сидел, откинувшись в кресле и скрестив руки на своем округлом животе. Она же старалась детально отвечать на его вопросы, сохранять хладнокровие, помогать по мере сил, но детство, проведенное в полицейских участках вместе с непутевой матерью, оставило свой след.

– Я же рассказала вам, что моя бабушка дала мне письма девушки, родившей ребенка в Святой Маргарите.

Однако полицию мало интересовали письма Айви, как и тот факт, что почти все люди, упомянутые в них, самым странным образом были уже мертвы. Казалось, что полицейские были одержимы только одной задачей: привлечь Фреда к ответственности за восхождение по боковой стене Святой Маргариты, пока они сами стояли в беспомощности, не зная, что предпринять. Несмотря на отважное спасение им жизни Эммы, ему бесконечно задавали одни и те же вопросы. Не принимал ли он участия в поджоге здания? Как он вообще оказался там? И тому подобное.

– Да, вы только и твердите об этих письмах, – сказал следователь, посмотрев на часы, – но я по-прежнему не понимаю, какое право вы имели нарушать неприкосновенность чужой частной собственности.

К тому времени, когда их с Фредом наконец отпустили, ограничившись строгим устным предупреждением, Сэм поняла, почему Эльвира сама убила всех тех людей. Она прекрасно знала, что, если не сделает этого, они так никогда и не поплатятся за свои преступления, а спокойно умрут в теплых постелях, с совершенно чистой совестью. И ей сошли убийства с рук только потому, что она проявила незаурядное терпение.

И только потому, что она устроила пожар, вообще удалось найти тела многочисленных детей, умерших в Святой Маргарите.

– Она поступила очень умно, – сказал следователь, провожая Сэм к выходу из участка. – Разлагающийся труп нельзя считать безжизненным в полном смысле слова: в нем продолжают выделяться определенные продукты. Например, метан. Через несколько десятилетий газ скопился в таких количествах, что превратился в нечто вроде бомбы, готовой взорваться в любой момент. Фигурально выражаясь, эти тела словно все вместе стремились помочь нам их обнаружить…

…Сэм посмотрела на одни из трех часов, висевших на стене отдела новостей «Таймс». В Лондоне наступил полдень. Осталось четыре часа до того, как она должна показать первый черновой вариант своей статьи.

«Утром, когда ее должны были перевести в психиатрическую больницу, Айви покончила с собой, но прежде позаботилась о том, чтобы ее смерть отвлекла всеобщее внимание и дала шанс Эльвире сбежать, возможность выжить.

Эльвира затем прождала два дня на пронизывающем февральском холоде, одетая только в бесформенный коричневый балахон, обутая в тонкие сандалии на голую ногу, пока к церкви не пришла Китти, ухоженная домашняя девочка в модном и теплом красном пальто. Сестры мгновенно узнали друг друга и вместе спрятались в убежище, которое нашла Эльвира. Однако в ту же ночь, когда Китти отправилась за помощью, судьба сыграла с ней очень злую шутку. Монахини поймали ее, приняли за Эльвиру, жестоко избили и убили. Ее труп они бросили в септический отстойник канализации приюта Святой Маргариты, где он и пролежал, надежно спрятанный, пока пожар не раскрыл тайны этого резервуара. В нем нашли свою последнюю обитель сотни мертворожденных младенцев и других детей, на чью долю выпала столь же мучительная смерть.

Проснувшись позже в больнице, Эльвира увидела своего отца, с которым никогда прежде не встречалась, державшего ее за руку. Ей сообщили, что сестра умерла. Опасаясь, что ее снова отправят в приют, перепуганная маленькая девочка предпочла промолчать, но ее душа на долгие годы оказалась в плену Святой Маргариты».

Пальцы Сэм подрагивали над клавиатурой. Повсюду вокруг нее светились экраны мониторов, похожие на прожектора взлетно-посадочной полосы, ведущей через весь зал к стене, на которой огромными черными буквами был выведен лозунг: «Таймс»! Мы с гордостью носим на первой полосе герб Ганноверской династии!»

В редакции газеты все отнеслись к ней вполне дружелюбно, когда она впервые вышла на новую работу. Майлз провел ее по отделу, представляя всем членам своей команды, которые, как ей показалось, не могли подолгу сидеть на месте. Она вежливо улыбалась каждому, но так нервничала, что сразу забывала названные ей имена и фамилии, как только их произносили.

Теперь же она, снова грустно вздохнув, посмотрела по сторонам на незнакомые лица. Некоторые репортеры не сводили глаз со своих компьютеров, другие вели оживленные беседы между собой, и ей до боли захотелось, чтобы рядом с ней по-прежнему сидел Фред, терпевший любые ее капризы, неизменно утешавший, приносивший без конца чашки с разбавленным редакционным кофе. Она скучала по нему гораздо сильнее, чем по Бену, с которым почти не общалась весь последний месяц, если только не приходилось обсуждать, кто из них и когда будет заниматься Эммой. Пару раз она пробовала звонить Фреду, но он уволился из Южного информационного агентства и совершенно пропал.

Никогда еще она не была настолько одинока. История Святой Маргариты разъедала ее отношения с Наной хуже, чем запущенная раковая опухоль. Они больше не заводили разговоров на эту тему, но она незримым громадным призраком постоянно присутствовала в комнате вместе с ними.

Сэм даже не упоминала о своей будущей статье, которую собирались опубликовать в «Таймс» на двух разворотах в ближайшую субботу. Поначалу она не представляла себе, что новый босс захочет сделать ее саму и Нану главными героинями сенсационного материала, и порой навязчивая фраза «ты предаешь свою любимую бабушку» начинала вновь и вновь жужжать в мозгу, как попавшая в банку оса.

Внезапно она почувствовала приступ тошноты. Нет, она не в силах пойти на это. С таким же успехом она могла бы сидеть в офисе совершенно голая – именно такое ощущение стыда и уязвимости не оставляло ее, пока

она писала статью в том виде, в каком ее хотел получить Майлз. Подлый поступок. Ей придется сказать ему правду, пусть даже ценой работы, к которой так долго и старательно стремилась.

Она медленно выделила на мониторе текст, написанный за последние два часа, и уже собиралась удалить его, когда зазвонил ее мобильный телефон. Высветилось имя Наны. Сэм ответила.

– Привет, Нана.

– С тобой все в порядке, дорогая? У тебя усталый голос. – До Сэм доносились звуки классической музыки, громко включенной в гостиной бабушки.

– У меня все хорошо, просто трудный день выдался на работе. Как ты поживаешь?

– Нормально. Догадайся, кто пригласил нас всех к воскресному обеду, – сказала Нана с усмешкой. – Мод Дженкинс. Ну, разве это не прелестно?

– Действительно прелестно.

Сэм почувствовала странный надлом в своем голосе, встала из-за стола и отправилась в тихий угол у дальней стены зала отдела новостей.

– Но только хозяйкой станет ее соседка, поскольку для Мод очень трудно готовить самой. Как я поняла, ты с этой женщиной встречалась. Это миссис Коннорс. Ты проявила к ней большую доброту, когда у нее умер отец, – бодро продолжала Нана. – Как думаешь, Бен тоже захочет прийти?

Сэм помотала головой, и на глаза навернулись слезы, которые она не смогла сдержать.

– Нет, я не думаю, что он придет, – выдавила она из себя. – Мы с ним почти не разговариваем, Нана. Он считает меня виновной в смертельном риске, которому подверглась Эмма, когда оказалась на крыше горевшего дома.

– Это вздор, вот что я тебе скажу. В этом не было твоей вины, как и вообще ни в чем. Если на ком-то и лежит реальная ответственность, то только на мне одной.

Обе замолчали. Сэм слышала в трубке лишь тяжелое дыхание бабушки.

– Нана, мне нужно кое-что обсудить с тобой. Мой новый босс в «Таймс» хочет, чтобы я непременно включила нас в материал о Китти. Тебя и меня. Мне нужно описать, как приют Святой Маргариты повлиял на наши судьбы.

Наступила продолжительная тишина, и Сэм, потупив взгляд, разглядывала свои туфли. На одну из них капнула слеза, и она утерла глаза

тыльной стороной ладони.

– А сама-то что чувствуешь по этому поводу? – едва слышно спросила Нана.

– Даже не знаю. Кажется, мне страшно, но я устала хранить свои секреты. Иногда меня посещает мысль, что так или иначе мне необходимо это сделать. Только мне не обойтись здесь без твоей поддержки.

Сэм до боли прикусила губу, а слезы уже неудержимо текли по щекам.

– Тогда, я считаю, мы должны согласиться. – Голос Наны звучал как прежде, тихо и мягко. – Нам важно проявить смелость, чтобы отдать дань памяти всем девушкам, пострадавшим в Святой Маргарите. Так мы выполним свой долг и перед Айви тоже.

– В самом деле, Нана? Ты уверена? – Слова давались Сэм с огромным трудом.

– Да, моя дорогая, я абсолютно уверена.

Послесловие автора

В то время как сам по себе приют Святой Маргариты никогда в действительности не существовал и стал плодом моей писательской фантазии, в его описании слились подлинные черты многих подобных заведений и истории их обитателей, почерпнутые мной в ходе подготовительного исследования из различных источников. И ужасающие условия содержания в них девушек, изображенные в романе, полностью соответствуют трагической реальности. Распространено заблуждение, что настолько жестокие нравы царили главным образом в приютах для матерей-одиночек в Ирландии, но известно и о нескольких приютах на территории Великобритании, где творилось такое же насилие и беззаконие.

Приведу пример. В своей книге «Детская прачечная для незамужних матерей» Анджела Патрик пишет о том, как в 1963 году ее отправили в женский монастырь в Эссексе, «методы управления которым напоминали викторианский работный дом»[17], где после восьми недель содержания она была «насильственно принуждена отказаться от своего сына». Я уверена, что в нашей стране до сих пор живут тысячи женщин, не по своей воле отказавшихся от собственных детей, но сохранивших «позорную» тайну в глубинах своих душ, скрывая секрет от мужей, от рожденных позже детей и от самых близких друзей, поскольку так и не смогли избавиться от стыда. А именно на соблюдении тайны и строили свое благополучие эти весьма прибыльные учреждения.

Тот факт, что еще совсем недавно младенцев противоправно отбирали у матерей, впервые привлек мое внимание, когда я прочитала интервью Стивена О’Риордана, который много лет боролся за справедливость для сотен тысяч женщин, ставших в буквальном смысле узницами ирландской сети, так называемых прачечных Магдалины.

Узнав о «наводившем ужас физическом и психологическом насилии», от которого многие десятилетия страдали молодые женщины, попавшие в сети прачечных Магдалины, я задалась вопросом: достаточно ли для них извинений, принесенных им премьер-министром Ирландии недавно, 19 февраля 2010 года? Ни одна монахиня, ни один священник из тех, кто непосредственно причинял им невыносимые страдания, так и не извинился перед своими жертвами публично. Все они, по странным причинам, остались вне поля зрения средств массовой информации. Посетила меня и другая, крайне огорчившая меня мысль. Ведь многие из этих насильников и

изощренных мастеров психологических пыток уже успели за прошедшее время мирно скончаться в своих теплых постелях, в полной уверенности, что их совесть совершенно чиста.

Однако истинное возмущение вызвали у меня не «зловещие монахини», осуществлявшие лично систематическое насилие над тысячами девушек и детей. Монахини были всего лишь неприглядным лицом преступной системы. На деле же столь мрачные зверства творились по вине гораздо более широких кругов общества, в котором жили эти девушки: их родителей, дядюшек и тетушек, врачей, юристов из органов местного государственного самоуправления, работников агентств по усыновлению и всех тех, кто делал вид, что ничего особенного не происходит.

История ирландских прачечных Магдалины, в конце концов, по праву привлекла к себе пристальное всеобщее внимание и вызвала осуждение, но по-прежнему мало кто знает о том, что точно такие же заведения существовали на территории Соединенного Королевства.

Приюты для матерей-одиночек впервые появились в Англии в 1891 году. К 1968 году уже насчитывалось сто семьдесят два, только известных мне, дома для незамужних матерей. Большинством из них руководили различного рода религиозные организации. Многие молодые женщины под давлением со стороны родителей или работников социальных служб были вынуждены против своей воли отказаться от новорожденных детей. Это явление достигло своего пика в 1968 году, когда в Англии власти выдали 16 164 разрешения на усыновление или удочерение.

Кто-то, вероятно, станет утверждать, что насилие и жестокость, повсеместно распространенные в Ирландии, не так часто встречались в Англии (хотя тоже имели место), но невозможно отрицать психологического давления на молодых незамужних матерей, которое оказывалось, чтобы вынудить их отдавать своих детей чужим людям. Информация о доступности для них помощи государственных и частных благотворительных фондов, готовых обеспечить их жильем и финансовой поддержкой, чтобы в одиночку суметь вырастить ребенка, преднамеренно утаивалась от них, чтобы у девушек не оставалось выбора. Пережитое горе нанесло большинству из них настолько тяжелые травмы, что они потом многие годы страдали от душевных или физических расстройств, а значительное их число так больше и не попытались завести детей.

Относительно испытаний лекарств на детях в приютах у автора нет прямых доказательств, что подобные тесты когда-либо проводились в Великобритании, но зато подобные эксперименты в Ирландии получили широкое освещение в прессе. Лично я подозреваю, что после скандальных

разоблачений фактов насилия в приютах у властей просто не дошли руки, чтобы привлечь к ответственности тех, кто осуществлял опыты, и это тоже послужило для меня одним из источников вдохновения при написании романа.

Автор выражает свою признательность

Как писала Айви, даже не знаю, с чего начать.

Прежде всего, хотела бы поблагодарить маму за те истории, которые она придумывала для меня и моей младшей сестры Клодии, чтобы рассказывать перед сном. Почти всегда посреди рассказа она сама засыпала, так как была усталой работающей матерью, а затем, к нашему веселому удивлению, вдруг резко просыпалась и начинала рассказывать что-то совершенно другое. Теперь, как никогда прежде, я стала особенно ценить эти воспоминания. Хочу также сказать спасибо мистеру Томасу из начальной школы Святого Лаврентия, который привил мне раннюю любовь к книгам, читая нам в классе по главе из «Мальчика» Роальда Даля по утрам каждый понедельник.

Благодарю своего мужа Стива, с кем одним судьбоносным вечером я поделилась замыслом будущего романа. Здесь мы включим быструю перемотку вперед на несколько лет (за это время я родила двоих детей, мы завели собаку и дважды переезжали), и вот я уже кричу в телефонную трубку, что мне предложили договор на две книги. Спасибо тебе за непоколебимую веру в меня, за то, что на выходные забирал с собой детей и давал мне возможность писать, за нескончаемые обсуждения сюжетных линий, за умение заставить меня сосредоточиться, а потом расслабиться после окончания очередного черновика. Без тебя я бы не справилась, мой милый, милый, милый. Я тебя люблю.

Огромное спасибо Хелен Корнер-Брайант из литературного агентства «Корнерстоунз», разглядевшей скрытый потенциал в моих первых пробах пера и познакомившей меня с блистательным Бенджамином Эвансом. Спасибо и тебе, Бен, за столь скрупулезное отношение к моему роману и приложенные невероятные усилия, чтобы научить меня тонкостям писательского труда. Я не менее признательна прелестной Сьюзан Линдфорс, проведшей много дней за перепиской черновой рукописи в надежде, что роман привлечет внимание одного из агентов. Так и вышло. Я, можно сказать, «сорвала банк», когда за меня взялась Кейт Баркер, работая совместно со мной над текстом целый год, без всяких гарантий публикации. Кейт, в день нашего знакомства ты изменила всю мою жизнь, стала моей яростной защитницей и настоящим другом – прими благодарность за это.

Спасибо Шериз Хоббз из издательства «Хедлайн» за то, что мне не

пришлось ждать слишком долго, за то, что ты проявила не только вдумчивую осторожность, но и стремление к достижению наилучшего результата – более талантливого редактора представить себе невозможно. В числе сотрудников «Хедлайна» я не могу не поблагодарить также Джорджину Мур, Эмили Гоуэрс, Феба Суинберна, Вивиан Бассет и Хелену Форакр. Работая над таким количеством других книг одновременно, вы неизменно внушали мне ощущение, что моему роману вы уделяете особенно много времени.

Отдельное спасибо Каролайн Янг за красивую обложку.

Спасибо Полли Хардинг за проявленное понимание и Софи Корниш за уроки истинного терпения, как и за то, что проводила меня буквально за руку через все испытания. Клодии Винченци я благодарна за всемерную поддержку и чувство юмора, заставлявшее меня смеяться до икоты. Моя признательность дорогим родственникам Майку Хардингу, Саймону Корнишу и Стюарту Грини – именно они вновь собрали вместе всех членов нашей семьи, – а Пенни и Полу Винченци за демонстрацию, как проявить подлинную храбрость.

Спасибо Клэр Квай, Софи Эрншоу, Софи Ламонд и Лори Баттен за то, что дали мне всю терапию, которая мне когда-либо могла понадобиться, а также Клоде Хиггинсон/Бриджет за помощь в понимании работы репортера, как и за любовь ко мне такой, какая я есть. Благодарю Сью Керри, проявившую себя прекрасно в подготовительных исследованиях, за заботу о детях и за рассказы о своем опыте службы в полиции Сассекса.

Я выражаю свою признательность Крису Сирлу и Кимере Клайминг за обеспечение технической стороны процесса создания книги. Спасибо Ребекке Кутс за спокойствие во время бесчисленных бурь в моем стакане воды и за восторженные крики на игровой площадке, когда она узнала, что мне удалось продать свою рукопись. Спасибо Эзре Эрдему и Эмили Кос за неоценимую помощь в присмотре за моими детьми, и милой Лоре Моррис за все прогулки с Мерлином. Благодарю Рейчел Майлс, Кейт Осбалдестон, Софи Корниш, Стива Ганниса и Онор Корниш за прочтение первых черновиков и за крайне полезные для меня советы. Спасибо тебе, Николь Хилинг, за умелое общение со средствами массовой информации и за дружбу со мной.

И, наконец, не могу не упомянуть Грейс и Элеонору за то, что так прекрасно описал одной строкой Дж. Дж. Баллард: «Детская коляска в прихожей – ни с чем не сравнимый источник мотивации». Мою любовь к вам не выразить простыми словами. Вы мои родные, моя жизнь, мое вдохновение.

notes

Примечания

1

Распространенное английское сокращение в эсэмэс, чатах и письмах, означающее «поцелуй». – Здесь и далее: *примеч. пер*.

2

От *англ*. The Roof Gardens («Сады на крыше») – фешенебельный жилой дом в одном из самых престижных районов Лондона.

3

Фамилия Кэннон происходит от английского слова cannon («пушка»).

4

Гретна-Грин – городок в Шотландии, глухое захолустье.

5

Мик Ха́кнелл – британский певец и автор песен в стиле поп и соул.

6

Эл, несмотря на некоторое расхождение с русским звучанием, – это сокращение от имени Алистер, как Сэм – от имени Саманта.

7

Кокни – просторечный акцент английского языка, традиционно с XIX века свойственный представителям низших слоев общества Северного Лондона, но позже получивший более широкое распространение.

8

Боулдеринг – разновидность скалолазания, когда относительно невысокая скала (сейчас часто искусственная в закрытых помещениях) преодолевается на скорость подъема.

9

Стихотворная эпитафия, написанная простой американской домохозяйкой Мэри Фрай в 1932 г. Перевод И. Моничева.

10

Хаш-кейк – англ. hash cake – пирожные, в которые для «веселящего» эффекта добавляют гашиш.

11

«*Кислота*» – *англ*. acid – жаргонное название ЛСД.

12

Строка из некогда популярной в Англии «Песни моряка».

13

Строфа из детской песенки-считалки (перевод И. Моничева).

14

Здесь и ниже приводятся названия лекарств, являющихся плодом вымысла автора.

15

Популярная джазовая композиция, которую в разное время исполняли такие знаменитости, как Луи Армстронг и Элла Фитцджеральд.

16

Специально созданный кровеносный сосуд, обеспечивающий эффективность гемодиализа.

17

Работные дома в Англии изначально создавались как благотворительные учреждения для обеспечения работой нищих и обездоленных, но очень быстро превратились в настоящие каторжные тюрьмы, славившиеся жестоким обращением с заключенными. Последний такой дом закрылся в начале XX века.